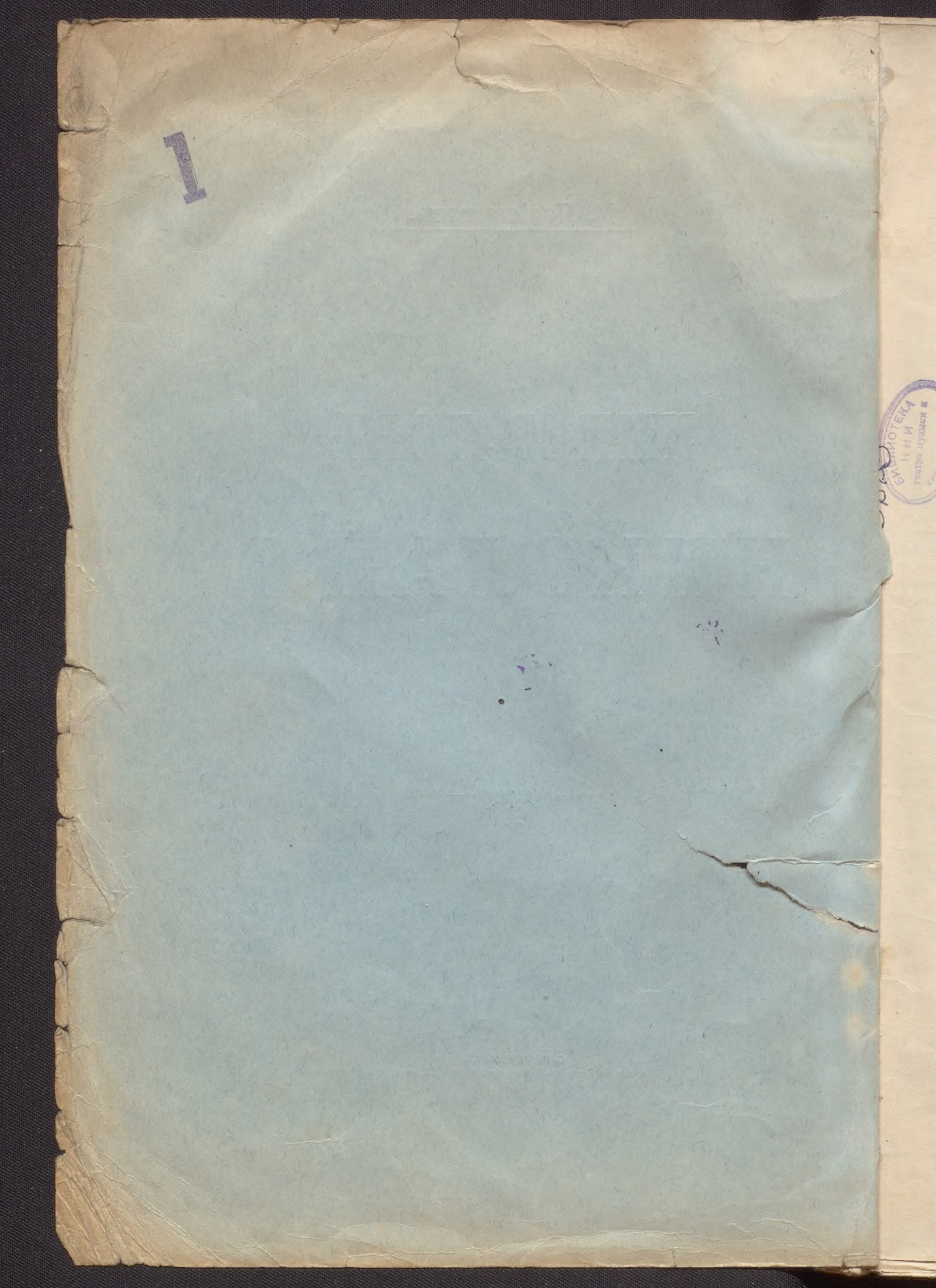
М. Поліевктовъ.

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

Глубокоуважаемому

Сергею Константиновичу

Буличу

автор

1914 28/IX

М. Поліевктовъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

Оттискъ изъ Русскаго Біографическаго Словаря, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

Николай I Павловичъ, императоръ всероссійскій, третій сынъ императора Павла Петровича и его второй супруги, Маріи Θеодоровны; родился 25 іюня 1796 г. въ Царскомъ Селѣ, вступилъ на престолъ 19 ноября, воцарился 14 декабря 1825 г., короновался въ Москвѣ 22 августа 1826 г. и въ Варшавѣ 12 мая 1829 г.; скончался 18 февраля и погребенъ 5 марта 1856 г. въ С.-Петербургѣ. Въ бракѣ (20 іюня 1817 г.) съ дочерью прусскаго короля Фридриха - Вильгельма III, Шарлоттою - Фридерикою - Луизою - Вильгельминою (въ православіи Александра Θеодоровна, род. 1 іюля 1798 г., сконч. 20 октября 1860 г.). Ихъ дѣти: сыновья: Александръ (императоръ Александръ II Николаевичъ), р. 17 апр. 1818 г., вступилъ на престолъ 19 февр. 1855 г., сконч. 1 марта 1881 г.; въ бракѣ (16 апр. 1841 г.) съ дочерью герц. Гессенъ-Дармштадтскаго, Маріею Александровною; Константинъ, р. 9 сент. 1827 г., сконч. 13 янв. 1892 г.; въ бракѣ (1848 г.) съ дочерью герц. Саксенъ-Альтенбургскаго, Александрою Іосифовною; Николай, р. 27 іюля 1831 г., сконч. 13 сент. 1891 г.; въ бракѣ (1856 г.) съ дочерью герц. Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Александрою Петровною; Михаилъ, р. 13 окт. 1832 г., сконч. 5 дек. 1909 г.; въ бракѣ (1857 г.) съ дочерью герцог. Леопольда Баденскаго, Ольгою Θеодоровною. — Дочери: Марія, род. 6 авг. 1819 г., сконч. 9 февр. 1876 г.; въ бракѣ (1839 г.) съ герц. Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ; Ольга, р. 30 авг. 1822 г., сконч. 18 окт. 1892 г.; въ бракѣ (1846) съ наслѣднымъ принцемъ (позднѣе король) Карломъ Виртембергскимъ; Александра, род. 12 іюля 1825 г., сконч. 29 іюля 1844 г.; въ бракѣ (1844 г.) съ Фридрихомъ - Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ.

Дѣтство и годы ученія (1796—1814).

Николай Павловичъ былъ послѣдній изъ дѣтей цесаревича Павла Петровича, родившихся при жизни императрицы Екатерины II. Обыкновенно лично присутствовавшая при рожденіи своихъ вну-

ковъ, императрица на этотъ разъ прибыла въ покои великой княгини въ большомъ царскосельскомъ дворцѣ, когда эта послѣдняя разрѣшилась уже отъ бремени. Императрица Екатерина, какъ извѣстно, всецѣло руководила воспитаніемъ старшихъ сыновей своего сына, Александра и Константина Павловичей, совершенно отдаливъ отъ нихъ ихъ родителей. Первое время послѣ своего рожденія Николай Павловичъ точно также былъ оставленъ на попеченіи самой императрицы; но уже 6 ноября 1796 г. Екатерина скончалась, и заботы о его воспитаніи перешли непосредственно къ его родителямъ. Послѣ кончины императора Павла императрица Марія Өеодоровна передала воспитаніе своихъ младшихъ сыновей, Николая и родившагося въ 1798 г. Михаила, въ руки вступившаго на престолъ своего старшаго сына. Императоръ Александръ Павловичъ, однако, подтвердивъ тѣ распоряженія, которыя были сдѣланы на этотъ счетъ его покойнымъ отцомъ, почти совершенно не вмѣшивался въ это дѣло, и фактически заботы о воспитаніи младшихъ великихъ князей по прежнему сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ рукахъ императрицы-матери. Съ самаго рожденія Николай Павловичъ поражалъ своимъ большимъ ростомъ (14 верш.) и прекраснымъ здоровьемъ. 6-го іюля 1796 г. состоялся обрядъ крещенія; воспріемниками были великій князь Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна, заступавшая у купели мѣсто императрицы Екатерины. Обрядъ крещенія совершалъ духовникъ императрицы протоіерей Савва Исаевъ. 7 ноября т. г. Николай Павловичъ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, и первому баталіону этаго полка присвоено было его имя. Въ этотъ же день былъ назначенъ штатъ новорожденнаго великаго князя, который постепенно составился изъ слѣдующихъ лицъ: статсъ-дама Шарлотта Карловна Ливенъ, три дамы гувернантки—Юлія Өеодоровна Адлербергъ, Екат. Синицына и Екат. Панаева; няня англичанка Евгенія Васильевна Лайонъ, кормилица — красносельская крестьянка Евфросинія Ершова, двѣ камеръ-юнгферы Ольга Никитина и Аграфена Черкасова, двѣ камеръ-медхенъ Пелагея Винокурова и Марія Перьмякова и два камердинера Андрей Валуевъ и Борисъ Томасонъ. Кромѣ того, при великомъ князѣ состояли лейбъ-медикъ докторъ Бекъ, аптекарь Гаеманъ и зубной врачъ Эбелингъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ на воспитаніе Николая Павловича оказала большое вліяніе его няня. Шотландская уроженка миссъ Лайонъ (Jane Lyon, впослѣдствіи въ замужествѣ Вячеслова) была приглашена самою императрицею. Прямая и рѣшительная, иногда бравшая на себя смѣлость итти вразрѣзъ съ данными ей предписаніями, миссъ Лайонъ имѣла сильное вліяніе на развитіе характера своего питомца. До приглашенія ея къ великому князю миссъ Лайонъ служила у Чичериныхъ. Съ ними ей пришлось быть въ 1794 г. въ Варшавѣ во время вспыхнувшаго тамъ возмущенія противъ русскихъ. Николай Павловичъ часто слышалъ отъ миссъ Лайонъ о пережитыхъ ею въ это время страшныхъ сценахъ и унаслѣдовалъ отъ нея на всю жизнь неприязненное чувство къ полякамъ и евреямъ. Статсъ-дама Ш. К. Ливенъ (урожденная баронесса Гаугребенъ) была точно также приглашена императрицею Екатериною. Она сумѣла, однако, снискать расположеніе великой княгини Маріи Өеодоровны и скоро стала ея личнымъ другомъ, что въ данномъ случаѣ имѣло не малое значеніе въ виду тѣхъ натянутыхъ отношеній, которыя существовали между императрицею и великокняжской четой. Къ этому и сводилось, главнымъ образомъ, значеніе Ливенъ въ воспитаніи Николая Павловича. Личное вліяніе ея на него, повидимому, сказалось мало. Изъ гувернантокъ Николая Павловича надо отмѣтить Ю. Ө. Адлербергъ (урожденную Багговутъ). Она была назначена уже послѣ смерти императрицы Екатерины, въ 1797 г., по рекомендаціи довѣреннаго секретаря императора Павла, барона Николаи. Адлербергъ оставалась въ должности гувернантки великихъ князей Николая и Михаила Павловичей до 1802 г., когда была назначена начальницею Смольнаго Института. Ея сынъ, графъ Владиміръ Өедоровичъ, скоро сталъ товарищемъ дѣтства великаго князя.

Съ 1800 г. воспитаніе Николая Павловича перешло въ мужскія руки. Есть извѣстіе, что первоначально заходила рѣчь о назначеніи его воспитателемъ гр. Сем. Ром. Воронцова, бывшаго въ то время посланникомъ въ Англіи; но императоръ Павелъ почувствовалъ въ это время недовѣріе къ Воронцову, какъ стороннику союза съ

Англіей. Выборъ императора палъ на генерала Матвѣя Ивановича Ламздорфа, незадолго до этого назначеннаго директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса (нынѣшній первый). По общему отзыву, Ламздорфъ, не выдаваясь широкимъ образованіемъ, не отличался и педагогическими способностями, обращался съ своимъ воспитанникомъ не только сурово, но и жестоко и ставилъ своею главною цѣлью переломить его на свой ладъ, что далеко не всегда достигало желательныхъ результатовъ. Одновременно съ назначеніемъ Ламздорфа къ великому князю были приставлены «кавалерами»: генералъ-маіоръ Ник. Исаевичъ Ахвердовъ и полковники Пав. Ив. Арсеньевъ и Пав. Пет. Ушаковъ, вносившіе въ воспитаніе болѣе кроткія мѣры и имѣвшіе (особенно Ахвердовъ) больше вліянія на своего воспитанника. Съ 1805 г. штатъ кавалеровъ былъ увеличенъ до шести, и вновь назначены были дѣйствительный статскій совѣтникъ Пав. Гр. Дивовъ, коллежскій совѣтникъ Вольфъ и маіоръ Ал. Павл. Алединскій; въ 1808 г. былъ прибавленъ седьмой, статскій совѣтникъ Ив. Ѳед. Саврасовъ, а въ 1811 г. и восьмой—колежскій совѣтникъ Григ. Андр. Глинка. Тѣ лица, въ чьихъ рукахъ сосредоточивалось воспитаніе Николая Павловича, были отчасти и его первыми учителями. Такъ, первымъ молитвамъ (по-русски) его обучила миссъ Лайонъ; только съ 1803 г. уроки Закона Божьяго сталъ давать ему его духовникъ Павелъ Криницкій. Русскимъ языкомъ занимался съ великимъ княземъ очередной кавалеръ. Ахвердовъ давалъ, кромѣ того, уроки русской исторіи и географіи, а съ 1804 г. обучалъ ариѳметикѣ и сообщалъ первыя свѣдѣнія по артилерійскому и инженерному искусству. Первые уроки французскаго языка давала сама императрица Марія Ѳеодоровна; въ 1802 г. на эти уроки былъ приглашенъ дю-Пюже (du Puget), преподававшій точно также всеобщую исторію и всеобщую географію, а также и чистописаніе. Нѣмецкому языку обучалъ Ѳед. Павл. Аделунгъ, извѣстный историкъ и археологъ. Алгебру, геометрію, инженерное искусство и физику преподавалъ профессоръ и академикъ Лог. Ю. Крафтъ. Уроки музыки, которую вначалѣ очень не любилъ Николай Павловичъ, давалъ съ 1804 г. Тепперъ. Рисованіе, любимое искусство Николая Павловича, преподавалъ сначала (съ 1804 г.) проф. Акимовъ, а съ 1810 г. проф. Шебуевъ. Танцамъ обучали Лепикъ и Юаръ (Huard), верховой ѣздѣ—берейторъ Эггеръ и фехтованію (съ 1809 г.)—Сивербрюкъ.

Съ 1809 г. возникаетъ мысль замѣнить первоначальное преподаваніе болѣе серьезнымъ систематическимъ курсомъ, который приближался бы къ университетскому типу. Помимо общихъ соображеній, здѣсь играло роль стремленіе императрицы Маріи Ѳеодоровны ослабить чрезмѣрное увлеченіе играми военнаго характера и вообще военными занятіями, естественно развившееся въ младшихъ великихъ князьяхъ въ условіяхъ тогдашней придворной жизни, и оживить въ нихъ мало развитой интересъ къ наукамъ. Одно время предполагалось даже отправить великихъ князей Николай и Михаила Павловичей слушать лекціи въ лейпцигскій университетъ, но эта мысль не встрѣтила сочувствія у императора Александра Павловича. Взамѣнъ этого онъ находилъ возможнымъ, чтобы его младшіе братья посѣщали лекціи въ учреждавшемся въ то время царскосельскомъ лицеѣ. Послѣдовавшія, однако, вскорѣ за этимъ событія 1812 г., и этому послужили помѣхой. Все ограничилось лишь тѣмъ, что занятія великаго князя какъ въ классахъ, такъ и во внѣклассное время, приняли болѣе систематическій характеръ, были начаты высшія науки, и сверхъ лицъ, уже преподававшихъ, было приглашено нѣсколько профессоровъ. Еще съ конца 1808 г. проф. Крафтъ началъ свой курсъ высшей математики и опытной и теоретической физики, куда были включены также свѣдѣнія по механикѣ, технологіи, фортификаціи и артиллеріи. Въ 1813 г. въ помощники ему, главнымъ образомъ по производству опытовъ, былъ приглашенъ проф. Ив. Ник. Вольгемутъ. Съ конца 1809 г., по мысли Крафта, рѣшено было выдѣлить и поставить болѣе систематично преподаваніе военныхъ наукъ, для чего былъ приглашенъ инженерный генералъ Карлъ Ив. Опперманъ, предложившій въ свои помощники полковника артиллеріи Андр. Ив. Марковича и полковника-лейтенанта Джанотти. Организаціей преподаванія военныхъ наукъ заинтересовался самъ государь Александръ Павловичъ—почти единственный случай его вмѣшательства въ воспитаніе его младшихъ братьевъ. Военно-инженерное искус-

ство стало съ того времени любимымъ занятіемъ Николая Павловича, и въ немъ онъ всегда выказывалъ выдающіяся познанія.

Съ 1809 г. началъ свои лекціи по логикѣ и морали Аделунгъ. Съ 1810 г.—курсъ политическихъ наукъ проф. Андр. Карл. Шторхъ. Этотъ курсъ подраздѣлялся на общежительную науку, куда входили философія исторіи, государственное и народное право и политическая экономія и правительственную науку, обнимавшую теорію правительственныхъ формъ и политику, куда входило ученіе о законодательствѣ, администраціи, судѣ, полиціи, военномъ управленіи, государственномъ хозяйствѣ, народномъ просвѣщеніи и духовномъ управленіи. Къ 1813 г. Николаю Павловичу читали: естественное право проф. Вас. Григ. Кукольникъ, а энциклопедію и исторію права проф. Мих. Андр. Балугьянскій. Позднѣе Николай Павловичъ, отдавая должное учености всѣхъ этихъ лицъ, отзывался о ихъ лекціяхъ, какъ о черезъ-чуръ отвлеченныхъ и сухихъ. Съ этого же времени Аделунгъ началъ свои занятія съ великимъ княземъ греческимъ и латинскимъ языками. Съ іюня 1813 г. Николай Павловичъ началъ брать у Сѳджера уроки англійскаго языка, входившаго въ то время, послѣ сверженія Наполеона, въ моду: у императрицы Маріи Ѳеодоровны было даже намѣреніе послать великаго князя въ Англію. Къ этому времени Николаю Павловичу минуло уже 17 лѣтъ, и его обученіе должно было бы закончиться. Императрица Марія Ѳеодоровна не прочь была его нѣсколько продолжить; современныя политическія событія, однако, съ этого времени все болѣе и болѣе начинаютъ нарушать правильный ходъ занятій. Занятія почти совершенно прерываются въ 1814 и въ началѣ 1815 г. Съ 1815 и въ теченіе 1816 читались лишь нѣкоторые курсы. Въ это время проф. Балугьянскій читалъ великому князю науку о финансахъ. Ахвердовъ проходилъ съ нимъ русскую исторію эпохи Іоанна Грознаго и Смуты. Продолжались также занятія военными науками: съ Маркевичемъ — переводами военныхъ сочиненій; съ Джанотти—чтеніемъ сочиненій Жиро и Ллойда о разныхъ кампаніяхъ (между прочимъ 1814 и 1815 гг.), разборомъ проекта «объ изгнаніи турокъ изъ Европы при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ». Въ началѣ 1815 г. Николай Павловичъ давалъ отчетъ Опперману о составленномъ имъ «трактатѣ о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши».

Сохранилось довольно много достовѣрныхъ извѣстій, подробно рисующихъ ту обстановку, въ какой протекали дѣтскіе и юношескіе годы Николая Павловича, тѣ отношенія, какія были у него къ его окружающимъ, а также его собственный характеръ, какимъ онъ постепенно сложился, его вкусы и наклонности. Его воспитаніе протекало всецѣло въ тѣсномъ домашнемъ кругу царскаго семейства и въ обстановкѣ гатчинской придворной жизни со всѣми тѣми характерными особенностями, какія эта жизнь приняла при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Отсюда то непріязненное отношеніе къ бабкѣ, императрицѣ Екатеринѣ II, которое Николай Павловичъ унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей, и которое сохранилось у него до конца его жизни. Руководившая воспитаніемъ своихъ младшихъ сыновей, императрица Марія Ѳеодоровна подчиняла это воспитаніе, особенно вначалѣ, строгому этикету и была со своими дѣтьми довольно холодна и суха. Въ дѣтствѣ великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи и младшія великія княжны лишь въ теченіе немногихъ часовъ въ день видали своихъ родителей. Въ отношеніяхъ къ матери у Николая Павловича долго преобладало чувство учтивости, лишь позднѣе уступившее мѣсто болѣе теплому чувству. Напротивъ, самъ императоръ Павелъ Петровичъ проявлялъ къ своимъ младшимъ дѣтямъ гораздо болѣе сердечныя и теплыя чувства и влагалъ въ свои отношенія къ нимъ и къ ихъ воспитателямъ гораздо больше непринужденности. Николай Павловичъ особенно пользовался его любовью и самъ, въ свою очередь, былъ очень привязанъ къ своему отцу. Строгостью этикета объясняется и то, что у Николая Павловича въ его дѣтствѣ было сравнительно мало товарищей въ его играхъ и занятіяхъ. Посторонніе дѣти въ обществѣ великихъ князей появляются лишь съ 1802 г. Кромѣ упомянутаго уже гр. В. Ѳ. Адлерберга, это были: принцъ Адамъ Виртембергскій, бар. Фитингофъ (внукъ Ш. К. Ливенъ) братья гр. Завадовскіе, гр. Апраксины, двое сыновей «кавалера» Ушакова, племянники Ахвердова и сынъ

находившейся при великомъ князѣ дамы Панаевой. Къ 1805 г. императрица Марія Ѳеодоровна, находя, что это общество развиваетъ въ великомъ князѣ недостаточно внимательное отношеніе къ наукамъ, сочла за благо постепенно удалить отъ своихъ дѣтей ихъ товарищей, и вскорѣ большинство этихъ послѣднихъ было устроено въ военно-учебныя заведенія. Разница въ лѣтахъ между Николаемъ Павловичемъ и его старшими братьями и сестрами была слишкомъ велика для того, чтобы въ юномъ возрастѣ у него могла установиться съ ними настоящая близость. Все дѣтство Николая Павловича протекало исключительно въ обществѣ его младшаго брата Михаила Павловича и ихъ младшей сестры Анны Павловны, съ которыми у него на всю жизнь были искреннія дружескія отношенія.

Въ характерѣ Николая Павловича съ дѣтства замѣчалось сочетаніе сердечности и прямоты съ жестокостью и угловатостью. Онъ былъ ласковъ и внимателенъ къ окружающимъ, но проявлялъ въ то же время иногда излишнюю рѣзкость. Совершенно чуждый жестокости, онъ могъ быть подчасъ довольно грубымъ. Вспыльчивый и стремительный, онъ обладалъ и большой долей настойчивости, но не всегда умѣлъ быть достаточно сосредоточеннымъ, что отражалось въ извѣстной степени на его занятіяхъ. Шумный въ забавахъ и играхъ, онъ обыкновенно былъ серьезенъ и задумчивъ, и только порою, по отзывамъ его воспитателей, на него находили періоды неудержимой веселости. Отмѣчаютъ, кромѣ того, его излишнюю робость и застѣнчивость, а также повидимому, чисто нервную трусливость, проявлявшуюся, однако, крайне неровно. Такъ въ дѣтствѣ онъ очень боялся грозы и фейерверковъ и долго не могъ побороть страха, слыша выстрѣлы. Напротивъ, съ самаго начала онъ не обнаружилъ ни малѣйшей боязни ѣздить верхомъ и съ дѣтства смѣло садился на лошадь. Изъ игръ великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи любили почти исключительно военныя, начиная ихъ чуть ли не съ постели. Въ то же время Николай Павловичъ очень любилъ шахматы. Онъ любилъ рисовать, рисовалъ хорошо и занимался даже гравированіемъ. Музыку въ дѣтствѣ и юношескіе годы Николай Павловичъ, по его собственному признанію, совершенно не любилъ. Любовь къ этому искусству развилась въ немъ лишь значительно позднѣе. Но онъ всегда любилъ хорошее церковное пѣніе; самъ пѣлъ иногда съ пѣвчими и много занимался придворнымъ хоромъ. Въ своихъ учебныхъ занятіяхъ онъ предпочиталъ, повидимому, науки точныя и практическія, мало проявляя склонности къ отвлеченнымъ и умозрительнымъ дисциплинамъ. Чистая математика и юридическія науки въ одинаковой степени не пользовались его симпатіями. Зато прикладная физика и механика возбуждали въ немъ большой интересъ. Особенно онъ любилъ инженерное искусство, зналъ его хорошо и позднѣе любилъ говаривать про себя: «мы, инженеры»... Вообще какъ въ дѣтствѣ военныя игры, такъ въ юношескомъ возрастѣ военныя занятія дѣлались все болѣе и болѣе предметомъ его увлеченія. Къ гражданскимъ наукамъ онъ чувствовалъ всего менѣе склонности. Это постоянно озабочивало его воспитателей и прежде всего императрицу-мать, всячески старавшуюся отвлечь своихъ младшихъ сыновей отъ исключительнаго пристрастія къ военному дѣлу, и всегда поэтому неохотно соглашавшуюся на долгое пребываніе великихъ князей въ военной средѣ. Въ 1810 г. Николаю Павловичу было даже предложено его воспитателями написать сочиненіе на тему «доказать, что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другія занятія для него столько же почтенны и полезны». Великій князь не написалъ ничего, и дѣло кончилось тѣмъ, что Ахвердовъ самъ долженъ былъ продиктовать Николаю Павловичу все сочиненіе.

Юность и женитьба (1814—1817).

Одною изъ главныхъ причинъ, нарушавшихъ правильный ходъ занятій Николая Павловича, начиная съ 1814 г., помимо участія въ различныхъ придворныхъ торжествахъ, пріемахъ и т. п., были частыя и долговременныя отлучки и поѣздки за-границу и по Россіи, которыя онъ совершалъ до женитьбы въ 1817 г. Съ 1814 г. по 1817 г. великій князь трижды побывалъ за-границей: въ 1814, 1815 и въ 1816—17 гг. Двѣ первыя его поѣздки стояли въ связи съ военными дѣйствіями того времени. Въ третью поѣздку онъ посѣтилъ Англію. Между второй и третьей

поѣздкой, лѣтомъ 1816 г., онъ совершилъ большое путешествіе по Россіи.

Когда возгорѣлась Отечественная война, Николай Павловичъ сильно порывался на театръ военныхъ дѣйствій, но его желаніе встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны государя и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Только въ 1814 г. младшіе великіе князья получили разрѣшеніе отправиться въ армію. Передъ ихъ отъѣздомъ императрица Марія Ѳеодоровна напутствовала ихъ пространнымъ письмомъ (отъ 5 февраля 1814 г.), какъ руководствомъ на первыхъ шагахъ ихъ самостоятельной жизни. Указывая, что всѣ ихъ слова и поступки будутъ строго, но справедливо судимы («car l'opinion de l'armée est presque toujours impartiale et elle fixera sur Vous celle de Votre patrie»), она рекомендовала имъ слѣдовать во всемъ совѣтамъ сопровождавшаго ихъ ген. Ламздорфа и довѣряться во всемъ ихъ старшему брату-императору. Упомянувъ о томъ, что имъ будетъ назначенъ особый руководитель по военной части, она совѣтовала имъ остерегаться чрезмѣрнаго увлеченія военными мелочами («bagatelles militaires»), Далѣе слѣдовалъ рядъ общихъ совѣтовъ, заканчивавшихся пожеланіемъ «итти и вернуться съ Богомъ» («allez avec Dieu et revenez avec Dieu»). Великіе князья выѣхали изъ Петербурга 5 февраля 1814 г. въ сопровожденіи ген. Ламздорфа, кавалеровъ Саврасова, Алединскаго и Арсеньева, полковника Джанотти и доктора Рюля. Ихъ путь шелъ черезъ Веймаръ, гдѣ они посѣтили свою сестру, великую княгиню Марію Павловну, бывшую замужемъ за Карломъ-Фридрихомъ, наслѣднымъ принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ. Дальнѣйшій ихъ путь замедлился изъ-за распутицы, и императоръ Александръ, начавшій въ это время движеніе на Парижъ, распорядился, чтобы великіе князья ждали его дальнѣйшихъ повелѣній въ Базелѣ. Это приказаніе было передано имъ черезъ Пет. Андр. Клейнмихеля (въ то время капитана Преображенскаго полка), съ которымъ тутъ впервые познакомился Николай Павловичъ. Въ то же время руководителемъ по военной части къ великимъ князьямъ былъ назначенъ по выбору государя, одобренному императрицей Маріей Ѳеодоровной, ген.-адъют. Пет. Пет. Коновницынъ. По дорогѣ въ Базель великіе князья посѣтили въ Брухзалѣ императрицу Елизавету Алексѣевну, гостившую тамъ въ то время у своей матери. Только 16 мая, уже послѣ вступленія арміи, покинувъ Базель, они поѣхали въ Парижъ и оставались здѣсь до начала іюня. Они осматривали различныя учрежденія, преимущественно военныя: домъ инвалидовъ, казармы, политехническую школу и т. п. Здѣсь Николай Павловичъ познакомился съ герцогомъ Орлеанскимъ, впослѣдствіи королемъ Людовикомъ-Филиппомъ, и, какъ есть извѣстіе, съ госпожей де Сталь. Здѣсь же онъ познакомился и съ другимъ лицомъ, впослѣдствіи ставшимъ однимъ изъ его наиболѣе довѣренныхъ сотрудниковъ, съ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи ген.-лейт. Ив. Ѳед. Паскевичемъ. Съ перваго же знакомства Паскевичъ сталъ часто бывать въ Парижѣ у Николая Павловича, разбиралъ съ нимъ съ теоретической точки зрѣнія битвы 1812, 1813 и 1814 гг. и сумѣлъ завоевать искреннее расположеніе и довѣріе великаго князя. Предполагалось, что великіе князья посѣтятъ Англію, но это не осуществилось; одною изъ причинъ къ этому было, повидимому, желаніе императрицы матери, чтобы великіе князья скорѣе вернулись домой, къ правильнымъ занятіямъ. Ихъ обратный путь лежалъ черезъ Брюссель, Гаагу, Амстердамъ (отсюда они ѣздили въ Заандамъ) и Берлинъ. Здѣсь Николай Павловичъ имѣлъ возможность впервые познакомиться съ своей будущею супругой, прусской принцессою Шарлоттою. Къ концу 1814 г. великіе князья вернулись въ Россію.

Дома они оставались, однако, недолго. Послѣ того какъ Наполеонъ покинулъ Эльбу и начались новыя военныя дѣйствія, императоръ Александръ позволилъ своимъ младшимъ братьямъ снова отправиться въ армію. Императрица Марія Ѳеодоровна снова напутствовала своихъ сыновей письмомъ 12 мая 1815 г., въ которомъ наряду съ общими совѣтами обогащать свой умъ знаніями и т. п., попрежнему было сдѣлано увѣщаніе—не увлекаться военнымъ режимомъ. «J'espére, mes chers enfants,—писала она, que le regime militaire que vous aurez sous vos yeux, ne vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni imperieux; il deplait chez tous le monde, mais il est insupportable dans des personnes de Votre naissance, qui même dans le moment ou elles sont dans le cas de réprimer une erreur ou une faute ne doivent employer que celui de fermeté,

qui réprime infiniment mieux, que la vivacité et l'emportement». Одновременно съ этимъ она обращалась съ письмомъ (отъ 11 мая) къ ген.-ад. Коновницыну, которому поручено было на этотъ разъ всецѣло руководить великими князьями во время ихъ пребыванія за границей. Николай и Михаилъ Павловичи покинули Петербургъ 13 мая въ сопровожденіи ген. Ламздорфа, кавалеровъ Саврасова, Алединскаго и Ушакова и доктора Рюля. Ихъ путь шелъ на этотъ разъ на Берлинъ и Гейдельбергъ, гдѣ въ то время находилась русская главная квартира. Здѣсь ген. Ламздорфъ ихъ покинулъ, передавъ на попеченіе Коновницыну. Съ нимъ, въ теченіе всего дальнѣйшаго пребыванія великихъ князей за границей, императрица Марія Ѳеодоровна находилась въ постоянной перепискѣ, давая всевозможнаго рода указанія и высказывая различныя свои опасенія. Великіе князья сопутствовали государя во время его похода на Парижъ и прибыли туда на другой день послѣ него, 29 іюня 1816 г. Это второе пребываніе Николая Павловича въ Парижѣ, повидимому, имѣло нѣкоторое значеніе по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія ему приходилось здѣсь переживать. Впервые великіе князья приняли личное участіе въ происходившихъ здѣсь постоянно смотрахъ и парадахъ. На смотру 29 августа въ Вертю Николай Павловичъ впервые командовалъ 2-й бригадой 3-й гренадерской дивизіи и велъ Фанагорійскій полкъ. Съ другой стороны, есть извѣстіе, что императоръ Александръ ознакомилъ его съ текстомъ задуманнаго имъ Священнаго союза, сказавъ будто бы ему при этомъ: «Помните, что съ сегодняшняго дня Вы примкнули къ нему. Мнѣ хотѣлось бы думать, что со временемъ Вы въ свою очередь будете его твердой опорой». Въ то же время окружающимъ бросалось въ глаза, какъ великіе князья, въ противоположность государю, «восхищаются всѣмъ тѣмъ, что есть русское», гордятся памятью 12-го года и тяготятся постояннымъ присутствіемъ около государя иностранцевъ.

20-го сентября великіе князья покинули Парижъ, направившись на этотъ разъ на Дижонъ. Ихъ дальнѣйшій путь шелъ на Баденъ, гдѣ они посѣтили императрицу Елизавету Алексѣевну, Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ произошла встрѣча съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и великою княгинею Екатериною Павловною, бывшую замужемъ за Вильгельмомъ I, королемъ виртембергскимъ, и на Веймаръ. Отсюда черезъ Лейпцигъ они двинулись въ Берлинъ, куда и прибыли 10 октября. У Николая Павловича къ этому времени устанавливаются дружественныя отношенія съ прусскимъ королевскимъ семействомъ. Еще въ 1809 г., во время пребыванія въ Петербургѣ королевы Луизы, у императрицы Маріи Ѳеодоровны явилась мысль о бракѣ ея сына Николая съ прусскою принцессою Шарлоттою, дочерью короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. Теперь 23 октяря состоялась помолвка Николая Павловича съ принцессою, которую въ своихъ письмахъ, къ сыну Марія Ѳеодоровна давно уже назвала русскимъ именемъ «Alexandrine». Въ январѣ 1816 г. императоръ Александръ и прусскій король обмѣнялись письмами, какъ бы подтверждающими рѣшеніе объ этомъ бракѣ, и въ Берлинъ былъ посланъ протоіерей Ник. Вас. Музовскій ознакомить принцессу съ ученіемъ православной церкви и давать ей уроки русскаго языка. Николай Павловичъ къ этому времени былъ уже въ Россіи. Покинувъ Берлинъ въ самомъ концѣ октября, онъ вмѣстѣ съ братомъ вернулся въ Петербургъ въ ноябрѣ 1815 г.

Разставшись съ великими князьями, ген. Коновницынъ въ свою очередь обратился къ нимъ съ письмомъ (нач. 1816 г.). Въ этомъ письмѣ, среди цѣлаго ряда пунктовъ, особенно характерными являются тѣ, въ которыхъ затрагивается вопросъ о взаимоотношеніи военныхъ и гражданскихъ обязанностей правителя, въ чемъ нельзя не видѣть отголоска современныхъ событій. Въ 6 п. письма Коновницынъ пишетъ: «умѣряйте честолюбивыя желанія, буде бъ они въ васъ вкрались. Они могутъ привести къ желанію пролитія крови вашихъ ближнихъ, за которую никто вознаградить не въ силахъ. Помните непрестанно, что вступать въ войну надобно всегда съ сожалѣніемъ крайнимъ, производить оную какъ возможно короче, и въ единственныхъ видахъ продолжительнаго мира; что и самая обязанность командованія арміями есть и должна быть обязанностью начальственною, временною и даже непріятною для добрыхъ государей. Что блаженство народное не заключается въ браняхъ, а въ положеніи мирномъ; что положеніе мирное доставляетъ счастіе, свободу, изобиліе посредствомъ законовъ, и слѣдовательно, изученіе оныхъ,

наблюденіе за оными есть настоящее, нравственное и неразлучное съ званіемъ вашимъ дѣло. Въ прочихъ же браняхъ, могущихъ касаться до спасенія отечества, славы и независимости его, идите съ твердостью, какъ славный родъ предковъ вашихъ подвизался». Нѣсколькими строками ниже, въ 8 п. авторъ письма отвѣчаетъ на вопросъ, въ чемъ должно заключаться командованіе войсками. «Если придетъ время командовать Вамъ частями войскъ, пишетъ онъ, сколько бы велики онѣ или малы не были, да будетъ первѣйшее Ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ. Старайтесь улучшить положеніе каждаго, не требуйте отъ людей невозможнаго. Доставьте имъ прежде нужный и необходимый покой, а потомъ ужъ требуйте точнаго и строгаго исполненія истинной службы. Крикъ и угрозы только что раздражаютъ, а пользы Вамъ не принесутъ. По службѣ надобно неминуемо людьми запасаться... Слѣдуйте за ними въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Не теряйте ихъ никогда изъ вида. Знайте, что́ они дѣлаютъ, приказывайте имъ отдавать вамъ отчетъ въ ихъ порученіяхъ. Вы увидите ихъ свойство по тому образу, какой они примутъ и дадутъ каждому дѣлу».

Во время своихъ первыхъ двухъ заграничныхъ путешествій Николай Павловичъ, дѣйствительно, по преимуществу сталкивался съ военнымъ міромъ. Теперь, послѣ его возвращенія въ Петербургъ, начались приготовленія къ его путешествію по Россіи, долженствовавшему ознакомить его нѣсколько со страною, которою ему намѣчено уже было со временемъ править. Дополненіемъ къ этому путешествію должна была служить новая намѣченная поѣздка за границу—въ Англію.

Императрица Марія Ѳеодоровна принимала ближайшее участіе въ организаціи обѣихъ этихъ поѣздокъ. По ея порученію была составлена записка, въ которой излагались главнѣйшія черты провинціальнаго управленія Россіи и перечислялось все, что могло встрѣтиться на пути великаго князя интереснаго въ историческомъ, географическомъ, бытовомъ и промышленномъ отношеніи. Ею же самой были составлены двѣ записки (отъ 15-го и 30-го апр. 1816 г.), намѣчавшія маршрутъ, общую программу и главныя частности путешествія. Въ виду назначенія къ этому времени Коновницына военнымъ министромъ возникалъ вопросъ, кто будетъ теперь сопровождать великаго князя. Для путешествія по Россіи намѣчались генералы Н. Н. Раевскій и Илар. Вас. Васильчиковъ и сенаторъ Львовъ, завѣдовавшій въ то время Воспитательнымъ домомъ. Предпочтеніе Императрицы было на сторонѣ Львова, какъ свѣдущаго въ гражданскомъ управленіи, «comme le voyage du G. D. Nicolas, писала она, n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique». Государь предпочиталъ Васильчикова, а въ случаѣ его отказа, предлагалъ, съ своей стороны, ген. Ал-ѣя Андр. Вельяминова или ген. Ник. Ив. Демидова. Ни одно изъ этихъ лицъ назначено не было. Сопровождать великаго князя было поручено ген.-адъют. Пав. Вас. Голенищеву-Кутузову. Изъ кавалеровъ назначены были сопровождать великаго князя Глинка и Саврасовъ.

Первоначально предполагалось, что путь великаго князя пойдетъ черезъ губерніи: Петербургскую, Псковскую, Смоленскую, Калужскую, захвативъ изъ Московской Можайскъ и Верею, Тульскую, Орловскую, Черниговскую, Кіевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую; отсюда черезъ Керчь, Азовъ, Таганрогъ и Область войска Донского на Воронежъ, Моршанскъ, Арзамасъ, Макарьевъ и Нижній-Новгородъ; отъ Нижняго Волгою до Мологи, и отсюда каналами на Вытегру, Петрозаводскъ и Новую Ладогу. Тогда же, однако, возникало сомнѣніе, хватитъ ли на это времени, такъ какъ на все путешествіе предполагалось удѣлить не болѣе 3—3½ мѣсяцевъ. При путешествіи маршрутъ былъ нѣсколько сокращенъ и измѣненъ. Выѣхавъ изъ Петербурга 9-го мая 1816 г., Николай Павловичъ черезъ Лугу, Порховъ и Великіе Луки проѣхалъ на Витебскъ, Смоленскъ, Бобруйскъ и Черниговъ и слѣдовалъ далѣе по намѣченному маршруту, захвативъ по пути изъ Полтавы въ Екатеринославъ Харьковъ, посѣтивъ Елизаветградъ, Николаевъ, Одессу, Херсонъ, Перекопъ, Симферополь и Севастополь и проѣхавъ по южному берегу Крыма до Керчи. Съ Воронежа путь пошелъ на Курскъ, Орелъ и Тулу. Въ Тулѣ великій князь получилъ повелѣніе отправиться въ Клинъ и тамъ дожидаться государя, чтобы сопровождать его въ Москву, куда они и прибыли къ 15-му августа. Въ этотъ день

Николай Павловичъ сопровождалъ государя во время его торжественнаго шествія въ Успенскій соборъ. Къ 27-му августа онъ вернулся въ Петербургъ. Во время путешествія великій князь осматривалъ различныя правительственныя учрежденія — гражданскія и военныя. Во время пути Николай Павловичъ велъ, какъ было намѣчено императрицей Маріей Өеодоровной, два журнала, въ которые заносилъ все, что встрѣчалъ достойнаго вниманія: «Общій журналъ по гражданской и промышленной части» и «Журналъ по военной части». Первый заключаетъ въ себѣ замѣтки, относящіяся ко всему пути; второй—только губерніи С.-Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую, Кіевскую, Херсонскую, Полтавскую и Харьковскую. Въ силу самаго характера путешествія эти замѣтки кратки, отрывочны и заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ тѣ свѣдѣнія, какія великій князь получалъ отъ мѣстной администраціи. Личная наблюдательность великаго князя и его умѣніе обращать вниманіе на практическую сторону дѣла нашли, тѣмъ не менѣе, въ этихъ замѣткахъ свое мѣсто. О «журналѣ по военной части» біографъ Н. П. бар М. Корфъ даетъ слѣдующій отзывъ: «всѣ почти замѣчанія относятся до однѣхъ неважныхъ внѣшностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военнаго устройства, управленія или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ военнаго дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко».

Почти тотчасъ же послѣ своего возвращенія въ Петербургъ Николай Павловичъ отправился вновь за границу. Главною цѣлью заграничной поѣздки на этотъ разъ было посѣщеніе Англіи, «этой достойнѣйшей вниманія страны» (слова императрицы Маріи Өеодоровны). Попутно съ этимъ, ввиду того, что отъ сокращенія маршрута путешествія по Россіи удлинялся срокъ возможнаго пребыванія великаго князя за границей, предполагалось доставить Николаю Павловичу возможность подольше остаться въ Берлинѣ, въ семейномъ кругу его невѣсты Съ великимъ княземъ на этотъ разъ отправлялись ген.-ад. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глинка и докторъ Крейтонъ (Crighton) и кромѣ того, такъ какъ никто изъ названныхъ лицъ Англіи не зналъ, бар. Пав. Андр. Николаи, служившій раньше въ лондонской миссіи при гр. С. Р. Воронцовѣ и хорошо знавшій эту страну. Генералъ Ламздорфъ отправлялся до Берлина, куда долженъ былъ пріѣхать нѣсколько позже Голенищевъ-Кутузовъ. Во всемъ, что касалось этикета и т. п., великій князь долженъ былъ слѣдовать указаніямъ нашего посла въ Лондонѣ гр. Христоф. Андр. Ливена, съ которымъ теперь императрица Марія Өеодоровна, снова принявшая на себѣ всѣ подготовительныя по этому путешествію заботы, вступила въ дѣятельную переписку. Отправляя великаго князя въ Англію съ цѣлью всесторонняго ознакомленія его съ этою страною, видимо, опасались увлеченія съ его стороны своеобразнымъ укладомъ англійской государственной жизни и англійскими государственными учрежденіями. Предохранить Николая Павловича отъ подобнаго рода увлеченій было поручено управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде, которымъ и была составлена для этой цѣли особая записка. Свою записку Нессельроде начинаетъ съ указанія на трудность вообще для всякаго наблюдателя-путешественника разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ въ чужой странѣ и дѣлать на основаніи этихъ впечатлѣній правильные сужденія и выводы. Для принцевъ, и тѣмъ болѣе юныхъ, эта трудность въ силу понятныхъ причинъ лишь значительно увеличивается. Для правильнаго сужденія о бытѣ каждой страны и ея укладѣ надо разсматривать этотъ бытъ и этотъ укладъ въ связи съ мѣстными историческими условіями. Такому разсмотрѣнію и подвергаетъ далѣе Нессельроде англійскія государственныя учрежденія, наиболѣе оригинальное, что есть въ Англіи, и что прежде всего бросается въ глаза путешественнику, посѣщающему эту страну. Его выводъ: англійская конституція такъ своеобразна и такъ тѣсно связана съ историческими условіями страны, что всякая попытка пересадить англійскія учрежденія на другую почву всегда приведетъ лишь къ перенесенію внѣшнихъ формъ, но не духа этихъ учрежденій; мало того, сами основные принципы этой

конституціи, несмотря на то, что они имѣютъ значеніе вѣчныхъ истинъ, поддаются заимствованію лишь путемъ подготовительныхъ мѣръ и будучи зрѣло обдуманы и комбинированы («même les principes, sur lesquelles elle se fonde et qui cependant sont d'une vérité générale, ne sauraint être adoptés sans des mesures préparatoires et mûrement combinées»). Императрица Марія Θеодоровна, вообще хлопотавшая о томъ, чтобы у великаго князя поменьше уходило времени на оффиціальные пріемы и торжества, желала чтобы путешествіе совершалось инкогнито. Государь былъ противъ этого; лишь въ исключительныхъ случаяхъ Николаю Павловичу разрѣшено было именоваться графомъ Романовымъ.

Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Павловска 13 сентября 1816 г., прибылъ въ Берлинъ 21 сентября и пробылъ тамъ до 15 октября. Весь этотъ мѣсяцъ, за исключеніемъ, пожалуй, четырехъ дней, посвященныхъ парадамъ и маневрамъ (24, 25 и 26 сентября и 6 октября), онъ провелъ почти исключительно въ кругу королевской семьи въ Шарлоттенбургѣ. Дальнѣйшій путь шелъ на Веймаръ, гдѣ великій князь снова посѣтилъ свою сестру Марію Павловну, и дальше черезъ Кассель, Кобленцъ, Кельнъ, Ахенъ и Льежъ на Брюссель, гдѣ онъ посѣтилъ другую свою сестру, друга своего дѣтства, Анну Павловну, вышедшую къ этому времени замужъ за наслѣднаго принца нидерландскаго Вильгельма Оранскаго. Проѣхавъ отсюда на Кале, Николай Павловичъ на королевской яхтѣ «Royal Sovereign» (адмиралъ Кекбѐрнъ) переправился въ Англію и высадился 6 ноября въ Дилѣ (Deal), откуда въ экипажѣ черезъ Дувръ прибылъ 9 ноября въ Лондонъ. Пріемъ, встрѣченный Николаемъ Павловичемъ со стороны англійскаго принца-регента Георга, нерасположеннаго къ Россіи и лично къ императору Александру, на первыхъ порахъ былъ довольно холодный и не всегда даже соотвѣтствовалъ правиламъ этикета. Лишь позднѣе установились болѣе дружелюбныя отношенія. Во время своего пребыванія въ Лондонѣ Николай Павловичъ дважды (17 ноября 1816 г. и 15 янв. 1817 г.) посѣтилъ дочь принца-регента, принцессу Шарлотту, бывшую замужемъ за принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ (впослѣдствій король бельгійскій), жившую въ то время въ загородномъ замкѣ Клaремонъ. Послѣ второго изъ этихъ посѣщеній онъ проѣхалъ въ Брайтонъ, къ самому принцу-регенту, гдѣ и оставался пять дней. 12 февраля онъ посѣтилъ лорда Пемброка, женатаго на дочери гр. Сем. Ром. Воронцова въ его замкѣ Вильтонъ-Гоузъ, заключавшемъ богатыя художественныя коллекціи. Въ самомъ Лондонѣ Николаемъ Павловичемъ были осмотрѣны многія достопримѣчательности подъ руководствомъ капитана Конгрева (Congreve). 16 января 1817 г. онъ присутствовалъ на открытіи парламента и вечеромъ былъ на засѣданіи верхней палаты и согласительной между обѣими палатами конференціи. Время пребыванія Николая Павловича въ Англіи совпало съ политическимъ возбужденіемъ страны въ виду переживаемаго въ это время Англіей экономическаго кризиса. Тѣ формы, въ какія выливалось это возбужденіе, политическія собранія и митинги, вызывали въ великомъ князѣ скорѣе отрицательное къ себѣ отношеніе. Есть извѣстіе, что однажды онъ сказалъ Голенищеву-Кутузову: «Если бы, къ нашему несчастію, какой нибудь злой геній перенесъ къ намъ всѣ эти клубы и митинги, дѣлающіе больше шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ, или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе». Вообще за время своего пребыванія въ Англіи Николай Павловичъ предпочиталъ военное общество знакомству и разговорамъ съ государственными дѣятелями. Нѣсколько разъ его спутникомъ и руководителемъ при осмотрѣ достопримѣчательностей былъ герцогъ Веллингтонъ.

Изъ Лондона Николай Павловичъ совершилъ двѣ значительныя поѣздки по Англіи. Первая поѣздка была на сѣверъ и въ Шотландію, во время которой великій князь посѣтилъ Ливерпуль, Эдинбургъ и Глазго. Шотландія произвела особенно сильное впечатлѣніе на Николая Павловича. Во время второй поѣздки, на югъ Англіи онъ осмотрѣлъ Портсмутъ, Плимутъ и Бристоль. По оффиціальнымъ отзывамъ лицъ, сопровождавшихъ великаго князя, онъ всюду встрѣчалъ весьма дружелюбный пріемъ и вездѣ завоевалъ себѣ симпатіи какъ своимъ обхожденіемъ, такъ и тою внимательностью, съ какою онъ все осматривалъ. Въ своихъ частныхъ запи-

скахъ одинъ изъ сопровождавшихъ Николая Павловича кавалеровъ, Глинка жалуется, однако, на то, что осматривается слишкомъ много различныхъ мѣстностей, а поэтому и очень быстро, вмѣсто того, чтобы подольше остановиться на немногомъ, но наиболѣе интересномъ.

3 марта 1817 г. Николай Павловичъ покинулъ Лондонъ и черезъ Дувръ и Кале проѣхалъ во Францію, въ Мобежъ, гдѣ стоялъ въ то время русскій оккупаціонный корпусъ. Дальнѣйшій путь шелъ черезъ Брюссель, гдѣ великій князь еще разъ навѣстилъ свою сестру Анну Павловну, и Франкфуртъ въ Штутгардъ. Здѣсь великій князь пробылъ нѣкоторое время у другой своей сестры Екатерины Павловны, бывшей замужемъ за наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ Вильгельмомъ. Изъ Штутгарда великій князь направился черезъ Веймаръ на Берлинъ, куда и прибылъ 3 апрѣля. Въ Берлинѣ Николай Павловичъ оставался на этотъ разъ около трехъ недѣль. Его пребываніе здѣсь носило теперь уже совершенно интимный характеръ: его принимали какъ родственника. Король назначилъ его шефомъ Бранденбургскаго кирасирскаго полка. Во время большого парада великій князь велъ самъ свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ королемъ и вообще поразилъ своихъ нѣмецкихъ сослуживцевъ знаніемъ въ совершенствѣ прусскаго воинскаго устава. 22 апрѣля Николай Павловичъ покинулъ Берлинъ и 27 прибылъ въ Петербургъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этого состоялось его бракосочетаніе съ принцессою Шарлоттою.

Принцесса покинула Шарлоттенбургъ 31 мая въ сопровожденіи своего брата принца Вильгельма и большой свиты. Состоявшій въ свитѣ принца ген. Нацмеръ имѣлъ отъ короля инструкцію политическаго характера: онъ долженъ былъ всѣми силами отклонять императора Александра отъ мысли о войнѣ съ Турціей и успокаивать его относительно возможности революціоннаго движенія въ Пруссіи, что является для Россіи предлогомъ держать громадную армію. Одновременно съ этимъ Нацмеръ имѣлъ порученіе отъ прусскаго генеральнаго штаба собирать свѣдѣнія о русскихъ пограничныхъ укрѣпленіяхъ. 8 іюня принцесса пріѣхала въ Мемель, а на другой день прибылъ сюда же и Николай Павловичъ. Въ этотъ день состоялся переходъ черезъ границу. По обѣимъ сторонамъ границы были выстроены прусскія и русскія войска. Николай Павловичъ, поздоровавшись съ пруссаками, сказалъ: «мои друзья, помните, что я на половину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля». Принцесса перешла границу пѣшкомъ. Представляя ее русскимъ войскамъ, Николай Павловичъ, сказалъ офицерамъ: «это не чужая, господа; это—дочь вѣрнѣйшаго союзника и лучшаго друга нашего государя». Въ Полангенѣ принцессу ожидалъ ея русскій штатъ, состоявшій изъ княгини Екат. Алексѣевны Волконской, фрейлинъ граф. Шуваловой и Ушаковой, оберъ-мундшенка гр. Григ. Ив. Чернышева, гофмейстера Пет. Ром. Альбедиль, камергера кн. Вас. Вас. Долгорукова и камеръ-юнкера гр. Сологуба. Дальнѣйшій путь шелъ черезъ Ригу и Дерптъ (Юрьевъ). Императоръ Александръ, императрица Марія Θеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ встрѣтили принцессу въ Касковѣ 18 іюня. 19 іюня прибыли въ Павловскъ, гдѣ произошла встрѣча принцессы съ императрицею Елизаветою Алексѣевною. 20 іюня былъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ. 24 іюня во время миропомазанія принцесса Шарлотта была наречена великою княжною Александрою Θеодоровною. 25 іюня (день рожденія Николая Павловича) состоялось обрученіе, а 1 іюля (день рожденія Александры Θеодоровны) въ церкви Зимняго Дворца бракосочетаніе. Первые дни послѣ свадьбы новобрачные жили въ Аничковскомъ дворцѣ, а затѣмъ переѣхали въ Павловскъ. Въ день обрученія исполнилось гражданское совершеннолѣтіе Николая Павловича. Генер. Ламздорфъ и весь воспитательный и учебный штатъ великаго князя закончили теперь свои обязанности. Ламздорфъ былъ возведенъ въ графское достоинство и получилъ высочайшіе подарки. До конца его жизни (1828 г.) Николай Павловичъ высказывалъ ему всегда свое расположеніе.

Отъ этого времени дошло до насъ два оставленныя современниками описанія внѣшности и общаго облика Николая Павловича. Одно изъ нихъ принадлежитъ иностранцу, лейбъ-медику принца Кобургскаго Штокмару, видавшему Николая Павловича въ замкѣ Клармонъ. Онъ такъ описываетъ внѣшній видъ и манеры Николая Павловича: «Это—необыкновенно плѣнительный юноша; онъ выше принца Леопольда; не

очень худъ и прямъ, какъ сосна. Его лицо—юношеской бѣлизны съ необыкновенно правильными чертами, красивымъ открытымъ лбомъ, красиво изогнутыми бровями, необыкновенно красивымъ носомъ, изящнымъ малиновымъ ртомъ и тонко очерченнымъ подбородкомъ... Его манера держать себя полна оживленія, безъ натянутости, безъ смущенія и тѣмъ не менѣе очень прилична. Онъ много и прекрасно говоритъ по-французски, сопровождая слова жестами. Если даже не все, что онъ говорилъ, было очень остроумно, то, по крайней мѣрѣ, все было не лишено пріятности; повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать. Когда въ разговорѣ онъ хочетъ отличить что либо особенное, то поднимаетъ плечи кверху и нѣсколько аффектировано возводитъ глаза къ небу. Во всемъ онъ проявляетъ большую увѣренность въ самомъ себѣ, повидимому, однако, безъ претенціозности. Онъ не очень много занимался съ принцессою (т. е. женою принца Кобургскаго), которая чаще обращалась къ нему, чѣмъ онъ къ ней. Онъ былъ очень умѣренъ для своего возраста въ ѣдѣ и къ тому же не пилъ ничего, кромѣ воды. Когда послѣ обѣда графиня Ливенъ сыграла на фортепьяно, онъ поцѣловалъ ей руку, что показалось англійскимъ дамамъ крайне страннымъ, но встрѣчено съ сочувствіемъ... Мнѣ говорили, что когда всѣ разошлись спать, то для великаго князя былъ принесенъ кожаный мѣшокъ, набитый его людьми сѣномъ на конюшнѣ, на которомъ онъ всегда спалъ. Наши англичане увидѣли въ этомъ желаніе «порисоваться». Другой отзывъ принадлежитъ перу соотечественника, извѣстнаго Ф. Ф. Вигеля; онъ болѣе субъективенъ и отражаетъ на себѣ тѣ думы, какія волновали въ то время русское общество. «Два года,—пишетъ Вигель про Николая Павловича,—провелъ онъ въ походахъ, за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ необщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ тѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію въ дни его правленія... Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ».

Жизнь великаго князя во вторую половину царствованія Александра I (1818—1825).

Жизнь Николая Павловича послѣ его женитьбы дѣлилась между службою, тѣми отдѣльными порученіями, которыя выпадали на его долю, какъ члена императорской фамиліи, и его семейнымъ кругомъ. Служебныя обязанности великаго князя во вторую половину александровскаго царствованія ограничивались исключительно военною сферою. 3 іюля 1817 г. онъ былъ назначенъ на вновь учрежденную должность генералъ-инспектора по инженерной части и шефомъ л.-гв. Саперпаго баталіона. Отвѣчавшая его постояннымъ склонностямъ къ инженерному искусству, эта дѣятельность доставляла ему большое удовлетвореніе и не прошла безслѣдной въ исторіи военно-инженернаго управленія въ Россіи. Учрежденіе должности генералъ-инспектора по инженерной части само по себѣ имѣло существенное значеніе. До этого времени инженерныя войска, будучи подчинены начальнику инженернаго департамента военнаго министерства, черезъ этого послѣдняго находились въ подчиненіи начальнику Главнаго штаба (должность, учрежденная въ 1815 г.). Съ учрежденіемъ должности генералъ-инспектора, начальникъ инженернаго департатамента терялъ значеніе, какъ начальникъ инженерныхъ частей, и эти послѣднія, подчиняясь генералъ-инспектору, становились въ болѣе независимое положеніе по отношенію къ начальнику Главнаго штаба. Николай Павловичъ вступилъ въ должность 20 января 1818 г. Приказъ, отданный имъ о своемъ назначеніи, гласилъ слѣдующее: «давая о семъ знать по инженерному корпусу, долгомъ поставляю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ обязанностей, усердіемъ къ пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ всякій заслужитъ Государевы милости, а во мнѣ найдетъ усерднаго для себя ходатая предъ лицомъ Его Величества. Но въ противномъ случаѣ за малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ прощено не будетъ, взыщется по всей стро-

гости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полнаго повиновенія подчиненныхъ, ожидаю имѣть всегда удовольствіе; и твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждаго, что умѣю цѣнить милость Государеву, содѣлавшую меня начальникомъ столь отличнаго корпуса».

21 августа 1818 г. великимъ княземъ былъ представленъ докладъ объ устройствѣ инженернаго корпуса на новыхъ основаніяхъ, чему и была посвящена его дальнѣйшая дѣятельность. Ген. К. И. Опперманъ, бывшій начальникомъ инженернаго департамента, терялъ свое значеніе; въ силу своихъ прежнихъ отношеній къ великому князю, онъ и теперь, однако, остался его приближеннымъ, и именно при содѣйствіи Оппермана Николаемъ Павловичемъ были проведены его главныя реформы по военно-инженерному управленію. Предстояло прежде всего уничтожить двойственность въ подчиненіи инженерныхъ частей, создававшуюся съ учрежденіемъ должности генералъ-инспектора. Отчасти это предусматривало только что утвержденное (19 августа) новое положеніе объ инженерныхъ частяхъ. Еще болѣе это достигалось сведеніемъ инженерныхъ баталіоновъ въ бригады и введеніемъ бригаднаго управленія, утвержденнаго 7 марта 1819 г. Значеніе этой мѣры сказывалось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда инженерные баталіоны отряжались отъ корпусовъ въ крѣпости и здѣсь становились въ полное подчиненіе инженерному начальству. Власть бригадныхъ командировъ росла за счетъ власти общихъ корпусныхъ, а черезъ нихъ и самого начальника инженеровъ арміи. Черезъ это, въ свою очередь, умалялось значеніе начальника Генеральнаго Штаба, и инженерныя части становились въ болѣе тѣсную зависимость отъ генералъ-инспектора.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ управленіе инженерными войсками, Николай Павловичъ поставилъ себѣ двоякую цѣль: создать русскій военно-инженерный корпусъ и тѣмъ избѣгнуть необходимости обращаться къ иностраннымъ силамъ и развить военно-инженерное строительство: крѣпостное и казарменное. Красною нитью черезъ всѣ его мѣропріятія проходитъ взглядъ на военныхъ инженеровъ, какъ на офицеровъ, а не чиновниковъ. Достиженіе намѣченныхъ цѣлей осуществлялось двумя путями: развитіемъ учебной части и собственно новымъ устройствомъ инженернаго корпуса. 23 августа 1818 г. генералъ-инспекторъ вошелъ съ докладомъ къ начальнику Главнаго Штаба, въ которомъ сообщалъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе, кромѣ существовавшаго Военно-Ученаго Комитета, особыхъ ученыхъ комитетовъ по инженерной, артиллерійской и квартирмейстерской частямъ. Слѣдующей мѣрой за учрежденіемъ Ученаго инженернаго Комитета было преобразованіе существовавшей инженерной школы въ Главное Инженерное Училище. Исходя изъ предположенія, что техники, хотя бы и стоящіе на высокомъ уровнѣ, но прошедшіе гражданскую школу, не пригодны для военно-инженернаго дѣла, великій князь представилъ планъ объ учрежденіи Главнаго Инженернаго Училища, подготовленный К. И. Опперманомъ и гр. Егоромъ Карловичемъ Сиверсомъ; этотъ планъ и былъ утвержденъ государемъ 24 ноября 1819 г. Въ то время какъ въ корпуса принимались малолѣтними, въ Училище можно было поступить, имѣя не менѣе 14 лѣтъ, и не иначе, какъ по экзамену. Пріемъ производился изъ вольноопредѣляющихся, поступавшихъ въ юнкера, кондукторы и унтеръ-офицеры, а также изъ воспитанниковъ частныхъ школъ, поступавшихъ въ кондукторы и унтеръ-офицеры. Училище состояло изъ офицерскаго отдѣленія (позднѣе Николаевская Инженерная Академія) и кондукторскаго. Начальникомъ былъ назначенъ гр. Е. К. Сиверсъ. Въ училищѣ преподавались: алгебра, геометрія, тригонометрія, начертательная и аналитическая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленія, физика, химія, механика, рисованіе и черченіе, архитектура, фортификація, артиллерія, русскій, французскій и нѣмецкій языки, исторія, географія и экзерциція. Въ училищѣ преподавали многіе выдающіеся ученые и спеціалисты того времени, какъ напр. полк. Х. Х. Христіани (фортификація), инженеръ-капит. Ал-ѣй Вас. Дядинъ (артиллерія), бывшій профессоръ Спб. Университета Конст. Ив. Арсеньевъ (исторія и географія), удаленный изъ Университета Руничемъ и Магницкимъ и приглашенный подъ личною отвѣтственностью великаго князя.

Николай Павловичъ вообще близко входилъ въ жизнь Училища, интересовался

всѣмъ происходившимъ, часто посѣщалъ лекціи, присутствовалъ на конференціяхъ. На строевую часть въ училищѣ было обращено такое же вниманіе, какъ и на учебную. Училище помѣщалось въ Михайловскомъ замкѣ.

Приступая къ новому устройству инженернаго корпуса, Николай Павловичъ обратилъ прежде всего вниманіе на увеличеніе окладовъ чиновъ корпуса. Для достиженія этой цѣли было признано необходимымъ уменьшить численность личнаго состава и найдено возможнымъ сократить инженерный штатъ нѣкоторыхъ изъ крѣпостей, терявшихъ теперь уже свое значеніе вслѣдствіе того, что продвинулись дальше границы. Существовавшее по штату 1810 г. число крѣпостей 54 было сокращено до 43, и кромѣ того 3 крѣпости (Динамюнде, Тирасполь и Аккерманъ) были оставлены безъ собственнаго инженернаго штата. Былъ упраздненъ астраханскій инженерный округъ. Нѣкоторыя крѣпости были понижены въ классѣ. Въ первомъ классѣ вмѣсто 19 было оставлено 14 (Свеаборгъ, Выборгъ, С.-Петербургъ, Кронштадтъ, Рига, Ревель, Динабургъ, Бобруйскъ, Кіевъ, Бендеры, Измаилъ, Херсонъ, Ахтіаръ и Тифлисъ); во второй включено 19 (вмѣсто 18), въ третьемъ оставлено 13 (вмѣсто 25). Все это дало возможность провести къ 1-му января 1819 г. новые штаты инженернаго корпуса. Крѣпостное строительство въ бытность Николая Павловича генералъ-инспекторомъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ Бобруйскѣ и Динабургѣ (Двинскъ); въ гораздо меньшей степени въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и Севастополѣ. Внѣ вѣдѣнія генералъ-инспектора оставалась лишь постройка крѣпостей въ Грузіи, что съ 1819 г. было поручено командиру тамошняго корпуса ген. Ал. Пет. Ермолову. Въ виду сильнаго развитія казарменно-строительной части въ столицѣ и ея окрестностяхъ и неудовлетворительной постановки этого дѣла, 3-го декабря 1820 г. была учреждена Гвардейская Казарменная Комиссія, и въ ея вѣдѣніе была передана постройка казармъ, находившаяся до сего времени въ вѣдѣніи городской комиссіи о строеніяхъ. Офицерскій составъ при начальникѣ этой комиссіи былъ сформированъ въ корпусъ гвардейскихъ инженеровъ, бывшихъ одновременно съ этимъ полевыми инженерами гвардейскихъ войскъ. Для подготовки личнаго рядового состава къ положенію 19-го авг. 1818 г. было приложено наставленіе для обученія инженерныхъ войскъ, что вносило въ это дѣло, зависѣвшее до этого исключительно отъ усмотрѣнія ротныхъ командировъ, больше единообразія. Наконецъ составъ инженерныхъ войскъ пополнился учрежденіемъ въ 1819 г. конныхъ піонеровъ (первая попытка устройства которыхъ принадлежала въ 1812 г. Кутузову) и созданіемъ въ 1820 г. учебнаго сапернаго баталіона. Учрежденіемъ въ 1821 г. запасныхъ инженерныхъ парковъ былъ облегченъ обозъ инженерныхъ войскъ.

Черезъ годъ послѣ назначенія великаго князя генералъ-инспекторомъ по инженерной части, 27-го іюля 1818 г. послѣдовало его назначеніе командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которую входили въ то время полки лейбъ-гвардіи Измайловскій и Егерскій. 11 мая 1821 г. командованіе надъ 1-й дивизіей принялъ ген. Ив. Ѳед. Паскевичъ. Одновременно съ этимъ, однако, командующій гвардейскимъ корпусомъ, кн. Илар. Вас. Васильчиковъ вышелъ въ отставку, что стояло въ связи съ бывшими незадолго до этого волненіями въ Семеновскомъ полку, а гвардейскій корпусъ (еще 11 апрѣля т. г.) получилъ повелѣніе выступить въ Вильну. Командиромъ корпуса былъ назначенъ ген.-адъют. Ѳ. П. Уваровъ, но такъ какъ онъ оставался въ Петербургѣ, то командованіе перешло, какъ къ старшему, къ Паскевичу. Въ свою очередь Паскевичъ передалъ командованіе своей дивизіей великому князю Николаю Павловичу. Въ 1825 г. произошло перераспредѣленіе гвардейскихъ полковъ по дивизіямъ. Л.-гв. Измайловскій полкъ вмѣстѣ съ л.-гв. Павловскимъ и л.-гв. Сапернымъ баталіономъ составилъ 3-ю гвардейскую пѣхотную бригаду; въ 4-ю бригаду вошли л.-гв. Егерскій и л.-гв. Финляндскій. Обѣ эти бригады составили теперь 2-ю гвардейскую дивизію, командованіе надъ которой было поручено Николаю Павловичу. Дѣятельность великаго князя, какъ бригаднаго генерала, имѣла гораздо меньше значенія, чѣмъ его дѣятельность въ должности генералъ-инспектора. Вступивъ въ должность, Николай Павловичъ, какъ это видно изъ его собственныхъ записокъ, старался поднять дисциплину ввѣренной ему части, сильно порасшатавшуюся, по

его мнѣнію, вообще въ войскахъ послѣ возвращенія арміи изъ Франціи. По существу, въ своемъ командованіи, по общимъ отзывамъ, онъ придерживался тѣхъ же началъ по преимуществу фронтовой выучки, которыя возобладали къ этому времени въ нашей арміи, и которыя вызывали рѣзкое на себя нареканіе со стороны боевыхъ генераловъ александровскаго времени, какъ напр. Ермолова, и даже со стороны Паскевича. Будучи очень требователенъ, Николай Павловичъ часто бывалъ рѣзокъ и недостаточно сдержанъ. Въ тѣхъ проявленіяхъ нарушенія дисциплины со стороны офицерства, съ которыми ему приходилось сталкиваться, онъ уже въ то время усматривалъ бóльшее, чѣмъ простую распущенность, и подмѣчалъ въ этомъ связь съ тѣмъ недовольствомъ, которое распространялось въ обществѣ. Въ своихъ собственныхъ запискахъ Николай Павловичъ пишетъ слѣдующее: «По мѣрѣ того, какъ я началъ знакомиться съ своими подчиненными и видѣть происходившее въ другихъ полкахъ, я возымѣлъ мысль, что подъ симъ, т. е. военнымъ распутствомъ, крылось что-то важное, и мысль сія постоянно у меня оставалась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я, что офицеры дѣлились на три разряда: на искренне усердныхъ и знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣшительно дурныхъ, т. е. говоруновъ, дерзкихъ, лѣнивыхъ и совершенно вредныхъ; но ихъ-то послѣднихъ гналъ я безъ милосердія и всячески старался оныхъ избавиться, что мнѣ и удавалось. Но дѣло сіе было не легкое, ибо сіи-то люди составляли какъ бы цѣпь чрезъ всѣ полки и въ обществѣ имѣли покровителей, коихъ сильное вліяніе сказывалось всякій разъ тѣми нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось».

Въ связи съ дѣятельностью Николая Павловича, какъ бригаднаго командира, надо поставить учрежденіе школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Эта школа, утвержденная императоромъ Александромъ 9 мая 1823 г., возникла изъ частнаго опыта Николая Павловича, находившаго, что молодые люди поступаютъ въ полки недостаточно подготовленными, и съ этою цѣлью организовавшаго въ 1823 г. обученіе подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ подпрапорщиковъ ввѣренной ему бригады.

Обязанностями генералъ-инспектора по инженерной части и бригаднаго генерала и ограничивалась служебная дѣятельность Николая Павловича во вторую половину царствованія его брата. Къ дѣламъ высшаго государственнаго управленія онъ не былъ привлеченъ. Въ Государственный Совѣтъ онъ назначенъ не былъ. Есть, правда, извѣстіе (частнаго характера), что съ 1819 г. онъ присутствовалъ при всѣхъ докладахъ государю по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, но это извѣстіе требуетъ еще подтвержденія. Зато все чаще и чаще начали выпадать случаи, когда великому князю приходилось оффиціально выступать рядомъ съ государемъ, а въ его отсутствіе заступать его мѣсто.

Съ 30 сентября 1817 г. до половины іюня 1818 г. Николай Павловичъ съ супругой провелъ время въ Москвѣ, гдѣ присутствовалъ 12 сентября вмѣстѣ съ государемъ на закладкѣ храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ. 17 апрѣля 1818 г. въ Кремлевскомъ Дворцѣ у Николая Павловича родился первый сынъ—будущій Царь-Освободитель Александръ II. Императоръ Александръ къ этому времени покинулъ Москву, отправившись въ Варшаву на открытіе польскаго сейма и затѣмъ въ Бессарабію. Лишь къ іюню онъ вернулся въ Москву, куда вскорѣ послѣ этого прибылъ и тесть великаго князя Николая, прусскій король съ наслѣднымъ принцемъ.

Къ 22 іюня дворъ переселился въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ этого, 27 августа государь уѣхалъ на конгресъ въ Ахенъ, гдѣ и оставался до декабря; обѣ императрицы также отправились за границу: Марія Ѳеодоровна съ цѣлью посѣщенія своихъ дочерей въ Веймарѣ, Штутгардѣ и Брюсселѣ, а Елизавета Алексѣевна къ своей матери въ Баденъ. Николай Павловичъ съ супругой остались единственными представителями царской семьи въ Петербургѣ (вел. кн. Михаилъ Павловичъ путешествовалъ въ то время также за-границей). Мѣстомъ пребыванія великокняжеской четы въ Петербургѣ былъ Аничковскій Дворецъ. 6 августа 1819 г. родился второй ребенокъ у великаго князя,—дочь Марія Николаевна; 20 іюня 1820 г. послѣдовали новые роды у великой княгини, на этотъ разъ неблагопріятные: ребенокъ родился мертвымъ. Для поправленія здоровья великая княгиня съ супругомъ отправились за границу. Зиму они про-

вели въ Берлинѣ, а лѣто 1821 г. въ Эмсѣ. Пребываніе на этотъ разъ въ Берлинѣ, совпавшее съ тѣми значительными событіями, которыя разыгрывались въ Германіи, и вообще въ Европѣ, имѣло, повидимому, большое значеніе для великаго князя въ смыслѣ развитія въ немъ охранительныхъ взглядовъ. На этотъ разъ онъ имѣлъ случай и болѣе непосредственно соприкоснуться съ политикой: въ февралѣ 1821 г. по порученію императора онъ возвращался изъ Берлина въ Петербургъ, чтобы подготовить гвардію къ предполагавшемуся выступленію въ походъ ввиду итальянскихъ событій (революція въ Пьемонтѣ), а по возвращеніи ѣздилъ въ Троппау, гдѣ въ то время былъ на конгрессѣ императоръ Александръ, получившій здѣсь извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Въ то же время пребываніе въ Берлинѣ еще болѣе упрочило родственныя и дружескія симпатіи Николая Павловича къ берлинскому двору и его расположеніе къ прусской арміи, а отсюда и вообще къ военному режиму: «Здѣсь порядокъ, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противорѣчія, все вытекаетъ одно изъ другого; никто не приказываетъ прежде, чѣмъ не научится повиноваться; никто безъ законнаго основанія не становится впередъ другого; все подчиняется одной опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое назначеніе»—такъ опредѣлялъ онъ впослѣдствіи свое предпочтеніе военнаго начала гражданскому. Къ концу лѣта 1821 г. великій князь вернулся въ Россію, заѣзжая по дорогѣ къ цесаревичу Константину Павловичу въ Варшаву. Зиму съ 1821 г. на 1822 г. Николай Павловичъ проживалъ большею частью въ Вильнѣ, гдѣ находилась въ это время квартира 1-й гвардейской дивизіи и гдѣ была расположена его бригада, и лишь временами бывалъ въ Петербургѣ. Зато часть этой зимы вся царская семья провела вмѣстѣ: въ Петербургѣ гостилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, съ 1816 г. жившій постоянно въ Варшавѣ. Это продолжалось, однако, не долго. Къ концу января цесаревичъ уже уѣхалъ, а въ концѣ лѣта 1822 г. уѣхалъ за-границу, на Веронскій конгрессъ, и самъ государь. До января 1823 г. Николай Павловичъ снова оставался въ Петербургѣ, какъ представитель царской семьи. Еще 30 августа 1822 г. у него родилась вторая дочь, Ольга Николаевна. Въ августѣ 1823 г. Николай Павловичъ сопровождалъ государя при осмотрѣ Бобруйской крѣпости и послѣ этого былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Брестъ-Литовскѣ на смотру польскихъ войскъ и войскъ литовскаго корпуса. Сюда прибылъ къ этому времени прусскій принцъ Вильгельмъ, и къ ноябрю всѣ они вмѣстѣ вернулись въ Царское Село. Лѣтомъ 1824 г. Николай Павловичъ совершилъ свое послѣднее путешествіе въ Берлинъ, какъ великій князь. Великокняжеская чета ѣхала на этотъ разъ моремъ, выйдя 24 іюля на кораблѣ «Эмгейтенъ» (Amhiten) изъ Кронштадта и прибывъ 10-го августа въ Варнемюнде. Теперь Николаю Павловичу пришлось выступить въ роли посредника въ нѣкоторыхъ династическихъ и дипломатическихъ вопросахъ между Берлинскимъ и Петербургскимъ дворами. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III вступилъ въ бракъ съ графинею Гаррахъ, получившей титулъ княгини Лигницъ, графини Гогенцоллернъ. Въ то же время принцъ Вильгельмъ предполагалъ вступить въ бракъ съ княжною Елизаветою Радзивиллъ, и король рѣшилъ обратиться къ императору Александру, какъ къ старшему представителю Гольштейнъ-Готторпскаго дома съ просьбой объ адопціи княжны Радзивиллъ, чтобы сдѣлать ее равноправной Гогенцоллернамъ. Передать Государю эту просьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщеніе о своемъ собственномъ бракѣ король поручилъ отправлявшемуся въ Петербургъ Николаю Павловичу. Александръ благосклонно принялъ извѣщеніе о бракѣ короля, но отказалъ въ адопціи Радзивиллъ, и бракъ принца Вильгельма не состоялся. Великій князь съ супругой покинули Берлинъ въ январѣ 1825 г. и 25 февраля прибыли въ Петербургъ; по дорогѣ они посѣтили снова въ Варшавѣ цесаревича и его вторую супругу, княгиню Ловичъ. Съ апрѣля по іюнь Николаю Павловичу снова пришлось оставаться старшимъ представителемъ царской семьи въ Россіи: государь уѣзжалъ въ Варшаву на открытіе польскаго сейма. 12 іюня 1825 г. родилась третья дочь великаго князя Александра Николаевна. Осенью этого года Николай Павловичъ совершилъ въ послѣдній разъ, какъ великій князь, инспекторскій смотръ войскъ и укрѣпленій въ Бобруйскѣ. На этомъ смотру, какъ и на всѣхъ предыдущихъ смотрахъ и маневрахъ, онъ обращалъ, главнымъ образомъ, вниманіе

на фронтовую часть, былъ особенно строгъ въ этомъ отношенiи и лично обнаруживалъ прекрасное знанiе ружейныхъ прiемовъ.

Такъ прошла жизнь Николая Павловича за вторую половину царствованiя Александра I. Въ царской семьѣ за это время начинала все яснѣе намѣчаться вполнѣ опредѣленная группировка. Въ семейномъ отношенiи только бракъ великаго князя Николая Павловича можно было считать счастливымъ (вел. кн. Михаилъ Павловичъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Шарлоттою Виртембергскою (вел. кн. Елена Павловна) лишь въ февралѣ 1824 г.) и только онъ одинъ, отецъ многочисленнаго семейства, являлся дѣйствительно представителемъ Императорской фамилiи и династiи; черезъ него, прежде всего, устанавливалась связь династiи и съ европейскимъ коронованнымъ мiромъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ все болѣе отстранялся отъ государственной жизни. Послѣ его пребыванiя въ Петербургѣ въ 1821 и 1822 г.г. у Константина Павловича устанавливаются близкiя отношенiя съ младшимъ братомъ Михаиломъ, и жизнь обоихъ великихъ князей принимаетъ все болѣе частный характеръ. Самъ императоръ Александръ за это время постоянно оказываетъ большое вниманiе своему брату Николаю, не упуская случая подчеркнуть это вниманiе публично. Въ отношенiяхъ цесаревича къ Николаю устанавливается тонъ благожелательной и дружелюбной почтительности старшаго брата къ младшему по возрасту, но старшему по положенiю. Съ 1819 г. императоръ Александръ заговорилъ опредѣленно съ Николаемъ Павловичемъ и его супругой о возможной для великаго князя въ будущемъ необходимости принять бразды правленiя.

Вопросъ о престолонаслѣдiи и вступленiе на престолъ.

Въ вопросѣ объ отреченiи цесаревича Константина Павловича отъ престола и о назначенiи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича далеко еще не все можно считать вполнѣ выясненнымъ. Фактическiя данныя по этому вопросу представляются въ слѣдующемъ видѣ. Старшiе сыновья императора Павла Петровича никогда не обнаруживали большого влеченiя принять на себя и нести бремя правленiя. Александръ Павловичъ, при жизни отца, не разъ высказывалъ вслухъ мечтанiя вести впослѣдствiи жизнь частнаго человѣка. Послѣ его вступленiя на престолъ эти мечты уступили мѣсто дѣйствительности; позднѣе, подъ влiянiемъ событiй 1812—15 г.г., надломившихъ духъ императора, эти юношескiя мечтанiя, приблизительно къ 1817 г., возрождаются въ немъ уже въ формѣ общей мысли о томъ, что государь «долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его физическiя силы будутъ ему позволять это... Послѣ этого онъ долженъ удалиться». Высказывая эту мысль, онъ распространялъ ее и на самого себя. Что касается цесаревича Константина Павловича, то тотчасъ послѣ трагической смерти его отца, онъ вполнѣ опредѣленно заявлялъ (въ разговорѣ съ полковникомъ Ник. Ал. Саблуковымъ), что если бы престолъ и достался когда-нибудь ему, то онъ, конечно, его не принялъ бы. При томъ же мнѣнiи оставался Константинъ Павловичъ въ теченiе всего царствованiя своего старшаго брата. При вступленiи на престолъ Александра I присяга была принесена государю и наслѣднику престола, «который назначенъ будетъ», хотя въ силу закона о престолонаслѣдiи наслѣдникомъ несомнѣнно являлся цесаревичъ Константинъ. Еще съ 1796 г. Константинъ Павловичъ состоялъ въ бракѣ съ принцессою Юлiаною Кобургскою (великая княгиня Анна Ѳеодоровна). Бракъ этотъ былъ несчастливъ, и съ 1801 г. великая княгиня отдѣльно отъ супруга жила за границей. 20 марта 1820 г. былъ объявленъ манифестъ о расторженiи брака великаго князя; вмѣстѣ съ манифестомъ было сдѣлано дополнительное постановленiе къ «Учрежденiю императорской фамилiи», гласящее: «если какое лице изъ императорской фамилiи вступитъ въ брачный союзъ съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, т. е. не принадлежащимъ ни къ какому царственному или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лице императорской фамилiи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамилiи, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованiе престола». 12 мая т. г. Константинъ Павловичъ вступилъ во второй бракъ съ польскою графинею Iоанною Грудзинскою, получившею (манифестомъ 8 iюля, который оставался необнародованнымъ) титулъ княгини Ловичъ и наименованiе свѣт-

лости. Одновременно съ этимъ цесаревичъ рѣшилъ привести въ исполненіе и свою постоянную мысль отказаться и за себя лично отъ права на престолъ. О своемъ намѣреніи онъ сообщалъ своему брату Михаилу Павловичу въ бытность послѣдняго въ Варшавѣ еще лѣтомъ 1821 г. и окончательно объявилъ о своемъ рѣшеніи государю императору и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ январѣ 1822 г. Онъ оформилъ это рѣшеніе передъ своимъ отъѣздомъ въ Варшаву письмомъ къ государю отъ 14 января т. г., въ которомъ просилъ Его Величество передать его право на престолъ «тому, кому оно принадлежитъ послѣ него». Утвердительный отвѣтъ на это со стороны Александра Павловича послѣдовалъ 2 февраля т. г. При такихъ условіяхъ естественно возникалъ вопросъ о переходѣ престола къ Николаю Павловичу, имя котораго не было прямо названо въ письмѣ Константина Павловича отъ 14 января 1822 г. Въ семейномъ кругу давно уже предвидѣли возможность перехода къ нему престола. Колебанія Александра Павловича и давнишнее рѣшеніе его брата Константина не оставались въ тайнѣ отъ императрицы-матери. Послѣ отъѣзда великой княгини Анны Ѳеодоровны за границу и въ виду «особенныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе дочери императрицы Елизаветы Алексѣевны, великой княжны Елизаветы Александровны 3 ноября 1806 г.» (Шильдеръ, Императоръ Николай I, т. 1, стр. 476, прим. 37), трудно было ожидать, что у императора или у цесаревича будутъ еще дѣти. Въ 1807 г. императрица Марія Ѳеодоровна, по свидетельству ея секретаря Гр. Ив. Вилламова, говорила, что «она предвидитъ, что престолъ все-таки со-временемъ перейдетъ къ великому князю Николаю». Этимъ отчасти объясняются, повидимому, и ея постоянныя заботы дать въ воспитаніи своего третьяго сына преобладаніе гражданскому и политическому элементу надъ военнымъ. Свою записку 1810 г. о преподаваніи Николаю Павловичу политическихъ наукъ, представленную императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, проф. Шторхъ заканчивалъ слѣдующими словами: «Que Votre Majesté se represente la satisfaction avec laquelle un citoyen éclairé, aimant son souverain et sa patrie, verrait consignées dans cet ouvrage les grandes verités morales et les maximes conservatrices des états. Ces verités, dirait-il, ont été reconnues par celui, *qui probablement nous gouvernera un jour*; ces maximes sont les siennes; c'est d'après elles, *qu'il s'engage à regner*, puisqu'il a consenti, qu'elles fussent publiés sous son nom». Въ эрмитажномъ собраніи хранится медаль-жетонъ съ надписью: «Г. Ц. В. К. Николай Павловичь» и «1810 г. Генваря 25-го».

Постепенно подобный взглядъ на Николая Павловича началъ устанавливаться и въ обществѣ, и при томъ, повидимому, раньше за-границей, чѣмъ въ Россіи. Уже съ 1814 г., со времени поѣздокъ великихъ князей за-границу, тамъ привыкли видѣть и слышать о двухъ братьяхъ государя: *старшемъ* Николаѣ и *младшемъ* Михаилѣ. Въ 1816 г., во время пребыванія Николая Павловича въ Лондонѣ, въ толпѣ его называли «наслѣдникомъ русскаго императора». Первое время этотъ взглядъ не связывался, однако, непремѣнно съ мыслью *объ отреченіи* Константина и могъ естественно вытекать изъ положенія Николая Павловича среди другихъ членовъ императорской фамиліи при отсутствіи мужского потомства у его старшихъ братьевъ.

Когда вопросъ о разводѣ Константина Павловича сталъ приближаться къ разрѣшенію и цесаревичъ началъ подготовлять исполненіе своего давнишняго желанія, государь счелъ нужнымъ подготовить къ этому и самого Николая Павловича. 13 іюля 1819 г. онъ имѣлъ разговоръ съ великокняжеской четой, во время котораго сообщилъ Николаю Павловичу и его супругѣ о своемъ рѣшеніи отречься со-временемъ отъ правленія и о нежеланіи Константина наслѣдовать престолъ, и предупредилъ, что великій князь Николай Павловичъ призывается на царское достоинство, и что это должно совершиться еще при жизни его, императора. По собственнымъ словамъ великаго князя и его супруги, разговоръ этотъ очень ихъ смутилъ. Когда въ январѣ 1822 г. происходили переговоры между государемъ, императрицею матерью и цесаревичемъ, то Николай Павловичъ не былъ къ нимъ привлеченъ. Послѣ письма цесаревича къ государю отъ 14 января 1822 г. императрица Марія Ѳеодоровна, однако, въ разговорахъ съ Николаемъ Павловичемъ начала упоминать объ актѣ отреченія Константина въ его пользу, и Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ самъ не отрицаетъ того,

что о существованіи этого акта было ему извѣстно. Этотъ актъ, по существу своему совершенно частнаго характера, черезъ полтора года принялъ форму акта государственнаго. Лѣтомъ 1823 г. московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, при содѣйствіи кн. Ал. Ник. Голицына, былъ составленъ манифестъ объ отреченіи Константина Павловича и о назначеніи наслѣдникомъ Николая Павловича («Наслѣдникомъ нашимъ быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу»). Этотъ манифестъ былъ подписанъ Александромъ 16 августа 1823 г. но остался необнародованнымъ: 27 августа т. г., въ бытность государя въ Москвѣ, манифестъ, съ приложеніемъ письма Константина Павловича отъ 14 января 1822 г., былъ переданъ государемъ тому же митрополиту Филарету въ запечатанномъ пакетѣ съ собственноручною надписью государя: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣянія». При этомъ государь, черезъ Аракчеева, изъявилъ митрополиту свое желаніе, чтобы это дѣло не предавалось огласкѣ. 29 августа Филаретъ, въ присутствіи протопресвитера, сакелларія и прокурора синодальной конторы, показавъ имъ пакетъ и подпись и объявивъ волю государя о строжайшемъ соблюденіи тайны, положилъ пакетъ въ ковчегъ государственныхъ актовъ въ алтарѣ Успенскаго собора, заперъ и запечаталъ ковчегъ. Копіи манифеста, собственноручно переписанныя кн. А. Н. Голицынымъ, въ пакетахъ за императорскою печатью были разосланы въ Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Сѵнодъ. На пакетахъ были сдѣланы собственноручно государемъ надписи: «Хранить въ (названіе учрежденія) до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣянія, въ чрезвычайномъ собраніи». О необнародованномъ манифестѣ не было оффиціально извѣстно никому кромѣ трехъ только что названныхъ лицъ.

Тайна не была, однако, вполнѣ сохранена самимъ Александромъ Павловичемъ. Уже 5-го ноября 1823 г. онъ сообщилъ о своихъ распоряженіяхъ, упоминая вполнѣ опредѣленно имя Николая Павловича, бывшему въ то время въ Россіи прусскому принцу Вильгельму, брату супруги Николая Павловича. По своемъ возвращеніи въ Берлинъ принцъ не замедлилъ сообщить объ этомъ своему отцу, королю Фридриху-Вильгельму III. Вскорѣ послѣ этого государь говорилъ о томъ же съ историкомъ Карамзинымъ, а въ 1825 г. съ наслѣднымъ нидерландскимъ принцемъ Вильгельмомъ Оранскимъ, супругомъ сестры государя, Анны Павловны. Что касается самой императрицы Маріи Ѳеодоровны, то нельзя сказать вполнѣ утвердительно, было ли ей извѣстно только объ актѣ отреченія Константина, или и о манифестѣ 16 августа 1823 г. О назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ престола знали, во всякомъ случаѣ, лица, наиболѣе близкія къ великому князю. Скоро дѣло получило еще бóльшую и какъ бы уже оффиціальную огласку: въ придворномъ берлинскомъ календарѣ на 1824 г. Николай Павловичъ прямо былъ названъ наслѣдникомъ русскаго престола. Все это приводитъ къ заключенію, что Николай Павловичъ не могъ не знать не только объ отреченіи его брата Константина, но и о своемъ назначеніи наслѣдникомъ, хотя, быть можетъ, и не представлялъ себѣ вполнѣ опредѣленно ту форму, въ какую были облечены относящіеся до этого акты. Въ виду того, однако, что эти акты не были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, онъ находилъ возможнымъ не считаться съ ними, какъ съ теряющими силу въ моментъ смерти государя. Этотъ выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ образѣ дѣйствія вел. кн. Николая Павловича въ первыя минуты послѣ полученія въ Петербургѣ извѣстія о смерти государя.

Въ первыхъ числахъ сентября 1825 г. императоръ Александръ Павловичъ и императрица Елизавета Алексѣевна выѣхали изъ Петербурга въ Таганрогъ. Съ 18 ноября въ столицу начали приходить извѣстія о болѣзни государя, съ 25 ноября быстро принявшія крайне тревожный характеръ. Узнавъ въ этотъ день вечеромъ, что надежды на выздоровленіе почти нѣтъ, великій князь Николай Павловичъ совѣщался съ военнымъ генералъ-губернаторомъ Петербурга гр. Мих. Андр. Милорадовичемъ и командиромъ гвардейскаго корпуса ген. Ан. Льв. Воиновымъ и предложилъ, при полученіи извѣстія о кончинѣ государя, немедленно провозгласить императоромъ Константина Павловича, говоря, что онъ

первый принесетъ ему присягу (по другимъ извѣстіямъ, на присягѣ Константину особенно настаивалъ Милорадовичъ). 27-го утромъ происходили молебствія о здравіи государя: въ Зимнемъ Дворцѣ для царскаго семейства и приближенныхъ и въ Александро-Невской Лаврѣ для военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Во время молебствія во дворцѣ было получено извѣстіе (отъ М. П. Волконскаго и бар. Ив. Ив. Дибича) о смерти государя. Присутствовавшимъ въ церкви это извѣстіе принесъ великій князь Николай Павловичъ. Съ императрицей Маріей Θеодоровной сдѣлалось дурно, и ее вынесли изъ церкви. Вернувшись въ церковь, Николай Павловичъ принесъ присягу «государю императору Константину Павловичу» и тотчасъ же послѣ этого привелъ къ присягѣ роту Его Величества л.-гв. Преображенскаго полка, занимавшую внутренній дворцовый караулъ. Во дворцѣ тотчасъ за великимъ княземъ присягнули Милорадовичъ, ген.-ад. кн. Вас. Бор. Трубецкой и многіе другіе изъ свиты и приближенныхъ. Одновременно съ этимъ великій князь приказалъ дежурному генералу Ал-ѣю Ник. Потапову привести къ присягѣ главный дворцовый караулъ. Адъютантъ великаго князя А. Θ. Адлербергъ былъ посланъ съ такимъ же порученіемъ въ инженерное вѣдомство, а ген. Ал. Ив. Нейдгардъ въ Александро-Невскую Лавру—поручить ген. Воинову привести къ присягѣ всѣ гвардейскіе полки (къ пяти часамъ вечера присяга во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ была уже принесена). Только послѣ этого великій князь сообщилъ обо всемъ происшедшемъ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Императрица крайне этимъ встревожилась и поспѣшила сообщить Николаю Павловичу, что существуетъ актъ, по которому онъ самъ назначенъ наслѣдникомъ престола. «S'il y en a un, il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous, que notre maître, notre souverain legitime est mon frère Constantin et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra»—отвѣчалъ ей Николай Павловичъ. Вслѣдъ за этимъ сообщилъ великому князю о существованіи акта (вполнѣ опредѣленно, имѣя уже въ виду манифестъ 16 августа 1823 г.) прибывшій къ этому времени во дворецъ изъ Лавры кн. Ал. Ник. Голицынъ.

Въ тотъ же день, въ два часа состоялось въ зданіи Зимняго Дворца засѣданіе Государственнаго Совѣта. На этомъ засѣданіи возникли разногласія по вопросу: распечатать ли предварительно пакетъ, о которомъ сообщили собранію предсѣдатель Совѣта кн. Лопухинъ и кн. Голицынъ, или начать съ присяги Константину. Первое мнѣніе одержало верхъ, и пакетъ былъ распечатанъ. Ознакомленіе съ манифестомъ и письмомъ Константина отъ 14 января 1822 г. вызвало новое разногласіе, и для разрѣшенія своего недоумѣнія Совѣтъ in corpore отправился къ великому князю. Николай Павловичъ убѣждалъ Совѣтъ принести присягу его старшему брату, заявивъ при этомъ, «что онъ все это знаетъ, что дѣло это для него не было скрыто, но что онъ и тогда далъ себѣ клятвенное обѣщаніе поступить въ случаѣ подобнаго несчастья по тѣмъ правиламъ, по коимъ онъ нынѣ поступилъ». Совѣтъ, «услышавъ непреложную волю» великаго князя, рѣшилъ принести присягу и для этого снова собраться въ тотъ же день въ семь часовъ вечера. Вечеромъ Государственный Совѣтъ принесъ присягу, о чемъ и былъ составленъ журналъ. На другой день копія съ журнала Совѣта была послана съ адъютантомъ великаго князя Лазаревымъ въ Варшаву къ Константину Павловичу. Отправляя Лазарева, Николай Павловичъ вручилъ ему кромѣ того свои личныя письма къ обоимъ своимъ братьямъ (Михаилъ Павловичъ находился въ то время въ Варшавѣ). Въ тотъ же день было послано увѣдомленіе отъ Милорадовича къ московскому генералъ-губернатору кн. Д. В. Голицыну и финляндскому Арс. Андр. Закревскому о приведеніи къ присягѣ Москвы и Финляндіи, и были разосланы повсемѣстно о томъ же курьеры. Въ Москвѣ, куда вѣсти о смерти государя стали доходить 28 ноября, митрополитъ Филаретъ сообщилъ генералъ-губернатору о существованіи пакета въ Успенскомъ соборѣ; послѣ нѣкотораго колебанія было рѣшено дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, какъ поступятъ въ Петербургѣ, и послѣ полученія офиціальнаго увѣдомленія Москва 30 ноября спокойно присягнула Константину. Въ другихъ мѣстахъ присяга прошла точно также безъ какихъ бы то ни было осложненій. Пакеты въ Сенатѣ и Синодѣ были оставлены нераспечатанными.

Въ Варшавѣ извѣстіе о смерти государя было получено 25 ноября. По полученіи этого извѣстія цесаревичъ тотчасъ же написалъ письма къ императрицѣ

Маріи Ѳедоровнѣ и Николаю Павловичу, въ которыхъ заявлялъ, что уступаетъ свои права своему брату «въ силу рескрипта императора Александра отъ 2 февраля 1822 г.». Съ этими письмами 26 ноября былъ отправленъ вел. кн. Михаилъ Павловичъ. 2 декабря въ Варшаву прибылъ адъютантъ Лазаревъ, и Константинъ Павловичъ узналъ, что братъ и столица присягнули ему. Получивъ это извѣстіе, Константинъ Павловичъ на другой же день отправилъ письмо къ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, въ которомъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ высказывалъ свое неудовольствіе по поводу совершившагося въ Совѣтѣ. Онъ указывалъ, что Совѣтъ не имѣлъ права приносить присягу, зная, что присяга вообще «не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ, и что кромѣ того Совѣтъ забылъ свою собственную присягу покойному государю, когда присягали императору и наслѣднику, «который назначенъ будетъ»; для этого же надо было первоначально ознакомиться съ распоряженіями покойнаго государя. Одновременно съ этимъ Константинъ Павловичъ, отвѣчая на письма брата, заявлялъ, что его рѣшеніе непоколебимо, отклонялъ приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ и предупреждалъ, что «удалится еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего императора». Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ 3 декабря. По общему совѣщанію между императрицей и обоими великими князьями было рѣшено, что такъ какъ письма Константина, привезенныя Михаиломъ Павловичемъ, были написаны цесаревичемъ до полученія имъ извѣстія о принесеніи ему присяги, то они и не могутъ считаться рѣшающими. Въ Петербургѣ «безъ опасности» ихъ во всякомъ случаѣ нельзя обнародовать: Константинъ долженъ издать отъ себя, уже какъ государь, манифестъ, въ которомъ будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ, кому царствовать. Съ этимъ рѣшеніемъ въ Варшаву былъ посланъ въ тотъ же день фельдъегерскій офицеръ Бѣлоусовъ. Въ городѣ начали уже распространяться слухи о томъ, что Михаилъ Павловичъ не присягалъ, и потому было сочтено за лучшее, чтобы онъ оставилъ Петербургъ. 5 декабря онъ выѣхалъ въ Варшаву подъ предлогомъ сообщенія Константину Павловичу свѣдѣній о здоровьѣ императрицы-матери. На станціи Ненналь (въ 260 верстахъ отъ Петербурга) онъ встрѣтилъ адъют. Лазарева, везшаго отвѣтъ Константина Павловича на письмо Николая Павловича отъ 28 ноября, и понявъ, въ чемъ дѣло, рѣшилъ не ѣхать дальше отъ Петербурга и ждать другого курьера изъ Варшавы, Бѣлоусова. Лазаревъ прибылъ въ Петербургъ 9 декабря. Ознакомившись съ полученнымъ отвѣтомъ, а также съ письмомъ Константина Павловича къ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, Николай Павловичъ рѣшилъ ждать слѣдующаго курьера.

12 декабря положеніе дѣлъ, однако, еще болѣе осложнилось. Въ этотъ день Николай Павловичъ получилъ отъ начальника главнаго штаба ген.-ад. бар. И. И. Дибича пакетъ изъ Таганрога съ подробнымъ сообщеніемъ о заговорѣ тайныхъ обществъ. Николай Павловичъ посвятилъ въ это сообщеніе Милорадовича, кн. А. Н. Голицына и ген.-адъют. Ал. Христоф. Бенкендорфа, еще въ 1821 г. представившаго государю записку о тайныхъ обществахъ. Въ этотъ же день поручикъ л.-гв. Егерскаго полка Як. Ив. Ростовцевъ предупредилъ Николая Павловича о существованіи заговора, не называя именъ участниковъ. Въ этотъ же день прибылъ изъ Варшавы Бѣлоусовъ съ письмомъ, содержавшимъ рѣшительный отказъ вел. кн. Константина Павловича. Непреклонность брата и извѣстіе объ опасности заставили Николая Павловича уступить. 13 декабря былъ составленъ отъ имени Николая Павловича манифестъ (помѣченный при обнародованіи 12 декабря) съ извѣщеніемъ о ходѣ послѣднихъ событій, объ отказѣ Константина Павловича и о принятомъ Николаемъ Павловичемъ рѣшеніи. Фактическая часть манифеста была редактирована Адлербергомъ, которому Николай Павловичъ самъ продиктовалъ главныя положенія; общая часть— Сперанскимъ (послѣ того, какъ не удостоился одобренія болѣе обширный проектъ Карамзина, въ которомъ предполагалось намѣтить характеръ новаго царствованія). Одновременно съ манифестомъ рѣшено было опубликовать манифестъ покойнаго государя отъ 16 августа 1823 г., письма цесаревича и государя отъ 14 января и 2 февраля 1822 г. и оба письма Константина Павловича къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и Николаю Павловичу отъ 26 ноября 1825 г. На вечеръ 13 декабря Николай Павловичъ запиской на имя пред-

сѣдателя Государственнаго Совѣта просилъ назначить секретное засѣданіе, «имѣя порученіе отъ государя императора сообщить высочайшую волю Государственному Совѣту». Засѣданіе открылось очень поздно, такъ какъ Николай Павловичъ желалъ присутствія на немъ Михаила Павловича, котораго ждали съ минуты на минуту. Не дождавшись брата (Бѣлоусовъ проѣхалъ по другому тракту, и Михаилъ Павловичъ былъ вызванъ лишь 12-го), Николай Павловичъ рѣшилъ начать засѣданіе безъ него въ первомъ часу ночи. Занявъ первое отъ предсѣдателя мѣсто, онъ, начавъ словами: «я выполняю волю брата Константина Павловича», прочелъ манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ и «попросилъ» министра юстиціи кн. Лобанова-Ростовскаго (какъ генералъ-прокурора) тотчасъ этотъ манифестъ и всѣ подлежащія бумаги напечатать, обнародовать и на утро привести всѣхъ къ присягѣ.

Неопредѣленнымъ положеніемъ, создавшимся вслѣдствіе всѣхъ этихъ событій, рѣшили воспользоваться члены тайныхъ политическихъ обществъ. Существованіе этихъ обществъ, состоявшихъ, главнымъ образомъ, изъ офицеровъ гвардіи и расположенной на югѣ 2-й арміи, было раскрыто еще при жизни императора Александра I доносами унтеръ-офицера 3-го Украйнскаго уланскаго полка Ив Вас. Шервуда, елисаветградскаго помѣщика Ал. Карл. Бошняка и капитана Вятскаго полка Арк. Майбороды (эти свѣдѣнія и получилъ Николай Павловичъ 12-го декабря отъ Дибича). Планъ дѣйствій въ обществахъ до самаго послѣдняго момента окончательно выработанъ не былъ, и аресты нѣкоторыхъ изъ видныхъ членовъ (въ томъ числѣ полковника Вятскаго полка Пав. Ив. Пестеля) заставляли другихъ, бывшихъ въ Петербургѣ, торопиться. Слухи о томъ, что будетъ вторичная присяга, создавали, какъ казалось, благопріятный моментъ. Рѣшено было, что офицеры, участники обществъ, будутъ отговаривать въ своихъ частяхъ солдатъ отъ присяги императору Николаю и, выведя ихъ на Сенатскую площадь и тѣмъ отрѣзавъ сообщеніе между Сенатомъ и Зимнимъ Дворцомъ, заставятъ Сенатъ, какъ Верховное Учрежденіе, принять проектъ конституціи.

14 декабря къ 7 часамъ утра собрались для присяги Сенатъ и Синодъ, а къ 11 часамъ былъ назначенъ съѣздъ для молебствія въ Зимній Дворецъ. Одновременно съ этимъ начали приводиться къ присягѣ отдѣльныя войсковыя части. Во время присяги въ л.-гв. Московскомъ полку офицеры этого полка, штабсъ-капитаны кн. Щепинъ-Ростовскій, Мих. Ал. Бестужевъ и братъ послѣдняго Александръ, штабсъ-капитанъ л.-гв. Драгунскаго полка, уговорили часть солдатъ не присягать. Пытавшіеся вмѣшаться полковой командиръ ген.-маіоръ бар. Фредериксъ, бригадный—ген.-маіоръ Вас. Никанор. Шеншинъ и полковникъ Хвощинскій были тяжело ранены саблями, и кн. Щепинъ-Ростовскій, захвативъ знамя и выведя часть полка изъ казармъ (расположенныхъ въ то время на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста), повелъ солдатъ по Гороховой улицѣ на Сенатскую площадь.

Одновременно съ этимъ въ л.-гв. Гренадерскомъ полку, расположенномъ въ то время, какъ и теперь, на Петербургской Сторонѣ, подняли возмущеніе поручики Ал. Ник. Сутгофъ и Ник. Ив. Пановъ, и часть полка, со знаменами, но не построенная, перейдя по льду Неву, была приведена ими нѣсколько позднѣе также на Сенатскую площадь. По дорогѣ Пановъ предполагалъ захватить Зимній Дворецъ и вошелъ уже во дворъ, но, замѣтивъ караулъ л.-гв. Сапернаго батальона, повернулъ обратно. Наконецъ, значительно позднѣе лейтенантъ Арбузовъ привелъ на площадь по Галерной ул. часть Гвардейскаго Экипажа, расположеннаго въ то время, какъ и теперь, на углу Екатерининскаго и Крюкова каналовъ. Собравшіяся на площади войска построились въ каре, при чемъ руководство всѣми дѣйствіями принадлежало, главнымъ образомъ, поручику л.-гв. Финляндскаго полка кн. Евг. Пет. Оболенскому. Сюда же явились нѣкоторые изъ штатскихъ членовъ общества, какъ напр. В. К. Кюхельбекеръ, отставной поручикъ П. А. Каховскій и др. Къ собравшимся начали примыкать и посторонніе, и вскорѣ площадь, примыкающія къ ней улицы, сосѣднія зданія и лѣса строившагося въ то время Исаакіевскаго собора покрылись густою толпою.

Николай Павловичъ получилъ извѣстіе о происшедшемъ въ Московскомъ полку отъ прибывшаго во дворецъ начальника штаба гвардейскаго корпуса ген.-маіора Ал. Ив. Нейдгарда. Узнавъ о возмущеніи, онъ

поставилъ у главнаго входа во дворецъ 9-ю стрѣлковую роту л.-гв. Финляндскаго полка, только что вступившую въ караулъ, и распорядился вызвать 1-й батальонъ л.-гв. Преображенскаго полка (расположенный, какъ и теперь, на Миллiонной ул.) и Кавалергардскiй полкъ. По прибытiи Преображенцевъ, Николай Павловичъ, ввѣривъ ихъ защитѣ 7-лѣтняго наслѣдника престола, повелъ ихъ лично и выстроилъ на углу Вознесенскаго и Адмиралтейскаго проспектовъ. Къ этому же времени имъ была вызвана Конная Гвардiя, которая и прибыла почти въ полномъ составѣ, обогнувъ Исаакiевскiй Соборъ, и была выстроена отъ собора до берега Невы со стороны Адмиралтейства. Измайловскiй полкъ, солдаты котораго во время присяги также выказали нѣкоторое колебанiе, приведенный вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, былъ выстроенъ въ резервѣ по Вознесенскому проспекту, отъ Синяго моста до Адмиралтейскаго проспекта (позднѣе сюда прибылъ л.-гв. Егерскiй полкъ и первая артиллерiйская бригада). Семеновскiй полкъ былъ посланъ въ обходъ Исаакiевскаго Собора къ Конногвардейскому манежу. Часть Павловскаго полка заняла мостъ у Крюкова канала и Галерную улицу. Вызванъ былъ точно также Финляндскiй полкъ, расположенный тогда, какъ и теперь, на Васильевскомъ Островѣ; но когда полкъ вступилъ на мостъ, командовавшiй первымъ взводомъ, поручикъ бар. Андр. Розенъ, одинъ изъ участниковъ заговора, скомандовалъ: «стой» и это остановило дальнѣйшее движенiе всего полка; только та часть его, которая еще не взошла на мостъ, по льду перешла рѣку и присоединилась къ войскамъ, стоявшимъ у Крюкова канала. Дворцовую площадь заняли Кавалергарды и 2-й баталiонъ Преображенскаго полка. Одновременно съ этими мѣропрiятiями Николай Павловичъ распорядился, чтобы его дѣти были перевезены изъ Аничкина Дворца въ Зимнiй, а нѣсколько позднѣе были заготовлены и экипажи для отправленiя всего царскаго семейства, подъ прикрытiемъ Кавалергардовъ въ Царское Село. Саперные л.-гвардiи и учебный баталiоны были вызваны для охраны дворца. Самъ Николай Павловичъ въ теченiе всего дня занималъ мѣсто во главѣ 1-го баталiона Преображенскаго полка на углу Вознесенскаго и Адмиралтейскаго проспектовъ. Главное командованiе со стороны Почтамтской и Галерной улицъ и Крюкова канала было поручено имъ вел. кн. Михаилу Павловичу.

Попытки увѣщанiя возмутившихся не имѣли результатовъ. Выѣхавшiй къ нимъ въ самомъ началѣ Милорадовичъ былъ смертельно раненъ; та же участь постигла командира л.-гв. Гренадерскаго полка полковника Стюрлера (раны тому и другому были нанесены Каховскимъ). Угрозами выстрѣловъ былъ встрѣченъ и вел. кн. Михаилъ Павловичъ. Не имѣла успѣха и попытка увѣщеванiя, сдѣланная митрополитомъ Серафимомъ, вышедшимъ въ полномъ облаченiи, съ хоругвями и въ сопровожденiи дьяконовъ. Къ тремъ часамъ дня рѣшено было приступить къ дѣйствiямъ, начавъ съ кавалерiйской аттаки. Однако, аттаки Конной Гвардiи, а вслѣдъ за нею Кавалергардовъ, имѣли мало успѣха: изъ-за сильной гололедицы лошади падали; палаши оказались не отпущенными, и выгода оставалась на сторонѣ противника, открывшаго уже ружейный огонь. Николай Павловичъ долго не рѣшался, съ своей стороны, открыть огонь, и только уступая настоянiямъ ген.-ад. Васильчикова, выдвинулъ артилерiю. Одно орудiе было послано къ вел. кн. Михаилу Павловичу; три орудiя были поставлены передъ первымъ баталiономъ Преображенцевъ, на углу Адмиралтейскаго проспекта. Было сдѣлано четыре выстрѣла картечью; первый былъ взятъ слишкомъ высоко и ударилъ въ зданiе Сената; слѣдующiе — два изъ орудiй у Адмиралтейскаго бульвара и одинъ изъ орудiя у Семеновскаго полка—разстроили каре. Главная масса искала спасенiя черезъ Неву по Исаакiевскому мосту и по Англiйской набережной; нѣкоторая часть—по Галерной. Въ преслѣдованiе за бѣжавшими были двинуты черезъ Неву—Измайловцы и Преображенцы, по Англiйской набережной—Конная Гвардiя. Часть бывшаго въ каре Московскаго полка спустилась на ледъ, и здѣсь Михаилъ Бестужевъ попытался построить колонну, чтобы итти на Петропавловскую крѣпость: орудiйный огонь артиллерiи, выдвинутой къ этому времени къ Исаакiевскому мосту и стрѣлявшей теперь уже ядрами, и открывшаяся на льду полынья разстроили этотъ замыселъ. Когда возставшiе были окончательно разсѣяны, Николай Павловичъ поручилъ команду на этой сторонѣ Невы ген.-ад. кн. Васильчикову, а на Васильев-

скомъ Островѣ—ген.-ад. Ал. Хр. Бенкендорфу, оставивъ каждому изъ нихъ въ распоряженіе нѣкоторыя войсковыя части. Главныя силы гвардейскаго корпуса были расположены бивакомъ вокругъ Зимняго Дворца и заняли всѣ проѣзды на Дворцовую площадь.

Такъ кончился въ Петербургѣ день 14-го декабря. Послѣднимъ отзвукомъ движенія было возстаніе, произведенное на югѣ, въ Васильковѣ, полковникомъ Черниговскаго полка Серг. Ив. Муравьевымъ-Апостоломъ (членомъ Южнаго Общества) Поднявъ 30-го декабря 1825 г. свой полкъ, онъ повелъ его къ Бѣлой Церкви, надѣясь соединиться съ расположенными здѣсь войсками. Еще не доходя до Бѣлой Церкви онъ узналъ, что войска оттуда уже вышли, и рѣшилъ измѣнить направленіе. Между деревнями Устимовской и Королевской онъ былъ настигнутъ высланнымъ противъ него отрядомъ гусаръ подъ начальствомъ ген. Гейсмара, разбитъ и, раненый, захваченъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Матвѣемъ и другими офицерами.

Первые годы царствованія (1825—1830).

Событія 14-го декабря и послѣдовавшее за ними слѣдствіе надъ декабристами оказали сильное вліяніе на характеръ и взгляды императора Николая I и наложили опредѣленный отпечатокъ на всю его политику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю. Особенно ярко сказалось это вліяніе въ первые годы его царствованія (1825 г.—начало 1830 г.). Внутренняя политика за это время характеризуется, съ одной стороны, рядомъ мѣръ полицейскаго характера, направленныхъ къ охраненію государственной безопасности и порядка, съ другой стороны, попытками отвѣтить на наиболѣе назрѣвшія общественныя и государственныя нужды, остававшіяся въ забвеніи послѣдніе годы предшествовавшаго царствованія. Во внѣшней политикѣ—это время, когда съ особою силою выдвигается восточный вопросъ, недостаточный интересъ къ которому ставился въ упрекъ правительству Александра I въ послѣдніе годы его царствованія почти всѣмъ русскимъ обществомъ безъ различія оттѣнковъ и направленій.

Дѣла внутреннія.

Вступленіе на престолъ имп. Николая I и первые годы его царствованія ознаменовались нѣкоторыми существенными перемѣнами въ правительственныхъ сферахъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить полное удаленіе отъ дѣлъ графа Аракчеева. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 20-го декабря 1825 г. онъ былъ уволенъ отъ занятій дѣлами Собственной Е. И. В. Канцеляріи и отъ завѣдыванія канцеляріей Комитета Министровъ, а въ апрѣлѣ 1826 г., по собственному прошенію, и отъ управленія военными поселеніями. Недолго сохранялъ свой постъ и имѣвшій такое большое значеніе въ послѣдніе годы александровскаго царствованія министръ народнаго просвѣщенія адм. Ал. Сем. Шишковъ: въ маѣ 1828 г. онъ былъ замѣненъ гр. Карломъ Андр. Ливеномъ. Еще раньше этого, въ 1826 г., послѣдовало паденіе извѣстныхъ Мих. Леонт. Магницкаго и Дм. Пав. Рунича, попечителей казанскаго и петербургскаго учебныхъ округовъ. Военный министръ гр. А. Ив. Татищевъ, хотя и былъ вначалѣ удостоенъ знаками высочайшаго вниманія, вскорѣ, однако, былъ замѣненъ генералъ-адъютантомъ гр. А. Ив. Чернышевымъ, бывшимъ постоянно при покойномъ государѣ во время его поѣздокъ на европейскіе конгрессы, выдвинувшимся теперь при разслѣдованіи о тайныхъ обществахъ въ южной арміи и снискавшимъ съ этого времени довѣріе Николая Павловича. Одновременно съ этимъ произошли перемѣны въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ высшіе посты точно также были поручены двумъ военнымъ, пользовавшимся большимъ довѣріемъ новаго государя: въ 1828 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ, на мѣсто Вас. Серг. Ланского, финляндскій генералъ-губернаторъ ген.-адъютантъ гр. Арс. Андр. Закревскій; государственная полиція съ 1826 г. была поручена ген.-адъютанту гр. Алдр. Христоф. Бенкендорфу. Послѣ 14-го декабря быстро началъ возвышаться командиръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка Ал-ѣй Ѳеод. Орловъ, возведенный къ Рождеству 1825 г. въ графское достоинство. Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, послѣ смерти Милорадовича, былъ сдѣланъ генералъ-адъютантъ Пав. Вас. Голенищевъ-Кутузовъ. Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Карлъ Вас. Нессельроде, съ именемъ котораго связывалось то направленіе русской политики, какое она приняла во вторую поло-

вину александровскаго царствованія, сохранилъ свое положеніе въ теченіе всего царствованія Николая I. Вначалѣ императоръ Николай Павловичъ предполагалъ ввѣрить управленіе иностранными дѣлами бар. Гр. Ал. Строгонову, но успѣхи нашей внѣшней политики въ первые годы царствованія въ восточномъ вопросѣ упрочили положеніе Нессельроде. «Не мѣнять ничего въ установившейся политикѣ Нессельроде» было однимъ изъ завѣтовъ и цесаревича Константина Павловича своему брату въ своемъ послѣднемъ отказѣ отъ престола (въ письмѣ отъ 8-го декабря 1825 г.). Назначенный въ 1823 году министромъ финансовъ Ег. Франц. Канкринъ былъ оставленъ на своемъ посту и долгое время сохранялъ свое значеніе. Долгое время близкій къ покойному государю, бывшій одно время начальникомъ главнаго штаба, но впавшій въ немилость въ 1823 г., кн. Пет. Мих. Волконскій въ началѣ новаго царствованія снова былъ удостоенъ знаками вниманія и въ 1826 г. получилъ почетное назначеніе на вновь учрежденный постъ министра Императорскаго Двора. Его преемникъ въ александровское царствованіе по управленію главнымъ штабомъ, генералъ-адъютантъ бар. Ив. Ив. Дибичъ сохранилъ расположеніе новаго государя. Недовѣріе и прямо непріязненное чувство, которое Николай Павловичъ всегда, еще до вступленія на престолъ, питалъ къ начальствовавшему надъ войсками на Кавказѣ генералу Ал-ѣю Пет. Ермолову, выразилось наконецъ къ 1826 г. въ замѣнѣ его ген.-ад. Ив. Ѳед. Паскевичемъ. Недовѣрчивое вначалѣ отношеніе Николая Павловича къ Сперанскому постепенно уступило мѣсто болѣе благосклонному расположенію. Съ первыхъ же дней новаго царствованія сталъ выдвигаться генералъ Пет. Андр. Клейнмихель, въ то время начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, назначенный позднѣе управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Наиболѣе близкимъ къ новому государю продолжалъ оставаться и пользоваться его исключительнымъ довѣріемъ другъ его дѣтства, ген.-адъют. гр. Влад. Ѳед. Адлербергъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ приходится отмѣчать большое вліяніе на политику Николая Павловича его старшаго брата, цесаревича Константина Павловича.

Тотчасъ же послѣ возстанія 14 декабря начались розыскъ и слѣдствіе надъ его участниками. Вечеромъ въ этотъ день, по возвращеніи государя во дворецъ, было отслужено молебствіе, назначенное еще на 11 ч. утра, но отложенное въ виду происшедшихъ событій. Вскорѣ послѣ этого во дворецъ начали привозить арестованныхъ участниковъ возстанія, а также и другихъ членовъ тайныхъ обществъ, которые немедленно подвергались допросу самимъ государемъ и генералъ-адъютантами гр. Карл. Ѳед. Толемъ и Вас. Вас. Левашовымъ. Уже въ эту ночь были взяты и подверглись допросу нѣкоторые изъ главныхъ участниковъ тайныхъ обществъ: Рылѣевъ, кн. Оболенскій, кн. Трубецкой и др. Допросъ продолжался всю ночь и до полудня слѣдующаго дня. По мѣрѣ того какъ шло разслѣдованіе, Николай Павловичъ извѣщалъ о его ходѣ цесаревича Константина Павловича письмомъ, которое имъ писалось одновременно съ допросомъ. Уже 15 декабря въ газетахъ появилось сообщеніе о событіяхъ предшествовавшаго дня. 17 декабря былъ учрежденъ особый комитетъ для слѣдствія о тайныхъ обществахъ (получившій вскорѣ названіе Слѣдственной Комиссіи) подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Татищева. Членами комитета были назначены вел. кн. Михаилъ Павловичъ, кн. Ал. Ник. Голицынъ и генер.-адъютанты Голенищевъ-Кутузовъ, Бенкендорфъ и Левашовъ (позднѣе въ него вошли начальникъ главнаго штаба Дибичъ, ген.-ад. Чернышевъ и дежурный генералъ Ал-ѣй Ник. Потаповъ); правителемъ дѣлъ комитета — состоящій при военномъ министрѣ Ал. Дм. Боровковъ, его помощникомъ—флигель-адъютантъ государя Адлербергъ. Слѣдственная комиссія вела свои занятія непрерывно до конца мая 1826 г. Уже къ январю стали привозить въ Петербургъ взятыхъ на югѣ участниковъ тайныхъ обществъ, въ томъ числѣ полковника Пав. Ив. Пестеля и кн. Серг. Мих. Волконскаго. Первый допросъ снималъ обыкновенно Левашовъ; по полученіи показаній о нихъ немедленно сообщалось государю, который и самъ лично принималъ по временамъ участіе въ допросѣ. Заключенные въ Петропавловской крѣпости содержались очень сурово; въ цѣляхъ розыска къ нимъ примѣнялись и крайнія мѣры строгости и устрашенія: многіе изъ

нихъ приводились на допросъ со связанными руками, нѣкоторые были закованы въ кандалы; прибѣгали даже къ угрозѣ пыткой. Къ отдѣльнымъ заключеннымъ, по личному указанію Николая Павловича, примѣнялся разный режимъ и различныя мѣры воздѣйствія. Одновременно съ этимъ особыя военносудныя комиссіи въ Могилевѣ вели розыскъ надъ участниками мятежа въ Черниговскомъ полку (кромѣ главныхъ зачинщиковъ и въ томъ числѣ Сергѣя Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина, которые были доставлены въ слѣдственную комиссію). 20 декабря 1825 г., на первомъ пріемѣ дипломатическаго корпуса государь въ своей рѣчи подробно сообщилъ иностраннымъ дипломатамъ о совершившихся событіяхъ и о своемъ рѣшеніи произвести строгій судъ надъ участниками заговора. Позднѣе онъ особенно часто говорилъ о происходившемъ слѣдствіи съ французскимъ посломъ гр. Лаферронэ.

Къ 30 мая 1826 г. Слѣдственная Комиссія закончила слѣдствіе и составила свое «Донесеніе» о тайныхъ обществахъ (въ основу его легла подготовленная по порученію министра иностранныхъ дѣлъ Дм. Ник. Блудовымъ статья о ходѣ слѣдствія, предназначавшаяся для печати и составленная на основаніи матерьяловъ, представленныхъ Блудову правителемъ дѣлъ Слѣдственной Комиссіи Боровковымъ). 1 іюня 1826 г. былъ назначенъ Верховный Уголовный Судъ надъ обвиняемыми, составленный изъ членовъ Государственнаго Совѣта, Сената и Синода. Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. Петръ Вас. Лопухинъ; на министра юстиціи кн. Лобанова-Ростовскаго возлагались обязанности генералъ-прокурора. Членами отъ Государственнаго Совѣта были назначены: кн. Куракинъ (который долженъ былъ замѣщать предсѣдателя на случай его болѣзни), адм. Мордвиновъ, гр. Морковъ, кн. Лобановъ-Ростовскій 2-й, Ланской 1-й, гр. Толстой, Карцовъ, Сукинъ, Балашовъ, Васильчиковъ, гр. Нессельроде, Шишковъ, гр. Воронцовъ, кн. Салтыковъ, гр. Ливенъ, Болотниковъ и Сперанскій. Отъ Сената: Феншъ, царевичъ Миріанъ, кн. Гагаринъ, Ададуровъ, Обресковъ, Васильчиковъ, Михайловскій, Гладковъ, гр. Хвостовъ, Энгель, Нелидовъ, гр. Орловъ, кн. Шаховской, Хитрово, Грушецкій, Мертенсъ, гр. Кутайсовъ, Барановъ, Дивовъ, Корниловъ, Батюшковъ, Ланской, Безродный, Дубенскій, Мечниковъ, Сумароковъ, кн. Куракинъ, Хвостовъ, Щулеповъ, Болгарскій, Мавринъ, Мансуровъ, Лавровъ, Полетика, Вистицкій и Казадаевъ. Отъ Синода: митрополитъ Серафимъ, митрополитъ Евгеній и архіепископъ Авраамъ. Сверхъ этого были назначены къ участію въ Верховномъ Судѣ гр. Головкинъ, гр. Ланжеронъ, бар. Строгановъ, Воиновъ, Опперманъ, гр. де-Ламбертъ, Сенявинъ, Паскевичъ, Эмманюэль, гр. Комаровскій, Башуцкій, Закревскій, Бистромъ и Кушниковъ. Суду были преданы 121 человѣкъ.

Ознакомившись съ результатами слѣдствія и выслушавъ чтеніе тѣхъ показаній, которыя были даны обвиняемыми въ комиссіи, судъ, съ своей стороны, не вызывалъ снова подсудимыхъ и не подвергалъ ихъ новому допросу (есть извѣстіе, что въ данномъ случаѣ остался при особомъ мнѣніи адм. Шишковъ), но ограничился лишь тѣмъ, что избралъ изъ своей среды комиссію для провѣрки произведеннаго слѣдствія. Въ эту комиссію вошли гр. Ливенъ, ген.-ад. Балашевъ, кн. Салтыковъ, Барановъ, Болгарскій, Лавровъ, гр. Головкинъ, ген.-адъют. гр. Ламбертъ и Бороздинъ. Эта комиссія, въ свою очередь, ограничилась лишь тѣмъ, что ознакомившись со всѣми документами, относящимися къ дѣлу, предложила каждому изъ подсудимыхъ удостовѣрить своею подписью его показанія и очныя ставки (многіе изъ подсудимыхъ не поняли даже, что надъ ними совершается судъ и предполагали, что они допрашиваются лишь тою же Слѣдственною Комиссіею, но въ другомъ составѣ). Къ 10-му іюня комиссія закончила свою работу, и Верховный Судъ избралъ новую комиссію (гр. Толстой, ген.-адъют. Васильчиковъ, Сперанскій, гр. Кутайсовъ, Барановъ, Энгель, Кушниковъ, бар. Строгановъ, ген.-ад. гр. Комаровскій) для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ и для назначенія каждому разряду степени наказанія. Всѣ виновные были раздѣлены на 11 разрядовъ. Первый разрядъ (31 чел.) былъ приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; остальные—къ различнымъ наказаніямъ, начиная отъ вѣчной каторги до отдачи въ солдаты съ выслугою. Пять виновныхъ: Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Мих. Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій

были поставлены внѣ разрядовъ и приговорены къ четвертованію. Докладъ о приговорѣ (составленный Сперанскимъ, Козадаевымъ и Бороздинымъ) былъ представленъ 9 іюля государю, который указомъ 10 іюля даровалъ жизнь преступникамъ перваго разряда, смягчилъ всѣмъ разрядамъ степень наказанія (дальнѣйшее смягченіе послѣдовало черезъ мѣсяцъ послѣ этого по случаю коронаціи), а поставленныхъ внѣ разряда предалъ «рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится». Судъ приговорилъ ихъ къ повѣшенію (есть извѣстіе, что Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, замѣтилъ, что офицеровъ не вѣшаютъ, но разстрѣливаютъ, но на этомъ видѣ казни настоялъ Бенкендорфъ). Въ ночь на 13 іюля на валу кронверка Петропавловской крѣпости приговоръ надъ осужденными былъ приведенъ въ исполненіе. Участь нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ возстаніи 14 декабря была рѣшена значительно раньше: изъ нихъ былъ сформированъ сводный гвардейскій полкъ въ составѣ двухъ батальоновъ, который и былъ отправленъ уже въ февралѣ мѣсяцѣ на Кавказъ, на персидскую границу, гдѣ вскорѣ начались военныя дѣйствія.

Еще за долго до окончанія дѣла декабристовъ, 28 февраля прибыло въ Царское Село тѣло императора Александра; 6 марта состоялось перевезеніе въ Петербургъ, а 13 марта погребеніе. 4 мая того же года скончалась въ Бѣлевѣ и императрица Елизавета Алексѣевна, остановившаяся въ этомъ городѣ по пути изъ Таганрога въ Москву. Погребеніе императрицы состоялось въ Петербургѣ 21 іюня. Вскорѣ дворъ началъ готовиться къ коронаціи и переселился въ Москву. Въ половинѣ августа здѣсь собралось все царское семейство: совершенно неожиданнымъ было прибытіе (14 августа) цесаревича Константина Павловича, до этого времени упорно отказывавшагося покинуть Варшаву. Пріѣздъ его очень обрадовалъ государя; цесаревичъ оставался вплоть до коронаціи. Коронація состоялась 22 августа. Въ этотъ день былъ обнародованъ манифестъ о назначеніи вел. кн. Михаила Павловича, на случай смерти императора, правителемъ государства до совершеннолѣтія наслѣдника. 23 августа цесаревичъ Константинъ Павловичъ выѣхалъ въ Варшаву. Государь къ 6 октября вернулся въ Петербургъ.

Параллельно со всѣми этими событіями шла повседневная правительственная дѣятельность. 13 іюля 1826 г. былъ опубликованъ манифестъ о раскрытіи заговора и совершеніи суда надъ его участниками; этотъ манифестъ содержалъ въ себѣ и нѣчто вродѣ программы предстоящаго царствованія. «Да обратятъ родители, говорилось здѣсь, все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной нежели праздность тѣлесныхъ силъ — недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательной крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ предуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ. Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенствованію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія Мы пріимемъ съ признательностью и удовольствіемъ. Для него отверзты въ Отечествѣ Нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія—все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ исполнителей. Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ Правительству. Въ государствахъ, гдѣ любовь къ Монархамъ и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ: они могутъ таиться во мракѣ, но при первомъ появленіи, отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи Государственнаго состава каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и спокойный въ настоящемъ, можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзновенныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, испра-

вляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ распространенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ Намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты Нами съ благоволеніемъ». Очередныя правительственныя мѣропріятія слагались подъ живымъ впечатлѣніемъ тягостныхъ событій перваго дня новаго царствованія. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ указать тѣ мѣропріятія, которыя были направлены къ охраненію государственнаго порядка и къ борьбѣ съ нежелательными политическими идеями. Изъ этихъ мѣропріятій приходится на первомъ мѣстѣ поставить новую организацію государственной полиціи. Въ январѣ 1826 г. ген.-ад. Бенкендорфъ представилъ проектъ о возстановленіи министерства полиціи, и объ организаціи отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Послѣдній долженъ былъ объединить жандармскія части корпуса внутренней стражи, существовавшія съ 1817 г. по отдѣльнымъ мѣстностямъ въ вѣдѣніи мѣстной администраціи, и жандармскій полкъ, несшій съ 1815 г. при отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ военно-полицейскую службу. Корпусъ жандармовъ подчинялся министру полиціи, которому присваивалось званіе инспектора корпуса жандармовъ. Сочувственно отнесясь къ мысли Бенкендорфа, императоръ Николай I не пожелалъ, однако, учреждать особое *министерство* полиціи, но предполагалъ сосредоточить новое вѣдомство при своей собственной канцеляріи. 25 іюня 1826 г. Бенкендорфъ (въ то время начальникъ 1-й кирасирской дивизіи) былъ назначенъ шефомъ жандармовъ (которые позднѣе, въ 1836 г., образовали особый корпусъ) и командующимъ императорскою главною квартирою. 3 іюля того же 1826 г. особая канцелярія при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ была преобразована въ Третье Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи (о второмъ отдѣленіи см. ниже). Шефъ жандармовъ Бенкендорфъ былъ поставленъ во главѣ этого Отдѣленія (директоромъ канцеляріи Отдѣленія былъ назначенъ Макс. Макс. Фокъ; съ 1836 года, со времени образованія особаго корпуса жандармовъ сливаются окончательно должности: шефа жандармовъ съ должностью главнаго начальника III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи и начальника штаба корпуса жандармовъ съ должностью управляющаго тѣмъ же Отдѣленіемъ). Третье Отдѣленіе вѣдало: 1. Всѣ распоряженія и извѣстія по дѣламъ высшей полиціи. 2. Свѣдѣнія о сектахъ и расколахъ. 3. Извѣстія о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, монетахъ, документахъ и т. п., дальнѣйшее разысканіе о которыхъ оставалось въ вѣдѣніи Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. 4. Свѣдѣнія и распоряженія о всѣхъ лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи. 5. Высылку подозрительныхъ лицъ. 6. Завѣдываніе всѣми мѣстами заключенія, гдѣ находились государственные преступники. 7. Всѣ постановленія объ иностранцахъ въ Россіи. 8. Вѣдомости о всѣхъ происшествіяхъ. 9. Статистическія свѣдѣнія, до полиціи относящіяся. 10. Театральную цензуру (съ 1828 г.). Для управленія жандармскими командами вся Россія дѣлилась на 5 округовъ (къ 1843 г.—на 8); каждый округъ подчинялся особому генералу. Округа дѣлились на отдѣленія (2—3 губерніи), во главѣ которыхъ стояли штабъ-офицеры. На офицерскія должности должны были назначаться лица благонадежныя, отличавшіяся обхожденіемъ, имѣвшія связи въ обществѣ, съ помощью чего имъ было легче слѣдить за настроеніемъ умовъ. Въ инструкціи жандармскому полковнику Бибикову (повторявшейся затѣмъ и при другихъ назначеніяхъ) обязанности жандармовъ опредѣляются такъ: 1. Слѣдить во всѣхъ учрежденіяхъ и состояніяхъ о всѣхъ злоупотребленіяхъ и закону противныхъ поступкахъ. 2. Наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены какой-либо личной властью, сильными лицами или пагубнымъ направленіемъ злоумышленныхъ людей. 3. Предупреждать и пресѣкать всякое зло, поселять въ заблудшихъ стремленіе къ добру и выводить ихъ на путь истинный. 4. Стараться пріобрѣсти уваженіе и довѣріе всѣхъ сословій и внушать увѣренность, что чрезъ посредство новой должности голосъ всякаго гражданина можетъ дойти до царскаго престола. 5. Отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ. Со времени учрежденія Третьяго Отдѣленія начальники губерній по всѣмъ дѣламъ, входящимъ въ вѣдѣніе этого Отдѣленія, должны были доносить уже не Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а непосредственно Государю Императору съ надписью «въ Третье

Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи». Съ учрежденіемъ же должности шефа жандармовъ ему подчинялось непосредственно и независимо отъ мѣстной администраціи все жандармское вѣдомство.

Свой проектъ объ организаціи государственной полиціи Бенкендорфъ мотивировалъ необходимостью имѣть болѣе зоркое наблюденіе за тѣми идеями, которыя распространяются въ обществѣ. Вліяніемъ вредныхъ политическихъ идей объясняли и возникновеніе существовавшихъ тайныхъ обществъ, и событія, имѣвшія мѣсто 14 декабря. Съ цѣлью борьбы съ нежелательными политическими идеями, наряду съ новою организацiею государственной полиціи въ началѣ царствованія Николая I былъ предпринятъ рядъ мѣръ въ области народнаго просвѣщенія и цензуры. Въ дѣлѣ народнаго образованія проводился принципъ сословности и зависимости уровня образованія отъ общественнаго положенія лица, а также былъ усиленъ надзоръ за частными учебными заведеніями. Рескриптомъ 14 мая 1826 г. на имя министра народнаго просвѣщенія адм. Алдр. Сем. Шишкова учреждался подъ предсѣдательствомъ министра особый «Комитетъ устройства учебныхъ заведеній», въ которой вошли: гр. К. А. Ливенъ, Сперанскій, гр. Ламбертъ, С. С. Уваровъ, Сиверсъ, Шторхъ, исправляющій должность попечителя Харьковскаго университета Петровскій, фл.-адъютантъ Перовскій и гр. Строгановъ. Этотъ комитетъ долженъ былъ провѣрить уставы всѣхъ учебныхъ заведеній, опредѣлить точно курсы этихъ учебныхъ заведеній и указать книги для этихъ курсовъ. Это касалось учебныхъ заведеній какъ казенныхъ, такъ и частныхъ. Другимъ рескриптомъ 19 августа 1827 г. на имя того же министра устанавливалось, какъ основное требованіе, «чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію было ему суждено оставаться». Находя, что «въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному правилу», рескриптъ предписывалъ: чтобы въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, а равно въ гимназіи принимались только люди свободныхъ состояній, не исключая, однако, и вольноотпущенныхъ; чтобы крѣпостные крестьяне и дворовые люди обучались лишь въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и частныхъ заведеніяхъ, не превышающихъ по объему своего преподаванія уѣздныя училища; чтобы крѣпостные допускались въ заведенія особаго рода, для обученія сельскому хозяйству и вообще земледѣльческому и промышленному искусству, но чтобы предметы общаго преподаванія въ этихъ заведеніяхъ не превосходили по объему преподаваніе уѣздныхъ училищъ. Выполненіе этого требованія и легло въ основу выработаннаго комитетомъ новаго устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 г. Сохраняя три существующія степени общей школы, этотъ уставъ предназначалъ приходскія училища для лицъ «самыхъ низшихъ состояній», уѣздныя—для горожанъ, гимназіи — для дворянъ и чиновниковъ. При гимназіяхъ учреждались дворянскіе благородные пансіоны.

10 іюня 1826 г. былъ изданъ новый цензурный уставъ, очень обширный (до 230 §§) и значительно превосходившій по строгости цензурныя распоряженія второй половины александровскаго царствованія. Управленіе цензурою попрежнему оставалось въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но теперь для высшаго руководства цензорами учреждался верховный цензурный комитетъ, состоящій изъ трехъ министровъ — народнаго просвѣщенія, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, сообразно тремъ главнымъ задачамъ, возложеннымъ на цензуру: 1. о наукахъ и воспитаніи юношества; 2. о нравахъ внутренней безопасности и 3. о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Самое управленіе цензурою сосредоточивалось въ Главномъ цензурномъ комитетѣ въ Петербургѣ, непосредственно подчиненномъ Министерству, и въ комитетахъ: въ Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ, подчиненныхъ мѣстнымъ попечителямъ учебныхъ округовъ. Послѣ отставки Шишкова и назначенія министромъ народнаго просвѣ-

щенія кн. Ливена цензурныя строгости были нѣсколько смягчены, а въ 1828 г. (22 апрѣля) появился и новый цензурный уставъ, отступавшій нѣсколько отъ строгихъ требованій 1826 г. и рекомендовавшій цензорамъ принимать за основаніе прямой смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольно толковать его въ дурную сторону. Высшею инстанціею по дѣламъ цензуры стало теперь Главное Управленіе Цензуры при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, состоящее изъ президентовъ Академіи Наукъ и Академіи Художествъ, товарища министра народнаго просвѣщенія, представителей отъ духовнаго вѣдомства, Министерствъ Внутреннихъ и Иностранныхъ дѣлъ, управляющаго Третьимъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи и попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа. Мѣстные цензурные комитеты, подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ, были учреждены въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Тифлисѣ, а должности отдѣльныхъ цензоровъ въ Дерптѣ, Ревелѣ и Казани. Кромѣ того былъ учрежденъ Комитетъ цензуры иностранной для привозимыхъ изъ-за границы произведеній.

Характерною особенностью всѣхъ этихъ мѣръ, а равно и другихъ направленныхъ на охраненіе вѣры и внѣдреніе религіознаго начала, былъ ихъ вѣроисповѣдный оттѣнокъ. Космополитическій мистицизмъ, столь характерный для послѣднихъ лѣтъ александровскаго царствованія, былъ признанъ теперь почвою, слишкомъ благопріятною для развитія вольномыслія и антигосударственныхъ цѣлей. Выдвигалась защита ученія и постановленій православной церкви. Весною 1826 г. было закрыто Библейское Общество. Послѣ отставки Шишкова Главное Управленіе Иностранныхъ Исповѣданій, было отдѣлено отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и во главѣ Управленія Иностранныхъ Исповѣданій былъ поставленъ статсъ-секретарь гр. Дм. Ник. Блудовъ, ревностно боровшійся противъ инославнаго прозелитизма. Съ 1825 года борьба съ отдѣльными сектами начинаетъ возлагаться на гражданскія власти «безъ всякаго участія духовной власти». Съ 1827 г. было разъяснено, что отступленіе въ расколъ есть уголовное преступленіе.

Наряду со всѣми этими мѣропріятіями, по существу своему полицейско-охранительнаго и запретительнаго характера, въ первые годы николаевскаго царствованія надо отмѣтить другія, имѣвшія цѣлью дать положительное разрѣшеніе назрѣвшимъ общественнымъ и государственнымъ нуждамъ и запросамъ. Всѣ вышеуказанныя мѣропріятія обусловливались въ значительной степени событіями 14 декабря, приведшими императора Николая къ убѣжденію въ необходимости бороться и положить предѣлъ распространенію революціоннаго духа. Этимъ не исчерпывается, однако, значеніе для политики николаевскаго царствованія «дѣла декабристовъ». Знакомство съ этимъ дѣломъ, тѣ показанія, которыя давали обвиняемые, не ограничивавшіеся иногда отвѣтами на предлагаемые имъ вопросы и излагавшіе въ пространныхъ письмахъ къ самому государю мотивы, приведшіе ихъ къ образованію тайнаго общества, и недостатки государственнаго и общественнаго строя, все это раскрыло передъ глазами императора Николая I широкую картину современной русской жизни въ ея отрицательныхъ сторонахъ. По порученію государя правителемъ дѣлъ Слѣдственной Коммисіи А. Д. Боровковымъ былъ составленъ изъ всѣхъ этихъ писемъ и показаній къ февралю 1827 г. общій сводъ. Въ этомъ сводѣ систематически были изложены всѣ тѣ причины современнаго неустройства, на которое указывали декабристы, и тѣ преобразованія (исключая вопросъ о политической реформѣ), которыя они считали желательными (послѣднія—въ субъективномъ освѣщеніи самого Боровкова). Отсутствіе ясныхъ и точныхъ законовъ, приведенныхъ въ систему, недостатки въ судебной части, разстройство всей системы управленія, тяжелое положеніе низшаго чиновничества, порождающее взяточничество, разстройство казеннаго хозяйства и тягостная для населенія система повинностей и податей, упадокъ торговли и дурное состояніе флота, тяжелое положеніе всѣхъ сословій и прежде всего крестьянскаго, какъ результатъ сословно-крѣпостного строя—вотъ тѣ причины неустройства, которыя указывались этимъ сводомъ. «Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учре-

женіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ — исправить неисчислимые безпорядки и злоупотребленія»—такъ опредѣлялись въ сводѣ очередныя преобразованія. Сводъ Боровкова всегда находился въ кабинетѣ у государя, и онъ часто его перечитывалъ; два другихъ экземпляра свода были переданы государемъ цесаревичу Константину Павловичу и кн. Викт. Павл. Кочубею, назначенному 6 апрѣля 1826 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ.

Частью свѣдѣнія, полученныя отъ ознакомленія съ показаніями декабристовъ, частью многія оставшіяся послѣ императора Александра невыполненными предположенія и планы привели императора Николая къ мысли предпринять пересмотръ всего государственнаго устройства и управленія. Съ этою цѣлью былъ учрежденъ особый секретный комитетъ (именуемый, обыкновенно, по датѣ своего учрежденія, Комитетомъ 6 декабря 1826 г.) подъ предсѣдательствомъ кн. Кочубея; въ составъ комитета вошли: генералъ гр. П. А. Толстой, ген.-адм. Ил. Вас. Васильчиковъ, кн. А. Н. Голицынъ, начальникъ Главнаго Штаба ген.-ад. бар. Дибичъ и Сперанскій, (правителями дѣлъ комитета послѣдовательно были: статсъ-секретари А. Д. Блудовъ и Дм. Вас. Дашковъ и бар. Мод. Корфъ).

Самъ государь такъ намѣтилъ программу работъ комитета: 1. Разсмотрѣніе бумагъ, оставшихся въ кабинетѣ покойнаго государя. 2. Разсмотрѣніе современнаго состоянія государственнаго устройства. 3. Выясненіе того, что предполагалось исполнить, что существуетъ и что осталось выполнить. Кромѣ бумагъ, находившихся въ кабинетѣ покойнаго государя, комитетъ получилъ на разсмотрѣніе такъ называемыя «Балашовскія бумаги» (Балашовъ, министръ полиціи при Александрѣ I, съ 1819 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерніи, что являлось пробной мѣрой передъ предполагаемымъ общемъ введеніи въ Россіи генералъ-губернаторскаго управленія). «Уставная грамота Россійской Имперіи» Н. Н. Новосильцева не была предложена на разсмотрѣніе комитету. Главные вопросы, на которыхъ остановилъ свое вниманіе комитетъ, были: вопросъ о центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ и о ненормальныхъ отношеніяхъ, установившихся къ этому времени между Государственнымъ Совѣтомъ, Сенатомъ, и Комитетомъ Министровъ, вопросъ о мѣстномъ управленіи и о проектѣ введенія генералъ-губернаторскаго управленія, вопросъ о положеніи и правахъ отдѣльныхъ сословій. Работы комитета продолжались до іюля 1832 г. Выработанные имъ проекты относятся, такимъ образомъ, уже къ послѣдующему періоду царствованія Николая, гдѣ и должны быть разсмотрѣны характеръ работъ Комитета и ихъ результаты. За данное время можно, однако, отмѣтить рядъ отдѣльныхъ мѣропріятій, въ которыхъ сказывались или тѣ же побудительныя причины, что привели къ возникновенію Комитета 6 декабря, или вліяніе занятій этого комитета. На первое мѣсто здѣсь надо поставить дѣло кодификаціи, на которое императоръ Николай I съ первыхъ дней своего царствованія обратилъ серьезное вниманіе. Какъ и вѣдомство государственной полиціи, это дѣло было сосредоточено теперь въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Почти непосредственно послѣ вступленія императора Николая на престолъ вопросъ объ изданіи свода законовъ обсуждался имъ со Сперанскимъ, бывшимъ въ то время членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Рескриптомъ отъ 31 января 1826 г. на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта кн. П. В. Лопухина существовавшая подъ его вѣдѣніемъ Комиссія составленія законовъ была упразднена, и взамѣнъ ея 4 апрѣля того же года было учреждено Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Начальникомъ этого Отдѣленія былъ назначенъ старшій членъ бывшей Комиссіи М. А. Балугьянскій. При учрежденіи Второго Отдѣленія Сперанскій не получилъ въ немъ никакого оффиціальнаго назначенія. Фактически, однако, все дѣло сосредоточилось въ его рукахъ: онъ имѣлъ личные доклады по дѣламъ этого Отдѣленія у государя, и теперь же имъ были начаты тѣ работы, которыя позднѣе привели къ изданію Свода Законовъ.

Въ системѣ государственныхъ учрежденій въ первые же годы николаевскаго царствованія намѣтилось одно характер-

ное явленіе, а именно — ростъ значенія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Обстоятельства возникновенія Второго и Третьяго Отдѣленія этой Канцеляріи ясно указывали стремленіе государя сосредоточить въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи всѣ наиболѣе существенные очередные вопросы государственнаго устройства и управленія. Послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны (24 окт. 1828 г.) ея канцелярія, вѣдавшая подвѣдомственныя императрицѣ благотворительныя и учебныя заведенія, была переименована 26 октября въ Четвертое Отдѣленіе, во главѣ котораго былъ поставленъ ст.-секр. Гр. Ив. Вилламовъ съ титуломъ статсъ - секретаря по дѣламъ управленія учрежденій императрицы Маріи, и такимъ образомъ кругъ дѣятельности Собственной Е. И. В. Канцеляріи еще болѣе расширился. Въ области министерскаго управленія эти измѣненія отразились главнымъ образомъ на Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, компетенція котораго значительно сократилась съ учрежденіемъ Третьяго Отдѣленія. Зато въ это время появился и новый органъ министерскаго управленія. Въ день коронаціи 22 авг. 1826 г. было учреждено Министерство Императорскаго Двора, къ которому было присоединено, какъ отдѣльный департаментъ, Министерство Удѣловъ, театральная дирекція, а также управленіе Кабинетомъ Его Величества. Новый министръ былъ поставленъ въ нѣсколько особое положеніе. Онъ, какъ говорилось въ учрежденіи Министерства Двора, «имѣетъ состоять подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Государя Императора; слѣдственно даетъ отчетъ только Его Императорскому Величеству, равно и всѣ повелѣнія получаетъ отъ Его Величества, а другое никакое правительство никакого отчета по дѣламъ, ввѣряемымъ его распоряженію, требовать и предписаній по оному чинить права не имѣетъ». Первымъ министромъ Двора былъ назначенъ кн. Пет. Мих. Волконскій. Измѣненія во взаимоотношеніяхъ между высшими государственными учрежденіями, Совѣтомъ, Сенатомъ и Комитетомъ Министровъ, въ первые годы николаевскаго царствованія еще не намѣтились съ достаточной ясностью, равно какъ оставалась безъ существенныхъ перемѣнъ, сравнительно съ послѣдними годами александровскаго царствованія, и система мѣстнаго управленія.

Крестьянскій вопросъ, которому предстояло занять послѣ 1830 года такое видное мѣсто во внутренней политикѣ императора Николая, за данные годы почти совсѣмъ еще не выдвигался на очередь. Все дѣло ограничилось частичными мѣрами. 12 мая 1826 г. былъ изданъ манифестъ, которымъ разсѣивались ложные слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и объ освобожденіи казенныхъ отъ платежа повинностей, что давало поводъ къ крестьянскимъ волненіямъ. Двумя рескриптами на имя министра внутреннихъ дѣлъ (19 іюля и 6 сент. 1826 г.) предписывалось дворянству «христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами». Въ первомъ изъ этихъ рескриптовъ находилось, однако, уже заявленіе, что «порядокъ въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, ихъ заботливостью и предвареніями соблюденный, всегда будетъ предметомъ... особеннаго вниманія государя». Въ 1827 г. было запрещено отдавать крестьянъ въ работу на горные заводы, а въ 1828 г. было ограничено право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь.

Особое вниманіе въ первые годы николаевскаго царствованія было обращено на флотъ, бывшій въ забвеніи и пришедшій въ полный упадокъ въ предшествующіе годы, особенно за время управленія морскою частью адм. маркиза А. А. де-Траверсе. Реформы въ морскомъ вѣдомствѣ въ эти годы стояли въ связи съ осложненіями на Востокѣ и съ военными дѣйствіями на Черномъ морѣ. Уже въ декабрѣ 1825 г. былъ учрежденъ «Комитетъ образованія флота» подъ предсѣдательствомъ начальника Морского Штаба вице-адм. А. В. Моллера, въ который вошли вице-адм.: Д. Н. Сенявинъ, С. А. Пустошкинъ А. С. Грейгъ, контръ-адм. П. М. Рожновъ и капитанъ-командоры: И. Ѳ. Крузенштернъ, М. И. Ратмановъ и И. Ѳ. Деллингсгаузенъ, а кромѣ того ген.-ад. свѣтл. кн. А. С. Меншиковъ. Этимъ комитетомъ было подготовлено утвержденное 24 авг. 1827 г. «Предварительное образованіе Морского Министерства». Этимъ образованіемъ окончательно уничтожалась теперь Адмиралтействъ-Коллегія, превратившаяся въ адмиралтействъ-совѣтъ, совѣщательный органъ при морскомъ министрѣ, въ канцеляріи котораго сосредоточивалось главное управленіе. Въ 1828 г.

былъ учрежденъ «при Е. И. В. Морской штабъ» (съ 1831 г.—Главный Морской штабъ) начальникомъ котораго былъ назначенъ кн. А. С. Меншиковъ, фактически ставшій въ николаевское царствованіе во главѣ всего морского вѣдомства. Начальникъ Морского штаба входилъ съ докладомъ непосредственно къ государю. За морскимъ министромъ (съ 1828 по 1836 г. — А. В. фонъ-Моллеръ) была оставлена власть, вообще присущая министерской должности. Онъ входилъ съ всеподданнѣйшими докладами черезъ начальника Морского штаба. Одновременно съ этимъ была усилена корабельно-строительная дѣятельность, въ интересахъ чего былъ образованъ въ 1828 г. при министерствѣ особый департаментъ корабельныхъ лѣсовъ, и былъ учрежденъ корпусъ корабельныхъ инженеровъ. Было обращено также вниманіе на учебно-морскую часть. Было улучшено преподаваніе въ Морскомъ корпусѣ, и преобразованы на началахъ военнаго воспитанія штурманскія училища. Къ 1827 г. были образованы корпусъ флотскихъ штурмановъ и корпусъ корабельныхъ инженеровъ. Въ 1829 г. при Морскомъ корпусѣ были учреждены офицерскіе классы, изъ которыхъ впослѣдствіи развилась Морская Академія.

Внѣшняя политика.

Содержаніе внѣшней политики первыхъ лѣтъ царствованія императора Николая I сводилось, главнымъ образомъ, къ дѣламъ восточнымъ: къ русско-турецкимъ отношеніямъ и къ греческому вопросу. На ходъ этихъ дѣлъ не оставались безъ вліянія успѣхи Россіи въ Закавказьѣ, равно какъ и то, какъ складывались въ это время наши отношенія къ Персіи.

Уже въ послѣдній годъ царствованія императора Александра I намѣчался нѣкоторый поворотъ въ русской восточной политикѣ. Недовольный результатами петербургскихъ конференцій (іюнь 1824 и февраль 1825 г.) по вопросу объ умиротвореніи грековъ, императоръ Александръ заявилъ, что отнынѣ онъ оставляетъ за собой свободу дѣйствія на Востокѣ. Одновременно съ этимъ нѣкоторые изъ русскихъ представителей при иностранныхъ дворахъ, будучи запрошены, отнеслись отрицательно къ тому курсу, какого держалась до этихъ поръ въ восточномъ вопросѣ русская политика. Таковъ былъ отзывъ русскаго посла при англійскомъ дворѣ, гр. (впослѣдствіи кн.) Хр. Ан. Ливена и, въ особенности, посла при французскомъ дворѣ, К. О. Поццо-ди-Борго, горячо настаивавшаго на необходимости подкрѣпить заявленіе о свободѣ дѣйствія соотвѣтствующими рѣшительными мѣрами и требовать отъ Турціи удовлетворенія русскихъ претензій и интересовъ. Эти отзывы были получены, однако, въ Петербургѣ уже послѣ отъѣзда императора Александра на югъ Россіи. Въ такомъ положеніи засталъ восточный вопросъ при своемъ вступленіи на престолъ императоръ Николай Павловичъ. Лично Николай Павловичъ склонялся къ тѣмъ взглядамъ, какіе были высказаны Поццо-ди-Борго и Ливеномъ; при этомъ государь, съ своей стороны, выдвигалъ съ еще большей силой на первый планъ вопросъ объ удовлетвореніи Портою русскихъ претензій. Въ данный моментъ эти претензіи сводились къ слѣдующему. Порта, вопреки послѣднимъ трактатамъ, отказывалась вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ и нарушала привилегіи, дарованныя этимъ княжествамъ, а также сербамъ; она стѣсняла нашу торговлю на Черномъ морѣ и не соглашалась окончить споры о восточномъ черноморскомъ побережьѣ. Что касается греческаго вопроса, то къ греческому возстанію Николай Павловичъ, по существу, относился несочувственно, какъ къ проявленію революціоннаго духа, и видѣлъ въ немъ «мятежъ» грековъ противъ своего законнаго правительства. Онъ находилъ, однако, что дарованіе грекамъ полной автономіи при введеніи у нихъ монархической формы правленія можетъ положить предѣлъ распространенію въ Греціи революціонно-демократическихъ идей. Въ силу этого онъ находилъ желательнымъ, добившись отъ Турціи удовлетворенія русскихъ претензій, принудить ее удовлетворить, въ указанныхъ рамкахъ, и пожеланія греческой націи. Съ другой стороны, выдвигая на очередь греческій вопросъ, онъ могъ разсчитывать и на большое сочувствіе русскаго общества, безъ различія направленій симпатизировавшаго греческому движенію, какъ движенію единовѣрнаго племени противъ магометанскаго владычества. Что касается способовъ дѣйствія, то въ этомъ отношеніи Николай Павловичъ рѣзко разграничивалъ вопросъ о русскихъ претензіяхъ, какъ частное

дѣло между Россіей и Турціей, отъ греческаго вопроса, какъ вопроса общеевропейскаго, который онъ считалъ необходимымъ разрѣшить въ соглашеніи съ другими европейскими державами. Аналогичные взгляды нашли себѣ выраженіе и во всеподданнѣйшемъ докладѣ (февр. 1826 г.) управлявшаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ гр. Нессельроде, точно также отчетливо разграничивавшаго греко-турецкій споръ отъ частныхъ пререканій Россіи съ Портою и рекомендовавшаго, въ случаѣ неудачи переговоровъ по поводу русскихъ претензій, прибѣгнуть къ военной силѣ. Съ другой стороны, эти взгляды встрѣтили и сильное несочувствіе въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ, при чемъ особенно сильно расходился съ государемъ въ своихъ взглядахъ на восточный вопросъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Только что изложенную точку зрѣнія цесаревичъ считалъ нарушеніемъ принциповъ легитимизма; находилъ, что главная опасность Россіи грозитъ не съ Востока, но съ Запада, очага революціонныхъ идей, и опасался, что осложненія съ Турціей помѣшаютъ оставить на западной границѣ количество войска, достаточное для того, чтобы держать въ страхѣ Европу.

Къ рѣшенію Николая Павловича вмѣшаться въ греко-турецкую распрю особенно несочувственно отнеслась Австрія. Въ дни междуцарствія, въ Вѣнѣ, зная взгляды на восточный вопросъ Константина Павловича, искренно желали, чтобы къ нему перешелъ русскій престолъ. Послѣ вступленія на престолъ Николая Меттернихъ отправилъ даже къ Константину Павловичу особое посольство (гр. Бомбелль) въ надеждѣ, что цесаревичъ повліяетъ въ желательномъ направленіи на своего младшаго брата. Въ этомъ же духѣ долженъ былъ дѣйствовать прибывшій въ Петербургъ для поздравленія новаго государя со вступленіемъ на престолъ австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ Эсте. Всѣ эти попытки не имѣли успѣха, а одно обстоятельство — предоставленіе пріюта въ домѣ австрійскаго посла гр. Лебцельтерна свояку посла, декабристу кн. Трубецкому — даже до извѣстной степени скомпрометировало вѣнскій дворъ въ Петербургѣ.

Совершенно иначе отнеслись къ новому курсу русской политики въ Англіи. Глава англійскаго министерства Каннингъ считалъ въ интересахъ Англіи пойти на встрѣчу Россіи въ греческомъ вопросѣ и тѣмъ нанести новый ударъ системѣ Меттерниха. Въ Петербургъ для поздравленія новаго государя былъ посланъ герцогъ Веллингтонъ, который по своемъ прибытіи (18 февр. 1826 г.) тотчасъ вступилъ въ переговоры по греческому вопросу съ самимъ императоромъ и Нессельроде. Переговоры съ Веллингтономъ, принявшіе особенно оживленный характеръ послѣ того, какъ въ Петербургъ прибылъ изъ Лондона Ливенъ, привели къ такъ называемому Петербургскому протоколу (подпис. 23 марта 1826 г. Нессельроде, Ливеномъ и Веллингтономъ), по которому Россія и Англія соглашались относительно условій умиротворенія грековъ. По этому протоколу Греція должна была получить полную внутреннюю автономію и управляться властями, избираемыми самими греками; ей обезпечивалась свобода совѣсти, торговли и внѣшнихъ сношеній, и ея зависимость отъ Порты становилась исключительно даннической. Петербургскій и лондонскій дворы присваивали себѣ посредничество въ Константинополѣ при выработкѣ подробностей, заявляя при этомъ, что они не ищутъ ни территоріальныхъ пріобрѣтеній, ни какихъ либо особыхъ преимуществъ.

Идя, такимъ образомъ, навстрѣчу англійскимъ предложеніямъ относительно умиротворенія Греціи, императоръ Николай и въ своихъ непосредственныхъ переговорахъ съ Турціей взялъ болѣе рѣшительный тонъ сравнительно съ тѣмъ, какимъ говорила до сихъ поръ русская дипломатія. На другой день послѣ подписанія Петербургскаго протокола, въ Константинополѣ былъ переданъ русскій ультиматумъ, которымъ Портѣ предлагалось въ шестинедѣльный срокъ удовлетворить указанныя выше русскія претензіи. Порта пошла на уступки, результатомъ чего былъ съѣздъ русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ въ Аккерманѣ (1 іюля—25 сентября); съ русской стороны—гр. (впослѣдствіи свѣтл. кн.) Михаилъ Сем. Воронцовъ и нашъ посолъ въ Константинополѣ, гр. Андрей Ив. Рибопьеръ; съ турецкой—Сеидъ Мехмедъ Хади Эфенди, дефтердаръ (генер. контролеръ) анатолійскій и Сеидъ Ибрагимъ Джаффетъ Эфенди, софійскій кади; съѣздъ закончился аккерманской конвенціей (25 сент. 1826 г.).

Аккерманской конвенціей Порта обѣщала исполнять во всемъ его объемѣ бухарестскій

договоръ 1812 г., а также постановленія торговаго договора 1783 г. и ясскаго мирнаго трактата 1791 г. Русскимъ обезпечивалась полная свобода торговли и мореплаванія, а побережье дунайской дельты, во избѣжаніе споровъ между береговыми жителями, должно было оставаться незаселеннымъ. Относительно Молдавіи и Валахіи Порта обязывалась возстановить гатти шерифы 1802 г. о правахъ и преимуществахъ обоихъ княжествъ и признавала за ними право избранія кандидатовъ изъ мѣстныхъ бояръ въ господари, которые назначались общимъ собраніемъ дивана и должны были управлять, руководствуясь указаніями русскаго посланника. За Сербіей признавались ея права на внутреннее управленіе; ей обезпечивалась свобода религіи и торговли, и должны были быть возвращены отнятыя отъ нея Турціей земли; по особому акту, приложенному къ конвенціи, Порта обязывалась подтвердить всѣ условія, относящіяся къ Сербіи, особымъ фирманомъ.

Аккерманской конвенціей разрѣшался, такимъ образомъ, вопросъ о русскихъ претензіяхъ. Принужденная принять ее, Турція оказалась гораздо менѣе податливой въ греческомъ вопросѣ. Петербургскій протоколъ былъ сообщенъ вѣнскому, берлинскому и парижскому кабинетамъ съ предложеніемъ къ нему присоединиться. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ онъ былъ встрѣченъ весьма несочувственно, и Меттернихъ прямо заявилъ, что этотъ актъ—оскорбленіе Священному Союзу. Напротивъ, въ Парижѣ отнеслись къ этому акту совершенно иначе и выразили полную готовность къ нему присоединиться, результатомъ чего было превращеніе петербургскаго протокола въ тройственный договоръ между Россіей, Англіей и Франціей объ умиротвореніи Греціи (Лондонскій трактатъ 24 іюня 1827 г., подписанъ кн. Полиньякомъ, Дёдлей и Ливеномъ). Такъ на почвѣ восточнаго вопроса въ первые годы царствованія императора Николая произошло охлажденіе между Россіей и ближайшими участниками Священнаго Союза и ея сближеніе съ Англіей и Франціей. По лондонскому трактату, заключенію котораго особенно содѣйствовали Поццо-ди-Борго и французскій посланникъ Лаферронэ, союзныя державы, повторяя почти цѣликомъ петербургскій протоколъ, условливались сдѣлать Портѣ общее предложеніе о посредничествѣ и въ то же время предложить обѣимъ сторонамъ заключить перемиріе, необходимое для веденія переговоровъ. Основаніемъ этихъ переговоровъ должно было быть возстановленіе Греціи подъ владычествомъ султана, что должно было выражаться въ уплатѣ Греціею опредѣленнаго размѣра дани. Въ секретныхъ статьяхъ этого договора устанавливались мѣры принудительнаго воздѣйствія на Турцію. Союзныя державы соглашались объявить Портѣ, что существующее положеніе дѣлъ на Востокѣ не согласно съ ихъ торговыми интересами и можетъ вынудить ихъ установить свои торговыя сношенія съ Греціей назначеніемъ туда консуловъ. Въ случаѣ, если бы Порта или Греки не приняли предложенныхъ условій, державы соглашались принять общія мѣры къ прекращенію распри, не вмѣшиваясь, однако, во враждебныя дѣйствія воюющихъ сторонъ, путемъ посылки соотвѣтствующихъ инструкцій своимъ адмираламъ, командующимъ эскадрами въ водахъ Леванта.

Порта на предложенія союзныхъ державъ о посредничествѣ отвѣчала отказомъ, и обратилась за помощью къ своему вассалу, египетскому пашѣ Мегмету-Али, который согласился отправить войско и флотъ подъ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши для окончательнаго усмиренія грековъ самыми жестокими мѣрами. Къ 27 августа турецко-египетскій флотъ собрался въ наваринской гавани (на юго-западномъ берегу Морейскаго полуострова). Со стороны союзныхъ державъ точно также, еще до заключенія лондонскаго трактата, были начаты военныя приготовленія. 9 іюня балтійская эскадра подъ начальствомъ генер.-адъют. адмирала Д. Н. Сенявина, послѣ смотра, произведеннаго самимъ государемъ, вышла съ кронштадтскаго рейда и направилась въ Портсмутъ, куда и прибыла къ 27 іюля, и гдѣ отъ нея была отдѣлена особая эскадра въ составѣ 4 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и двухъ бриговъ подъ начальствомъ контръ-адмирала гр. Л. П. Гейдена для защиты русской торговли въ Архипелагѣ. 24 сентября эскадра Гейдена прошла Мессинскій проливъ и ко 2 октября соединилась около наваринской гавани съ находившимися уже тамъ и начавшими блокаду турецко-египетскаго флота эскадрами англійской (адм. Кодрингтонъ) и французской (адм. де-Риньи). Общее началь-

ствованіе надъ соединенными морскими силами принялъ Кодрингтонъ, заявившій передъ этимъ Ибрагиму-пашѣ, что адмиралы эскадръ берутъ на себя отвѣтственность за выполненіе лондонскаго договора. 8 октября соединенный флотъ вошелъ въ гавань Наварино, и когда, во время бросанія якорей, въ англійскій фрегатъ «Дартмутъ» и французскій «Сирена» съ противной стороны были сдѣланы выстрѣлы, завязался бой, результатомъ котораго, послѣ трехчасового сраженія, было полное уничтоженіе турецко-египетскаго флота (турки потеряли въ этотъ день до 6000 человѣкъ, въ томъ числѣ почти весь составъ офицеровъ изъ организованной Мегметомъ-Али на европейскій образецъ военной школы, 3 линейныхъ корабля, 21 фрегатъ и 24 корветта; потери союзниковъ исчислялись въ 600 чел.; 4 ихъ судна требовали серьезной починки). Извѣстіе о наваринскомъ боѣ было встрѣчено съ открытымъ негодованіемъ въ Вѣнѣ, и даже въ Англіи были нѣсколько смущены тѣмъ, какой оборотъ приняло дѣло. Напротивъ, императоръ Николай Павловичъ открыто выражалъ по этому поводу свое чувство полнаго удовлетворенія и пожаловалъ Кодрингтону орд. св. Георгія второй степени. Исходъ наваринскаго сраженія еще болѣе укрѣпилъ его въ мысли перейти по отношенію къ Турціи къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. На подобное рѣшеніе могло повліять и то, какой оборотъ къ этому времени начали принимать наши дѣла въ Закавказьѣ и въ Персіи.

Еще въ іюлѣ 1826 г. персы вторглись въ русскіе предѣлы и заняли Ленкорань и Карабагъ. Донося объ этомъ, главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ ген. Ал-ѣй Петр. Ермоловъ просилъ о присылкѣ ему подкрѣпленія въ составѣ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Императоръ Николай Павловичъ, издавна питая недовѣріе къ Ермолову, назначилъ командующимъ кавказскими войсками ген.-ад. И. Ѳ. Паскевича, поставивъ его, однако, подъ главное начальство Ермолова. Одновременно съ этимъ 20-й дивизіи было предписано итти на усиленіе кавказскихъ войскъ, при чемъ Государь выражалъ свое твердое намѣреніе «наказать персіанъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира». Ненормальное положеніе, въ которое былъ поставленъ Паскевичъ, создало натянутыя отношенія между обоими военноначальниками, что привело къ посылкѣ на Кавказъ начальника главнаго штаба Дибича и къ отставкѣ Ермолова (мартъ 1827 г.). Онъ былъ окончательно замѣненъ Паскевичемъ. Между тѣмъ еще 13 сентября 1826 г. Паскевичъ одержалъ побѣду надъ персами при Елизаветполѣ. Въ апрѣлѣ 1827 г. онъ вторгся въ Эриванскую область, и 1-го октября былъ взятъ главный оплотъ Персіи, Эривань. Вскорѣ за этимъ послѣдовало взятіе Тавриза, а въ декабрѣ—Міяна и Ардебиля, чѣмъ открывался для русскихъ путь на Тегеранъ. Шахъ Фетъ-Али-ханъ убѣдился въ необходимости пойти на уступки, и 10 февраля 1828 г. между Россіей и Персіей былъ заключенъ мирный договоръ въ Туркманчаѣ (подпис. съ русской стороны Паскевичемъ и русскимъ представителемъ въ Персіи Андр. Мих. Обресковымъ, съ персидской—сыномъ шаха Аббасъ-мирзою). По туркманчайскому договору Персія уступала Россіи ханство Эриванское и Нахичеванское, а также нѣкоторую часть побережья Каспійскаго моря до р. Астары. Шахъ уплачивалъ военные убытки въ размѣрѣ 20 милліоновъ рублей и подтверждалъ за Россіей исключительное право держать военныя суда на Каспійскомъ морѣ, а также право опредѣлять консуловъ. Особымъ актомъ выговаривалось покровительство русской торговли въ Персіи. Успѣшное окончаніе персидской войны и выгодное положеніе, создававшееся для Россіи послѣ заключенія туркманчайскаго мира на Каспійскомъ морѣ и въ Закавказьѣ, окончательно утвердили императора Николая Павловича въ его рѣшеніи объявить войну Турціи.

Тотчасъ послѣ Наваринскаго боя въ Константинополѣ завязались переговоры по поводу происшедшаго событія между правительствомъ султана и послами союзныхъ державъ. Послы настаивали на исполненіи требованій лондонскаго трактата. Порта отвѣчала отказомъ, и въ началѣ декабря Стратфордъ Каннингъ, Гильемино и Рибопьеръ оставили Константинополь. Императоръ Николай Павловичъ пытался послѣ этого склонить Англію и Францію къ продолженію рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турціи, но не имѣлъ успѣха. Въ Англіи, гдѣ послѣ смерти Каннинга (27 іюля 1827 г.) получилъ главное значеніе противникъ столкновенія съ Турціей,

герцогъ Веллингтонъ, начало брать перевѣсъ болѣе сдержанное отношеніе къ восточному вопросу. Даже во Франціи, гдѣ при новомъ министерствѣ Виллеля (дек. 1827 г.) портфель министра иностранныхъ дѣлъ получилъ Лаферронэ, бывшій въ свое время горячимъ сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турціи, теперь высказывались болѣе осторожно. На конференціи въ Лондонѣ (представители со стороны Россіи кн. Ливенъ и гр. Матушевичъ) въ ноябрѣ 1827 г. союзныя державы взаимно обязались, на случай возможности военныхъ дѣйствій, что «успѣхи, которые обѣщаетъ имъ превосходство силъ въ борьбѣ съ Турціей, не побудятъ ихъ искать какой либо исключительной выгоды, ни торговыхъ преимуществъ, ни увеличенія территоріи». Въ то же время Портою былъ предпринятъ рядъ непріязненныхъ дѣйствій, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ Россіи. Начались притѣсненія русскихъ купцовъ и судовладѣльцевъ, и проливы были закрыты. Султанскимъ указомъ (байянъ-немэ) 8 дек. 1828 г. Порта объявляла Россію своимъ непримиримымъ врагомъ, обвиняла ее въ подстрекательствѣ грековъ и отказывалась исполнять аккерманскую конвенцію. Всѣ мусульмане призывались къ религіозной войнѣ противъ Россіи. Императоръ Николай рѣшилъ принять вызовъ. 14 апрѣля 1828 г. были обнародованы манифестъ о войнѣ съ Турціей, декларація русскаго правительства, мотивировавшая его дѣйствія и являвшаяся какъ бы отвѣтомъ на султанскій байянъ-немэ, и манифестъ о рекрутскомъ наборѣ. Главнокомандующему второй арміей графу Пет. Хр. Витгенштейну и Паскевичу повелѣвалось считать войну съ Турціей съ 25 апрѣля начатою.

Для войны предназначались: на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій вторая армія, по строевому рапорту располагавшая 113.920 чел. при 384 орудіяхъ, на азіатскомъ—кавказскій корпусъ. Вторую армію предполагалось, кромѣ того, усилить гвардейскимъ корпусомъ. Николай Павловичъ весьма желалъ, чтобы въ войнѣ приняла участіе и польская армія, но это желаніе встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе со стороны цесаревича Константина Павловича: лишь незначительное количество польскихъ офицеровъ (18 чел.) были прикомандированы къ русской арміи. По плану кампаніи, выработанному начальникомъ главнаго штаба гр. Дибичемъ, предполагалось достаточнымъ ограничиться занятіемъ придунайскихъ княжествъ, переходомъ черезъ нижній Дунай и взятіемъ придунайскихъ крѣпостей; одновременно съ этимъ на кавказскомъ побережьѣ предполагалось взятіе Анапы. Этотъ планъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны Витгенштейна и ген.-ад. Пав. Дм. Киселева, настаивавшихъ на необходимости болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, но эти возраженія не были приняты во вниманіе. Государь пожелалъ самъ отправиться въ дѣйствующую армію, въ сопровожденіи начальника главнаго штаба гр. Дибича, не принимая, однако, на себя главнаго командованія. Сопровождавшая его главная квартира была очень многочисленна, включая въ себя, кромѣ гофмаршальской части, нѣкоторую часть дипломатическаго корпуса и значительное количество свиты. Въ виду возможности продолжительнаго отсутствія государя были предприняты экстренныя мѣры по государственному управленію. 24 апрѣля 1828 г. была учреждена временная Верховная Коммиссія, въ которую были назначены гр. В. П. Кочубей, кн. А. Н. Голицынъ и гр. П. А. Толстой. Вел. кн. Михаилъ Павловичъ, на случай смерти государя, облекался «саномъ и властью правителя государства».

25 апрѣля армія перешла Прутъ, заняла Яссы, Галацъ, Букарестъ и Краіову и обложила Браиловъ. Въ Молдавіи и Валахіи немедленно было введено русское гражданское управленіе. 7 мая Николай Павловичъ прибылъ къ Браилову. Переправу черезъ Дунай рѣшено было совершить у Сатунова (на нижнемъ Дунаѣ) въ виду обезпеченія флотомъ подвоза продовольствія съ моря. Переправа была совершена 27 мая. 30 мая сдалась расположенная на противоположномъ берегу крѣпость Исакчи, и русская армія начала наступательное движеніе по Добруджѣ. Часть ея силъ оставалась, однако, занятой у Браилова. Лишь къ серединѣ іюня сдались Браиловъ (7 іюня), Гирсовъ, Кюстенджи и Тульча, и въ распоряженіи русскихъ оказались всѣ придунайскія крѣпости ниже Силистріи. Къ этому же времени (12 іюня) на кавказскомъ побережьѣ была взята Анапа. Къ 29 іюня главныя силы арміи были стянуты у Базарджика. Здѣсь первоначальный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, по мысли Дибича, одобренной

самимъ государемъ, былъ измѣненъ. Вмѣсто движенія всѣми силами на Варну рѣшено было двинуться на осаду Шумлы, гдѣ были сосредоточены главныя силы турецкой арміи подъ начальствомъ Гуссейна-паши. Къ Варнѣ была отряжена съ обсерваціонною цѣлью всего одна дивизія (подъ начальствомъ ген. Пав. Пет. Сухтелена). Это сообщило дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ затяжной характеръ, и было причиною малоуспѣшности всей кампаніи. Главныя силы надолго задержались подъ Шумлою, не имѣя, въ то же время, въ силу мѣстныхъ условій, возможности совершенно отрѣзать ее отъ окружающаго раіона. Въ тылу оставалась не взятая Силистрія, и русская армія попадала въ треугольникъ между Шумлою, Варною и Силистріею, рискуя быть отрѣзанной отъ моря. Присутствіе въ арміи самого государя и высшаго начальства стѣсняло, къ тому же, самостоятельность главнокомандующаго, а многочисленная главная квартира создавала значительныя затрудненія для провіантской и фуражной части. 21 іюля государь оставилъ лагерь подъ Шумлой и къ 24-му прибылъ къ Варнѣ. Отсюда моремъ онъ совершилъ поѣздку въ Одессу, гдѣ въ это время находилось царское семейство, и вернулся къ войскамъ къ 27 августа. 14 августа подъ Шумлою Гуссейнъ-паша атаковалъ фланги нашихъ войскъ, нанеся имъ значительный уронъ, что заставило Витгенштейна оставить позиціи, занятыя имъ въ тылу турецкой арміи. Это заставило отказаться отъ мысли двинуть къ Шумлѣ прибывшій въ это время къ Дунаю гвардейскій корпусъ; онъ былъ направленъ къ Варнѣ, къ которой начали теперь снова стягивать главныя силы.

Съ половины сентября, послѣ прибытія лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, было приступлено къ болѣе энергичной осадѣ этой крѣпости и 28 октября послѣдовала сдача Варны. Къ 4 октября началось отступленіе нашихъ войскъ отъ Шумлы, а къ началу ноября, за позднимъ временемъ года, рѣшено было отказаться и отъ дальнѣйшей осады Силистріи, чѣмъ и закончилась кампанія 1828 г. Войска расположились на зимнія квартиры на лѣвомъ берегу Дуная и въ занятой части Болгаріи. Болѣе успѣшно прошла кампанія 1828 г. на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Здѣсь Паскевичемъ были взяты турецкія крѣпости: Карсъ, Ахалцыхъ, Баязетъ и Ардаганъ, и окончательно заняты три пашалыка: Карскій, Ахалцыхскій и Баязетскій. На Черномъ морѣ, кромѣ того, были заняты Поти и Сухумъ-Кале.

Ошибки кампаніи 1828 г. и ея малоуспѣшность, имѣвшія не только неблагопріятныя стратегическія, но и политическія послѣдствія, заставили императора Николая Павловича, въ виду предстоявшихъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, обратить вниманіе на пересмотръ плана войны и на реорганизацію арміи. Большую роль сыграла въ данномъ случаѣ записка ген.-ад. Ил. Вас. Васильчикова: «Apperçu sur la campagne de 1828», представленная имъ государю. Въ этой запискѣ доказывался вредъ многоначалія въ дѣйствующей арміи, неуспѣхи кампаніи объяснялись столкновеніемъ двухъ властей главнокомандующаго и начальника штаба, и проводилась мысль о безполезности главнокомандующаго, разъ въ арміи находится самъ государь. Собранный въ это время комитетъ, въ который вошли Кочубей, Толь, Чернышевъ и Васильчиковъ, подвергъ разбору планъ кампаніи и единодушно пришелъ, съ своей стороны, къ заключенію о необходимости отказаться отъ мысли о систематической войнѣ на Дунаѣ и приступить къ выработкѣ плана забалканскаго похода на Адріанополь. 9 февраля 1829 г. главнокомандующій Витгенштейнъ получилъ отставку, о чемъ многократно просилъ уже раньше, и новымъ главнокомандующимъ былъ назначенъ гр. Дибичъ, авторъ плана кампаніи 1828 г. и движенія къ Шумлѣ, теперь отказавшійся отъ своихъ прежнихъ мыслей и примкнувшій къ мнѣнію комитета. Самъ государь не отправлялся на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ началѣ кампаніи положеніе дѣлъ едва не осложнилось событіями въ Персіи. 30 января 1829 г. въ Тегеранѣ произошло возмущеніе противъ русскаго посольства; былъ убитъ русскій посланникъ, авторъ «Горе отъ ума», Грибоѣдовъ, и перебита вся миссія (кромѣ случайно спасшагося одного секретаря С. И. Мальцева). Персидское правительство поспѣшило принести свои извиненія, снарядивъ въ Петербургъ особое посольство, съ принцемъ Хозревъ-мирзою во главѣ, и подвергло строгимъ наказаніямъ виновныхъ. Благополучное разрѣшеніе те-

геранскаго инцидента позволяло Паскевичу сосредоточить всѣ свои силы на дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Одновременно съ назначеніемъ главнокомандующимъ Дибича, Паскевичъ получилъ званіе главнокомандующаго корпусомъ «со всѣми правами, властью и преимуществами, учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи званію главнокомандующаго присвоенными».

Еще до назначенія гр. Дибича главнокомандующимъ наши войска овладѣли крѣпостями Кале и Турно (за турками оставалось на лѣвомъ берегу Дуная одно лишь Журжево), а нашъ флотъ захватилъ гавань и городъ Сизополь (при входѣ въ Бургасскій заливъ). Въ первыхъ числахъ мая наша армія перешла Дунай у Гирсова и начала блокаду Силистріи. Къ этому времени главныя силы турецкой арміи подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Решида-паши, собранныя въ Шумлѣ, были выведены изъ крѣпости и совершили удачныя дѣйствія противъ ген. Рота, охранявшаго линію Силистрія—Варна. На соединеніе съ Решидъ-пашою шелъ отъ Рущука Гуссейнъ-паша. Желая предупредить ихъ соединеніе и не дать Решиду вернуться въ Шумлу, Дибичъ отвелъ главныя силы отъ Силистріи и двинулся противъ турецкой арміи. Онъ встрѣтился съ непріятелемъ при Кулевчѣ, гдѣ 30 мая и было нанесено туркамъ рѣшительное пораженіе. 18 іюня сдалась Силистрія; освободившійся послѣ этого корпусъ ген. Ѳо. Ив. Красовскаго былъ оставленъ около Шумлы, и 5 іюля Дибичъ съ главными силами началъ переходъ черезъ Балканы, чѣмъ обманулъ ожиданія Решида-паши, предполагавшаго, что непріятель сосредоточитъ снова все свое вниманіе на Шумлѣ. Переходъ былъ совершенъ около Кепрекіоя. Въ теченіе іюля мѣсяца были взяты Карнабатъ, Айдосъ, Ямболь и Сливно и гавани Мессемврія, Ахіоло и Бургасъ. 8 августа сдался Адріанополь и на другой день послѣ этого былъ взятъ Люле-Бургасъ. Почти одновременно съ этимъ, еще 25 іюня, въ Азіи Паскевичемъ былъ взятъ Эрзерумъ. Создавались благопріятныя условія для вступленія въ мирные переговоры, почва для которыхъ давно уже подготовлялась съ различныхъ сторонъ. Къ тому же положеніе Дибича продолжало быть очень серьезнымъ: войска страдали отъ наступившей жары; въ тылу оставалась Шумла. Необходимо было спѣшить воспользоваться благопріятнымъ моментомъ.

Открытое столкновеніе Россіи съ Турціей было встрѣчено въ Европѣ несочувственно какъ со стороны Австріи, такъ и со стороны державъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ Россіей лондонскій договоръ, Франціи и Англіи. Австрія, въ лицѣ своего канцлера Меттерниха, всячески старалась выступить въ роли посредницы и выдвигала мысль объ общеевропейскомъ конгрессѣ, что встрѣчало самый рѣшительный отпоръ со стороны императора Николая I. Изъ двухъ его союзниковъ большее сочувствіе къ его рѣшительному образу дѣйствій проявляла, во всякомъ случаѣ, Франція. Желаніе сохранить тройственный союзъ въ виду положенія, занятаго Австріей, заставило императора Николая Павловича оставить безъ возраженія принятое имъ съ горечью возвращеніе въ Константинополь англійскаго и французскаго пословъ. Въ то же время въ Лондонѣ продолжала засѣдать конференція по греческому вопросу. Постановленіемъ этой конференціи отъ 4 ноября 1828 г. и ея протоколомъ отъ 10 марта 1829 г. Морея, занятая въ концѣ 1828 г. французами, съ прилегающими островами была объявлена подъ охраною союзныхъ державъ, а протоколомъ отъ 10 марта 1829 г. были выработаны детали будущаго устройства Греціи. Греція провозглашалась отдѣльнымъ государствомъ подъ верховенствомъ султана; эта зависимость выражалась въ уплатѣ ежегодно дани въ $1^1/_2$ милліона піастровъ. Ея внутренее управленіе должно было быть независимымъ и ввѣреннымъ князю-христіанину, не состоящему въ родствѣ съ династіями, правящими въ Англіи, Россіи или Франціи, причемъ государственное устройство по возможности должно было приближаться къ монархической формѣ правленія. Сѣверная граница новаго государства должна была итти отъ залива Воло (на Эгейскомъ морѣ) до залива Арта (на Іоническомъ).

Весною 1829 г., послѣ коронаціи въ Варшавѣ, Николай Павловичъ неожиданно посѣтилъ своего тестя, прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, пробывъ въ Берлинѣ съ 25 по 31 мая. Во время пребыванія государя въ Берлинѣ прусскій король предложилъ свои услуги въ качествѣ примирителя между Россіей и султа-

номъ, на что Николай Павловичъ отвѣчалъ согласіемъ. Результатомъ этого было отправленіе въ Константинополь генерала Мюфлинга. Еще въ концѣ 1828 г. Порта черезъ датскаго посланника въ Константинополѣ барона Гюбша, несмотря на малоуспѣшность для русскихъ кампаніи этого года, предлагала Россіи вступить въ непосредственные съ нею переговоры, на что императоръ Николай, въ принципѣ, отвѣчалъ согласіемъ.

Послѣдовавшіе за этимъ успѣхи Дибича создавали благопріятную почву для переговоровъ, и Мюфлингу удалось заставить Порту признать лондонскій трактатъ. Послѣ взятія Адріанополя англійскій и французскій послы (Гордонъ и Гильемино) черезъ прусскаго посланника Ройе увѣдомили главнокомандующаго о томъ, что Порта проситъ пощады и выражаетъ готовность вступить въ переговоры. Переговоры велись въ Адріанополѣ уполномоченными: съ русской стороны — ген.-ад. гр. Ал-ѣемъ Ѳед. Орловымъ и тайн. сов. гр. Ф. Пет. Паленомъ; съ турецкой—Мехмедъ-Садикъ-Эфендіемъ, дѣйств. велик. дефтердаремъ Порты и Абдулъ-Кадиръ-Беемъ, кази-аскеромъ анатолійскимъ. Переговоры закончились мирнымъ договоромъ, подписаннымъ этими представителями 2 сентября 1829 г.

Основнымъ трактатомъ адріанопольскаго мирнаго договора опредѣлялись взаимныя отношенія Россіи и Турціи, а также права и преимущества Молдавіи, Валахіи и Сербіи, и провозглашалось признаніе Портою внутренней независимости Греціи. Отдѣльнымъ актомъ этого договора опредѣлялись новыя преимущества Молдавіи и Валахіи. Границею между Россіей и Турціей въ Европѣ оставалась р. Прутъ, а дальше самое южное (Георгіевское) гирло Дуная. Острова, образуемые различными гирлами этой рѣки, переходили къ Россіи, съ обязательствомъ не возводить на нихъ никакихъ укрѣпленій, кромѣ карантинныхъ. Турція, съ своей стороны, обязывалась оставить незаселеннымъ правый берегъ Георгіевскаго гирла (отъ той точки, гдѣ оно отдѣляется отъ Сулинскаго) на разстояніи двухъ часовъ пути отъ рѣки. Турецкія крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, Браилово и Журжево должны были быть срыты. Купеческія суда обѣихъ державъ получали право свободнаго плаванія по Дунаю и всѣмъ его гирламъ. Русскія военныя суда могли входить въ Георгіевское гирло, но не могли итти по Дунаю дальше впаденія въ него Прута. На Кавказѣ и въ Азіи Россія получала все Черноморское побережье отъ р. Кубани до пристани св. Николая на югъ отъ Поти, а также Ахалцыхскій пашалыкъ, съ крѣпостями Ахалцыхъ и Ахалкалаки. Кромѣ того, Турція признавала за нею отвоеванныя отъ Персіи ханства Эриванское и Нахичеванское. Въ возмѣщеніе военныхъ расходовъ Турція обязывалась уплатить 10 мил. голландскихъ дукатовъ (эта цифра была опредѣлена особымъ соглашеніемъ), а въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ русскою торговлею, 1½ милліона дукатовъ. Подтверждалась полная свобода русской торговли на Черномъ морѣ и во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ. Русскіе подданные въ Турціи вѣдались въ полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ исключительно русскимъ посланникомъ и консулами. Русскія суда освобождались отъ внутренняго досмотра турецкихъ властей въ открытомъ морѣ и въ гаваняхъ. Проливы объявлялись свободными какъ для русскихъ судовъ подъ купеческимъ флагомъ, такъ и для купеческихъ судовъ другихъ державъ. Относительно Молдавіи и Валахіи устанавливалось, что внутреннее управленіе въ княжествахъ будетъ принадлежать господарямъ, избираемымъ не на семь лѣтъ, какъ это было до сихъ поръ, но пожизненно, которые будутъ рѣшать дѣла по совѣщанію съ диванами. Жители княжествъ освобождались отъ всѣхъ податей, даровъ и повинностей Портѣ, кромѣ опредѣленной подати въ установленномъ размѣрѣ (на основаніи гатти шерифа 1802 г.). Княжества могли устанавливать карантины, а для охраненія границъ, карантиновъ и внутренняго порядка господари могли имѣть вооруженную стражу (земское войско). Жители княжествъ получали право свободнаго плаванія по Дунаю и свободной торговли въ Турціи. Магометане лишались права жительства въ княжествахъ, а магометанскіе купцы допускались лишь по особымъ фирманамъ. Въ вознагражденіе за прежнія стѣсненія княжества на два года освобождались отъ податей. Относительно Сербіи Турція обязывалась немедленно привести въ дѣйствіе относящіяся сюда постановленія аккерманской конвенціи и вернуть Сербіи отторгнутые отъ нея округа.

Относительно Греціи Турція выражала свое согласіе на постановленія лондонскаго трактата 24 іюня 1827 г. и протокола лондонской конференціи 10 марта 1829 г.

Немедленно послѣ заключенія адріанопольскаго мира было приступлено къ устройству греческихъ дѣлъ. Окончательное устройство Греческаго королевства относится, однако, уже къ тому времени, когда во Франціи разразилась новая (іюльская) революція, въ значительной степени измѣнившая характеръ общеевропейскихъ дипломатическихъ отношеній, между прочимъ и по греческому вопросу, и окончательно опредѣлившая направленіе политики императора Николая I.

Тридцатые и сороковые годы (1830—1848).

Европейскія событія 1830 и 1831 гг., іюльская революція во Франціи, бельгійская революція и польское востаніе, отчасти въ связи съ тяжелыми событіями, происходившими одновременно съ этимъ въ самой Россіи (холерная эпидемія, бунтъ въ Севастополѣ и въ военныхъ поселеніяхъ) опредѣлили дальнѣйшее направленіе какъ внѣшней, такъ и внутренней политики императора Николая I. Эти событія пробудили въ немъ съ новою силою рѣшимость бороться съ революціоннымъ духомъ и стать на защиту монархическаго принципа (что противополагалось имъ какъ республиканско-демократическому, такъ и конституціонно-монархическому строю). Во внѣшнихъ сношеніяхъ это привело къ новому сближенію съ Австріей и Пруссіей, поколебленному въ первые годы николаевскаго царствованія, что опредѣлило въ свою очередь, всю нашу дальнѣйшую политику какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ. Во внутренней политикѣ это не столько выразилось въ принятіи какихъ-либо новыхъ экстренныхъ мѣръ запретительнаго и охранительнаго характера, сравнительно съ тѣми, какія были приняты въ началѣ царствованія, сколько въ окончательномъ отказѣ отъ какихъ-либо широкихъ преобразованій и въ рѣшеніи поддерживать существующій порядокъ, внося въ него лишь необходимыя частичныя поправки.

Іюльская революція во Франціи и революція въ Бельгіи.

25-го іюля 1830 г. во Франціи произошелъ государственный переворотъ; нарушившій конституціонную хартію, король Карлъ X былъ низложенъ и принужденъ отречься отъ престола (30-го іюля). Предшествующая перевороту политика Карла X и его министра кн. Полиньяка, направленная къ упраздненію конституціи, вызывала въ свое время осужденія со стороны императора Николая Павловича, совѣтовавшаго французскому королю черезъ своего представителя во Франціи, соблюдать конституцію, разъ она подтверждена его собственною присягою. Іюльскій переворотъ, самъ по себѣ, вызвалъ, однако, въ Николаѣ Павловичѣ сильное негодованіе, въ особенности когда стало извѣстно, что дѣло не ограничилось послѣ отреченія короля простымъ переходомъ власти въ руки его законнаго наслѣдника, но что престолъ окончательно перешелъ къ представителю младшей линіи дома Бурбоновъ герцогу Людовику Филиппу Орлеанскому, вначалѣ (30 іюля) провозглашенному лишь намѣстникомъ королевства, но вскорѣ (7 авг.) избранному королемъ французовъ. Это негодованіе нашло себѣ оффиціальное выраженіе въ циркулярѣ отъ 4 августа 1830 г.; одновременно съ этимъ было издано распоряженіе о непризнаніи трехцвѣтнаго флага, и было рѣшено порвать сношенія съ Франціей и прислать паспортъ французскому секретарю посольства Бургоэну, замѣщавшему въ это время отсутствовавшаго посла гр. Мортемара. Личная аудіенція Бургоэна у государя, относившагося къ нему лично съ большимъ расположеніемъ, имѣла своимъ результатомъ то, что эти мѣры не были приведены въ исполненіе. Однако, и послѣ этого императоръ Николай I не отказался отъ мысли о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Франціи и о выработкѣ обще-европейскихъ мѣропріятій на новомъ европейскомъ конгрессѣ. Эти мысли находили сочувствіе у нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ, у военнаго министра гр. А. И. Чернышева, у фельдмаршала гр. И. И. Дибича и у ген.-ад. гр. Ал. Ѳ. Орлова. Съ цѣлью ознакомить Австрію и Пруссію со взглядами государя и освѣдомиться о намѣреніи ихъ правительствъ въ августѣ (16-го и 19-го) 1830 г. были посланы: Орловъ—въ Вѣну и Дибичъ—въ Берлинъ. Съ другой стороны, предположенія государя встрѣтили сильное противодѣйствіе, главнымъ образомъ, въ лицѣ цесаревича Кон-

стантина Павловича, находившаго невозможнымъ возвращеніе къ политикѣ 1813—1815 гг. и настаивавшаго на политикѣ невмѣшательства. Къ этому мнѣнію примкнулъ и вице-канцлеръ Нессельроде, находившійся въ то время въ отпуску и имѣвшій въ концѣ іюля въ Карлсбадѣ разговоръ съ австрійскимъ канцлеромъ кн. Меттернихомъ. Во время разговора Меттернихъ намѣтилъ слѣдующія начала, на которыхъ было бы возможно соглашеніе (такъ называемый «карлсбадскій лоскутъ»). Австрія не склонна къ активному вмѣшательству во французскія дѣла, хотя и не прочь отъ совмѣстной конференціи съ Россіей и Пруссіей въ интересахъ охраненія мира въ собственныхъ владѣніяхъ трехъ державъ. Противъ послѣдняго была Пруссія.

Когда Орловъ и Дибичъ прибыли въ Вѣну и Берлинъ, новое правительство во Франціи было уже признано Австріей и Пруссіей безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей. Еще до этого оно было признано Англіей. Все это заставило императора Николая I отказаться отъ своихъ предположеній и признать правительство Людовика-Филиппа: «правительство намѣстника короля, утвержденное Карломъ X» дѣлалось въ его глазахъ тѣмъ самымъ законнымъ. Франція «не можетъ оставаться безъ главы, а за отсутствіемъ главы государства должна впасть въ самую ужасную анархію; поэтому фактически наиболѣе близкій къ трону находящійся во Франціи, за неимѣніемъ тѣхъ, которые были до него, становится для насъ фактически королемъ Франціи; если же мои союзники находятъ единогласно, что мы должны помириться въ этомъ отношеніи на герцогѣ Орлеанскомъ, то, мнѣ кажется, лучше признать королевскую власть, исходящую изъ подобнаго факта, чѣмъ королевскую власть по выбору народа: страшный примѣръ, пагубный для всякаго порядка, и который подорвалъ бы наше собственное существованіе»—такъ объяснялъ перемѣну своего рѣшенія Николай Павловичъ въ письмѣ къ цесаревичу отъ 17 августа 1830 г. По существу, перемѣна, происшедшая во Франціи, продолжала оставаться въ его глазахъ «узурпаціей герцога Орлеанскаго». Въ отвѣтъ на собственноручное письмо короля Людовика-Филиппа, врученное прибывшимъ въ началѣ сентября 1830 г. въ Петербургъ ген. Аталэномъ (Atthalin), государь отвѣчалъ письмомъ отъ 6 сентября; въ этомъ письмѣ, не называя короля французовъ «Monsieur mon frère» и признавая совершившіяся во Франціи событія «навѣки прискорбными» (à jamais deplorable) онъ, «въ согласіи съ своими союзниками», выражалъ готовность принять «желаніе короля поддерживать со всѣми европейскими государствами мирныя и дружественныя сношенія», пока эти сношенія будутъ основаны на существующихъ договорахъ, и «Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, столь необходимаго даже для спокойствія Франціи». Это письмо произвело крайне неблагопріятное впечатлѣніе во Франціи, и до самаго конца существованія монархіи Людовика - Филиппа отношенія между обѣими державами оставались крайне холодными.

Почти непосредственно вслѣдъ за іюльской революціей, подъ прямымъ вліяніемъ событій во Франціи, разразилась революція въ Бельгіи; бельгійцы провозгласили себя независимыми (6 ноября 1830 г.), и голландскій король, Вильгельмъ I Оранскій обратился къ Николаю Павловичу съ письмомъ, прося вооруженной помощи въ силу существующихъ трактатовъ. События въ Бельгіи снова вызвали въ государѣ мысль о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Европы. По полученіи письма короля Вильгельма былъ отдано распоряженіе о приведеніи арміи на военное положеніе. Объ этомъ распоряженіи былъ увѣдомленъ находившійся въ Берлинѣ фельдмаршалъ Дибичъ, для сообщенія объ этомъ тестю государя, прусскому королю Фридриху - Вильгельму III. И на этотъ разъ Пруссія отнеслась къ предположеніямъ русскаго государя довольно сдержанно. Прусскій король одобрилъ мобилизацію русскихъ корпусовъ къ западной границѣ, но былъ противъ предполагаемой мобилизаціи польской арміи, пока Пруссія не мобилизуетъ стоявшій въ одной линіи съ польской арміей свой первый корпусъ, на что де она рѣшится только тогда, когда исчезнетъ всякая надежда на сохраненіе мира. Король, во всякомъ случаѣ, находилъ необходимымъ предварительно обсудить создавшееся положеніе дѣлъ совмѣстно съ лондонскимъ и вѣнскимъ кабинетами. Рѣшительно противъ вмѣшательства высказался снова цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а также и вице-канцлеръ Нессельроде и министръ финансовъ Ег. Фр. Канкринъ, указавшій на тяжелое положеніе

государственныхъ финансовъ и на полное отсутствіе источниковъ для займовъ и другихъ чрезвычайныхъ средствъ. Вспыхнувшая 17 ноября революція въ Варшавѣ, помимо всего этого, заставила отказаться отъ военныхъ приготовленій, послѣ чего обсужденіе бельгійскихъ дѣлъ окончательно сосредоточилось на собравшейся въ Лондонѣ конференціи представителей отъ пяти великихъ державъ (Австрія, Англія, Пруссія, Россія и Франція; отъ Россіи—кн. Хр. Андр. Ливенъ и гр. Адамъ Ѳад. Матушевичъ) и отъ голландскаго короля Вильгельма. Протоколами 8 декабря 1830 г. 8 и 15 января 1831 г. конференція признала независимость Бельгіи, ея отдѣленіе отъ Голландіи и ея нейтралитетъ. 23 мая 1831 г. бельгійское національное собраніе въ Брюсселѣ, не дожидаясь рѣшенія конференціи, избрало королемъ намѣченнаго конференціей принца Леопольда Кобургскаго. Это избраніе вызвало протестъ со стороны короля Вильгельма, вслѣдствіе чего Россія, Австрія и Пруссія воздержались отъ немедленнаго признанія принца Леопольда бельгійскимъ королемъ; онъ былъ признанъ на первыхъ порахъ лишь Англіей и Франціей, Это избраніе вообще было непріятно для императора Николая Павловича, всегда непріязненно относившагося къ принцу кобургскому, и теперь въ особенности недовольнаго имъ за принятіе въ бельгійскую армію эмигрировавшихъ польскихъ офицеровъ. 3 ноября 1831 г. на лондонской конференціи былъ подписанъ окончательный трактатъ между пятью державами и Бельгіей, признававшій независимость Бельгійскаго королевства, его вѣчный нейтралитетъ и опредѣлявшій его границы съ Голландіей. 2 декабря того же года былъ подписанъ договоръ Бельгіи съ Англіей, Австріей, Пруссіей и Россіей о срытіи пограничныхъ съ Франціей крѣпостей. Вопросъ о ратификаціи договора 3 ноября вызвалъ новыя недоразумѣнія. Ратификація со стороны Англіи и Франціи послѣдовала 19 января 1832 г. Король Вильгельмъ отказывался признать этотъ договоръ. Пруссія и Австрія заняли выжидательное положеніе. Императоръ Николай Павловичъ рѣшительно заявилъ, что онъ не признаетъ договора, пока на него не послѣдуетъ согласія короля Вильгельма. Одновременно съ этимъ онъ попытался склонить короля дать свое согласіе, для чего въ Гаагу былъ посланъ ген.-ад. гр. А. Ѳ. Орловъ. Миссія Орлова успѣха не имѣла. Лишь послѣ этой попытки и послѣ того, какъ Австрія и Пруссія признали (6 апрѣля 1832 года) договоръ, заключенный конференціей, послѣдовала (22 апр. т. г.) его ратификація и со стороны императора Николая I. Дальнѣйшее упорство короля Вильгельма заставило Англію и Францію прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, которыя и были направлены противъ Антверпена, находившагося въ рукахъ голландцевъ. Австрія, Пруссія и Россія не приняли въ этомъ участія и вскорѣ послѣ этого 25 февр. 1833 г. заключили между собою секретный договоръ. По этому договору три державы, признавая необходимость принудительныхъ мѣръ, принятыхъ Англіей и Франціей, въ то же время соглашались: не возобновлять общихъ переговоровъ, пока будутъ приниматься эти мѣры; не допускать, чтобы голландскій король былъ принуждаемъ принять болѣе тяжелыя условія, чѣмъ тѣ, какія были уже выработаны; признать конференцію расторгнутой, разъ какая-либо держава попытается силою заставить голландскаго короля подписать тѣ или другія условія; совмѣстно защищать неприкосновенность голландскихъ владѣній въ тѣхъ границахъ, какія были опредѣлены договоромъ 3 ноября 1831 г. Всѣ эти недоразумѣнія на почвѣ бельгійскихъ дѣлъ все болѣе и болѣе обостряли противоположность политики западныхъ державъ—Англіи и Франціи и восточныхъ—Австріи, Пруссіи и Россіи. Лишь къ марту 1838 г. король Вильгельмъ согласился признать договоръ о независимости Бельгіи, каковой и былъ подписанъ (съ нѣкоторыми измѣненіями, сравнительно съ условіями 1831 г. относительно границъ между Бельгіей и Голландіей) пятью державами, Голландіей, Бельгіей и, сверхъ того, Пруссіей и Австріей, какъ уполномоченными отъ германскаго союза, 7 апрѣля 1839 г. 25 сентября 1840 король Вильгельмъ отказался отъ короны въ пользу своего сына, принца Вильгельма, женатаго на сестрѣ Николая Павловича, Аннѣ Павловнѣ.

Царство Польское въ началѣ царствованія императора Николая I; польская революція 1830—31 гг. и ея усмиреніе; послѣдующая политика Николая I въ Польшѣ и Западномъ краѣ.

Конституція, которая была дарована Царству Польскому послѣ его присоединенія къ Россіи, не удовлетворила поля-

ковъ, и среди польскаго общества продолжала жить надежда на полную политическую и національную независимость. Первымъ шагомъ къ такой независимости должно было быть, по мнѣнію сторонниковъ польской національной идеи, возвращеніе Царству областей, отошедшихъ къ Россіи по раздѣламъ въ XVIII в. Въ своихъ рѣчахъ и разговорахъ съ поляками императоръ Александръ не разъ говорилъ о своемъ намѣреніи возсоединить эти области съ Польшей, и нѣкоторыя изъ его мѣропріятій какъ будто подтверждали его слова. Такъ главнокомандующій польской арміей, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, командовалъ и литовскимъ корпусомъ. Всѣ заявленія на этотъ счетъ императора Александра отличались, однако, большою неопредѣленностью. Вступленіе на россійскій престолъ императора Николая Павловича разсѣяло всѣ надежды на возвращеніе Польшѣ земель, отошедшихъ отъ нея къ Россіи. Взгляды императора Николая Павловича на Польшу и русско-польскія отношенія были вполнѣ ясны и опредѣленны. Убѣжденный сторонникъ абсолютно-монархическаго начала, онъ не могъ относиться съ симпатіей къ польской конституціи, тяготился своимъ положеніемъ въ Польшѣ, какъ конституціоннаго монарха,—это стояло въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ его неограниченною властью въ Россіи,—и не скрывалъ въ этомъ отношеніи своихъ чувствъ. Съ другой стороны, однако, унаслѣдовавъ польскую конституцію отъ своего предшественника, онъ считалъ себя обязаннымъ ее соблюдать и, дѣйствительно, вплоть до разрыва съ Польшей въ 1831 г. ни въ чемъ не отступилъ отъ своихъ обязанностей конституціоннаго монарха: конституція переставала быть для него обязательной, разъ она была бы нарушена съ противоположной стороны. Смотря такъ на свои отношенія къ Польшѣ, Николай Павловичъ въ то же время всегда высказывался противъ возсоединенія съ нею земель, отошедшихъ къ Россіи по раздѣламъ, и вполнѣ опредѣленно заявлялъ, что никогда не совершитъ подобнаго шага, который, по его мнѣнію, въ корень противорѣчилъ бы интересамъ Россіи. «Пока я существую, я никакимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли бы быть поощряемы, такъ какъ, по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая, и которая могла бы повлечь для имперіи самыя плачевныя послѣдствія. При всемъ томъ это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ и при каждомъ случаѣ буду доказывать это строгимъ и вѣрнымъ соблюденіемъ и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ покойный ангелъ (такъ всегда называлъ Николай Павловичъ покойнаго государя въ перепискѣ съ братьями) даровалъ королевству; но, пока я живъ, я не могу терпѣть ни малѣйшей попытки сверхъ этого, направленной ко вреду имперіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; вслѣдствіе этого я не могу питать, а еще менѣе поощрять какія-либо подобныя надежды»—писалъ императоръ Николай въ своемъ письмѣ отъ 24 октября 1827 г. своему брату Константину. Между тѣмъ, идея полной національной независимости среди поляковъ не умирала. Разочаровавшись въ надеждахъ на добровольное возсоединеніе русскимъ правительствомъ западныхъ областей съ Польшей, сторонники національной идеи окончательно вступили теперь на путь революціоннаго разрыва съ Россіей. Почва къ этому была уже подготовлена тайными обществами, возникшими въ Польшѣ въ 20-хъ г.г., одновременно съ русскими, и пропагандировавшими въ послѣдніе годы александровскаго царствованія, главнымъ образомъ, идею полной національной независимости. Теперь эта идея получила широкое распространеніе среди мелкой шляхты, городского населенія, учащейся молодежи, польскаго офицерства и интеллигенціи. Помимо польскихъ національныхъ стремленій и надеждъ на возвращеніе западныхъ областей, что встрѣчало рѣшительный отпоръ со стороны императора Николая, были нѣкоторыя причины, затруднявшія въ самой Польшѣ положеніе Государя, какъ конституціоннаго монарха. Причины эти заключались, главнымъ образомъ, въ личномъ характерѣ цесаревича Константина Павловича, главнокомандующаго польской арміей, получившаго послѣ смерти намѣстника Царства Польскаго князя Заіончека (28 іюня 1826 г.) еще большее значеніе въ управленіи страною: въ его рукахъ фактически сосредоточилась теперь и гражданская власть. Взгляды Константина Павловича на русско-польскія отношенія

значительно расходились со взглядами Государя и отличались меньшею послѣдовательностью. Порою какъ будто оправдывая стремленія къ возсоединенію западныхъ областей съ Польшей, онъ въ другихъ случаяхъ своими отзывами усиливалъ въ Государѣ крайнее недовѣріе къ полякамъ. Выступая иногда передъ своимъ братомъ защитникомъ строгой конституціонности, онъ при малѣйшемъ проявленіи независимости со стороны польскихъ органовъ управленія, не сдерживалъ своего негодованія и проявлялъ его въ весьма рѣзкихъ и порою обидныхъ формахъ, чѣмъ создалъ для себя крайне обостренныя отношенія съ высшимъ польскимъ обществомъ. Императоръ Николай Павловичъ сознавалъ тяжелыя стороны характера своего брата и проистекающія отсюда для него самого затрудненія въ Польшѣ, но въ то же время считалъ необходимымъ тамъ его присутствіе для противовѣса притязаніямъ польской аристократіи.

7 февраля 1826 г. въ Варшавѣ по дѣлу польскаго тайнаго общества, существованіе котораго и личный составъ были раскрыты показаніями арестованнаго члена общества, кн. Ант. Яблоновскаго, былъ учрежденъ слѣдственный комитетъ. Этотъ комитетъ, составленный на половину изъ русскихъ и на половину изъ поляковъ (предсѣд. сената гр. Станис. Замойскій, дѣйств. т. сов. Ник. Ник. Новосильцевъ, сенаторы гр. Стан. и гр. Франц. Грабовскіе, ген. лейт. гр. Дм. Дм. Курута, военный министръ царства польскаго Мавр. Ѳед. Гауке, ген.-лейт. Андр. Ив. Кравцовъ, дивиз. ген. польск. службы Іог. Раутенштрухъ, бар. Моренгеймъ и адъютантъ цесаревича капит.-команд. Пав. Андр. Колзаковъ) закончилъ свое слѣдствіе лишь къ 30 декабря 1826 г. Императоръ вначалѣ колебался, на какихъ основаніяхъ возможно учредить судъ, чтобы судить государственныхъ преступниковъ, въ виду отличія польскаго государственнаго устройства отъ русскаго. Только слѣдуя, въ значительной степени, совѣтамъ Константина Павловича, онъ рѣшилъ, наконецъ, дѣйствовать согласно польской конституціи, не распространяя ея на поляковъ, бывшихъ въ русскомъ подданствѣ и привлеченныхъ къ отвѣтственности; эти послѣдніе еще въ іюлѣ 1826 г. были отправлены въ Петербургъ и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Въ началѣ іюня 1827 г. въ Варшавѣ, согласно конституціи, былъ учрежденъ особый сеймовый судъ изъ всѣхъ членовъ польскаго сената; предсѣдателемъ суда былъ назначенъ сенаторъ Бѣлинскій. Въ то же время въ Варшаву были откомандированы представители отъ Правительствующаго Сената для суда надъ поляками, состоявшими въ русскомъ подданствѣ, снова привезенными въ Варшаву. Сеймовый судъ призналъ подсудимыхъ виновными лишь въ недонесеніи о преступныхъ замыслахъ тайнаго сообщества россійскаго (подъ чѣмъ подразумѣвался, главнымъ образомъ, замыселъ на цареубійство) и къ лѣту 1828 вынесъ полное оправданіе почти всѣмъ подсудимымъ (лишь нѣкоторые были приговорены къ незначительному тюремному заключенію). При этомъ предсѣдатель суда мотивировалъ приговоръ тѣмъ, что основныя цѣли польскаго тайнаго общества — не только не преступны, но и вполнѣ согласны съ постановленіями Вѣнскаго конгресса и обѣщаніями покойнаго государя. Императоръ Николай Павловичъ былъ очень недоволенъ такимъ результатомъ суда и, замедливъ конфирмаціей приговора, запросилъ о приговорѣ административный совѣтъ Царства Польскаго въ такой формѣ: «Слѣдуетъ ли приговоръ сеймового суда приписать ошибочнымъ представленіямъ о существѣ государственнаго преступленія, или стремленію покровительствовать самымъ преступнымъ замысламъ». Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что приговоръ слѣдуетъ приписать исключительно недостаткамъ дѣйствующаго уголовнаго судопроизводства. Въ мартѣ 1829 г. приговоръ сеймоваго суда былъ утвержденъ, но польскій сенатъ получилъ высочайшій выговоръ. Приговоръ Правительствующаго Сената надъ поляками, состоявшими въ русскомъ подданствѣ, перешедшій на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и утвержденный 24 февр. 1829 г., былъ гораздо суровѣе: подсудимые были подвергнуты различнымъ строгимъ наказаніямъ — заключенію въ крѣпость, ссылкѣ въ Сибирь, отдачѣ въ солдаты и т. п. Приговоръ сеймоваго суда и конфликтъ изъ-за него у монарха съ польскимъ сенатомъ получили политическое значеніе и способствовали наростанію въ Польшѣ оппозиціонно-революціоннаго настроенія.

Судъ надъ участниками польскихъ тай-

ныхъ обществъ и создавшіяся на этой почвѣ тренія замедлили выполненіе государемъ Николаемъ Павловичемъ другого обязательства, возлагаемаго на него польской конституціей—коронованіе польской короной. Весною 1829 г. стало возможнымъ совершить этотъ обрядъ. Выполненіе этого обряда было очень не по душѣ государю; выполнить его, тѣмъ не менѣе, онъ считалъ себя обязаннымъ. Въ виду того, однако, что обрядъ, по которому должна была совершаться коронація всѣхъ преемниковъ Александра въ Польшѣ польскими королями, о чемъ говорила 45-я статья конституціи, остался до конца царствованія Александра не установленнымъ, Николай Павловичъ, воспользовавшись этимъ, рѣшилъ ограничиться возможно меньшими церемоніями. Особенно смущала его духовная сторона обряда; онъ рѣшительно высказался противъ совершенія духовной церемоніи въ католическомъ соборѣ, и только по настоянію Константина Павловича согласился на молебствіе въ соборѣ, на которомъ онъ могъ быть лишь въ качествѣ присутствующаго, послѣ того какъ коронація будетъ совершена въ королевскомъ замкѣ. Въ первыхъ числахъ мая 1829 г. государь императоръ съ государыней, наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ и вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ прибыли въ Царство Польское. 5-го мая былъ совершенъ торжественный въѣздъ въ Варшаву. 6-го мая государь присутствовалъ на разводѣ на Саксонской площади, который производилъ цесаревичъ. 9-го мая самъ государь производилъ смотръ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ. 12-го мая въ королевскомъ замкѣ, въ залѣ сената состоялась коронація. Послѣ произнесенія архіепископомъ-примасомъ молитвы императоръ возложилъ на себя корону, принялъ регаліи и возложилъ на императрицу знаки ордена Бѣлаго Орла. Затѣмъ имъ была принесена присяга конституціи. Послѣ этого архіепископъ - примасъ провозгласилъ троекратно «Vivat rex in aeternam» и прочелъ молитву за короля и благоденствіе его державы. По окончаніи обряда государь, въ сопровожденіи государыни, наслѣдника, великихъ князей, княгини Ловичъ и всѣхъ присутствовавшихъ на коронаціи, прослѣдовалъ въ соборъ св. Іоанна, гдѣ было совершено молебствіе. Въ теченіе слѣдующихъ дней происходили придворныя и народныя увеселенія, закончившіяся 16 мая народнымъ угощеніемъ на Уяздовскомъ полѣ, которое посѣтили государь и государыня. 22-го мая государь выѣхалъ изъ Варшавы въ Берлинъ. На обратномъ пути онъ пробылъ въ Варшавѣ съ 4-го по 13-е іюня. Здѣсь было имъ получено извѣстіе о побѣдѣ при Кулевчѣ, что и было отпраздновано молебствіемъ въ лагерѣ при Повонзкахъ. На пути въ Варшаву и отъ Варшавы онъ осматривалъ польскія крѣпости и останавливался въ цѣломъ рядѣ городовъ, гдѣ производилъ смотры и маневры (Калишъ, Ловичъ, Красноставъ, Замосць, Луцкъ). 19 іюня онъ уже покинулъ предѣлы Польши. Послѣ смотра въ этотъ день войскъ гвардейскаго корпуса въ Тульчинѣ онъ посѣтилъ Кіевъ (23—26 іюня) и отсюда черезъ Козелецъ и Черниговъ отправился въ Бобруйскъ, гдѣ осматривалъ крѣпость (30 іюня—3 іюля). Отсюда черезъ Могилевъ, Витебскъ, Великіе Луки и Старую Руссу онъ вернулся къ 11 іюля въ Царское Село. По отзывамъ современниковъ, во время пребыванія въ Варшавѣ мѣстное населеніе принимало восторженно государя и государыню; во время самой церемоніи коронованія чувствовалась, однако, холодность присутствовавшихъ представителей польской націи.

Короновавшись польскимъ королемъ и выполнивъ, такимъ образомъ, обязательство, возлагавшееся на него конституціей, императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ осуществить и одно изъ основныхъ правъ, утвержденныхъ этою конституціей за польской націей: на 1830 г. былъ назначенъ созывъ польскаго сейма, не собиравшагося еще въ его царствованіе и созваннаго въ послѣдній разъ императоромъ Александромъ I въ 1825 г. Мысль о созывѣ сейма была встрѣчена несочувственно цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, но государь остался твердъ въ своемъ намѣреніи. Въ февралѣ 1830 г. происходили выборы, а 25 марта послѣдовалъ манифестъ о созывѣ сейма, открытіе котораго было назначено на 16 мая. Правительственные проекты, которые предполагалось предложить на обсужденіе сейма, сводились къ предложенію о сооруженіи народнаго памятника императору Александру, какъ возстановителю отечества, къ проекту новаго закона объ ограниченіи удобствъ къ брачному разводу, къ предложе-

нію о продолженіи работъ по изданію гражданскаго кодекса и къ проекту, вносящему измѣненія въ уголовное судопроизводство. Лично императоръ Николай Павловичъ находилъ подобную программу работъ сейма черезчуръ скромной; онъ не хотѣлъ, однако, отсрочивать открытіе сейма, что было бы необходимо для выработки болѣе широкихъ проектовъ, и къ тому же предпочиталъ обойти на первомъ сеймѣ все, что могло бы создать поводъ къ какому бы то ни было разладу или конфликту. Государь лично присутствовалъ при открытіи сейма и произнесъ свою тронную рѣчь на французскомъ языкѣ. Привѣтствуя въ этой рѣчи народныхъ представителей и указывая на предложенные законопроекты, государь подчеркнулъ, что имъ будутъ приняты благопріятно тѣ «поправки, какія представители націи найдутъ нужнымъ въ нихъ внести». Впервые въ рѣчи къ польскому сейму были теперь затронуты, по поводу окончанія войнъ съ Турціей и Персіей, вопросы международной политики. «Всемогущій—говорилось въ рѣчи—благословилъ наше оружіе въ двухъ войнахъ, которыя имперія только что должна была нести. Польшѣ не пришлось нести ихъ тягостей, однако она пользуется выгодами, которыя явились слѣдствіемъ ихъ, благодаря тому братству въ славѣ и интересахъ, которое связуется отнынѣ съ ея неразрывнымъ единеніемъ съ Россіей. Польская армія не приняла активнаго участія въ войнѣ; мое довѣріе указало ей другой постъ, не менѣе важный; она составляла авангардъ арміи, долженствовавшій охранять безопасность имперіи...» Чтобы не стѣснять работъ сейма (его засѣданія должны были продолжаться 30 дней), государь на все время сессіи покинулъ Варшаву; онъ посѣтилъ за это время, съ 25 мая по 7-е іюня, Елизаветградъ, Кременчугъ, Козелецъ, Кіевъ, Ковно и Брестъ-Литовскъ.

Къ созыву сейма въ Польшѣ, въ принципѣ, отнеслись сочувственно. Въ глазахъ польскаго общества онъ получалъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ средство заявить о своихъ взглядахъ и выяснить свое отношеніе къ правительству и его представителю въ Польшѣ, цесаревичу Константину Павловичу, отношенія къ которому принимали все болѣе и болѣе натянутый характеръ. На самомъ сеймѣ образовалась довольно сильная оппозиція. Сочувственно было принято упоминаніе въ тронной рѣчи о событіяхъ внѣшней политики; зато заявленіе о «неразрывномъ единеніи съ Россіей» было встрѣчено съ неудовольствіемъ. Тотъ изъ правительственныхъ законопроектовъ, которому императоръ придавалъ особое значеніе, объ ограниченіи удобствъ къ брачнымъ разводамъ, былъ отвергнутъ, и правительство не встрѣтило въ данномъ случаѣ поддержки со стороны католическаго духовенства, на которое оно разсчитывало. Тѣмъ не менѣе, сеймъ не былъ распущенъ до срока и могъ закончить свои работы. Закрытіе сейма послѣдовало 16 іюня. Закрывая сеймъ, императоръ Николай снова обратился къ нему съ рѣчью, которая заканчивалась словами: «quoique éloigné de Vous, je veillerai perpétuellement à Votre véritable bonheur». Съ внѣшней стороны сессія окончилась благополучно. Оппозиціонное настроеніе, однако, замѣтно наростало, и холодность въ отношеніяхъ между государемъ и его польскими подданными все увеличивалась.

Полученныя вскорѣ послѣ этого въ Варшавѣ извѣстія о революціи во Франціи содѣйствовали еще большему возбужденію умовъ: начались уличныя движенія, стали появляться прокламаціи, произносились рѣчи. Извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи для подавленія бельгійской революціи дали послѣдній толчокъ къ революціонному взрыву. Къ ночи 17 ноября 1830 г. толпа, состоящая преимущественно изъ студентовъ и воспитанниковъ военной школы, ворвалась во дворъ Бельведерскаго замка, резиденціи цесаревича Константина Павловича. Предпринятая одновременно съ этимъ попытка обезоружить русскіе кавалерійскіе полки, захвативъ ихъ въ казармахъ, не удалась; зато мятежникамъ удалось захватить и разграбить богатый оружіемъ арсеналъ. Быстро вся Варшава была охвачена мятежомъ. Вице-президентъ города Любовицкій, генералъ Жандръ, военный министръ Гаукс, генералы Трембицкій и Станиславъ Потоцкій и мн. др. были убиты. Часть польскаго гарнизона оставалась еще спокойной и вѣрной присягѣ. Русскія кавалерійскія войска успѣли стянуться къ Бельведеру, а русская пѣхота заняла сѣверную часть города. Съ трудомъ спасшійся изъ своего дворца цесаревичъ не пожелалъ, однако, усиливать

кровопролитія вмѣшательствомъ въ дѣло русскихъ войскъ, и покинувъ городъ, расположился въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Ввиду наступившей въ городѣ дезорганизаціи городской совѣтъ, въ которомъ видную роль начали играть министръ финансовъ кн. Любецкій и кн. Адамъ Чарторижскій, принялъ на себя какъ бы временное правленіе «отъ имени короля Николая» и предполагалъ спасти положеніе и добиться извѣстныхъ результатовъ, вступивъ на путь переговоровъ, черезъ цесаревича Константина, съ русскимъ правительствомъ. Къ этой программѣ примыкали и многіе изъ представителей высшей польской аристократіи и наиболѣе зажиточные слои городского населенія. Быстро возобладало, однако, другое, крайнее революціонное направленіе, нашедшее себѣ выраженіе въ возникшемъ въ это время въ Варшавѣ «патріотическомъ клубѣ», гдѣ главную роль играли теперь писатель Маврикій Мохнацкій, адвокатъ Бронковскій и, въ особенности, историкъ Іоахимъ Лелевель, занимавшій прежде каѳедру въ Виленскомъ университетѣ и удаленный оттуда въ 1824 г. Это направленіе, надѣясь на поддержку революціонной Франціи, было противъ какихъ бы то ни было переговоровъ и стояло за немедленный и полный разрывъ съ Россіей. Любецкому удалось было вступить въ переговоры съ Константиномъ Павловичемъ, и есть извѣстіе, что послѣдній согласился ходатайствовать передъ государемъ объ амнистіи мятежникамъ и о сохраненіи конституціи, а также о присоединеніи къ Польшѣ русско-польскихъ областей или, по крайней мѣрѣ, о введеніи тамъ «національныхъ учрежденій». Эта попытка Любецкаго была, однако, встрѣчена несочувственно въ Варшавѣ, гдѣ окончательно восторжествовала крайняя революціонная партія. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ рѣшилъ покинуть Польшу, вывести оттуда русскія войска и разрѣшилъ оставшимся при немъ польскимъ войскамъ вернуться въ Варшаву. Ему былъ обезпеченъ, за это, свободный проходъ къ границамъ имперіи. Польская государственная казна, польское войско, крѣпости Модлинъ и Замосць были въ рукахъ возставшихъ. Послѣ удаленія цесаревича и русскихъ войскъ было избрано временное правительство (23 ноября) подъ предсѣдательствомъ кн. Ад. Чарторижскаго, немедленно облекшее диктаторскою властью ген. Іос. Хлопицкаго, популярнаго среди населенія еще до возстанія и выдвинувшагося во время послѣднихъ событій. Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій диктатора была посылка депутатовъ въ Петербургъ для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ. Переговоры должны были вестись на началахъ сохраненія конституціи и возсоединенія отошедшихъ къ Россіи польскихъ областей. Депутатами были избраны кн. Любецкій и гр. Езерскій.

Первое извѣстіе о варшавскихъ событіяхъ императоръ Николай Павловичъ получилъ вечеромъ 25-го ноября; это было краткое донесеніе отъ цесаревича о возмущеніи войскъ съ сообщеніемъ именъ убитыхъ генераловъ и указаніемъ, какія войсковыя части сохранили вѣрность. Только на другой день пришло запоздавшее, болѣе раннее, донесеніе отъ него, содержавшее въ себѣ больше подробностей, а 27-го ноября и третье—о рѣшеніи цесаревича покинуть съ русскими войсками Польшу. На другой день послѣ полученія перваго изъ этихъ донесеній государь, послѣ развода 3-го баталіона Преображенскаго полка, въ манежѣ сообщилъ офицерамъ о возмущеніи въ Варшавѣ. Это извѣстіе было принято съ негодованіемъ, и офицеры громко выражали свою готовность слѣдовать повелѣніямъ государя. Генералъ - адъютанту бар. Г. В. Розену тотчасъ же было повелѣно сосредоточить Литовскій корпусъ въ Брестѣ и Бѣлостокѣ для немедленнаго движенія на Варшаву; первый корпусъ долженъ былъ поддержать его. Черезъ день, однако, это распоряженіе было измѣнено, и рѣшено было собрать противъ поляковъ сразу большее количество войскъ. 1-го декабря фельдмаршаломъ дѣйствующей арміи былъ назначенъ вернувшійся изъ Берлина гр. Дибичъ, а начальникомъ штаба арміи ген.-ад. гр. К. Ѳ. Толь. 5-го декабря было издано воззваніе къ народу и войску Царства Польскаго (контрасигнированное ст.-секр. Царства Польскаго гр. Станиславомъ Грабовскимъ), а 12-го декабря манифестъ, коими обѣщалось прощенье подъ условіями немедленнаго возвращенія къ исполненію своего долга, отпуска плѣнныхъ и возстановленія законнаго управленія. Прибывшіе Любецкій и Езерскій были приняты первый—лишь какъ членъ правительства импера-

тора Николая, а второй—какъ его спутникъ, и при томъ оба порознь. Въ переговорахъ съ ними императоръ всецѣло остался на томъ, что было имъ заявлено въ воззваніи и манифестѣ.

Въ Варшавѣ, по полученіи извѣстій о происходившемъ въ Петербургѣ и о мѣропріятіяхъ императора, оставались непримиримыми. Собравшійся сеймъ началъ съ того, что одобрилъ возстаніе 17-го ноября и издалъ «Манифестъ польскаго народа», въ которомъ заявлялось, что польская нація не положитъ оружія, пока не завоюетъ свою независимость и не освободитъ своихъ порабощенныхъ Россіею братьевъ. Хлопицкій, при такомъ оборотѣ дѣлъ, сложилъ съ себя диктатуру. 13-го января 1831 г. сеймъ, въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ, провозгласилъ домъ Романовыхъ лишеннымъ польскаго престола. Главою національнаго правительства былъ избранъ кн. Адамъ Чарторижскій; главнокомандующимъ польскихъ войскъ—кн. Михаилъ Радзивиллъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ манифестъ императора Николая отъ 25-го января, въ которомъ говорилось: «13-го сего мѣсяца среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присвоивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и Мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судью дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ отца, но со спокойною твердостью царя, исполняющаго священный долгъ свой, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей, соедините усердныя мольбы съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго Праведнаго Бога. Да благословитъ онъ оружіе наше для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранитъ скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницею Его намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи». Личный взглядъ императора Николая на создавшееся положеніе вещей и на будущее Польши и Россіи выясняется изъ его переписки за это время съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Въ одномъ изъ его писемъ къ цесаревичу (ок. 3-го янв. 1831 г.) встрѣчается такая фраза: «Кто изъ двухъ долженъ погибнуть,—такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо,—Россія или Польша? Рѣшайте сами».

28-го декабря 1830 г. Дибичъ былъ уже въ Гроднѣ и 13-го января вступилъ съ своими главными силами въ Польшу. Первыя схватки (2-го февр. у Сточка и 5-го февр. у Добраго) были скорѣе благопріятны для поляковъ. Но уже 7-го февр. было нанесено полякамъ чувствительное пораженіе у Вавра, что отдавало въ руки русскихъ высоты, съ которыхъ открывался путь на Варшаву. 13-го февраля послѣдовалъ рѣшительный бой около предмѣстья Варшавы Праги, при Гроховѣ. Поляки были разбиты на голову, въ полномъ разстройствѣ оставили Прагу и перейдя мостъ, отступили за Вислу въ Варшаву. Дибичъ не поспѣшилъ, однако, использовать результаты побѣды и вмѣсто того, чтобы, преслѣдуя непріятеля, вступить за нимъ и перенести бой въ Варшаву или начать бомбардировку столицы, отдалъ приказъ войскамъ расположиться въ одной верстѣ отъ Праги. Этотъ шагъ главнокомандующаго—причины его остаются до сихъ поръ не вполнѣ выясненными—имѣлъ рѣшительное значеніе для всего послѣдующаго хода событій. Паника, наступившая въ Варшавѣ при извѣстіи о пораженіи, начала проходить. Кн. Радзивиллъ, совершенно растерявшійся во время сраженія, былъ отстраненъ, и главное начальствованіе надъ войсками перешло къ ген. Яну Скржинецкому, сохранившему при Гроховѣ полное самообладаніе: онъ выполнилъ тогда трудную задачу прикрытія отступленія. Скржинецкому и ген. Прондзинскому удалось выиграть нѣсколько сраженій. Возстаніе начало распространяться въ Литву, гдѣ вторгнувшіеся поляки встрѣчали содѣйствіе у мѣстнаго дворянства (гр. Цезарь Пляттеръ), и даже были попытки вторженія въ Подолію, Волынь и Украйну. Императоръ Николай Павловичъ былъ очень недоволенъ мѣро-

пріятіями Дибича послѣ Грохова. Въ то же время послѣдующія за этимъ событія убѣдили его, что положеніе дѣлъ гораздо болѣе серьезно и требуетъ бóльшаго напряженія силъ, чѣмъ это сперва казалось. Была организована резервная армія подъ начальствомъ гр. Пет. Алдр. Толстого. Не довѣряя дѣйствіямъ и распоряженіямъ Дибича, государь самъ, съ своей стороны, выработалъ планъ дальнѣйшихъ операцій, разойдясь съ главнокомандующимъ въ вопросѣ о переходѣ черезъ Вислу (Николай Павловичъ стоялъ за переходъ черезъ нижнюю Вислу, ближе къ прусской границѣ; Дибичъ предполагалъ перейти рѣку въ ея верхнемъ теченіи). Этотъ планъ былъ сообщенъ государемъ Дибичу, однако, съ *приказаніемъ* «руководствоваться исключительно личнымъ убѣжденіемъ». Одновременно съ этимъ Николай Павловичъ 5-го апрѣля вызвалъ изъ Тифлиса на театръ военныхъ дѣйствій фельдмаршала И. Ѳ. Паскевича. Одна изъ причинъ, замедлившихъ смѣну главнокомандующаго, была новая рѣшительная побѣда, одержанная къ этому времени надъ поляками: 14-го мая при Остроленкѣ Дибичъ разбилъ Скржинецкаго, начавшаго наступательное движеніе противъ русскаго гвардейскаго корпуса, стоявшаго въ то время между Наревомъ и Бугомъ. И послѣ Остроленки, однако, Дибичъ воздержался отъ дальнѣйшихъ рѣшительныхъ дѣйствій, далъ Скржинецкому отступить къ Варшавѣ и расположился самъ между Пултускомъ, Голыминомъ и Масковымъ, готовясь перейти Вислу. 29-го мая Дибичъ скончался отъ холеры, отъ которой въ это время сильно страдала наша армія (въ ночь съ 14-го на 15-е іюня отъ эпидеміи въ Витебскѣ скончался и цесаревичъ Константинъ Павловичъ). 4-го іюня главнокомандующимъ былъ назначенъ Паскевичъ.

Прибывшій въ Петербургъ еще 12-го мая, Паскевичъ отправился къ арміи моремъ и высадившись въ Мемелѣ, къ 14-му іюня былъ въ Пултускѣ. Паскевичъ принялъ планъ государя о переходѣ черезъ Вислу въ ея нижнемъ теченіи. Переходъ былъ совершенъ у Осьска близъ самой прусской границы, при содѣйствіи со стороны Пруссіи, насколько это было возможно безъ риска вызвать какія-либо дипломатическія осложненія (провіантъ для русскихъ войскъ доставлялся изъ магазиновъ Торнской области). Къ 9-му іюля шестьдесятъ тысячъ русскаго войска стояло на лѣвомъ берегу Вислы. Не рѣшивъ еще окончательно вопроса о штурмѣ Варшавы и предполагая сначала взять городъ измором, Паскевичъ началъ медленное наступательное движеніе и въ 20-хъ числахъ іюля расположился у Ловича. Положеніе поляковъ стало къ этому времени окончательно критическимъ. Возстаніе въ Литвѣ въ крупныхъ размѣрахъ не удалось, и изъ трехъ оперировавшихъ тамъ военноначальниковъ удалось вернуться въ Варшаву одному только Дембинскому. Выдвинувшій противъ Паскевича войска, главнокомандующій Скржинецкій, какъ съ своей стороны и Паскевичъ, не былъ намѣренъ рѣшать дѣло открытымъ сраженіемъ. Его заподозрили въ измѣнѣ и лишили командованія (29-го іюля). Въ Варшавѣ началась анархія. Въ началѣ августа глава національнаго правительства кн. Чарторижскій покинулъ столицу. Послѣ этого власть окончательно перешла въ руки крайней партіи. Главою правительства былъ избранъ генералъ гр. Янъ Круковицкій. Главное командованіе въ концѣ концовъ перешло къ Малаховскому. На военномъ совѣтѣ рѣшено было ожидать штурма непріятеля за укрѣпленіями Варшавы. Къ этому времени Паскевичъ окончательно собралъ свои силы и старательными упражненіями подготовилъ войска къ штурму. Передъ штурмомъ была сдѣлана послѣдняя попытка вступить въ переговоры. Переговоры состоялись 23-го августа между ген. Даненбергомъ, съ русской стороны, и подполк. Прондзинскимъ — съ польской. Даненбергъ заявилъ, что онъ уполномоченъ обѣщать амнистію и сохраненіе конституціи подъ условіемъ сдачи и отвода польскихъ войскъ къ Плоцку. Въ Варшавѣ обсуждался вопросъ о принятіи русскихъ предложеній, но верхъ одержало мнѣніе Бонавентуры Немоевскаго: переговоры могутъ вестись только на основаніяхъ «Манифеста польскаго народа». Послѣ двухдневнаго штурма Варшава была взята. Часть польской арміи сдалась (въ Варшавѣ, Модлинѣ и Замосцьѣ); значительная часть удалилась за границу, въ Пруссію и Австрію, куда эмигрировало и большинство изъ дѣятелей возстанія, между ними кн. Ад. Чарторижскій, а также и послѣднее революціонное правительство во главѣ съ избраннымъ на мѣсто Круковицкаго Бонавентурой Немоевскимъ.

1-го сентября въ Царскомъ Селѣ было получено извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ былъ награжденъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго. 6 октября въ Петербургѣ былъ парадъ и торжественное молебствіе на Марсовомъ полѣ; въ этотъ же день былъ обнародованъ манифестъ о прекращеніи «возженной измѣною войны».

Польское возстаніе имѣло очень серьезныя послѣдствія: оно явилось осложняющимъ фактомъ въ области международныхъ отношеній и опредѣлило, въ извѣстной степени, внѣшнюю политику императора Николая I послѣ 1831 г.; съ другой стороны, оно опредѣлило и будущее положеніе Царства Польскаго, какъ составной части единой Россійской имперіи. Съ подавленіемъ возстанія польское національно-революціонное движеніе не прекратилось. Значительная часть участниковъ возстанія, многіе изъ польскаго войска, эмигрировавъ за границу, нашли убѣжище, главнымъ образомъ, во Франціи. Здѣсь изъ своей среды ими былъ избранъ центральный комитетъ подъ предсѣдательствомъ послѣдняго предсѣдателя революціоннаго польскаго правительства Бонавентуры Нѣмоевскаго. 19 октября 1831 г. императоромъ Николаемъ I былъ изданъ указъ объ общей амнистіи, не распространявшійся, однако, на зачинщиковъ возстанія, членовъ революціоннаго правительства и сейма и офицеровъ, ушедшихъ послѣ сдачи Варшавы за-границу. Указомъ объ амнистіи воспользовались сравнительно немногіе. «Польская эмиграція» становится съ этого времени извѣстнымъ реальнымъ фактомъ въ исторіи Европы. Воздѣйствуя на западно-европейское общественное мнѣніе въ неблагопріятномъ для Россіи направленіи, она осложняетъ въ извѣстной мѣрѣ и внѣшнюю политику императора Николая. Въ связи съ общимъ демократическимъ движеніемъ, въ 1833 г. создается общество «Молодой Польши», входившее въ составъ демократическаго союза «Молодой Европы». Это общество старается развить пропаганду польской національно-революціонной идеи и въ предѣлахъ Россіи, гдѣ въ его духѣ дѣйствовало также «Общество польскаго народа», возникшее еще въ 1831 г. въ Краковѣ. Еще съ 1835 г., однако, «Общество польскаго народа» стало подчиняться вліянію другого, такъ называемаго «Демократическаго Общества», существовавшаго за границей съ 1832 г. и имѣвшаго уже нѣсколько соціалистическій оттѣнокъ. Это повлекло за собою реорганизацію устройства «Общества» въ смыслѣ большей централизаціи, и съ этого же времени усиленно начала пропагандироваться идея новаго возстанія: въ 1838 г. въ Вильнѣ былъ разстрѣлянъ членъ «Общества» Канарскій. Въ предѣлахъ Россіи пропаганда, въ общемъ, распространялась сравнительно слабо; центромъ пропаганды и движенія сталъ вольный городъ Краковъ.

Во время возстанія поляки не разъ обращались съ просьбою о содѣйствіи къ европейскимъ правительствамъ, встрѣчая, обыкновенно, на словахъ сочувственное отношеніе не только во Франціи, гдѣ общественное мнѣніе было на ихъ сторонѣ, но и у болѣе консервативно-настроенныхъ державъ, какъ напримѣръ, въ Австріи, бывшей въ началѣ какъ будто бы не прочь использовать движеніе въ своихъ интересахъ, въ виду успѣховъ Россіи на Востокѣ. Въ іюлѣ 1831 г. Англія и Франція сдѣлали совмѣстное предложеніе о посредничествѣ, которое было, однако, самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонено Николаемъ Павловичемъ. Какой-либо существенной поддержки въ теченіе всего возстанія поляки, въ концѣ концовъ, не нашли. Послѣ взятія Варшавы, что вызвало въ Парижѣ антирусскія уличныя демонстраціи и дебаты въ палатѣ, правительство Людовика-Филиппа, въ лицѣ его министра Казиміра Перье, точно также не сочло возможнымъ оффиціально поддержать польскихъ эмигрантовъ, не желая изъ-за этого снова нарушать только что кое-какъ наладившіяся добрыя отношенія съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, по предложенію того же Перье, палата вотировала ассигнованіе на извѣстный фондъ (до 3 милл. франковъ) «на поддержку политическихъ изгнанниковъ»: фактически значительное большинство этихъ послѣднихъ составляли поляки. Послѣ упраздненія конституціи Царства Польскаго Англія и Франція сдѣлали въ Петербургѣ новое заявленіе о томъ, что присоединеніе Царства къ Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ было обусловлено дарованіемъ Польшѣ «конституціи». Въ отвѣтъ на это послѣдовала нота

Нессельроде, заявлявшая, что польская конституція—исключительно даръ императора Александра, не гарантированный Вѣнскимъ конгрессомъ.

Императоръ Николай Павловичъ, съ своей стороны, по мѣрѣ того, какъ шли военныя дѣйствія, не разъ задавался мыслью о будущей судьбѣ Царства Польскаго. Одно время онъ останавливался при этомъ на мысли ограничиться присоединеніемъ къ Россіи польскихъ земель до Вислы и Буга, предоставивъ остальныя земли Австріи и Пруссіи. Основанія этой мысли были изложены государемъ въ его собственноручной запискѣ. Отвѣчая, по всей вѣроятности, на эти мысли государя, Паскевичъ, въ свою очередь, развилъ подобный же планъ въ своей запискѣ отъ 4 іюня 1831 г. Въ противоположность мысли государя о безвозмездной отдачѣ части польскихъ земель, Паскевичъ проектировалъ обмѣнъ. По его плану, Пруссіи должны были быть предложены воеводства Мазовецкое, Калишское и Сандомирское, въ обмѣнъ за что она должна была бы уступить намъ крѣпость Торнъ, городъ Мемель и устья Нѣмана. Австрія, за уступку Краковскаго воеводства, должна была бы уступить намъ Тарнопольскую область. Всѣ эти мысли не встрѣтили, однако, сочувственнаго отклика со стороны нашихъ сосѣдей. Зато ко времени окончанія военныхъ дѣйствій, послѣ взятія Варшавы, принципіальное сочувствіе берлинскаго и вѣнскаго дворовъ было уже на сторонѣ Императора Николая Павловича. Общее настроеніе умовъ заставляло названные дворы опасаться, что движеніе въ Царствѣ Польскомъ найдетъ отзвукъ и въ ихъ собственныхъ польскихъ владѣніяхъ. Въ тѣхъ соглашеніяхъ, какія въ 1833 г. были вновь заключены на почвѣ опасенія революціонныхъ движеній между Россіей, Австріей и Пруссіей, въ противовѣсъ сближенію Франціи и Англіи (см. ниже, *внѣшняя политика*), нашелъ себѣ мѣсто и вопросъ о Польшѣ. Одновременно съ заключеніемъ конвенціи въ Мюнхегрецѣ была заключена между Россіей и Австріей другая (7 сентября 1833 г.)—о взаимной гарантіи польскихъ владѣній и о выдачѣ политическихъ преступниковъ, подкрѣпленная вскорѣ (въ октябрѣ) общею конвенціею между Россіей, Австріей и Пруссіей, аналогичнаго содержанія. Создавалась какъ бы международная гарантія тому порядку, какой устанавливался послѣ подавленія возстанія въ русской Польшѣ. Нѣсколько позднѣе, на свиданіи императора Николая съ Прусскимъ королемъ и австрійскимъ императоромъ въ Прагѣ (23—25 сентября 1835 г.), въ принципѣ было выражено согласіе трехъ державъ на присоединеніе къ Австріи польскаго вольнаго города Кракова, оформленное секретнымъ протоколомъ 2 октября т. г., подписаннымъ въ Берлинѣ. Отказъ Кракова въ выдачѣ эмигрантовъ послужилъ около этого времени поводомъ къ введенію въ Краковъ войскъ трехъ союзныхъ державъ. 3 апрѣля 1846 г. была подписана Россіей (гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ), Австріей (гр. Фикельмонтъ) и Пруссіей (Каницъ) конвенція объ окончательномъ присоединенія Кракова къ Австріи.

Одновременно съ этимъ въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій въ самомъ Царствѣ Польскомъ и Западномъ Краѣ послѣдовательно проводились начала болѣе тѣснаго объединенія всего края съ коренными областями имперіи и полнаго уничтоженія мѣстныхъ отличій. Мѣропріятія эти выразились: въ новомъ устройствѣ управленія, постепенно приближавшемся къ управленію въ русскихъ губерніяхъ; въ мѣрахъ по ограниченію крѣпостного права; въ ограничительныхъ и исключительныхъ мѣропріятіяхъ въ области народнаго просвѣщенія; въ борьбѣ съ вліяніемъ католической церкви. Послѣ усмиренія возстанія Паскевичъ, надѣленный очень большими полномочіями, былъ оставленъ для управленія краемъ. Временное управленіе дѣлилось на 4 департамента: внутреннихъ дѣлъ и полиціи, просвѣщенія и исповѣданія, финансовъ и юстиціи. Когда былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ упраздненіи конституціи, былъ изданъ 26 февр. 1832 г. органическій статутъ. Названіе Царства Польскаго сохранялось, равно какъ сохранялся и особый статсъ-секретаріатъ Царства въ Петербургѣ. Упразднялись: особое коронованіе, польское войско и сеймъ. Внутреннее управленіе поручалось особому «Совѣту Управленія Царства Польскаго», дѣйствовавшему именемъ Государя Императора подъ предсѣдательствомъ Намѣстника и тремъ коммисіямъ: внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія, финансовъ и суда. Для разсмотрѣнія бюджета и законопроектовъ, касавшихся Царства, а также для разбора столкновеній между отдѣльными органами

управленія и суда преступленій по должности учреждался особый Государственный Совѣтъ Царства Польскаго. По для дѣла законодательства и предположеній, о которыхъ будетъ признано, что они должны быть соображены съ общеимперскими постановленіями, учреждался особый департаментъ по дѣламъ Царства Польскаго при Государственномъ Совѣтѣ Имперіи. Сохранилось дѣленіе на воеводства, въ которыхъ управленіе сосредоточивалось въ особыхъ воеводскихъ комиссіяхъ. Вскорѣ въ органическій статутъ были внесены дальнѣйшія измѣненія. Къ 1837 г. воеводства были обращены въ губерніи, а воеводскія комиссіи превращены въ губернскія правленія съ подчиненіемъ ихъ губернаторамъ. Въ 1841 г. былъ окончательно упраздненъ Государственный Совѣтъ Царства Польскаго. Дѣлопроизводство въ канцеляріи намѣстника и въ Совѣтѣ Управленія велось на русскомъ языкѣ; для непонимающихъ допускался переводъ на французскій языкъ. Постепенно Царство Польское объединилось съ Имперіей и въ юридическомъ отношеніи: въ 1846 г. послѣдовало изданіе новаго свода наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, представлявшее собою почти дословный переводъ русскаго уложенія о наказаніяхъ 1845 г.

Самъ императоръ Николай Павловичъ послѣ возстанія посѣтилъ Варшаву въ 1835 г., на обратномъ пути изъ Австріи. Онъ прибылъ въ предѣлы Царства Польскаго 2 октября и къ вечеру 4-го былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ остановился въ Лазенковскомъ дворцѣ. На другой день онъ принялъ, въ присутствіи Паскевича и варшавскаго военнаго генералъ-губернатора Панкратьева, депутацію отъ городского управленія, долженствовавшую поднести вѣрноподданническій адресъ. Заранѣе предупредивъ, что онъ не желаетъ, чтобы депутація произносила рѣчь, и что онъ будетъ говорить самъ, онъ при пріемѣ обратился къ представлявшимся съ рѣчью, въ которой указалъ, что ему «нужны дѣйствія а не слова». «Вамъ предстоитъ, господа,—говорилъ далѣе государь—выборъ между двумя путями: или упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподданными подъ моимъ правленіемъ. Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накличете на себя большія несчастія. По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ; я разрушу Варшаву и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова». Послѣ пріема депутаціи государь осмотрѣлъ сооружаемую Александровскую цитадель, которая, значительно расширенная, къ тому времени была уже вооружена орудіями, направленными въ сторону города; въ тотъ же день государь оставилъ Варшаву. Осмотрѣвъ затѣмъ крѣпости Новогеоргіевскъ и Брестъ-Литовскъ, онъ къ 10-му октября былъ въ Кіевѣ.

Приближая управленіе Царствомъ Польскимъ къ общеимперскому, императоръ Николай I ставилъ одновременно съ этимъ себѣ задачею борьбу съ польскими національно-революціонными идеями; предпринимаемыя въ этомъ отношеніи мѣры проводились не только въ Царствѣ, но и въ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи отъ Польши по раздѣламъ. 16 сентября 1831 г. былъ учрежденъ «западный комитетъ», задачею котораго было «сравнять Западный край во всѣхъ отношеніяхъ со внутренними великорусскими губерніями». Въ Западномъ краѣ правительство старалось опереться прежде всего на крестьянство. Въ этомъ краѣ въ царствованіе императора Николая I были приняты довольно рѣшительныя мѣры для ограниченія крѣпостного права, подготовившія, до извѣстной степени, реформу 19 февраля 1861 г. Наиболѣе крупною мѣрою въ этомъ отношеніи было введеніе такъ называемыхъ инвентарныхъ комитетовъ. Въ 1840 г. гр. П. Дм. Киселевъ подалъ мысль о введеніи въ Западномъ Краѣ инвентарей, которые законодательнымъ путемъ опредѣляли бы норму крестьянскихъ повинностей. 15 апрѣля 1844 г. государемъ было утверждено выработанное дѣйствовавшимъ въ то время комитетомъ о западныхъ губерніяхъ положеніе объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ для введенія инвентарей. Предполагалось сперва въ теченіе шести лѣтъ составлять инвентари для каждаго имѣнія порознь съ тѣмъ, чтобы по истеченіи шести лѣтъ были введены общія положенія объ инвентаряхъ. Одновременно съ этимъ положеніе объ инвентарныхъ губернскихъ комитетахъ было распространено и на Юго-

Западный край—губерніи Кіевскую, Волынскую и Подольскую. Въ 1846 г. генералъ-губернаторъ этого края, ген. Д. Г. Бибиковъ (назнач. въ 1837 г.; въ 1852 г. министръ внутр. дѣлъ), находя, что составленіе инвентарей по каждому имѣнію въ отдѣльности затруднительно, предложилъ немедленное введеніе единообразной формы. Предложенный имъ проектъ правилъ объ инвентаряхъ былъ утвержденъ 26 апр. 1846 г. (измѣненъ 29 дек. 1848 г.). Эти правила были, въ свою очередь, распространены и на Сѣверо-Западный край. Наибольшее сопротивленіе со стороны помѣщиковъ введеніе инвентарей встрѣтило въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ предлагалъ распространить правила объ инвентаряхъ и на виленское генералъ-губернаторство, но эта мысль не осуществилась.

Съ другой стороны, борьба съ польскими національно-революціонными идеями вызывала и мѣры ограничительнаго и исключительнаго характера, главнымъ образомъ, въ области народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣдной политики. Въ видахъ пресѣченія сношеній съ польскою эмиграціею былъ значительно затрудненъ выѣздъ за границу. Выѣзжать могли лишь лица не моложе 25 лѣтъ; заграничный паспортъ оплачивался 25 рублями, позже—100 р. Польская молодежь, получившая образованіе за границей безъ разрѣшенія на то правительства, не могла занимать государственныхъ должностей. Одновременно съ этимъ была введена самая строгая цензура; въ печати не разрѣшалось даже упоминать имена Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго и другихъ проводниковъ польской національной идеи. Въ 1839 г. былъ учрежденъ Варшавскій учебный округъ; попечитель округа былъ подчиненъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Варшавскій университетъ былъ закрытъ. Взамѣнъ этого, при гимназіяхъ, обращенныхъ изъ семиклассныхъ въ восьмиклассныя, были введены особые добавочные курсы по педагогикѣ и юриспруденціи. Въ 1846 г., однако, и эти курсы были упразднены, и вмѣсто этого въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ были учреждены каѳедры польскаго гражданскаго и уголовнаго права. Особыя мѣры были приняты точно также относительно высшихъ учебныхъ заведеній Западнаго края, конечнымъ результатомъ чего было основаніе въ Кіевѣ Университета Св. Владиміра. Видный центръ польскаго національнаго движенія въ послѣдніе годы александровскаго царствованія, отозвавшійся, въ значительной степени, на возстаніе 1831 г., Виленскій университетъ указомъ 1 мая 1832 г. былъ закрытъ съ тѣмъ, однако, чтобы медицинское и богословское отдѣленіе университета были преобразованы въ медико-хирургическую академію и духовное училище. Взамѣнъ Виленскаго университета предполагалось первоначально устройство лицея въ Оршѣ. Черезъ годъ послѣ этого было упразднено и другое польское высшее учебное заведеніе—Кременецкій лицей. По мысли министра народнаго просвѣщенія графа Уварова рѣшено было перевести лицей въ Кіевъ съ преобразованіемъ его въ Университетъ Св. Владиміра. Начатое устройство лицея въ Оршѣ было, поэтому, прекращено, и ассигнованныя на это суммы были переведены на устройство Кіевскаго университета. Университетъ Св. Владиміра былъ открытъ 15 іюля 1834 г., первоначально въ составѣ двухъ факультетовъ—историко-филологическаго и физико-математическаго. Съ 1841 г. былъ открытъ медицинскій факультетъ взамѣнъ закрытой медико-хирургической академіи въ Вильнѣ. Въ 1838 г. вслѣдствіе польскаго движенія университетъ временно былъ закрытъ, и большинство поляковъ, профессоровъ и студентовъ, были изъ него удалены.

Въ области вѣроисповѣдной политики было обращено вниманіе на упроченіе въ Царствѣ Польскомъ православія. Въ 1838 г. было образовано православное Варшавское епископство (переименованное въ 1840 г. въ Варшавское и Новогеоргіевское). Одновременно съ этимъ были приняты ограничительныя мѣры относительно католическаго духовенства: были запрещены съѣзды духовенства, усиленъ надзоръ за проповѣдью, запрещены общества трезвости. Многіе изъ католическихъ монастырей были упразднены. Варшавская римско-католическая Духовная Академія была поставлена подъ контроль комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Въ 1841 г. послѣдовало обращеніе всѣхъ имѣній католической церкви въ государственныя имущества, и католиче-

скому духовенству было назначено отъ казны жалованье. Въ Западномъ Краѣ этимъ мѣрамъ соотвѣтствовала борьба съ католическимъ вліяніемъ въ уніатской церкви, закончившаяся возсоединеніемъ уніатовъ съ православіемъ, что подготовлялось еще съ 1828 г., когда во главѣ управленія духовныхъ дѣлъ былъ поставленъ Д. Н. Блудовъ. Послѣ возстанія большинство уніатскихъ епископовъ были смѣщены. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ 5-го марта 1832 г. особаго комитета по дѣламъ возвращенныхъ отъ Польши губерній было предписано на уніатскія священническія мѣста назначать по преимуществу малороссіянъ. Въ 1831 г. на соединенную брестскую и литовскую епархіи былъ назначенъ Іосифъ Сѣмашко, ревностный поборникъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Еще ревностнѣе его дѣйствовалъ назначенный на православную полоцкую епархію Смарагдъ Крыжановскій, дѣятельность котораго самъ Сѣмашко находилъ «торопливой». Въ 1833 г. Почаевскій уніатскій монастырь былъ обращенъ въ православный съ переименованіемъ въ лавру; въ это же время было закрыто до 15 базильянскихъ монастырей 13-го января 1833 г. были утверждены выработанныя Сѣмашко правила для постепеннаго возсоединенія уніатовъ съ православіемъ. Съ 1-го января 1837 г. управленіе уніатскими дѣлами перешло къ Синоду. Одновременно съ этимъ самъ Сѣмашко энергично подготовлялъ почву для возсоединенія, прибѣгая иногда и къ мѣрамъ принудительнаго характера (переводъ священниковъ, назначеніе на причетническія мѣста, ссылка въ коренныя русскія губерніи). 12-го февраля 1839 г. въ Полоцкѣ былъ подписанъ соборный актъ о соединеніи уніатской церкви съ православной. 26-го февраля актъ былъ переданъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода Н. А. Протасову и 25-го марта получилъ утвержденіе.

Мѣропріятія относительно католической и уніатской церкви вызвали недовольство со стороны римскаго первосвященника. Папа Григорій XVI громко осуждалъ возсоединеніе уніатовъ (произнесенная имъ въ кардинальской коллегіи 20-го іюля 1842 г. аллокуція) и отказывался утверждать кандидатовъ русскаго правительства на католическія епископскія каѳедры, вслѣдствіе чего большинство каѳедръ пустовали. Въ концѣ 1845 г. императоръ Николай Павловичъ, возвращаясь изъ Палермо, гдѣ должна была провести зиму императрица Александра Ѳеодоровна, посѣтилъ Римъ и имѣлъ 1-го декабря свиданіе съ римскимъ первосвященникомъ въ Ватиканѣ. Свиданіе происходило въ присутствіи лишь русскаго посланника при папскомъ дворѣ А. П. Бутенева и кардинала Антона. Во время свиданія папа говорилъ о положеніи католической церкви въ Россіи, и государь обѣщалъ, что относящееся къ этому вопросу законодательство будетъ пересмотрѣно. Весною 1846 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ гр. К. В. Нессельроде комитетъ для разсмотрѣнія папскихъ жалобъ. Совѣщанія этого комитета привели къ миссіи въ Римъ въ 1846 г. Д. Н. Блудова. Блудовъ прибылъ въ Римъ уже послѣ смерти Григорія XVI, когда на папскій престолъ вступилъ Пій IX. Переговоры затянулись, и лишь къ 22-му іюля 1847 г. закончились заключеніемъ между Россіей и папскимъ престоломъ конкордата. Главныя основанія этого конкордата сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: 1. Число католическихъ епархій было увеличено на одну: кромѣ существующихъ уже Могилевской архіепископіи, Виленской, Самогитской, Минской, Луцкой и Каменецъ-Подольской епископій, учреждалась Херсонская—для юга Россіи и Кавказа. 2. За папою признавалось право буллою опредѣлять пространство и предѣлы епархій. 3. Епископы и суффраганы назначались по соглашенію между папою и русскимъ правительствомъ, послѣ чего слѣдовало со стороны папы каноническое утвержденіе. 4. Духовный судъ и управленіе сосредоточивались въ рукахъ епископовъ, подчиненныхъ папѣ въ каноническомъ отношеніи. Консисторіи при епископахъ должны были имѣть исключительно совѣщательное значеніе. 5. Епископъ являлся руководителемъ въ семинаріяхъ. Петербургская римско-католическая Академія отдавалась въ вѣдѣніе архіепископа Могилевскаго. На профессорскія каѳедры въ Академіи должны были назначаться исключительно католики.

Внутреннія событія 1830 и 1831 г.

1830 и 1831 гг. были временемъ тяжелыхъ событій и внутри самого государства, что, конечно, должно было доставлять не мало волненій государю, утомляло его и отража-

лось на его характерѣ. Еще въ концѣ 1829 г. (ноябрь мѣсяцъ) Николай Павловичъ перенесъ довольно тяжелую болѣзнь на почвѣ переутомленія, отголоскомъ чего была, повидимому, и та крайняя раздражительность (быстро наступающая и быстро проходящая), которая зачастую проявлялась у него въ началѣ 1830 г., когда еще ни откуда не получалось никакихъ тревожныхъ извѣстій. Въ маѣ мѣсяцѣ 1830 г. произошли волненія въ Севастополѣ среди матросовъ и жителей Корабельной слободы, недовольныхъ строгими карантинными мѣрами, предпринятыми противъ занесенія чумы изъ Турціи, и протестовавшихъ противъ предположеннаго ихъ переселенія на другое мѣсто. Эти волненія приняли довольно серьезный характеръ: временный севастопольскій военный губернаторъ ген.-лейт. Н. А. Столыпинъ, полковникъ Воробьевъ и нѣкоторые изъ чиновниковъ были убиты. За участіе въ бунтѣ было привлечено къ отвѣтственности особою назначенною слѣдственною коммиссіею до 980 чел.; 7 человѣкъ было разстрѣляно. Съ конца іюня начала принимать угрожающіе размѣры холерная эпидемія. Появившаяся впервые въ Россіи въ 1820 г., холера въ послѣдующіе годы проявлялась лишь спорадически на нашихъ восточныхъ и южныхъ окраинахъ: въ Сибири, Астрахани и на Кавказѣ. Болѣзнь не была до этого времени достаточно обслѣдована, и даже самый вопросъ о ея заразительности и способахъ распространенія заразы оставался открытымъ. Возникали, поэтому, сомнѣнія въ цѣлесообразности примѣненія противъ него карантинной системы, и безъ того вызывавшей противъ себя нареканія, какъ стѣсняющей торговлю. Учрежденный для обсужденія этого вопроса въ 1826 г. особый комитетъ высказался въ томъ смыслѣ, что карантинами надо пользоваться съ большею осторожностью. Вслѣдствіе этого, при появленіи въ послѣдующіе годы холеры, карантинная система примѣнялась въ очень слабой степени. Въ то же время вслѣдствіе преобладающаго мнѣнія, что холера передается воздушными теченіями, не обращалось достаточно вниманія на санитарныя мѣропріятія. Занесенная въ 1829 г. въ Оренбургъ изъ Бухары и Хивы, холера въ 1830 г. проникла на Кавказъ и въ Астрахань, съ необычайною быстротою стала распространяться по Волгѣ, проникла въ Москву (24-го сентября) и захватила почти всю Европейскую Россію. Въ 1831 г. эпидемія, затихшая зимою, возобновилась съ особенною силою, снова распространилась повсемѣстно (кромѣ Сибири) и захватила на этотъ разъ (съ 14-го іюня) Петербургъ. Смертность отъ эпидеміи была очень велика. Въ Петербургѣ число смертей доходило до 600 чел. въ день. Общее число жертвъ исчислялась до 100.000 чел. Эпидемія распространялась среди всѣхъ классовъ населенія. Отъ холеры умерли фельдмаршалъ И. И. Дибичъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, инж.-генералъ К. И. Опперманъ, прусскій фельдмаршалъ гр. Гнейзенау, статсъ-дама кн. Нат. Ив. Куракина. Съ 1832 г. холера начала затихать и въ послѣдующіе годы (1833—1835) появлялась лишь мѣстами въ слабой формѣ. Только въ 1836—38 гг. она разыгралась снова довольно сильно въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краю, проникнувъ сюда на этотъ разъ изъ Австріи. Мѣры, принимаемыя противъ эпидеміи, оказывались мало дѣйствительными и сводились, главнымъ образомъ, къ полной изоляціи очаговъ заразы, будь то цѣлыя селенія или отдѣльные дома, а также къ насильственному водворенію въ больницы, иногда безъ достаточнаго различія между больными и здоровыми. Проводимыя, къ тому же, зачастую очень неумѣло, всѣ эти мѣры вызывали противъ себя озлобленіе населенія, часто переходившее въ серьезныя волненія. И въ 1830, и въ 1831 гг. государь Николай Павловичъ лично находился въ мѣстностяхъ, охваченныхъ эпидеміей. Въ 1830 г., при полученіи извѣстія о холерѣ въ Москвѣ, онъ сейчасъ же поспѣшилъ туда, оставался тамъ до 7-го октября и самъ едва не подвергся болѣзни, вовремя, однако, пресѣченной. Въ Петербургѣ въ 1831 г. холерный бунтъ достигъ 22-го іюня угрожающихъ размѣровъ. На Сѣнную площадь, гдѣ собралась пятитысячная толпа, были вызваны войска, но дѣйствовали вяло. При извѣстіи о волненіяхъ, государь, находившійся въ то время въ Петергофѣ, немедленно (23-го іюня) прибылъ въ Петербургъ, появился самъ среди бушевавшей толпы на Сѣнной площади и своею рѣшительною рѣчью въ значительной степени содѣйствовалъ успокоенію. Холерные безпорядки возникли (въ іюлѣ 1831 г.) и въ расположенныхъ въ Новгородской губерніи военныхъ поселеніяхъ,

а также въ Старой Руссѣ, скоро принявъ здѣсь особенно серьезный характеръ и превратившись въ бунтъ военныхъ поселянъ противъ ихъ начальства. Пославъ предварительно для разслѣдованія ген.-ад. гр. Ал. Ѳед. Орлова, государь и самъ не замедлилъ прибыть въ поселенія, почти непосредственно послѣ петербургскихъ волненій. Участвовавшіе въ бунтѣ поселяне и войска, а также жители Старой Руссы были преданы военному суду и понесли строгое наказаніе. Отчасти въ связи со всѣми этими событіями, доставившими не мало волненія государю, стояли нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Арс. Андр. Закревскій, разошедшійся въ 1830 г. съ Комитетомъ Министровъ по вопросу о мѣрахъ борьбы съ холерою и считавшій причиною петербургскихъ безпорядковъ неумѣлыя распоряженія полиціи, получилъ 19-го ноября 1831 г. отставку. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ статсъ-секр. Д. Н. Блудовъ, бывшій до того времени товарищемъ мин. народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Занимаемый Закревскимъ постъ финляндскаго генералъ-губернатора получилъ пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя ген.-ад. кн. А. С. Меншиковъ.

Внѣшняя политика.

Главное содержаніе внѣшней политики императора Николая I въ 30-хъ и 40-хъ годахъ по-прежнему составлялъ восточный вопросъ. Его постановка и разрѣшеніе за это время находились въ гораздо бо́льшей зависимости, чѣмъ въ первые годы царствованія, отъ того, какъ складывались отношенія Россіи къ западнымъ державамъ и къ тѣмъ событіямъ, какія совершались въ это время въ Европѣ.

Уже во время русско-турецкой войны 1828—29 гг. отношеніе къ восточной политикѣ Россіи ея союзницъ, Англіи и Франціи, подписавшихъ передъ этимъ совмѣстно съ нею лондонскій договоръ 1827 г., начало измѣняться: адріанопольскій миръ еще болѣе усилилъ тревогу въ Европѣ и былъ встрѣченъ одинаково неприязненно какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Лондонѣ. Для Австріи основаніе Греческаго королевства и созданіе автономныхъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи, поставленныхъ теперь въ чисто номинальную зависимость отъ Порты, было равносильно сведенію монархіи Габсбурговъ на степень второстепенной державы; оно лишало Австрію надежды распространить свои предѣлы на Балканскій полуостровъ и усилить тамъ свое вліяніе. Съ другой стороны, усиленіе Россіи въ придунайскихъ областяхъ шло въ разрѣзъ съ стремленіемъ Австріи обезпечить за собою судоходство по Дунаю и для того утвердиться на устьяхъ этой рѣки. Въ Вѣнѣ находили, что со времени подписанія лондонскаго протокола 1827 г. «великій союзъ» 1815 г. расторгнутъ, и только событія 1830 г. создали, какъ было уже указано выше, почву для новаго сближенія обѣихъ монархій. Англію тревожило, главнымъ образомъ, усиленіе русскаго владычества на восточномъ берегу Чернаго моря, проистекающія отсюда для Англіи затрудненія въ сношеніяхъ съ азіатско-турецкими и персидскими областями, ограниченіе суверенныхъ правъ султана въ области судоходства и торговли и льготы русскимъ подданнымъ въ Турціи. Встревоженныя за судьбу Турціи, европейскія державы послѣ адріанопольскаго мира, усиленно стремятся взять въ свои руки окончательное созданіе независимой Греціи, видя теперь въ этой послѣдней оплотъ противъ дальнѣйшаго усиленія русскаго вліянія на Востокѣ. Такова была точка зрѣнія лондонскаго и парижскаго кабинетовъ, къ которымъ въ данномъ случаѣ въ значительной степени примыкалъ и вѣнскій. Послѣ подписанія адріанопольскаго договора вопросъ объ устройствѣ Греціи попрежнему составилъ содержаніе работъ лондонской конференціи. Одновременно съ этимъ Англія и Франція потребовали отъ русскаго правительства заявленія о томъ, что 10 статья трактата (о признаніи Турціей лондонскаго договора 24 іюня (6 іюля) 1824 г.) «не упраздняетъ правъ союзниковъ императора, не препятствуетъ совѣщаніямъ министровъ, собранныхъ на конференцію въ Лондонѣ, и не служитъ препятствіемъ для рѣшеній, которыя три союзные двора, съ общаго согласія, признаютъ наиболѣе полезными и всего лучше соотвѣтствующими обстоятельствамъ». Императоръ Николай I согласился на это требованіе своихъ союзниковъ, и это согласіе стало исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ мѣропріятій державъ относительно Греціи.

Еще въ 1827 г. избранный народнымъ собраніемъ въ Трезенѣ, президентъ греческаго правительства, статсъ-секретарь русской службы графъ I. А. Каподистрія, жившій съ 1822 г. въ Швейцаріи, посѣтилъ для переговоровъ по греческимъ дѣламъ Петербургъ, Лондонъ и Парижъ. Оставя русскую службу, онъ прибылъ въ январѣ 1828 г. въ Грецію, гдѣ и началъ подготовлять почву для будущаго устройства Греціи въ духѣ лондонскаго трактата, стараясь, въ то же время, сдерживать все наростающее народное движеніе. Первый вопросъ, съ которымъ послѣ заключенія адріанопольскаго мира пришлось столкнуться лондонской конференціи, былъ вопросъ о кандидатѣ на греческій престолъ. Выражалось опасеніе, что врядъ-ли кто-либо изъ европейскихъ принцевъ согласится стать въ зависимыя отношенія къ турецкому султану. Въ виду этого, по предложенію Англіи, 22 января 1830 г. было постановлено требовать отъ Порты признанія полной независимости Греціи. Взамѣнъ этого, сѣверная граница Греціи должна была быть отодвинута на югъ и итти отъ устьевъ Астропотамоса до Зейтунскаго залива, оставляя во владѣніи Турціи акарнанскую и этолійскую области. Послѣднее измѣненіе, внесенное конференціей въ лондонскій протоколъ 10 марта 1829 г., подтвержденный уже адріанопольскимъ миромъ, въ значительной степени шло уже прямо въ разрѣзъ съ мыслями императора Николая, въ свое время въ письмѣ къ Дибичу отъ 29 августа 1829 г. опредѣленно заявлявшаго, что ни на какую другую границу, кромѣ Арта и Воло, онъ не согласится. Постановленіе 22 января 1830 г. не встрѣтило, однако, возраженія со стороны русскаго правительства. Какъ бы желая подчеркнуть свою готовность содѣйствовать разрѣшенію труднаго вопроса, императоръ Николай Павловичъ проявилъ даже въ это время, съ своей стороны, большую уступчивость по отношенію къ Турціи, стараясь склонить ее къ принятію послѣдняго постановленія лондонской конференціи Въ это время Турціею было снаряжено въ Россію особое посольство (Галиля-паши) по вопросу объ уплатѣ контрибуціи. Конвенціей 14 (26) апрѣля 1830 г. императоръ Николай согласился на уменьшеніе военной контрибуціи на два милліона, отказался отъ права десятилѣтней оккупаціи придунайскихъ княжествъ, обѣщая вывести оттуда свои войска, какъ только будутъ возмѣщены убытки русскихъ подданныхъ, и удерживая за собою до окончательной уплаты контрибуціи лишь крѣпость Силистрію и военную дорогу къ ней черезъ княжества. Сверхъ этого, онъ обѣщалъ уменьшить контрибуцію еще на одинъ милліонъ, если Порта признаетъ полностью постановленіе лондонской конференціи о независимости Греціи. Турція признала независимость Греціи.

Въ самой Греціи измѣненіе сѣверной границы было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ, которое раздѣлялъ и Каподистрія. Онъ поставилъ объ этомъ въ извѣстность избраннаго конференціей на греческій престолъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній принцъ Леопольдъ отказался (3 мая 1830 г.). Отказъ Леопольда создалъ новыя трудности въ разрѣшеніи греческаго вопроса и косвенно способствовалъ тому, что русское вліяніе въ Греціи, упрочившееся послѣ адріанопольскаго мира, начало теперь уступать мѣсто вліянію Англіи и Франціи, враждебно настроенныхъ противъ Россіи, въ особенности послѣ іюльской революціи. Въ греческомъ движеніи намѣтились къ этому времени какъ бы три партіи: русская, опиравшаяся на простой народъ, крѣпкій православной вѣрѣ, въ среднихъ областяхъ Греціи, французская—сильная среди прибрежнаго населенія западной и восточной Греціи, и англійская—сильная среди жителей острововъ. Отказъ Леопольда поставилъ въ затруднительное положеніе президента Каподистрію, опиравшагося на русскую партію. Считая президента виновникомъ отказа Леопольда, Англія и Франція, опираясь на своихъ приверженцевъ, поддерживали назрѣвавшее противъ Каподистріи недовольство, которое къ веснѣ 1831 г. разразилось открытымъ возстаніемъ, главнымъ образомъ, на островахъ Майнѣ и Гидрѣ. 27 сентября (9 окт.) 1831 г. Каподистрія палъ отъ руки убійцъ. Эти событія заставили лондонскую конференцію поспѣшить вернуться къ вопросу о кандидатѣ на греческій престолъ. Новый выборъ державъ палъ на принца Оттона Баварскаго (1—13 февр. 1832 г.). Иниціатива избранія Оттона исходила отъ русскаго двора. 25 апрѣля (7 мая) т. г. въ Лондонѣ былъ подписанъ договоръ между Россіей, Англіей, Фран-

ціей и Баваріей. По этому договору второй сынъ короля Людвига, принцъ Фридрихъ-Оттонъ вступалъ на греческій престолъ, и королевское достоинство объявлялось наслѣдственнымъ въ его родѣ. До его совершеннолѣтія, которое опредѣлялось двадцатилѣтнимъ возрастомъ (въ моментъ избранія принцу Оттону было 16 лѣтъ) управленіе поручалось регентству изъ трехъ лицъ, которыя должны были быть назначены королемъ баварскимъ. Регентству предоставлялось навербовать въ Баваріи 3500 чел. войска, взамѣнъ остававшихся въ Греціи отрядовъ трехъ державъ, и пригласить соотвѣтствующее количество баварскихъ офицеровъ для сформированія греческаго національнаго войска. Три союзныя державы гарантировали Греціи заемъ въ 60 милліоновъ франковъ. Къ исходу 1833 г. король Оттонъ прибылъ въ Грецію и избралъ столицею Аѳины. Регентство составилось изъ бывшаго баварскаго министра гр. Армансперга, профессора мюнхенскаго университета Маурера и полковника баварской службы Гейдега. Вопросъ о конституціи въ договорѣ 25 апрѣля былъ обойденъ молчаніемъ. О ней упоминалось лишь въ воззваніи лондонской конференціи къ греческой націи. Народное собраніе созвано не было, а въ первое министерство, составленное регентствомъ, вошли исключительно видные представители англійской и французской партіи и никого— изъ сторонниковъ Россіи. Обѣщаніе, данное баварскимъ правительствомъ русскому о томъ, что принцъ Оттонъ приметъ православную вѣру, исполнено не было. Съ представителями Россіи, адмираломъ Рикордомъ и вновь назначеннымъ посланникомъ Катакази, король и регентство обращались съ обидною холодностью.

Тѣ формы, въ какія къ 1832 г. отлилось окончательно разрѣшеніе греческаго вопроса, обусловливали до извѣстной степени и ту политику, какую къ этому времени императоръ Николай Павловичъ усваиваетъ по отношенію къ Турціи. Отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ успѣховъ, какіе были достигнуты адріанопольскимъ миромъ, отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ неудачъ, какія постигли теперь русскую политику въ Греціи, и вытекающей отсюда необходимости противодѣйствовать англо французскому вліянію, онъ ставитъ теперь своею цѣлью окончательное утвержденіе исключительно русскаго вліянія въ самой Турціи путемъ защиты существованія и цѣлости Оттоманской имперіи.

Выступить въ такой роли дало случай императору Николаю Павловичу возстаніе египетскаго паши Мегмета-Али. Энергичный правитель Египта, произведшій передъ этимъ рядъ преобразованій въ своей провинціи и за это получившій отъ султана титулъ защитника Мекки и Медины и назначенный управителемъ Аравіи, послѣ униженія, понесеннаго Турціей въ 1829 г., пытался теперь выступить въ роли истиннаго охранителя всего магометанскаго міра и задумывалъ возродить всемірное значеніе Александріи. Его взоры устремились на Сирію, какъ первый шагъ къ осуществленію этого плана. Въ 1831 г. онъ потребовалъ отдачи этой провинціи себѣ въ управленіе. Не получая отъ султана Махмута согласія на свои требованія, Мегметъ-Али двинулъ въ Сирію въ концѣ 1831 г. свои войска подъ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши. Къ лѣту 1832 г. египтяне взяли Сенъ-Жанъ-д'Акръ и Дамаскъ; разбивъ войска султана при Гомсѣ и Бейланѣ, завладѣли всею Сиріею и занявъ горные проходы въ Таврѣ, тѣмъ самымъ были уже на пути въ Малую Азію и къ Константинополю. Султанъ обратился съ просьбою о помощи къ Англіи, но англійское правительство отклонило эту просьбу. Что касается Франціи, то эта послѣдняя вполнѣ опредѣленно склонялась на сторону Мегмета-Али, разсчитывая такимъ путемъ увеличить свое собственное вліяніе въ Европѣ: это стояло въ связи съ тою политикою укрѣпленія на африканскомъ берегу Средиземнаго моря, которую Франція усваиваетъ съ начала 1830 г. (алжирская экспедиція). Съ другой стороны, предложеніе о возможности совмѣстнаго вмѣшательства въ турецко-египетскую распрю, исходившее отъ Англіи, Австріи и Франціи, было отклонено русскимъ правительствомъ, и тогда Порта просила помощи непосредственно у Россіи.

Императоръ Николай Павловичъ отозвался на это охотно. Это соотвѣтствовало, во-первыхъ, воспринятой имъ теперь политикѣ по отношенію къ Турціи. Кромѣ того, въ египетскомъ возстаніи онъ усматривалъ мятежъ вассала противъ своего законнаго государя, склоненъ былъ видѣть въ этомъ распространеніе шедшаго изъ Франціи революціоннаго духа и опасался дальнѣйшаго распространенія революціон-

ныхъ идей на Востокѣ. Еще до обращенія султана къ Россіи, генералъ-лейтенантъ Н. Н. Муравьевъ былъ посланъ государемъ къ султану и Мегмету-Али (ноябрь 1832 г.). Первому онъ долженъ былъ вручить собственноручное письмо государя, порицавшаго мятежъ и подтверждавшаго свою вѣрную дружбу къ турецкому правителю. Мегмету-Али высказывалось осужденіе, и преподавался совѣтъ немедленно прекратить военныя дѣйствія и вступить въ мирные переговоры съ своимъ сюзереномъ. Отправляя Муравьева, императоръ Николай Павловичъ ему сказалъ: «Я хочу показать султану мою дружбу. Надобно защищать Константинополь отъ Мегмета-Али. Вся эта война ничто иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европой и, въ особенности, Франціей. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ. Нынѣ онѣ далѣе распространили вліяніе свое и возбудили египетскую войну. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка. Надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока». Одновременно съ этимъ, русскому консулу въ Египтѣ предписано было снять гербъ, спустить флагъ и прекратить всякія сношенія съ мѣстными властями, какъ съ мятежными. Когда султанъ, послѣ пораженія подъ Коніей, обратился съ просьбою о помощи къ Россіи (22 января 1833 г.), эскадра контръ-адмирала М. П. Лазарева, въ составѣ девяти судовъ, вышла изъ Севастополя и 8 (20) февраля вошла въ Босфоръ и стала въ заливѣ Буюкъ-Дере. Кромѣ того, изъ Одессы, подъ начальствомъ вернувшагося Муравьева, былъ отправленъ десятитысячный дессантный отрядъ, который и высадился 23 марта (4 апрѣля), расположившись лагеремъ въ долинѣ при Унхіаръ-Скелесси. Въ то же время командующему дунайской арміей генералу П. Д. Киселеву приказано было выдвинуть за Дунай двадцатитысячный корпусъ.

Всѣ эти мѣропріятія вызвали сильную тревогу въ Лондонѣ и Парижѣ. Сама Порта отнеслась съ недовѣріемъ и опасеніемъ къ столь внушительной поддержкѣ. Еще до прибытія русской эскадры въ Босфоръ, Мегметъ-Али, по случаю военныхъ приготовленій Россіи, далъ приказъ Ибрагиму пріостановить наступленіе. Англія и Франція, въ виду появленія русскихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ, поспѣшили послать туда свои эскадры. Этимъ эскадрамъ не удалось, однако, пройти Дарданеллы: англійская была удержана отъ этого самимъ англійскимъ посломъ въ Константинополѣ; французская же остановилась въ заливѣ Вурла въ виду предупрежденія русскаго правительства о томъ, что ея появленіе въ Мраморномъ морѣ будетъ сочтено Россіей за объявленіе войны. Опасаясь, что турецко-египетская распря разгорится въ общеевропейскую войну, европейскія державы начали усиленно склонять султана и Мегмета-Али къ взаимному примиренію, что и было ими вскорѣ достигнуто. 24 апрѣля (6 мая) 1833 г. между султаномъ и египетскимъ пашою былъ заключенъ миръ въ Кутахіи, по которому Мегметъ-Али снова признавалъ свою зависимость отъ султана, но получалъ во владѣніе Сирію; Аданскій же округъ, на сѣверъ отъ Тавра, отдавался въ личное владѣніе его сына Ибрагима.

Еще до примиренія Турціи съ Мегметомъ-Али возникла мысль о заключеніи новаго союзнаго оборонительнаго и наступательнаго договора между Россіей и Турціей. Мысль эта исходила изъ турецкихъ сферъ, была сообщена Муравьеву въ первый же день послѣ его прибытія съ войскомъ къ Константинополю и встрѣтила сочувствіе у императора Николая. Пребываніе русскихъ войскъ въ Турціи создавало, повидимому, благопріятную для этого обстановку. Въ виду близкаго заключенія мира между султаномъ и Мегметомъ-Али дальнѣйшее пребываніе русской эскадры и русскихъ войскъ въ водахъ и на берегахъ Босфора скоро должно было потерять свое оправданіе; русскія вооруженныя силы должны были быть отозваны, и мысль о союзномъ договорѣ могла остаться не приведенной въ исполненіе. Озабочиваясь тѣмъ, какой оборотъ начинали принимать дѣла въ Турціи, императоръ Николай Павловичъ отправилъ въ Константинополь генералъ-адъютанта гр. А. Ѳ. Орлова, назначивъ его въ то же время главнокомандующимъ русскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ на Босфорѣ и уполномочивъ его, совмѣстно съ русскимъ посломъ въ Константинополѣ А. П. Бутеневымъ, подписать союзный договоръ, редакція котораго предварительно была выработана

въ Петербургѣ и одобрена самимъ государемъ. Орловъ прибылъ въ Константинополь одновременно съ заключеніемъ Кутахійскаго мира; онъ согласился на эвакуацію тѣхъ пунктовъ, какіе занимали до этого русскія войска, но еще за два дня до того, какъ эта эвакуація была закончена, 26 іюня (8 іюля) 1833 г. въ Константинополѣ былъ подписанъ союзный договоръ, получившій, по мѣсту стоянки русскихъ войскъ, наименованіе ункіаръ-скелессійскаго (подписанъ съ русской стороны гр. А. Ѳ. Орловымъ и А. П. Бутеневымъ; съ турецкой—великимъ визиремъ и сераскиромъ регулярныхъ войскъ Хосевъ-Мегметъ-пашою, муширомъ и командующимъ гвардіею Февзи-Ахметъ-пашою и рейсъ-ефендіемъ Хаджи-Мегметъ-Акифомъ).

По этому договору, состоящему изъ шести основныхъ статей, между Россіей и Турціей заключался оборонительный союзъ на восемь лѣтъ, и подтверждались предшествующіе договоры, начиная съ адріанопольскаго. Россія обязывалась «въ случаѣ, если бы представились обстоятельства, могущія снова побудить Блистательную Порту требовать отъ Россіи военной и морской помощи..., снабдить Турцію сухимъ путемъ и моремъ такимъ количествомъ войскъ и силъ, какое обѣ Высокодоговаривающіяся стороны признаютъ нужнымъ». Взамѣнъ этого, Турція, съ своей стороны, не имѣя возможности оказать Россіи помощь войсками, отдѣльною и секретною статьею договора брала на себя обязательство, въ соотвѣтствующемъ случаѣ, «ограничить дѣйствія свои въ пользу Императорскаго Россійскаго Двора закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то-есть не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ». Черезъ два дня послѣ подписанія договора русская эскадра и войска вышли съ салютаціонною пальбою изъ Босфора. Въ память этихъ событій Орловымъ и Муравьевымъ на бугрѣ Сельви-Бурунъ былъ поставленъ камень, на которомъ съ одной стороны русскими было высѣчено число рожденія императора Николая I (25 іюня), а съ другой—турками слѣдующая надпись: «Сей отломокъ скалы воздвигнутъ въ память пребыванія русскихъ войскъ гостями въ этой долинѣ. Да уподобится дружба между двумя державами твердости и незыблемости этого камня и да будетъ она долго воспѣваема устами друзей».

Вмѣшательство императора Николая Павловича въ турецко-египетскую распрю, военная и морская демонстрація Россіи и заключеніе ункіаръ-скелессійскаго договора возбудили съ новою силою тревогу въ Европѣ. Франція и Англія заявили Портѣ, что онѣ считаютъ договоръ недѣйствительнымъ и оставляютъ за собою свободу дѣйствія. Такого же характера заявленіе было сдѣлано англійскимъ посломъ въ Петербургѣ въ нотѣ отъ 17 (29) октября 1833 г., а также повторено и со стороны Франціи. Въ отвѣтъ на это русское правительство заявило англійскому и французскому посламъ, что оно не понимаетъ причинъ неудовольствія, проистекающаго, вѣроятно, отъ того, что оба правительства не ознакомились съ договоромъ, составленнымъ «въ духѣ миролюбія и охранительныхъ началъ» (dans un esprit pacifique et conservateur). Съ своей стороны, русское правительство подчеркивало свое намѣреніе придерживаться указаннаго образа дѣйствія въ своихъ сношеніяхъ съ Турціей, не обращая вниманія на ничѣмъ не мотивированныя заявленія (нота 24 октября т. г.).

Подобный отвѣтъ не удовлетворилъ Англію и Францію. Старанія Англіи подыскать себѣ въ данномъ вопросѣ союзниковъ не увѣнчались, однако, успѣхомъ. Само французское правительство не обнаруживало большой склонности итти на крайнія мѣры. Что же касается Австріи и Пруссіи, то ими ункіаръ-скелессійскій договоръ былъ признанъ безъ какихъ бы то ни было оговорокъ. Но зато встревоженная этимъ договоромъ не менѣе Англіи и Франціи, Австрія избираетъ иной путь дѣйствія: она стремится тѣснѣе связать русскую политику на Востокѣ съ тою политикою, какой, во имя охранительныхъ принциповъ, держался въ это время императоръ Николай въ Европѣ, и тѣмъ самымъ создаетъ почву для замѣны исключительно русскаго вліянія на Востокѣ вліяніемъ общеевропейскаго соглашенія. Іюльская революція, бельгійскій вопросъ, возстаніе въ Польшѣ и сближеніе, создавшееся къ 1832 г. между Англіей и правительствомъ Людовика-Филиппа во Франціи, вызвали рядъ дипломатическихъ соглашеній между Россіей, Австріей и Пруссіей, предпринятыхъ, въ значительной

степени, по инціативѣ императора Николая Павловича и имѣвшихъ своимъ результатомъ какъ бы возрожденіе тройственнаго монархическаго союза въ Европѣ на почвѣ охраненія договоровъ 1815 г. и поддержанія принциповъ консервативной политики. Въ этихъ соглашеніяхъ, прямо или косвенно, наряду съ европейскими дѣлами, нашелъ себѣ мѣсто и восточный вопросъ. Въ 1833 г. состоялся рядъ свиданій между русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ государями. Первое такое свиданіе, между австрійскомъ императоромъ Францемъ и прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, имѣло мѣсто въ Теплицѣ (въ Богеміи) съ 26 іюля по 4 августа. Приглашенный на это свиданіе, императоръ Николай Павловичъ задержался въ Россіи и прибылъ въ Богемію лишь въ концѣ августа. По дорогѣ туда онъ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Шведтѣ (24—28 Авг.), а 29 августа—8 сентября состоялось его свиданіе съ австрійскимъ императоромъ въ Мюнхенгрецѣ, на этомъ свиданіи присутствовалъ и прусскій наслѣдный принцъ (впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV). Результатомъ свиданій было заключеніе такъ называемыхъ мюнхенгрецкихъ и берлинскихъ конвенцій.

Первая мюнхенгрецкая конвенція (6/18 сент. 1833 г., подписанная съ русской стороны гр. Нессельроде, Д. П. Татищевымъ и гр. А. Ѳ. Орловымъ; съ австрійской—кн. Меттернихомъ и гр. Фикельмономъ) имѣла своимъ содержаніемъ восточный вопросъ и какъ бы распространяла на него соглашеніе, какое съ 1815 г. установилось по европейскимъ дѣламъ между русской политикою и австрійскою. Во вступленіи къ этой конвенціи, напоминая, что въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ онѣ «содѣйствовали предохраненію Оттоманской имперіи отъ угрожавшихъ ей опасностей, а Европы отъ осложненій, которыя могли отъ того послѣдовать», «дѣйствуя въ духѣ охраненія, руководящемъ ихъ общею политикою, и желая оберегать безопасность и спокойствіе собственныхъ сопредѣльныхъ съ Турціею владѣній», договаривающіяся стороны заявляли теперь о своемъ намѣреніи «принять это начало единенія за основное правило ихъ будущаго образа дѣйствій по отношенію къ дѣламъ Востока», что и устанавливалось настоящей конвенціей. Содержаніе ея сводилось къ слѣдующему: Россія и Австрія взаимно обязуются поддерживать Турцію подъ управленіемъ настоящей династіи и согласовывать въ этомъ отношеніи всѣ свои дѣйствія, а посему недопускать ничего, что посягало бы на права султана, какъ напр., назначеніе регентства или перемѣна династіи; въ случаѣ же если бы нѣчто подобное совершилось, обѣ державы не будутъ признавать новаго порядка вещей и примутъ самыя рѣшительныя мѣры для охраненія своихъ собственныхъ владѣній, смежныхъ съ Турціей. Двумя секретными статьями конвенціи устанавливалось: что обязательства, принятыя договаривающимися сторонами, будутъ примѣнены прежде всего къ египетскому пашѣ, какъ только онъ посягнетъ прямо или косвенно на европейскія владѣнія Турціи; то въ случаѣ, если бы, не взирая ни на что, въ Турціи былъ низвергнутъ существующій порядокъ, Россія и Австрія будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи между собою по отношенію къ новому порядку, какой установится въ Турціи, и «сообща будутъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы измѣненія, совершившіяся во внутреннемъ строѣ этой имперіи, не могли нанести ущерба ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній, ни правамъ, обезпеченнымъ за ними трактатами, ни европейскому равновѣсію». Вторая мюнхенгрецкая конвенція (7/19 сент. 1833 г., подписанная Нессельроде, Татищевымъ и Меттернихомъ) имѣла своимъ содержаніемъ, какъ было указано выше, польскія дѣла.

Встрѣтивъ сочувственно русско-австрійское соглашеніе, поскольку оно имѣло въ виду польскія дѣла, Пруссія, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое время колебалась примкнуть къ этому соглашенію несмотря на то, что основныя начала этой конвенціи, какъ можно предполагать, были установлены императоромъ Николаемъ Павловичемъ совмѣстно съ прусскимъ королемъ во время ихъ встрѣчи въ Шведтѣ, еще до совѣщанія съ Меттернихомъ въ Мюнхенгрецѣ. Только послѣ продолжительныхъ переговоровъ Нессельроде и австрійскаго уполномоченнаго гр. Фикельмона состоялось присоединеніе Пруссіи, что и выразилось въ заключеніи въ Берлинѣ 3 (15) октября общей конвенціи между Россіей, Австріей и

Пруссіей (подпис. Нессельроде, Фикельмономъ и Ансильономъ). Эта конвенція являлась по существу возстановленіемъ системы Священнаго Союза, хотя и въ нѣсколько смягченной формѣ. Заявляя, что, «по зрѣломъ обсужденіи тѣхъ опасностей, которыя продолжаютъ угрожать порядку, установленному въ Европѣ публичнымъ правомъ и договорами, въ особенности договорами 1815 г., онѣ единодушно рѣшили укрѣпить охранительную систему, составляющую незыблемое основаніе ихъ политики», три договаривающіяся державы провозглашали, какъ основное начало, взаимную поддержку государствами другъ друга для сохраненія ихъ независимости и вытекающихъ отсюда правъ, въ интересахъ общеевропейскаго мира. Каждая договаривающаяся держава могла просить у двухъ другихъ помощи и содѣйствія какъ въ случаѣ внутреннихъ смутъ, такъ и въ случаѣ внѣшней опасности. Препятствіе этому силою со стороны постороннихъ державъ должно было разсматриваться, какъ casus belli. Безъ приглашенія самой заинтересованной державы двѣ остальныя не могли, однако, вмѣшиваться, хотя бы и въ интересахъ своего третьяго союзника (этою послѣднею оговоркою берлинская конвенція существеннымъ образомъ отличалась отъ Священнаго Союза). Переговоры, приведшіе къ заключенію берлинской конвенціи, какъ бы намѣтили и распредѣлили между тремя договаривающимися сторонами и ихъ обязанности по охраненію общеевропейскаго мира, что не было, однако, включено въ самый текстъ конвенціи. Предполагалось, что Австрія будетъ охранять безопасность Италіи, Швейцаріи, Испаніи и Португаліи и защищать ихъ на случай французскаго вторженія, почему Австріи принадлежалъ и первый голосъ по вопросамъ, касающимся этихъ странъ. Охрана сѣверной Германіи и Голландіи поручалась Пруссіи. Совмѣстно Австрія и Пруссія должны были слѣдить за соблюденіемъ остальными германскими государями вѣрности началамъ охранительной политики. Россія являлась какъ бы резервомъ союза и въ то же время принимала на себя исключительный надзоръ за польскими областями и Венгріей и должна была охранять миръ на всемъ протяженіи Балканскаго полуострова отъ Прута и Дуная до Босфора.

Тройственное соглашеніе, окончательно установившееся, такимъ образомъ, къ концу 1833 г., не замедлило сказаться на цѣломъ рядѣ дипломатическихъ вопросовъ. Такъ, въ бельгійскомъ вопросѣ, какъ было уже указано выше, Россія, Австрія и Пруссія еще къ февралю 1833 г. пришли къ соглашенію между собою и стали, въ противоположность Англіи и Франціи, на сторону интересовъ голландскаго короля. Одновременно съ этимъ сталъ выдвигаться на очередь вопросъ о пиринейскихъ государствахъ. И въ Испаніи, и въ Португаліи шла въ это время борьба за корону между различными претендентами, переплетавшаяся съ борьбою политическихъ партій: въ Испаніи братъ умершаго короля Фердинанда III, донъ Карлосъ, оспаривалъ престолъ у дочери короля (отъ четвертаго брака) малолѣтней Изабеллы, до совершеннолѣтія которой должна была управлять ея мать Марія - Христина. Въ Португаліи происходило движеніе противъ донъ-Мигуеля, младшаго сына короля Іоанна VI (умершаго 26 февр. (10 марта) 1826 г.), захватившаго съ 1828 г. престолъ и отстранившаго законную наслѣдницу, донью Марію, брагандскую, дочь его старшаго брата, донъ-Педро, правившаго въ Бразиліи. На сторонѣ донъ-Карлоса и донъ-Мигуэля въ обоихъ королевствахъ была такъ называемая апостолическая партія (сторонники абсолютной монархіи), въ то время какъ Изабелла и Марія находили поддержку у «либераловъ» (сторонники конституціи). За либералами стояла Англія, стремившаяся прежде всего упрочить свое вліяніе въ Португаліи, а также Франція. Державы тройственнаго соглашенія, не высказываясь открыто за донъ-Карлоса и донъ-Мигуэля, не признавали тѣмъ не менѣе обѣихъ королевъ и во всякомъ случаѣ опредѣленно выражали желаніе, чтобы въ обоихъ пиринейскихъ государствахъ, независимо отъ того, кто займетъ престолъ, королевская власть оставалась неограниченной. Разногласіе по испанскому и португальскому вопросамъ окончательно подчеркнули то непріязненное положеніе, какое державы тройственнаго соглашенія заняли по отношенію къ политикѣ Англіи и Франціи, что и заставило эти послѣднія тѣснѣе сблизиться между собою. Къ осени 1833 г. дѣло апостолической партіи и обоихъ претендентовъ и въ Испаніи, и въ Португаліи было окончательно про-

играно: въ исходѣ августа донья - Марія была провозглашена королевой въ Португаліи; въ Испаніи, послѣ смерти Фердинанда VII (29 сент. нов. стиля), Марія-Христина провозгласила себя регентшей до совершеннолѣтія своей дочери. 10 (22) апрѣля 1834 г., какъ бы въ отвѣтъ на тройственный союзъ 1833 г., былъ заключенъ четверной союзъ Англіи, Франціи, Испаніи и Португаліи. Это, въ свою очередь, повлекло за собою со стороны державъ тройственнаго соглашенія рядъ демонстративныхъ дѣйствій, которыя должны были какъ бы подчеркнуть ненарушимость и незыблемость соглашенія 1833 г. и въ которыхъ видная роль принадлежала императору Николаю I. Въ августѣ 1835 г. происходили въ присутствіи Николая Павловича и прусскаго короля большіе маневры соединенныхъ русскихъ и прусскихъ войскъ въ Калишѣ. Послѣ этихъ маневровъ государь императоръ отправился въ Теплицъ, куда прибылъ 14 (26) сентября и гдѣ имѣлъ свиданіе съ новымъ австрійскимъ императоромъ, а также снова и съ прусскимъ королемъ. Это свиданіе было пріурочено къ празднествамъ по случаю закладки Кульмскаго памятника въ честь русской гвардіи (состояв. 17 сент. стар. стиля), по случаю чего въ Теплицѣ съѣхались многіе изъ германскихъ государей. 23 сентября (4 октября) императоръ Николай Павловичъ проѣхалъ въ Прагу и пробылъ здѣсь три дня вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ. 26 сентября онъ отправился инкогнито въ Вѣну, гдѣ и прожилъ два дня въ домѣ русскаго посольства. Во время пребыванія государя въ Теплицѣ въ частныхъ совѣщаніяхъ Нессельроде, Меттерниха и Ансильона все время обсуждались текущіе политическіе вопросы. Здѣсь снова былъ затронутъ бельгійскій вопросъ, и было рѣшено отклонить послѣдовавшее въ это время со стороны Англіи предложеніе о сбавкѣ Бельгіи части недоимокъ, какъ нарушавшее права Голландіи по трактату 3 ноября 1831 г. Затрогивался и испанскій вопросъ; рѣшено было, въ случаѣ успѣха донъ-Карлоса, признать его королемъ, а нѣсколько позднѣе, въ Вѣнѣ, русское правительство согласилось съ австрійскимъ оказать донъ-Карлосу денежную помощь. Даже для одного изъ участниковъ самаго тройственнаго соглашенія, именно для Пруссіи, участіе въ этомъ соглашеніи знаменовало собою отказъ отъ независимой политики въ Германіи (послѣдняя выразилась къ этому времени въ созданіи Пруссіей таможеннаго союза Zollverein'а) и большее подчиненіе вліянію Австріи. Упомянутый выше берлинскій протоколъ о польскомъ вольномъ городѣ Краковѣ былъ также однимъ изъ прямыхъ послѣдствій соглашенія 1833—1835 гг.

Только что обрисованная международная обстановка и та группировка европейскихъ державъ, какая сложилась окончательно къ 1835 г., стали, въ свою очередь, отправной точкой для дальнѣйшей политики императора Николая и въ значительной степени обусловливали собою ходъ и направленіе этой политики во вторую половину 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ. Очередными вопросами для русской политики на Востокѣ въ серединѣ и въ концѣ 30-хъ гг. были вопросы объ окончательномъ устройствѣ придунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, и Сербіи. То преобладающее вліяніе какое упрочилось къ 1833 г. за Россіей въ Турціи, создавало, казалось бы, благопріятныя условія для устройства этихъ областей сообразно съ интересами Россіи.

Что касается придунайскихъ княжествъ, то здѣсь положеніе дѣлъ къ данному моменту было слѣдующее. Съ начала русско-турецкой войны 1828—29 гг. Молдавія и Валахія были заняты русскими войсками, господари, молдавскій Иванъ Стурдза и валашскій Григорій Гика, были отстранены отъ управленія, и во главѣ мѣстнаго управленія былъ поставленъ русскій начальникъ, въ званіи полномочнаго предсѣдателя926 дивановъ Молдавіи и Валахіи. Первымъ полномочнымъ предсѣдателемъ былъ назначенъ гр. Ѳ. П. Паленъ, вскорѣ замѣненный кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, генераломъ П. Ѳ. Желтухинымъ. При заключеніи адріанопольскаго мира для придунайскихъ княжествъ былъ выговоренъ, какъ было указано выше, рядъ привилегій, и устанавливались начала ихъ внутренняго управленія. Послѣ заключенія мира былъ учрежденъ комитетъ въ Бухарестѣ изъ выборныхъ отъ молдавскаго и валашскаго дивановъ подъ предсѣдательствомъ русскаго генеральнаго консула въ княжествахъ, М. Я. Минчаки для выработки «органическаго регламента», который долженъ былъ стать

основнымъ закономъ для обоихъ княжествъ. Инструкція для этого комитета была написана ст.-секретаремъ Я. А. Дашковымъ, посѣтившимъ княжества въ 1828 г. Одновременно съ этимъ на постъ уполномоченнаго дивановъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ П. Д. Киселевъ, который до выработки органическаго устава и управлялъ княжествами. Воспитавшійся въ духѣ политики XVIII в. и считавшій, что предѣломъ поступательнаго движенія Россіи рано или поздно долженъ стать Дунай, Киселевъ проводилъ въ княжествахъ политику болѣе тѣснаго и прочнаго присоединенія ихъ къ Россіи. Это присоединеніе должно было, по его плану, подготовляться, во-первыхъ, развитіемъ торговыхъ отношеній съ княжествами, для чего надо было выработать соотвѣтствующій тарифъ и бороться съ конкуренціей Австріи, и во-вторыхъ, привлеченіемъ молдавской и валашской молодежи въ русскія учебныя заведенія. Одною изъ причинъ, вредившихъ русскому вліянію въ княжествахъ, былъ, по мнѣнію Киселева, неудачный составъ нашего генеральнаго консульства, учрежденнаго тамъ еще при Екатеринѣ: съ 1812 г. вошло въ обычай назначать на должность русскаго генеральнаго консула въ княжествахъ не изъ природныхъ русскихъ, но изъ грековъ-фанаріотовъ, по своему происхожденію зависящихъ отъ Турціи и потому не достаточно энергично отстаивавшихъ русскіе интересы. Будучи сторонникомъ окончательнаго присоединенія княжествъ къ Россіи, Киселевъ былъ противъ вывода оттуда русскихъ войскъ.

Къ веснѣ 1830 г. бухарестскій комитетъ выработалъ проектъ устава, который затѣмъ былъ разсмотрѣнъ въ Петербургѣ въ особой комиссіи (предсѣдатель статсъ-секретарь Дашковъ, члены: чиновникъ мин. ин. дѣлъ Г. А. Катакази, Минчаки, и бояре Стурдза и Валори), и послѣ этого направленъ къ Киселеву для пересмотра въ «собраніяхъ именитѣйшихъ бояръ» каждаго изъ княжествъ. Органическій уставъ былъ принятъ валашскимъ собраніемъ въ апрѣлѣ, а молдавскимъ въ октябрѣ 1831 г. Содержаніе этого устава сводилось къ слѣдующему: Господари избирались пожизненно на чрезвычайныхъ собраніяхъ, состоявшихъ изъ епископовъ, бояръ перваго и второго разрядовъ, депутатовъ отъ именитѣйшихъ земельныхъ собственниковъ и городовъ, всего въ Валахіи въ числѣ 190 и въ Молдавіи 132 членовъ. Для составленія бюджета, повѣрки отчетовъ, обсужденія законопроектовъ и представленія господарю адресовъ съ жалобами и ходатайствами учреждалось обыкновенное собраніе (въ Валахіи 43, въ Молдавіи 34 члена). Устанавливалась особая финансовая система. Для текущаго управленія учреждался административный совѣтъ изъ предсѣдателя, министра внутреннихъ дѣлъ (ворника), министра финансовъ (вистіара), государственнаго секретаря (постельника), къ которымъ въ болѣе важныхъ случаяхъ присоединялся министръ юстиціи и духовныхъ дѣлъ (логоѳетъ), начальникъ земской стражи и государственный контролеръ. Судебная власть отдѣлялась отъ административной, и устанавливались три судебныя инстанціи. Уставъ опредѣлялъ порядокъ образованія ополченія и заключалъ въ себѣ постановленія о торговлѣ и путяхъ сообщенія, о порядкѣ гражданской службы, объ имѣніяхъ духовенства, о народномъ образованіи и о связи между обоими княжествами. Самъ Киселевъ былъ недоволенъ первоначальною редакціею устава, находя что онъ чрезмѣрно сохраняетъ боярскія привилегіи. Благодаря его настойчивости въ уставъ были включены статьи, направленныя къ улучшенію положенія крестьянъ: постановленіе объ общей поголовной подати и объ опредѣленіи отношеній крестьянъ къ земельнымъ собственникамъ; послѣднее, правда, не въ такомъ смыслѣ, какой находилъ желательнымъ Киселевъ.

Послѣ принятія устава собраніями, цѣлью Киселева стало скорѣйшее утвержденіе устава Портою, что, по его мнѣнію, должно было состояться до выхода русскихъ войскъ изъ княжествъ. Между тѣмъ, 14 апрѣля 1830 была заключена упомянутая выше конвенція съ Турціей, по которой Россія отказывалась отъ десятилѣтней оккупаціи княжествъ, но въ которой ничего не говорилось о предварительномъ утвержденіи устава Портою. По вопросу о дальнѣйшей оккупаціи княжествъ русскими войсками Киселевъ разошелся во взглядахъ съ Нессельроде и вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Осложненіе въ 1832 г. дѣлъ въ Греціи и турецко-египетскій кризисъ 1832—33 г. временно, казалось, заставили русское

правительство склониться на сторону его взглядовъ, и въ октябрѣ 1832 г. Нессельроде писалъ ему, что самъ государь раздѣляетъ его взглядъ и находитъ преждевременнымъ ослаблять наше положеніе въ княжествахъ. Послѣ заключенія ункіаръ-скелессійскаго договора, однако, и послѣ мюнхенгрецкаго свиданія снова возобладало мнѣніе о необходимости скорѣйшаго вывода русскихъ войскъ изъ княжествъ. Въ ноябрѣ 1833 г. Киселевъ, по его просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности полномочнаго предсѣдателя. Вскорѣ послѣ этого въ Петербургъ прибылъ чрезвычайный турецкій посолъ Ахметъ-паша, и 17 (29) января 1834 г. въ Петербургѣ была заключена новая конвенція съ Турціей. По этой конвенціи Турція обязывалась утвердить органическій уставъ и обнародовать его гатти-шерифомъ, черезъ два мѣсяца послѣ чего русскія войска должны были оставить княжества; русскій гарнизонъ, впредь до уплаты контрибуціи, долженъ былъ оставаться только въ Силистріи. Въ видѣ уступки Турціи императоръ Николай Павловичъ согласился, чтобы на первый разъ господари не были избраны чрезвычайнымъ собраніемъ, но были бы назначены султаномъ изъ лицъ, указанныхъ императорскимъ кабинетомъ. Въ апрѣлѣ 1834 г. Михаилъ Стурдза былъ назначенъ господаремъ молдавскимъ, а Александръ Гика — валашскимъ, и русскія войска выступили изъ Молдавіи и Валахіи. Это очищеніе княжествъ расматривалось въ Европѣ, какъ уступка русскаго правительства Австріи, продиктованная нежеланіемъ усиливать тревогу въ Вѣнѣ.

Оффиціальная точка зрѣнія русскаго правительства разсматривала устройство, введенное въ княжествахъ, какъ окончательное и не подлежащее дальнѣйшему расширенію. По свидѣтельству бар. Бруннова, полное освобожденіе княжествъ «отнюдь не согласовалось бы съ намѣреніями императора. Напротивъ, Его Величество пользуется всякимъ случаемъ, чтобы подорвать и разочаровать тайную надежду молдаванъ и валаховъ на достиженіе совершенной независимости».

Болѣе сложнымъ въ своей постановкѣ и въ своемъ развитіи являлся въ 30-хъ гг. вопросъ о Сербіи. Въ исполненіе постановленій адріанопольскаго мира, касавшихся Сербіи, 18(30) сентября 1829 г. и 22 іюля (6 августа) 1830 г. были изданы на имя ставшаго съ 1815 г. во главѣ сербскаго возстанія Милоша Обреновича два султанскихъ фирмана, опредѣлявшихъ границы Сербіи (со включеніемъ снова и бѣлградскаго пашалыка), устанавливавшихъ внутреннее управленіе страною на началахъ аккерманской конвенціи и утверждавшихъ самого Милоша въ достоинствѣ наслѣдственнаго князя сербскаго народа (второй фирманъ). И внутреннее устройство Сербіи, полученное ею отъ Турціи, и власть князя Милоша не встрѣтили противорѣчія ни со стороны Россіи, ни со стороны Австріи. Почти полная независимость, достигнутая теперь Сербіей, находилась, однако, въ противорѣчіи съ тѣмъ, что страна продолжала управляться на основаніи турецкихъ гатти-шерифовъ прежняго времени, опредѣлявшихъ какъ внутренній распорядокъ, такъ и самые устои государственнаго строя. Возникалъ, вслѣдствіе этого, вопросъ о выработкѣ органическаго государственнаго статута. Примѣромъ въ данномъ случаѣ могли служить сосѣднія Молдавія и Валахія, гдѣ какъ разъ въ это время былъ точно также введенъ органическій статутъ. Крупные сербскіе землевладѣльцы (кнезы, великоши) особенно стремились къ этому, опасаясь растущаго самовластія Милоша, сильнаго своимъ тѣснымъ единеніемъ съ народною массою, въ глазахъ которой онъ продолжалъ оставаться борцомъ за національную независимость. Съ другой стороны, и самъ Милошъ пошелъ этому навстрѣчу, опасаясь, что дальнѣйшее противодѣйствіе съ его стороны въ этомъ вопросѣ приведетъ лишь въ концѣ концовъ къ большему ограниченію его власти. Въ 1835 г., когда дѣло дошло уже до серьезнаго столкновенія между Милошемъ и кнезами, уставъ былъ изданъ и обнародованъ передъ скупщиной въ Крагуевацѣ 3 февр. т. г. Этотъ уставъ, составленный секретаремъ Милоша Давидовичемъ, получившимъ европейское образованіе, представлялъ собою сочетаніе, во многихъ отношеніяхъ неудачное, началъ западно-европейскихъ конституціонныхъ теорій съ историческимъ правомъ Сербіи и вводилъ, наряду съ властью князя, власть Державнаго Совѣта, отвѣтственнаго передъ народной скупщиной.

Этотъ уставъ былъ встрѣченъ крайне непріязненно сосѣдними державами, Тур-

ціей, Австріей и Россіей. Турція находила его несогласнымъ съ формою правленія въ другихъ ея провинціяхъ и съ существующими у Порты съ сосѣдними державами о Сербіи договорами (что и дало поводъ Милошу вскорѣ частично измѣнить уставъ въ смыслѣ ограниченія власти Державнаго Совѣта). Австрія видѣла въ этомъ опасное для ней усиленіе Сербіи и не допускала, съ другой стороны, по сосѣдству у себя существованія конституціонныхъ учрежденій. На эту же послѣднюю точку зрѣнія стало и русское правительство. Положеніе Россіи въ Сербіи затруднялось еще и тѣмъ, что у насъ не было тамъ въ это время своего представительства. Въ виду этого теперь былъ посланъ туда въ качествѣ комиссара русскій генеральный консулъ въ Валахіи бар. П. И. Рикманъ. Съ пренебреженіемъ относившійся къ сербскому народу, раздраженный дошедшими до него насмѣшливыми о немъ отзывами Милоша и встрѣченный съ недовѣріемъ въ Сербіи, Рикманъ, по прибытіи въ Пожаревацъ, съ самаго начала повелъ дѣло очень рѣзко, говорилъ властнымъ тономъ съ Милошемъ и кнезами, требовалъ уничтоженія устава и напоминалъ сербамъ объ ихъ обязательствахъ передъ Портою и Россіею. Миссія Рикмана не имѣла какихъ-либо осязательныхъ результатовъ: 15 іюля 1835 г. онъ оставилъ Пожаревацъ и лишь въ началѣ 1836 г. сообщилъ Милошу неоффиціальною запискою «базисъ для устава Сербіи», составленный въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Этотъ «базисъ», исходя изъ началъ русско-турецкихъ договоровъ относительно Сербіи, исключалъ все то, что казалось конституціонными новшествами въ уставѣ 1835 г., но вмѣстѣ съ этимъ уничтожалъ и скупщину. Базисъ не былъ принятъ Милошемъ и повлекъ за собою лишь дальнѣйшее взаимное охлажденіе между Россіей и Сербіей. Это охлажденіе было использовано Австріей и Англіей, которыя съ 1836 г. учредили въ Сербіи своихъ постоянныхъ агентовъ. Особенно сильное вліяніе получилъ назначенный лѣтомъ 1837 г. въ Сербію англійскій генеральный консулъ полковникъ Ходжесъ, быстро сблизившійся съ Милошемъ, всячески старавшійся уронить значеніе Россіи и начавшій подготавливать почву для торговаго и политическаго сближенія Сербіи съ Англіей. Чтобы противодѣйствовать англійскому вліянію, императоръ Николай Павловичъ въ октябрѣ 1837 г. послалъ въ Сербію съ чрезвычайнымъ порученіемъ къ князю Милошу своего флигель-адъютанта кн. В. А. Долгорукаго. Долгорукій долженъ былъ настаивать передъ Милошемъ на составленіи устава на началахъ базиса и на учрежденіи Сената (т. е. совѣта старѣйшинъ), что соотвѣтствовало буквальному смыслу фирмана 22 іюля 1830 г. Результатомъ этого былъ составленный въ соотвѣтствующемъ духѣ указъ Милоша Совѣту 16 октября 1837 г. и послѣдовавшее за этимъ возстановленіе добрыхъ отношеній между Россіей и Сербіей. Въ февралѣ 1838 г. въ Бѣлградѣ было учреждено русское консульство, и консуломъ былъ назначенъ Ващенко.

Одновременно съ этимъ, однако, еще осенью 1837 г. послѣдовало, съ вѣдома Россіи, требованіе отъ Порты снарядить въ Константинополь сербскую депутацію для выработки при дворѣ султана сербскаго устава. Русскій посолъ при Портѣ А. Пет. Бутеневъ былъ съ сент. 1837 г. по сент. 1838 г. въ отсутствіи (его поѣздка въ Петербургъ стояла отчасти въ связи съ сербскимъ вопросомъ) и въ Константинополѣ его замѣнялъ Рикманъ. Отсутствіемъ Бутенева попыталась воспользоваться Англія, начавшая теперь убѣждать султана въ необходимости издать уставъ на началахъ расширенія правъ князя, мотивируя это тѣмъ, что такимъ путемъ султанъ найдетъ въ немъ вѣрнаго сторонника своей власти въ Сербіи. Возвратившійся къ тому времени на свой постъ Бутеневъ, съ своей стороны, оффиціально заявилъ теперь о согласіи русскаго правительства на составленіе сербскаго устава въ Константинополѣ, но настаивалъ на ограниченіи власти князя въ пользу Совѣта старѣйшинъ. Его настоянія одержали верхъ. 13 (25) февраля 1839 г. былъ обнародованъ уставъ, подписанный султаномъ въ видѣ гатти-шерифа и фирмана совмѣстно на имя бѣлградскаго визиря и сербскаго князя. По этому уставу вся исполнительная власть и внутреннее управленіе ввѣрялись наслѣдственному князю. Законодательная власть сосредоточивалась въ рукахъ Сената или Совѣта старѣйшинъ, члены котораго, въ числѣ 17 чел., назначались, но, разъ назначенные, не могли уже смѣщаться иначе какъ по суду и съ согласія султана. Равенство передъ

закономъ и неприкосновенность личности и собственности подтверждались, но о скупщинѣ уставъ не упоминалъ. 1-го іюля 1839 г. Милошъ Обреновичъ отрекся отъ престола и, за смертью его старшаго сына Милоша, княжеская власть перешла къ его младшему сыну Михаилу.

Отмѣченное выше соперничество Россіи и Англіи не ограничивалось за данные годы одною только Сербіей. То же самое наблюдалось за это время въ Греціи, гдѣ дѣятельность русскаго посланника Катакази встрѣчала противодѣйствіе со стороны его англійскаго коллеги, Эдмунда Лайона, и въ Турціи, гдѣ соперникомъ Бутенева явился англійскій посолъ Понсонби. У секретаря англійскаго посольства въ Константинополѣ, Давида Уркварда находили поддержку боровшіяся въ это время за свою независимость на Кавказѣ черкесскія племена. Въ декабрѣ 1836 г. въ Сухумъ-Кале была задержана англійская шкуна «Виксенъ», на которой былъ обнаруженъ транспортъ пороха и оружія. Конфискація шхуны и груза повлекла за собою дипломатическія осложненія, улаженныя лишь послѣ того, какъ нашъ посолъ въ Лондонѣ Поццо-ди-Борго заявилъ Пальмерстону, что Сухумъ-Кале входитъ на неоспоримомъ правѣ въ число русскихъ владѣній. То же соперничество замѣчалось въ это время и въ Персіи, гдѣ англичанъ тревожили начавшіяся сношенія Россіи съ Афганистаномъ.

Источникомъ этого соперничества являлась возбуждавшая тревогу въ англійскихъ политическихъ кругахъ восточная политика Россіи послѣ унхіаръ-скелессійскаго договора во всемъ ея объемѣ. Центральною фигурою въ антирусскихъ происках англійской дипломатіи за это время становится Понсонби. Упомянутый выше Давидъ Урквардъ, прекрасно знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, еще до его назначенія секретаремъ посольства въ Константинополь, перенесъ борьбу съ Россіей на почву публицистики. Съ ноября 1835 г. имъ было основано повременное изданіе «Portfolio» (выходившее до весны 1837 г.), главная цѣль котораго была борьба съ политикою Россіи путемъ обнародованія тайныхъ документовъ, добытыхъ, главнымъ образомъ, изъ дворца Константина Павловича въ Варшавѣ послѣ разгрома въ 1830 г. «Portfolio» ставилъ себѣ задачею доказать, что политика императора Николая, независимая на Востокѣ и властная въ Европѣ, угрожаетъ не только свободѣ народовъ, но и независимости правительства. Какъ бы въ отвѣтъ на «Portfolio» въ 1839 г. появилось сочиненіе Гольдмана, бывшаго русскаго цензора въ Варшавѣ, «Die europäische Pentarchie», въ которомъ опровергались обвиненія, возводимыя на русскую политику, въ завоевательныхъ замыслахъ въ Турціи и, наоборотъ, указывалось на опасные для европейскаго мира происки великобританской дипломатіи на Востокѣ и на юго-западѣ Европы (т. е. на Пиринейскомъ полуостровѣ).

Событія, разыгравшіяся къ этому времени на Востокѣ, новое возстаніе египетскаго паши Мегмета-Али, видоизмѣнили европейскія международныя отношенія и дали иное направленіе восточной политикѣ императора Николая. Главнымъ источникомъ безпокойства для европейскихъ державъ былъ унхіаръ-скелессійскій договоръ, относительно котораго у европейской дипломатіи давно уже зрѣла мысль, какъ выразился Пальмерстонъ, «погрузить его въ какой либо общій договоръ такого же рода». Это было достигнуто въ такъ называемыхъ лондонскихъ конвенціяхъ, по которымъ исключительное значеніе Россіи въ Турціи къ 1840 году уступило мѣсто общеевропейскому соглашенію. Кутахійскій миръ не создалъ окончательнаго примиренія между султаномъ Махмудомъ и его египетскимъ вассаломъ. Мегметъ-Али требовалъ, чтобы его власть въ Египтѣ была признана наслѣдственной; султанъ Махмутъ не разставался съ мыслью отмстить своему вассалу и возстановить свою власть въ Сиріи. Въ апрѣлѣ 1839 г. турецкая армія подъ начальствомъ Гафиза-паши перешла Евфратъ, но ея дѣйствія были неудачны: 12 (24) іюня Ибрагимъ-паша нанесъ войскамъ Гафиза полное пораженіе у Незиба; шесть дней спустя султанъ Махмудъ скончался и на престолъ вступилъ его шестнадцатилѣтній сынъ Абдулъ-Меджидъ. Еще черезъ четыре дня турецкая эскадра подъ начальствомъ Ахметъ-Февзи-паши предалась на египетскую сторону.

При первыхъ извѣстіяхъ о событіяхъ на Востокѣ, англійскій министръ лордъ Пальмерстонъ, озабоченный, чтобы русскія суда не появились снова, какъ въ 1833 г., передъ Константинополемъ, обратился къ Франціи, и между обѣими державами скоро

было установлено соглашеніе: Франція и Англія взаимно ручались за цѣлость Турціи, соглашались послать свои эскадры къ Дарданелламъ и въ случаѣ, если бы русскія суда вошли въ Мраморное море, готовы были точно также пройти черезъ проливъ, хотя бы ради этого пришлось прибѣгнуть къ открытому столкновенію съ Турціей. Передъ этимъ соглашеніемъ отступалъ на время на задній планъ вопросъ о самомъ Египтѣ, по которому взгляды обѣихъ державъ расходились: Франція готова была поддержать Мегмета-Али; Англія была противъ него. Согласившись между собою, Англія и Франція вступили въ переговоры по восточному вопросу съ Австріей и Пруссіей, и тогда Меттернихомъ было предложено созвать въ Вѣнѣ конференцію пяти великихъ державъ по вопросу о Турціи.

Извѣстіе о соглашеніи между Англіей и Франціей было встрѣчено императоромъ Николаемъ Павловичемъ съ негодованіемъ. Въ совокупномъ ручательствѣ европейскихъ державъ за цѣлость и независимость Турціи онъ видѣлъ посягательство на свои права. На приглашеніе участвовать въ конференціи послѣдовалъ со стороны Россіи отказъ. Общеевропейскую гарантію Турціи русское правительство считало направленной исключительно противъ Россіи: требовать отъ нея подобной гарантіи значило, по мнѣнію императора Николая, требовать отъ нея невозможнаго и безразсуднаго. Одновременно съ этимъ нашему послу въ Турціи Бутеневу было предписано немедленно оставить Константинополь, если Порта дастъ согласіе на проходъ англійскихъ и французскихъ судовъ черезъ Дарданеллы.

Въ это время новый султанъ вступилъ уже въ переговоры съ Мегметомъ-Али, предлагая ему удовольствоваться признаніемъ его наслѣдственной власти только въ Египтѣ. Возставшій паша не согласился, и тогда Абдулъ-Меджидъ обратился за помощью, но не непосредственно къ Россіи, а къ представителямъ всѣхъ великихъ державъ въ Константинополѣ. Въ виду этого послы пяти державъ собрались у австрійскаго интернунція, который, какъ есть извѣстіе, сообщилъ имъ, что, по депешамъ, полученнымъ имъ изъ Вѣны, между пятью державами установлено полное соглашеніе по дѣламъ Востока.

Въ этотъ же день Бутеневъ получилъ депешу отъ нашего посла въ Вѣнѣ Д. Пав. Татищева отъ 4 (16) іюля, въ которой этотъ послѣдній, не имѣя еще изъ Петербурга инструкцій съ отказомъ Россіи отъ участія въ конференціи, отъ себя извѣщалъ Бутенева, что согласіе державъ установлено, и что Вѣна избрана центромъ соглашенія. 15 (27) іюля 1839 г. послы обратились къ Портѣ съ коллективною нотою, которая гласила: «Нижеподписавшіеся получили сегодня поутру инструкціи отъ своихъ правительствъ, въ силу коихъ они имѣютъ честь сообщить блистательной Портѣ, что согласіе по восточному вопросу обезпечено между пятью великими державами, и пригласить ее пріостановить какое бы то ни было окончательное рѣшеніе въ ожиданіи послѣдствій участія, ими къ ней питаемаго. Эта нота была подписана австрійскимъ интернунціемъ Штюрмеромъ, англійскимъ посломъ лордомъ Понсонби, французскимъ — Руссеномъ, прусскимъ — Кенигсмаркомъ и русскимъ — Бутеневымъ.

Поступокъ Бутенева, какъ самовольный и шедшій въ разрѣзъ съ только что принятымъ русскимъ правительствомъ рѣшеніемъ, возбудилъ сильное негодованіе въ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Не признать присоединенія Россіи къ коллективному представленію державъ Портѣ онъ не счелъ, однако, уже возможнымъ: условія момента не позволяли думать о возвращеніи къ политикѣ 1833 г. Съ другой стороны, идя на соглашеніе по восточному вопросу, Николай Павловичъ думалъ отвлечь Англію отъ Франціи, и, подготовивъ сближеніе Англіи съ Россіей, Австріей и Пруссіей какъ по восточному вопросу, такъ и по вопросамъ европейской политики, тѣмъ самымъ какъ бы возстановить шалонское соглашеніе, объединившее въ 1814 г. четыре державы противъ Франціи. Послѣ ноты 15 іюля Англія, успокоившаяся относительно Россіи, дѣйствительно, обратила все свое вниманіе на Египетъ и готова была принять рѣшительныя мѣры противъ Мегмета-Али, что вызывало неудовольствіе со стороны Франціи. Учитывая это, императоръ Николай Павловичъ въ сентябрѣ 1839 г. послалъ въ Лондонъ нашего посланника при вюртембергскомъ дворѣ бар. Фил. Ив. Бруннова, пользовавшагося большимъ личнымъ довѣріемъ у государя. Брунновъ прибылъ въ Лондонъ 3 сентября 1839 г., и завязавшіеся здѣсь переговоры отодвинули на задній планъ мысль о конференціи въ Вѣнѣ: обсужде-

ніе восточнаго вопроса сосредоточилось въ Лондонѣ.

Инструкція, данная бар. Бруннову, уполномочивала его вести переговоры по турецкому, греческому и персидскому вопросамъ. Русское правительство шло на отказъ отъ унхіаръ-скелессійскаго договора и на участіе въ общей гарантіи турецко-египетскаго соглашенія, и брало на себя обязательство явиться, въ случаѣ надобности, на Босфорѣ не какъ независимая союзница Порты, но какъ уполномоченная представительница Европы. Взамѣнъ этого, однако, Англія и Франція должны были отказаться отъ объявленія неприкосновенности Турціи, согласиться на закрытіе проливовъ какъ во время мира, такъ и во время войны для военныхъ судовъ всѣхъ націй и отказаться отъ ввода своихъ судовъ въ Мраморное море въ случаѣ, если бы русскія суда появились у береговъ Босфора. При этомъ Брунновъ былъ уполномоченъ намекнуть, что государь ничего не имѣетъ противъ того, чтобы согласіе на этихъ условіяхъ державъ между собою состоялось и безъ участія Франціи. Ведшій съ Брунновымъ переговоры Пальмерстонъ, въ общемъ, встрѣтилъ эти предложенія сочувственно, но предложилъ, съ своей стороны, слѣдующія поправки. Флотъ западныхъ державъ, на данный случай, можетъ войти въ Дарданеллы, если бы русскія суда появились въ Босфорѣ (на будущее Пальмерстонъ обѣщалъ провести закрытіе проливовъ, какъ общее международное постановленіе). Всѣ пять державъ должны согласиться о формѣ ихъ содѣйствія къ улаженію восточнаго кризиса. Насколько возможно надо поддерживать Турцію подъ властью существующей династіи. Если Мегметъ-Али окажетъ сопротивленіе мѣрамъ, выработаннымъ державами, то русскія войска въ Малой Азіи не идутъ дальше Тавра.

Съ этими предложеніями Брунновъ въ началѣ октября 1839 г. оставилъ Англію. Онъ оставался въ Петербургѣ до октября т. г. За это время Австрія, обезпокоенная шедшими помимо нея переговорами между Россіей и Англіей, приложила всѣ старанія, чтобы снова войти въ довѣріе у императора Николая Павловича, въ чемъ и имѣла успѣхъ. Когда въ декабрѣ Брунновъ снова былъ отправленъ въ Лондонъ, уполномоченный принять англійскія поправки и заключить на соотвѣтствующихъ основаніяхъ договоръ, въ Вѣнѣ къ нему примкнулъ австрійскій уполномоченный Нейманнъ. Въ январѣ 1840 г., по почину Австріи, въ Лондонѣ открылась конференція великихъ державъ по восточному вопросу, къ которой Пальмерстонъ предложилъ привлечь и Турцію. Франція точно также согласилась принять участіе въ конференціи. Тѣмъ не менѣе, по вопросу объ Египтѣ разногласія между Англіей и Франціей, настаивавшей на признаніи за Мегметомъ-Али Сиріи, все болѣе и болѣе увеличивались, и, несмотря на всѣ убѣжденія Пальмерстона, французское правительство оставалось непреклоннымъ. Непреклонность привела къ тому, что 3 (15) іюля Австрія, Англія, Пруссія, Россія и Турція заключили между собою конвенцію, помимо и безъ вѣдома Франціи. Эта конвенція сводилась къ слѣдующему: 1. Означенныя европейскія державы принимаютъ на себя обязательство дѣйствовать въ полномъ согласіи и соединить ихъ усилія къ побужденію Мегмета-Али принять тѣ условія уговора, которыя предложитъ ему султанъ, и о которыхъ этотъ послѣдній согласился съ державами, заключившими конвенцію; при этомъ каждая держава предоставляетъ себѣ содѣйствовать этой цѣли по мѣрѣ средствъ, ею располагаемыхъ. 2. Если Мегметъ-Али откажется приступить къ вышеозначенному уговору, то державы обѣщаютъ, по предложенію султана, принять условленныя мѣры для приведенія этого уговора въ исполненіе. Вслѣдствіе приглашенія, сдѣланнаго уже султаномъ, присоединиться къ нему для оказанія ему помощи въ пресѣченіи сообщенія моремъ между Египтомъ и Сиріей, Англія и Австрія обязуются теперь же дать немедленно нужныя для сего приказанія начальникамъ ихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ. 3. На случай, если Мегметъ-Али, отказавшись принять условія уговора, направитъ свои силы на Константинополь, державы соглашаются, по требованію султана, содѣйствовать защитѣ проливовъ Босфора и Дарданеллъ, а также самого Константинополя. Назначенныя для этого туда силы пробудутъ тамъ лишь столько времени, на сколько ихъ присутствіе будетъ требоваться султаномъ. 4. При этомъ постановляется, что означенная мѣра должна считаться лишь исключительною мѣрою, принятою въ единственномъ выше означенномъ случаѣ. Эта мѣра нисколько не нарушитъ древняго правила

Турціи, по которому военнымъ судамъ иностранныхъ державъ всегда возбранялось входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора. Султанъ, съ своей стороны, объявляетъ, что онъ неизмѣнно будетъ соблюдать это правило, и, когда Порта будетъ находиться въ мирѣ, не будетъ допускать никакого военнаго судна въ проливы. Австрія, Англія, Пруссія и Россія обѣщаютъ уважать это рѣшеніе и согласоваться съ означеннымъ началомъ. Особымъ актомъ, подписаннымъ въ тотъ же день, опредѣлялись условія уговора, который будетъ предложенъ султаномъ Мегмету-Али. 1. Мегметъ-Али получаетъ въ наслѣдственное владѣніе Египетъ и въ пожизненное—южную часть Сиріи и крѣпость Сенъ-Жанъ д'Акръ (т. е. Суецкій перешеекъ и южную часть Палестины, до Тиверіадскаго озера). 2. Если въ десятидневный срокъ Мегметъ-Али не приметъ этого условія, то султанъ соглашается оставить за нимъ въ наслѣдственномъ владѣніи только Египетъ. 3. Мегметъ-Али уплачиваетъ султану ежегодную подать, размѣры которой зависятъ отъ той территоріи, которую онъ получитъ въ управленіе. 4. Мегметъ-Али долженъ сдать турецкій флотъ. 5. Всѣ трактаты и законы Турціи будутъ относиться ко всѣмъ областямъ, которыя получитъ Мегметъ-Али, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и къ прочимъ частямъ Оттоманской имперіи. Но султанъ соглашается, чтобы подъ условіемъ правильной уплаты вышеозначенной подати Мегметъ-Али и его потомки отъ имени султана собирали всѣ подати и налоги, которыми и должны покрываться всѣ расходы по управленію означеными провинціями. 6. Сухопутныя и морскія силы означенныхъ областей составляютъ часть силъ Турціи и считаются содержимыми для государственныхъ нуждъ. 7. Если Мегметъ-Али въ двадцатидневный срокъ вовсе не приметъ условій этого уговора, то султанъ въ правѣ взять предложенія обратно и избрать дальнѣйшій путь сообразно своимъ интересамъ и совѣтамъ своихъ сотрудниковъ. Конвенцію и особый актъ подписали: бар. Фил. Брунновъ (Россія), Пальмерстонъ (Англія), бар. Фил. Нейманъ (Австрія), бар. Генр. Вильг. ф. Бюловъ (Пруссія), Хекибъ-Эффенди (Турція). 2 (14) августа Пруссія особымъ протоколомъ оговорилась, что ея участіе въ конвенціи ограничивается нейтралитетомъ. 5 (17) сентября тѣ же уполномоченные Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи подписали протоколъ, удостовѣряющій, что заключеніемъ означенной конвенціи державы не намѣрены искать никакого увеличенія территоріи, никакого исключительнаго вліянія, ни полученія какого либо преимущества въ торговлѣ.

Послѣдствіемъ лондонской конвенціи, вызвавшей, какъ и слѣдовало ожидать, громкое негодованіе во Франціи, были весьма рѣшительныя мѣры, предпринятыя союзными державами на Востокѣ. Англійско-австрійская эскадра блокировала берега Сиріи. 21 октября (2 ноября) пала крѣпость С.-Жанъ-д'Акръ, и Ибрагимъ принужденъ былъ оставить Сирію. Прежде чѣмъ извѣстія объ этомъ дошли до Египта, англійская эскадра подъ начальствомъ Непира появилась у Александріи. 13 (25) ноября т. г. между Непиромъ и Мегметомъ-Али былъ заключенъ договоръ, по которому послѣдній отказывался отъ Сиріи и соглашался на возвращеніе турецкаго флота, взамѣнъ чего его власть въ Египтѣ признавалась наслѣдственной. Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ противъ египетскаго паши Россія, согласно съ постановленіями лондонской конвенціи, непосредственнаго участія уже не принимала. Султанскимъ фирманомъ 1 (13) февраля договоръ Непира съ Мегметомъ-Али былъ признанъ Портою.

Послѣ того какъ турецко-египетскій кризисъ разрѣшился, Пальмерстонъ предложилъ Бруннову возобновить переговоры о заключеніи новой конвенціи о проливахъ, привлекши къ этимъ переговорамъ и Францію. Со стороны императора Николая на это послѣдовало согласіе. Франція съ своей стороны попыталась расширить программу переговоровъ, включивъ въ нее вопросъ объ общей гарантіи неприкосновенности Турціи, о христіанскомъ населеніи Сиріи, о суецкомъ торговомъ пути и о закрытіи проливовъ. Изъ всѣхъ этихъ предложеній Россіей и Англіей было принято лишь послѣднее. 1 (13) іюля 1841 г. представителями Россіи (бар. Брунновъ), Австріи (Эстергази и бар. Нейманнъ), Англіи (Пальмерстонъ), Пруссіи (Бюловъ), Франціи (бар. Буркенэ) и Турціи (Хэкибъ-Эффенди) была подписана 2-я лондонская конвенція. По этой конвенціи снова подтверждалось правило о воспрещеніи военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ Дар-

данеллы и Босфоръ, но султанъ оставлялъ за собою по прежнему право выдавать фирманы на проходъ легкихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, состоящихъ въ распоряженіи посольствъ дружественныхъ державъ.

Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 г. упраздняли ункіаръ-скелессійскій договоръ, существенно измѣняли положеніе дѣлъ на Востокѣ и создавали, взамѣнъ исключительнаго вліянія въ Турціи Россіи, зависимость Оттоманской имперіи отъ европейскаго «концерта». Уже у современниковъ эти конвенціи находили самую различную оцѣнку. Нессельроде видѣлъ въ этомъ крупную побѣду русской дипломатіи. Въ 1850 г. во всеподданнѣйшемъ обзорѣ русской политики за истекшее двадцатипятилѣтіе онъ писалъ: «Ункіаръ-скелесскій договоръ, противъ котораго тщетно протестовали Франція и Англія, хотя по виду и былъ отмѣненъ, но въ существѣ дѣла былъ сохраненъ навѣки подъ другою формою. Новый актъ, замѣнившій этотъ договоръ и признанный всѣми державами, воспретилъ входъ въ Дарданеллы иностраннымъ военнымъ судамъ и, такимъ образомъ, обезпечилъ насъ на будущее время отъ какого бы то ни было нападенія съ моря. *Замѣшательства на Востокѣ этого времени имѣли однимъ изъ важнѣйшихъ для насъ послѣдствій распаденіе англо-французскаго союза, столь враждебнаго нашимъ политическимъ интересамъ, столь гибельнаго для консервативныхъ правительствъ*». Напротивъ, Пальмерстонъ, въ письмѣ къ сэру Уильяму Темплю отъ 15 (24) іюля 1840 г. по поводу первой конвенціи, находилъ, что онъ достигъ трехъ существенныхъ результатовъ: наказалъ Францію за ея попытку освободиться отъ англійской опеки и слѣдовать самостоятельной политикѣ; добился добровольнаго отреченія Россіи отъ историческаго преобладанія въ Турціи; заставилъ Европу признать англійскую указку въ восточныхъ дѣлахъ и соотвѣтственное значеніе и вліяніе Англіи на Востокѣ.

Внѣшняя политика императора Николая Павловича за послѣдніе годы даннаго періода (до 1848 г.) какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ въ значительной степени истекала изъ того положенія, какое создавалось для Россіи лондонскими конференціями. Хотя Россія и приняла участіе въ общеевропейскомъ соглашеніи, фактически, съ утратою своего исключительнаго вліянія на Востокѣ, она оставалась въ Европѣ изолированною. Напротивъ, значеніе Англіи послѣ 1840 г. какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ чрезвычайно возросло. Особенно натянутыя отношенія создались у Россіи съ Франціей, правитель которой, король Людовикъ-Филиппъ былъ склоненъ объяснить всю восточную политику Россіи въ 1839—41 г.г. личною непримиримою ненавистію къ нему императора Николая. Съ конца 1841 г., когда русскій посолъ въ Парижѣ, гр. П. П. Паленъ, отбылъ въ отпускъ, петербургскій и парижскій кабинеты начали сноситься между собою чрезъ простыхъ повѣренныхъ въ дѣлахъ и такое положеніе оставалось до 1851 г. (русскій повѣренный въ Парижѣ съ 30-го окт. 1841 г.—Ник. Дм. Киселевъ, французскій въ Петербургѣ—Мерсье). Въ то же время удаленіе (съ конца 1841 г. по іюль 1846 г.), отъ дѣлъ Пальмерстона (паденіе кабинета Мельбурна), непримиримаго противника французской политики, и переходъ въ новомъ кабинетѣ Роберта Пиля портфеля статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ къ лорду Абердину создавали надежду на улучшеніе отношеній между Англіей и Франціей: министерство Гизо дѣлаетъ въ то время рядъ уступокъ, чтобы снискать расположеніе лондонскаго кабинета. У самой Россіи съ Англіей прочнаго сближенія послѣ 1841 г. не установилось. Съ другой стороны обѣ союзницы Россіи, Австрія и Пруссія, въ эти годы часто мѣняющихся дипломатическихъ комбинацій, по отдѣльнымъ вопросамъ проявляютъ солидарность съ обѣими морскими державами, и политика принциповъ, легшая въ основу тройственнаго соглашенія 1833 г. и сохранявшая значеніе въ глазахъ императора Николая, все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ. Наконецъ, Австрія, пользуясь упадкомъ значенія Россіи, старается теперь поправить то положеніе, какое въ свое время создалось для нея послѣ адріанопольскаго мира: съ 1840 г. ея значеніе, наряду съ англійскимъ, на Востокѣ (главнымъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ), усиливается.

Положеніе дѣлъ на самомъ Востокѣ съ 1840 г. точно также становилось для Россіи болѣе затруднительнымъ. Въ 1839 г. въ Турціи, подъ вліяніемъ Решида-паши

и въ значительной степени по внушенію западныхъ державъ, былъ проведенъ рядъ внутреннихъ реформъ, представлявшихъ сочетаніе правилъ корана съ идеями европейскаго либерализма и имѣвшихъ цѣлью улучшить внутреннее устройство и управленіе. Внутренне нѣсколько оправившаяся, Турція послѣ лондонской конвенціи менѣе считается съ своимъ союзникомъ 1833 г. и больше слѣдуетъ совѣтамъ и указаніямъ спасшей ее въ 1840 г. Англіи. Въ Константинополѣ получилъ теперь большое значеніе вновь назначенный англійскій посолъ Страдфордъ-Каннингъ (лорд. Редклифъ). Реформы, проведенныя въ Турціи, мало улучшили положеніе христіанскаго населенія на Востокѣ, по прежнему страдавшаго отъ притѣсненій магометанскаго чиновничества и терявшаго теперь надежду на покровительство со стороны Россіи. Въ то же время въ государствахъ и областяхъ Балканскаго полуострова въ 40-хъ г.г. происходятъ чисто политическія движенія, создававшіяся на почвѣ недовольства различными сторонами того устройства, какое эти государства и области передъ этимъ получили. Къ реформамъ въ самой Турціи императоръ Николай Павловичъ относился несочувственно какъ потому, что онѣ сулили возрожденіе Турціи, такъ и потому, что онъ видѣлъ въ нихъ проявленіе «французскихъ» революціонныхъ принциповъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ политическимъ движеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ онъ стоялъ вполнѣ опредѣленно на точкѣ зрѣнія Священнаго союза, видѣлъ въ нихъ проявленіе мятежнаго духа и независимо отъ этого требовалъ признанія за собою права на вмѣшательство.

Въ 1842 г. начались волненія въ Валахіи, гдѣ мѣстное боярство было недовольно правленіемъ господаря Александра Гики, не пользовавшагося симпатіями и въ Петербургѣ за свою дружбу съ французскимъ генеральнымъ консуломъ Бильнокомъ. Мѣстный диванъ представилъ ему длинный списокъ его проступковъ и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія какъ Турціи, такъ и Россіи. Императоръ Николай Павловичъ настоялъ передъ Портою, чтобы изъ Константинополя былъ назначенъ комисаръ для разслѣдованія этого дѣла. Съ своей стороны, онъ послалъ въ Бухарестъ (мартъ 1842 г.), въ качествѣ комисара, генерала А. О. Дюгамеля, который пріѣхалъ въ Бухарестъ раньше назначеннаго Турціею Шекиба-паши и еще до прибытія послѣдняго успѣлъ разслѣдовать дѣло. По настоянію русскаго правительства Гика былъ смѣщенъ и диваномъ былъ избранъ Георгій-Дмитрій Бибеско, въ свое время выдвинувшійся благодаря Киселеву. Порта не рѣшилась противорѣчить и утвердила избраніе Бибеско. Въ томъ же 1842 г. вспыхнуло подготовлявшееся еще съ 1840 г. возстаніе въ Сербіи, направленное противъ князя Михаила Обреновича и исходившее изъ либеральной партіи «уставобранителей». Руководители возстанія (Вучичъ и Петроневичъ) нашли поддержку у турецкаго визиря бѣлградской крѣпости Кіамиля-паши. Въ августѣ 1842 г. князь Михаилъ удалился въ Австрію; въ Сербіи созванная временнымъ правительствомъ скупщина избрала княземъ Александра Карагеоргіевича, тайно поддерживаемаго Австріей. Порта утвердила это избраніе безъ уговора съ Россіей и объявила Обреновича низложеннымъ. Императоръ Николай Павловичъ отправилъ въ Константинополь своего флигель-адъютанта бар. В. К. Ливена съ собственноручнымъ письмомъ къ султану и требовалъ отмѣны распоряженія относительно Сербіи и наказанія виновниковъ сербскаго возстанія. Найдя поддержку у Франціи и Англіи, Порта воспротивилась этимъ требованіямъ. Австрія пыталась занять примирительное положеніе, стараясь сохранить въ Сербіи власть за Карагеоргіевичемъ. Переговоры затягивались; весною 1843 г. императоръ Николай собирался уже ввести двадцатитысячный корпусъ войскъ въ Сербію и вступилъ въ переговоры съ Австріею о пропускѣ этого корпуса черезъ австрійскія владѣнія. Порта уступила. Избраніе Карагеоргіевича было объявлено незаконнымъ. Кіамиль-паша былъ смѣщенъ. На возстановленіи въ правахъ Михаила Обреновича Россія не стала настаивать. 3 (15) іюня 1843 г., въ присутствіи вновь назначеннаго турецкаго паши, русскаго генеральнаго консула и бар. Ливена вновь собранная скупщина вторично избрала Александра Карагеоргіевича, который былъ снова утвержденъ Портою. Это утвержденіе не встрѣтило на этотъ разъ сопротивленія со стороны Россіи. Прежде чѣмъ однако, это утвержденіе получило силу, императоръ Николай Павловичъ настоялъ

на другомъ своемъ требованіи—на изгнаніи изъ Сербіи Вучича и Петроневича. Въ то же время, стараясь создать противовѣсъ австрійскому вліянію въ Сербіи и Англіи, сохранявшей протекторатъ надъ Іоническими островами, Николай Павловичъ начинаетъ теперь покровительствовать «владыкѣ» Черной горы Петру II Негошу.

Едва успѣлъ разрѣшиться сербскій инцидентъ, какъ вспыхнула революція въ Греціи (сентябрь 1843 г.), и король Оттонъ вынужденъ былъ созвать учредительное собраніе. 18 (30) марта 1844 г. король присягнулъ выработанной этимъ собраніемъ конституціи. Греческая революція была дѣломъ объединенія трехъ оппозиціонныхъ партій, изъ которыхъ двѣ опирались на Англію и Францію, а одна—на Россію. Послѣдняя въ движеніи была самая значительная. Въ глазахъ самого императора Николая Павловича король Оттонъ и его правительство не заслуживали симпатіи за поддержку протестантской пропаганды среди греческаго православнаго населенія. Тѣмъ не менѣе, когда вспыхнула греческая революція, императоръ Николай тотчасъ же отозвалъ изъ Аѳинъ своего посланника Катакази и на его мѣсто былъ назначенъ лишь повѣренный по дѣламъ (Ив. Эмман. Персіани, съ 11 ноября 1843 г.) Новое греческое устройство было признано Россіей значительно позже, чѣмъ Англіей и Франціей. До конца царствованія постъ русскаго посланника въ Аѳинахъ оставался незамѣщеннымъ, что создавало для Россіи затруднительное положеніе сравнительно съ другими державами, имѣвшими въ Аѳинахъ своихъ уполномоченныхъ представителей. При новомъ порядкѣ въ Греціи получили преобладаніе англійская и французская партіи. Всѣ эти движенія возбуждающимъ образомъ дѣйствовали на населеніе христіанскихъ областей Турціи. Въ виду этого въ 1844 г. нашимъ представителямъ въ Турціи и Греціи вообще было предписано поставить на видъ «старѣйшинамъ мѣстныхъ христіанъ», что они не должны надѣяться на помощь Россіи, которая не можетъ одобрить ихъ возстанія противъ Турціи.

Затруднительное положеніе дѣлъ на Востокѣ, постоянное сопротивленіе видамъ и дѣйствіямъ русскаго правительства со стороны Англіи и Австріи и вопросъ, что будетъ съ Турціей и ея наслѣдіемъ, составляли къ серединѣ сороковыхъ годовъ предметъ постоянныхъ заботъ и думъ государя. Къ этому времени у него начинаетъ назрѣвать мысль о новомъ болѣе тѣсномъ соглашеніи по дѣламъ Востока какъ съ Англіей, такъ и съ Австріей. Эти попытки выразились въ тѣхъ частныхъ переговорахъ, которые государь велъ во время своего пребыванія въ 1844 г. въ Лондонѣ съ лордомъ Абердиномъ и въ 1846 г. въ Вѣнѣ съ кн. Меттернихомъ. Изъ тѣхъ извѣстій, какія имѣются въ настоящее время въ наличности объ этихъ переговорахъ, трудно съ точностью установить, насколько здѣсь имѣлось въ виду дѣйствительно достигнуть новаго соглашенія, и насколько—лишь успокоить союзниковъ Россіи относительно ея собственной политики на Востокѣ. Западно-европейскимъ державамъ, и прежде всего Англіи, дѣйствительно, доставляло не мало тревоги какъ отмѣченные выше случаи вмѣшательства Россіи въ дѣла христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, такъ и то, что происходило въ это время на Кавказѣ и въ Средней Азіи. На Кавказѣ, послѣ неудачъ 1843 г., съ назначеніемъ гр. М. С. Воронцова снова начались болѣе энергичныя дѣйствія, направленныя вглубь Чечни и Дагестана и имѣвшія на этотъ разъ и болѣе счастливые результаты. Еще въ 1831 г. закрытіе транзита черезъ Грузію, въ связи съ рядомъ поощрительныхъ мѣръ, создали болѣе благопріятныя условія для русской торговли въ Персіи. Въ Закаспійскомъ краѣ, послѣ неудачнаго похода В. А. Перовскаго (1839 г.), въ началѣ сороковыхъ годовъ дѣла складывались точно также болѣе благопріятно: въ 1845 г. послѣдовало подданство Большой орды, русскія владѣнія продвинулись до р. Или, и въ 1847 г. были возведены укрѣпленія въ Копалѣ и Вѣрномъ.

Еще въ концѣ 1843 г., въ бытность свою въ Берлинѣ, императоръ Николай I въ разговорахъ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV высказывалъ желаніе согласиться съ обоими своими союзниками на случай возможнаго раздѣла Турціи и проектировалъ новое свиданіе трехъ монарховъ, быть можетъ, съ приглашеніемъ на него и англійской королевы Викторіи. Къ этому же вопросу онъ возвращается при встрѣчѣ въ Варшавѣ, на обратномъ пути изъ Берлина, съ австрійскимъ воен-

нымъ министромъ гр. Фикельмономъ и снова заговариваетъ о томъ же въ мартѣ 1844 г. съ австрійскимъ генераломъ Колоредо. Всѣ эти предположенія встрѣтили довольно сдержанное отношеніе какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ.

Лѣтомъ 1844 г. императоръ Николай Павловичъ неожиданно совершилъ поѣздку въ Англію и пробылъ здѣсь въ гостяхъ у королевы Викторіи и ея супруга принца Альберта съ 20 по 27 мая. Хотя эта поѣздка и носила частный характеръ (Нессельроде не сопровождалъ государя), главною ея цѣлью было разсѣять въ Англіи предубѣжденіе противъ политики Россіи на Востокѣ. Результатъ бесѣдъ государя по этому поводу съ англійскими министрами и государственными дѣятелями, герц. Веллингтономъ, Робертомъ Пилемъ и Абердиномъ легъ въ основу меморандума, составленнаго Нессельроде по возвращеніи Николая Павловича въ Россію и пересланнаго въ Англію на имя статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, лорда Абердина. Въ этомъ меморандумѣ намѣчались слѣдующіе начала и пункты соглашенія. Исходя изъ признанія необходимости поддерживать Оттоманскую имперію, Россія и Англія находили нужнымъ, не вмѣшиваясь въ мелочи, всегда строго требовать отъ Порты соблюденія всѣхъ принятыхъ ею договоровъ и обязательствъ. Что касается христіанскихъ народностей, подвластныхъ султану, то относительно ихъ принималось за принципъ: защищать ихъ путемъ представленій Портѣ сообща, но въ то же время удерживать ихъ въ покорности султану. Отсюда вытекали два заключенія: 1. стараться поддерживать Турцію, пока это будетъ возможно; 2. въ случаѣ если можно будетъ предвидѣть ея паденіе, заблаговременно согласиться объ учрежденіи новаго порядка. Въ томъ же году, осенью, Нессельроде также былъ въ Англіи и въ свою очередь имѣлъ разговоръ съ Абердиномъ объ означенномъ меморандумѣ. Дальше этого документа соглашеніе не пошло: пересланный Абердину Нессельроде меморандумъ хранился въ Англіи отдѣльно отъ другихъ бумагъ, передавался при смѣнѣ каждому вновь вступающему въ должность статсъ-секретарю и не оставлялся въ копіи въ министерствѣ.

Въ концѣ 1845 и въ самомъ началѣ 1846 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ (на обратномъ пути изъ Рима) Вѣну и здѣсь снова имѣлъ разговоръ о Турціи съ кн. Меттернихомъ. Государь повторилъ то же, что онъ говорилъ въ 1844 г. въ Лондонѣ, и посвятилъ Меттерниха въ свои разговоры съ англійскими министрами. Эти переговоры точно также не привели къ какому либо формальному соглашенію.

Съ другой стороны, восточный вопросъ въ глазахъ самого императора Николая Павловича съ начала сороковыхъ годовъ отодвигается нѣсколько на задній планъ и уступаетъ мѣсто соображеніямъ иного характера. Въ Европѣ начинаютъ показываться первые предвѣстники новой надвигающейся революціонной бури. Въ Испаніи происки донъ-Карлоса и слабость правительства королевы Изабеллы привели страну къ 1840 г. въ состояніе полной анархіи. Въ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ начали усиливаться революціонныя вспышки; вступившій въ 1840 г. на престолъ сардинскій король Карлъ-Альбертъ все болѣе и болѣе склонялся къ тому, чтобы стать во главѣ итальянскаго національнаго движенія, и явно вступалъ на путь антиавстрійской политики. Политика Франціи, готовой, казалось, въ любой моментъ поддержать всѣ эти движенія, становится съ этого времени главнымъ предметомъ заботъ императора Николая Павловича, видѣвшаго въ себѣ охранителя началъ Священнаго Союза, и эти заботы заслоняютъ теперь порою въ его глазахъ другія очередныя задачи внѣшней политики.

Этими заботами опредѣляются и его отношенія къ его ближайшимъ союзникамъ наканунѣ 1848 года. Въ Пруссіи, послѣ смерти Фридриха III и вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV (1840 г.) начались новыя вѣянія. Въ прусскомъ обществѣ проявляются симптомы броженія; новый король готовъ былъ, казалось, пойти на уступки: къ 1847 г. было возвѣщено о созывѣ прусскаго соединеннаго ландтага. Николай Павловичъ осуждалъ политику «мечтателя», какъ онъ называлъ Фридриха-Вильгельма IV. Считая, что съ Пруссіей — дѣло кончено, онъ пытается теперь вступить въ болѣе тѣсное сближеніе съ Австріей, какъ послѣднимъ оплотомъ монархическихъ началъ въ Европѣ. Такую попытку усматривали и въ возникшемъ въ это время проектѣ брака великой княжны Ольги Николаевны съ австрійскимъ эрцгерцогомъ

Стефаномъ, чѣмъ объяснялась миссія въ 1844 г. въ Вѣну гр. А. Ѳ. Орлова. Этотъ проектъ былъ встрѣченъ несочувственно какъ со стороны римскаго папы, недовольнаго Николаемъ I за мѣры, принятыя въ это время въ Западномъ краѣ, такъ и въ католически настроенныхъ придворныхъ кругахъ Вѣны. Въ 1846 г. великая княжна Ольга была выдана за кронпринца Виртембергскаго.

Личная жизнь государя Николая Павловича въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Къ серединѣ 1832 г. жизнь петербургскаго двора, послѣ тревожныхъ событій послѣднихъ двухъ лѣтъ, начала постепенно входить въ обычную колею, и это замѣтно отражалось и на состояніи духа самого государя. Первую половину тридцатыхъ годовъ можно считать временемъ, когда личная жизнь Николая Павловича складывалась наиболѣе благопріятно. Это—время торжества тѣхъ началъ и достиженія тѣхъ задачъ, какія составляли содержаніе его внѣшней политики; это же—время и наиболѣе оживленной правительственной дѣятельности въ области внутренняго управленія.

Появленіе въ Петербургѣ (май 1832 г.) польской депутаціи для принесенія государю благодарности за дарованную жителямъ Царства амнистію создало чувство удовлетворенія въ высшихъ петербургскихъ сферахъ. Въ іюнѣ того же года прибылъ англійскій чрезвычайный посолъ лордъ Дургамъ; пріемъ, оказанный послу государемъ, въ значительной степени способствовалъ временному улучшенію отношеній между Петербургомъ и Лондономъ, принявшихъ было подъ вліяніемъ предшествующихъ событій крайне натянутый характеръ. Начавшееся вскорѣ послѣ этого замѣшательство на Востокѣ закончилось къ лѣту слѣдующаго года такимъ крупнымъ успѣхомъ русской политики, какъ ункіаръ-скелессійскій договоръ. Кодификаціонная дѣятельность Сперанскаго, привлекавшая къ себѣ живѣйшее вниманіе государя, завершилась къ 1833 году изданіемъ «Свода Законовъ». 18 августа 1833 г. государь выѣхалъ изъ Петербурга за-границу для свиданія и личнаго совѣщанія по дѣламъ международной политики съ своимъ тестемъ, прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, и съ австрійскимъ императоромъ Францемъ I. Пребываніе государя въ Шведтѣ и Мюнхенгрецѣ носило совершенно частный характеръ и было совершенно лишено какой либо торжественности. Во время пребыванія Николая Павловича въ Мюнхенгрецѣ австрійскій императоръ назначилъ его шефомъ своего гусарскаго полка. Государь императоръ отнесся къ этому назначенію весьма серьезно и два дня спустя послѣ этого произнесъ передъ офицерами своего полка рѣчь, въ которой выяснялъ имъ ихъ обязанности по отношенію къ монарху Австріи и заявлялъ о чувствахъ своей искренней къ нему привязанности. Императоръ Николай Павловичъ былъ вполнѣ удовлетворенъ результатами мюнхенгрецкаго свиданія и, главнымъ образомъ, тѣмъ полнымъ согласіемъ, какое удалось установить между тремя державами по польскому вопросу. Покинувъ 8 сентября Мюнхенгрецъ, Николай Павловичъ направился въ Польшу. Онъ осмотрѣлъ Модлинскую крѣпость, переименованную имъ при этомъ въ Новогеоргіевскъ, дѣлалъ смотръ мѣстнымъ войскамъ и обозрѣвалъ сооружавшуюся въ это время около Варшавы Александровскую цитадель. Посѣтить столицу Царства Польскаго государь не пожелалъ и послѣ осмотра цитадели вернулся въ Новогеоргіевскъ, откуда двинулся въ дальнѣйшій путь и прибылъ 16 сентября въ Царское Село. Пассивная роль, какую пришлось играть Пруссіи во время предшествующихъ совѣщаній между тремя державами, настроили прусское общественное мнѣніе противъ императора Николая; самъ прусскій дворъ, повидимому, чувствовалъ себя нѣсколько обиженнымъ. Государь императоръ постарался разсѣять неблагопріятное впечатлѣніе, посѣтивъ неожиданно осенью 1834 г., вмѣстѣ съ императрицею и наслѣдникомъ, Берлинъ и пробывъ тамъ двѣнадцать дней (1—13 ноября). Во время этого посѣщенія Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ, не упускалъ случая выразить передъ берлинскимъ обществомъ и прусскими войсками свою совершенно сыновнюю почтительность къ прусскому монарху. Новый съѣздъ трехъ монарховъ въ 1835 г. (маневры въ Калишѣ, теплицкія празднества по случаю открытія Кульмскаго памятника и пребываніе Николая

Павловича въ Прагѣ), въ противоположность шведтскому и мюнхенгрецкому свиданіямъ, былъ обставленъ чрезвычайно торжественно. Государь съ исключительнымъ вниманіемъ старался относиться къ новому австрійскому императору Фердинанду, слабому и тѣломъ, и духомъ, какъ бы напоминая присутствующимъ объ обѣщаніи, данномъ имъ покойному императору Францу, быть попечителемъ его сына и оплотомъ его имперіи. Совершенно неожиданно для всѣхъ окружающихъ и для самого императора Фердинанда имъ была предпринята поѣздка въ Вѣну, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе вдовствующей австрійской императрицѣ. Настоящее пребываніе государя въ Австріи содѣйствовало новому сближенію его съ австрійскимъ канцлеромъ княземъ Меттернихомъ, къ которому Николай Павловичъ питалъ теперь полное довѣріе. Настоящее свиданіе монарховъ, какъ въ свое время Шведтъ и Мюнхенгрецъ, должно было явить передъ глазами Европы твердую рѣшимость трехъ державъ дать отпоръ надвигавшемуся съ Запада либеральному броженію. Въ то же время это было новое торжество началъ Священнаго Союза надъ тѣмъ, что стало теперь какъ бы синонимомъ революціи—надъ польскою національностью. Занятіе къ началу 1836 г. города Кракова войсками союзныхъ державъ доставило, въ этомъ отношеніи, императору Николаю не малое удовлетвореніе. Въ его глазахъ это было послѣднимъ моментомъ окончательной ликвидаціи польскаго національно-революціоннаго движенія: паденіе Краковской республики было отнынѣ вопросомъ времени.

Одновременно съ тѣмъ, какъ опредѣлялось международное положеніе, внутри государства происходили торжественныя событія, долженствовавшія подчеркнуть прочность установившагося порядка послѣ различныхъ потрясеній, пережитыхъ за послѣднее пятилѣтіе. 22 апрѣля 1834 г., въ день Пасхи, происходила церемонія провозглашенія исполнившагося въ этомъ году совершеннолѣтія наслѣдника престола и принесенія имъ присяги. Государь поручилъ Сперанскому подготовить наслѣдника къ этому акту, а самая церемонія, по его желанію, была обставлена особою торжественностью. 30 августа того же года съ не меньшею торжественностью послѣдовало, въ присутствіи прусскаго принца Вильгельма, открытіе памятника императору Александру I (Александровской колонны). Передъ началомъ церемоніальнаго марша государь во главѣ своего штаба, имѣя около себя принца Вильгельма, самъ прослѣдовалъ мимо памятника, опустилъ передъ нимъ шпагу и, ставъ возлѣ него, пропускалъ мимо себя войска. Весною 1835 г. государь вмѣстѣ съ своимъ семействомъ посѣтилъ Москву, въ которой за послѣдніе годы бывалъ по преимуществу проѣздомъ. На этотъ разъ онъ пробылъ въ древней столицѣ почти мѣсяцъ, съ конца апрѣля до 21 мая, обозрѣвая какъ самый городъ, такъ и нѣкоторыя изъ его окрестностей. какъ напр. Царицыно и Коломенское. Осматривая открытую въ это время въ Москвѣ выставку мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, государь, какъ сообщаетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ Бенкендорфъ, обратился къ фабрикантамъ съ рѣчью и обращалъ ихъ вниманіе на необходимость попеченія о рабочихъ, «которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится наконецъ въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ».

Всѣ указанныя событія нѣсколько отвлекали государя въ 1833, 1834 и частью въ 1835 г. отъ вопросовъ внутренняго управленія. Уже съ лѣта 1834 г., однако, въ связи съ возвращеніемъ въ Петербургъ изъ дунайскихъ княжествъ П. Д. Киселева, мысль государя начинаетъ съ новою силою сосредоточиваться на крестьянскомъ вопросѣ. По возвращеніи государя въ 1835 г. изъ-заграницы (начало ноября) возобновляются его занятія съ Киселевымъ по крестьянскому вопросу, и, начиная съ 1836 г., этотъ вопросъ на долгое время дѣлается главнымъ предметомъ заботъ императора Николая Павловича. Пятилѣтіе съ 1837 г. по начало 1842 г.—періодъ, къ которому относятся главныя мѣропріятія Николаевскаго царствованія по крестьянскому вопросу, какъ наприм. учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ и законъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Къ 1836 г. относятся и главныя преобразованія, произведенныя въ Николаев-

ское царствованіе въ области военно-сухопутнаго и морского управленія. Съ 1839 г. вниманіе государя сосредоточивается, главнымъ образомъ, на вопросахъ финансоваго управленія. Изъ сотрудниковъ государя министръ финансовъ гр. Е. Ф. Канкринъ начинаетъ теперь все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе общества. Совмѣстныя работы государя съ Канкринымъ шли, однако, не такъ гладко и не въ такомъ полномъ согласіи, какъ въ свое время съ Киселевымъ, и нѣсколько позднѣе наступаетъ охлажденіе монарха къ министру, издавна пользовавшемуся полнымъ довѣріемъ.

Въ 30-хъ годахъ Государь Императоръ совершилъ рядъ поѣздокъ по Россіи. Эти поѣздки охватывали почти всегда довольно значительный районъ, но при той быстротѣ, съ какою обыкновенно ѣздилъ Николай Павловичъ, бывали, большею частью, не особенно продолжительны; пребываніе въ отдѣльныхъ городахъ и мѣстностяхъ точно также было почти всегда очень кратковременнымъ. Государь отправлялся, обыкновенно, въ свои поѣздки по Россіи раннею осенью, въ началѣ сентября; къ концу октября или въ первыхъ числахъ ноября онъ возвращался уже въ столицу. Цѣлью поѣздокъ были преимущественно смотры мѣстныхъ войскъ, осмотръ крѣпостей и укрѣпленій и т. п. Почти всегда, однако, государь успѣвалъ осмотрѣть мѣстныя гражданскія учрежденія (особенно приказы общественнаго призрѣнія, больницы, учебныя заведенія, различнаго рода благотворительныя учрежденія и т. п.), а также мѣстныя достопримѣчательности и памятники старины. За это время Николай Павловичъ объѣздилъ почти всю Европейскую Россію по ея главнымъ трактамъ; побывалъ въ Псковѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ, Орлѣ, Тулѣ; дважды проѣхалъ по Волгѣ: одинъ разъ отъ Ярославля до Нижняго, другой—отъ Нижняго до Казани; посѣтилъ Крымъ и Кавказъ и почти каждый разъ заѣзжалъ въ Москву. Самое большое путешествіе было совершено въ 1837 году. Государь выѣхалъ на этотъ разъ изъ столицы довольно рано—31 іюля. Онъ проѣхалъ черезъ Псковъ, Динабургъ, Ковно, Вильно, Бобруйскъ и Кіевъ, осматривая по пути всѣ эти города, въ Вознесенскъ, куда прибыли посѣтившая за это время Москву императрица и наслѣдникъ цесаревичъ, совершавшій въ этомъ году точно также большую образовательную поѣздку по Россіи. Въ Вознесенскѣ происходили большіе маневры въ присутствіи иностранныхъ гостей (австрійскій эрцгерцогъ Іоганнъ, прусскіе принцы Августъ и Адальбертъ и мн. др.). Государь оставался здѣсь болѣе двухъ недѣль, съ 17 августа по 4 сентября, и выѣхалъ отсюда, въ сопровожденіи наслѣдника, въ Николаевъ и Одессу, а отсюда уже и съ императрицею въ Севастополь. Осмотрѣвъ черноморскій флотъ (13 сентября), государь посѣтилъ Бахчисарай и Симферополь и проѣхалъ отсюда черезъ Артекъ и Массандру по южному берегу до Алупки. Оставивъ императрицу въ Алупкѣ, Николай Павловичъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ посѣтилъ Анапу, Геленджикъ и Керчь и отсюда уже одинъ двинулся на Кавказъ. Главною цѣлью поѣздки на Кавказъ было посѣщеніе Грузіи и Арменіи и осмотръ закавказскихъ укрѣпленій. Путь государя шелъ на Редутъ-Кале, куда онъ прибылъ 27 сентября, Поти и Кутаисъ, гдѣ ему былъ устроенъ торжественный пріемъ князьями и дворянами Имеретіи. Отсюда государь проѣхалъ на Ахалцыхъ, Гумры (переименованныя имъ въ Александрополь), посѣтилъ Эчміадзинскій монастырь и Эривань, гдѣ принялъ наслѣдника персидскаго трона семилѣтняго принца Валіята, и двинулся отсюда въ обратный путь на Тифлисъ, куда и прибылъ 8 октября. Въ мѣстномъ управленіи, ревизуемомъ въ это время сенаторомъ Ганомъ, государь открылъ большіе недостатки и злоупотребленія и нѣкоторыхъ лицъ изъ высшей администраціи тутъ же подвергъ строгой карѣ. Съ зятя главноуправляющаго въ то время краемъ бар. Розена, князя Дадіани, флигель-адъютанта государя, Николай Павловичъ во время развода велѣлъ сорвать аксельбанты и отправить его прямо съ плацъ-парада въ Бобруйскую крѣпость для преданія военному суду. Вообще свое впечатлѣніе отъ посѣщенія Закавказья государь, въ разговорѣ съ Бенкендорфомъ, выразилъ такъ: «Не могу иначе изобразить Вамъ радушіе сдѣланнаго мнѣ пріема, какъ сравнивъ его со встрѣчами, дѣлаемыми мнѣ здѣсь въ Москвѣ, и нельзя не дивиться, какъ

чувства народной преданности къ лицу монарха не изгладились отъ того сквернаго управленія, какое, сознаюсь къ моему стыду, такъ долго тяготѣетъ надъ этимъ краемъ». Покинувъ 12 октября Тифлисъ, Государь-Императоръ проѣхалъ на Владикавказъ, Пятигорскъ, Георгіевскъ и Ставрополь въ Аксайскую станицу, куда прибылъ 19 октября, и гдѣ его снова встрѣтилъ наслѣдникъ цесаревичъ, какъ атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ. 21 октября былъ торжественный въѣздъ государя и наслѣдника въ столицу земли войска Донского Новочеркасскъ, а 23 высокіе путешественники выѣхали уже въ Воронежъ. 26 октября государь съ наслѣдникомъ прибыли въ Москву, гдѣ оставались шесть недѣль. Къ 10 декабря Государь-Императоръ вернулся въ Царское Село. Обычнымъ спутникомъ государя во всѣхъ его поѣздкахъ былъ гр. А. А. Бенкендорфъ, ѣхавшій обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ въ его коляскѣ. Въ 1837 г. Бенкендорфъ былъ боленъ, и въ только что описанномъ путешествіи государя сопровождалъ гр. А. Ѳ. Орловъ, который съ этого времени и начинаетъ постепенно заслонять своего предшественника.

Съ конца тридцатыхъ годовъ въ жизни императора Николая Павловича можно отмѣтить нѣкоторый переломъ, отчасти вызванный новыми затрудненіями и въ области внѣшнихъ отношеній, и въ дѣлахъ внутреннихъ. Затрудненія на Востокѣ разсматриваются теперь императоромъ Николаемъ Павловичемъ прежде всего въ связи съ первыми признаками новаго начинающагося революціоннаго броженія въ Европѣ. Его главными заботами дѣлается отнынѣ охраненіе началъ Священнаго Союза, зданіе котораго—окончательно, казалось, возстановленное соглашеніями 1833—1835 г.,—теперь снова начинаетъ колебаться. Изолировать Францію, этотъ очагъ революціонныхъ потрясеній, становится главною цѣлью политики государя. Именно съ такой точки зрѣнія прежде всего разсматривалъ онъ и разгорѣвшееся къ 1839 г. второе возстаніе египетскаго паши, дѣйствительно поддержаннаго французскимъ правительствомъ. Политика Франціи встрѣтила противодѣйствіе со стороны Англіи и, пользуясь этимъ, императору Николаю Павловичу удалось поставить Францію въ изолированное положеніе. Этотъ результатъ былъ купленъ, однако, цѣною фактическаго отказа отъ ункіаръ-скелессійскаго договора: замѣнившая этотъ послѣдній лондонская конвенція, въ глазахъ самого императора, повидимому, не была такою блестящею дипломатическою побѣдою, какою ее считалъ Нессельроде. Къ тому же и самое соглашеніе Россіи, Австріи и Пруссіи съ Англіей по дѣламъ Востока было соглашеніемъ лишь по частному вопросу, въ которомъ менѣе всего можно было видѣть возвращеніе къ шомонскому соглашенію 1814 г., какъ того хотѣлъ бы Николай Павловичъ. А въ то же время общественное броженіе на Западѣ распространялось все шире и шире. Ото всѣхъ концовъ, изъ Италіи и изъ Франціи, изъ Испаніи и даже изъ Пруссіи, приходили постоянно дурныя вѣсти. Съ конца тридцатыхъ годовъ въ Краковѣ снова начало усиливаться польское національное движеніе, находившее отзвуки и въ русскихъ предѣлахъ: еще въ 1838 г. въ Вильнѣ былъ раскрытъ заговоръ Канарскаго, и происходили безпорядки въ Кіевскомъ университетѣ. Положеніе дѣлъ внутри государства становилось также все болѣе и болѣе затруднительнымъ; ряды лучшихъ сотрудниковъ императора Николая начинали постепенно рѣдѣть....

Здоровье самого государя, до этого времени вполнѣ удовлетворительное, начинаетъ теперь сдавать. Его личная жизнь была омрачена въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годомъ рядомъ горестныхъ и тревожныхъ событій. Еще въ 1836 г., 26 августа, во время поѣздки государя, по дорогѣ изъ Пензы въ Тамбовъ, около Чембара его коляска опрокинулась, и самъ онъ получилъ переломъ ключицы. Около двухъ недѣль, съ 26 августа по 9 сентября, онъ принужденъ былъ оставаться въ Чембарѣ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и двинулся въ дальнѣйшій обратный путь гораздо ранѣе, чѣмъ это позволяло, по мнѣнію докторовъ, состояніе его здоровья. По отзывамъ современниковъ, государь послѣ этого происшествія сталъ очень раздражителенъ. Съ этого времени, повидимому, начало падать его довѣріе къ его лейбъ-медику доктору Арендту и расти довѣріе къ доктору Мандту, пріѣхавшему около 1837 г. изъ-за границы, пользовавшему въ это время императрицу и назначенному лейбъ-медикомъ на мѣсто

Арендта въ 1839 г. Во время своей поѣздки въ слѣдующемъ году на Кавказъ Николай Павловичъ чувствовалъ себя точно также не вполнѣ хорошо и нѣсколько разъ недомогалъ. Вскорѣ послѣ его возвращенія на этотъ разъ въ Петербургъ, въ ночь съ 17-го на 18-е декабря, произошелъ извѣстный пожаръ Зимняго Дворца. Государь съ государынею были въ это время на представленіи въ Большомъ Театрѣ. Узнавъ о пожарѣ, государь поспѣшилъ во дворецъ и лично распоряжался спасеніемъ бумагъ и государственныхъ и личныхъ драгоцѣнностей. Тѣмъ не менѣе въ огнѣ погибло много, а тушеніе пожара стоило жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ солдатъ. Николай Павловичъ переѣхалъ послѣ пожара въ Аничкинскій дворецъ (или Аничкинскій домъ, какъ онъ его, обыкновенно, называлъ), гдѣ и оставался до начала 1839 г., пока не былъ отстроенъ Зимній. Государь былъ очень разстроенъ этимъ событіемъ и долгое время послѣ этого обнаруживалъ нервную боязнь при малѣйшемъ видѣ огня и запахѣ дыма.

Въ началѣ 1838 г. Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ супругою и наслѣдникомъ, отправлявшимся въ то время въ свое заграничное путешествіе, посѣтилъ Берлинъ, гдѣ пробылъ съ 7-го по 26-е мая. Дальнѣйшій маршрутъ наслѣдника-цесаревича начинался со Швеціи. Государь Императоръ пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы посѣтить лично шведскаго короля Карла-Іоанна, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ прибылъ 29 мая въ Стокгольмъ, гдѣ и оставался два дня. Отсюда онъ вернулся къ началу іюня въ Петербургъ, а наслѣдникъ двинулся въ свой дальнѣйшій путь, въ Данію. Здѣсь наслѣдникъ сильно простудился, а такъ какъ и безъ того его здоровье было въ это время неудовлетворительно (самое путешествіе его за границу имѣло отчасти цѣлью лѣченіе въ Эмсѣ), то это обстоятельство тѣмъ болѣе встревожило государя. Рѣшено было, что наслѣдникъ проведетъ зиму въ тепломъ климатѣ, въ Италіи. Чтобы повидать передъ этимъ своего сына, Николай Павловичъ въ этому году въ концѣ августа вторично ѣздилъ за границу. Въ началѣ 1840 г. ухудшилось здоровье императрицы, и въ маѣ мѣсяцѣ она точно также выѣхала за границу, въ Эмсъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ пришло извѣстіе объ опасной болѣзни прусскаго короля, и Николай Павловичъ выѣхалъ поспѣшно въ Берлинъ, гдѣ еще засталъ въ живыхъ своего тестя. Смерть Фридриха-Вильгельма (26 мая) глубоко огорчила государя. Въ то же время здоровье императрицы поправлялось медленно, и зима 1840—1841 гг. прошла для Николая Павловича въ тревогахъ и волненіи. Все это, между прочимъ, заставило нѣсколько отсрочить бракъ наслѣдника цесаревича съ гессенъ-дармштадтскою принцессою, рѣшенный еще съ начала 1839 г.: бракосочетаніе состоялось 16 апрѣля 1841 г. Приблизительно съ этого времени Государь-Императоръ сталъ постепенно привлекать своего будущаго преемника къ дѣлу управленія, чтобы этотъ послѣдній могъ «изучить свое царственное ремесло», какъ выражался Николай Павловичъ. Съ конца 1839 г. наслѣдникъ, по желанію государя, началъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, а съ конца 1840 г. и въ Комитетѣ Министровъ. Въ день бракосочетанія наслѣдника государь назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ августѣ 1841 г., въ виду отъѣзда государя на маневры въ Ковно и Варшаву, рескриптомъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта кн. Васильчикова, рѣшеніе по дѣламъ Комитета Министровъ, въ отсутствіе государя, возлагалось на наслѣдника цесаревича. Когда зимою 1845 г. государь отъѣзжалъ въ Палермо, наслѣдникъ былъ облеченъ такою властью, что за границу посылались лишь меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта и проекты высочайшихъ указовъ. Съ 1842 г. Николай Павловичъ постоянно назначалъ своего старшаго сына въ различные комитеты и, между прочимъ, въ секретные комитеты по крестьянскому вопросу.

Жизнь при Петербургскомъ дворѣ въ 1842 г. прошла тихо. Государь замѣтно избѣгалъ торжественныхъ пріемовъ и выходовъ. Въ августѣ 1843 г. Николай Павловичъ уѣхалъ въ Берлинъ для отдачи визита новому прусскому королю, бывшему въ 1841 и 1842 гг. въ Россіи. Передъ отъѣздомъ государь сказалъ военному министру кн. Чернышеву, указывая на наслѣдника: «Въ случаѣ, если я не возвращусь, вотъ вашъ командиръ». Было повелѣно въ отсутствіе государя «во всѣхъ непредвидимыхъ случаяхъ испрашивать

повелѣніе государя-наслѣдника». Лѣтомъ 1844 г., послѣ поѣздки государя въ маѣ мѣсяцѣ въ Англію, имѣвшей незначительные политическіе результаты, его семейная жизнь была омрачена смертью (29 іюня) его младшей дочери, вел. кн. Александры Николаевны, лишь незадолго до этого вступившей въ бракъ съ гессенъ-кассельскимъ принцемъ. Зиму 1844—1845 гг. Николай Павловичъ чувствовалъ себя нехорошо; у него болѣли ноги, и онъ опасался, что у него начинается водянка. Лѣтомъ 1845 г. снова ухудшилось и начало внушать сильныя опасенія здоровье императрицы. Было рѣшено, что ближайшую зиму она проведетъ въ Палермо. Въ августѣ государыня покинула Петербургъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 21 августа, и государь императоръ отправился въ южныя губерніи для осмотра войскъ въ Елизаветградъ и Чугуевъ. Онъ посѣтилъ на этотъ разъ Николаевъ и Севастополь, гдѣ свидѣлся съ пріѣхавшимъ изъ Тифлиса новымъ главноуправляющимъ Закавказскаго края, кн. М. С. Воронцовымъ. На обратномъ пути государь изъ Харькова 16 сентября отправился за границу, настигъ къ 5 октября императрицу въ Миланѣ и отсюда сопровождалъ ее въ Палермо. Къ 30 декабря Николай Павловичъ былъ уже въ Петербургѣ. Государыня вернулась лишь къ лѣту 1846 г. Тѣ разговоры, какіе на обратномъ пути изъ Палермо въ Вѣнѣ Николай Павловичъ имѣлъ съ кн. Меттернихомъ, обнаруживали въ немъ очень мрачный взглядъ на современное положеніе дѣлъ въ Германіи. «Пока живы Вы,—говорилъ онъ Меттерниху — государство продержится. Что будетъ, когда Васъ не станетъ?» Нѣсколько позднѣе въ разговорѣ съ датскимъ посланникомъ Плессеномъ онъ сказалъ: «autrefois nous étions trois, à présent nous sommes un et demi. Car la Prusse, je ne peux la compter, et l'Autriche ne compte au plus que pour demi».

Зиму 1846—1847 гг. Николаю Павловичу пришлось провести въ частыхъ разъѣздахъ, что, въ связи съ новыми огорченіями (смерть въ ноябрѣ дочери вел. кн. Михаила Павловича, великой княжны Маріи Михаиловны), не могло не отразиться на здоровьѣ государя. Онъ долженъ былъ оставить почти всѣ дѣла. Въ мартѣ 1847 г. государь страдалъ столь сильными головокруженіями и приливами крови, что не былъ въ состояніи принимать участіе въ выходѣ на Свѣтлое Воскресенье. Лѣтомъ здоровье государя нѣсколько поправилось, и осенью онъ могъ предпринять свою обычную поѣздку по Россіи, но къ декабрю наступило снова сильное ухудшеніе. Совершенно больной, утомленный пережитыми семейными невзгодами, преслѣдуемый мыслью о скоромъ концѣ, съ мрачными взглядами на будущее, встрѣтилъ императоръ Николай Павловичъ 1848 г.

Условія, въ какихъ протекала правительственная дѣятельность императора Николая съ конца тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, слагались точно также менѣе благопріятно, чѣмъ въ первыя пятнадцать лѣтъ его царствованія. Съ 1839 г. начали сходить въ могилу тѣ изъ его сподвижниковъ, черезъ которыхъ создавалась связь николаевскаго царствованія съ александровскою эпохою, и тѣ, которыхъ сближали съ государемъ пережитые вмѣстѣ трудные, но и полные преобразовательныхъ начинаній первые годы царствованія Николая Павловича. 11 февраля 1839 г. скончался Сперанскій. Государь былъ глубоко огорченъ этою потерею. «Сперанскаго,—сказалъ онъ по этому поводу бар. М. Корфу,—не всѣ понимали и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть больше всѣхъ, былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю исторіи 14 декабря! Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностью. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны—и клеветники умолкли. Единственный упрекъ, который могъ бы я ему сдѣлать, это чувство его къ покойному брату; но и тутъ, конечно....» «Государь—заноситъ въ свой дневникъ Корфъ—остановился, не окончивъ своей мысли». По распоряженію государя, бумаги Сперанскаго были запечатаны, а нѣсколько позднѣе для ихъ разбора была назначена коммиссія, въ которую вошли статсъ-секретари Дашковъ, Корфъ и Танѣевъ. Государь повелѣлъ при этомъ раздѣлить всѣ бумаги на три части: относящіяся ко времени до 1812 г.; бумаги, относящіяся

лично до государя и не касающіяся службы («эти особенно важны», добавилъ онъ при этомъ), и бумаги, касающіяся Государственнаго Совѣта, кодификаціи и проч. Мѣсто Сперанскаго по Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи занялъ тогдашній министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, а послѣ его смерти (въ ноябрѣ того же года)—Д. Н. Блудовъ. Еще за годъ до смерти Сперанскаго, 8 апрѣля 1838 г. скончался предсѣдатель Государственнаго Совѣта Н. Н. Новосильцевъ (къ смерти котораго Николай Павловичъ отнесся очень холодно). Преемникомъ Новосильцеву былъ назначенъ кн. Иллар. Вас. Васильчиковъ, принявшій это назначеніе по личному настоянію государя императора. Въ лицѣ кн. Васильчикова Николай Павловичъ имѣлъ искренне преданнаго ему сподвижника, ревностно отстаивавшаго, однако, въ то же время, во имя чести и славы самой верховной власти, достоинство и неприкосновенность Совѣта, какъ законосовѣщательнаго учрежденія. Въ этомъ отношеніи Васильчикову постоянно приходилось вступать въ пререканія и прямыя столкновенія съ попытками отдѣльныхъ министровъ итти въ обходъ Совѣта, къ чему особенно были склонны Чернышевъ, Канкринъ, нѣсколько позднѣе Перовскій и даже Киселевъ. Искренне благорасположенный къ Васильчикову, Николай Павловичъ иногда тяготился тою оппозиціею, какую онъ встрѣчалъ со стороны предсѣдателя Совѣта, и самъ лично предпочиталъ зачастую болѣе простой и быстрый способъ разрѣшенія того или другого вопроса. Это создавало холодность въ отношеніяхъ государя къ Государственному Совѣту, апатію среди членовъ этого послѣдняго.

Къ крестьянскому вопросу, составлявшему съ 1836 г., наряду съ вопросомъ о кодификаціи, предметъ главныхъ заботъ императора Николая, съ исхода тридцатыхъ годовъ присоединяется вопросъ объ упорядоченіи финансовъ. Отнесшись въ началѣ съ полнымъ одобреніемъ и довѣріемъ къ финансовой реформѣ Канкрина, государь вскорѣ началъ тяготиться политикою своего министра, находя ее черезъ-чуръ осторожной и въ то же время слишкомъ медленно приносящей свои результаты. Недовольство государя Канкринымъ стало сказываться уже къ 1840 г. Государственная роспись на этотъ годъ была составлена съ дефицитомъ до 21 мил. руб. Въ силу непреклонно выраженной воли государя Канкринъ долженъ былъ примириться съ назначеніемъ ему товарища въ лицѣ Вронченко. Послѣдующіе за этимъ годы Канкрину съ трудомъ удавалось проводить свою систему осторожной финансовой политики, въ особенности когда рѣчь заходила о новыхъ расходахъ на военныя нужды. 1-го мая 1844 г. Канкринъ получилъ «по неоднократнымъ его просьбамъ» увольненіе отъ званія министра финансовъ, и «статсъ-секретаремъ, управляющимъ министерствомъ финансовъ» былъ назначенъ только что названный Вронченко, человѣкъ, по отзыву кн. Васильчикова, «неукоризненной честности правилъ, но больше чиновникъ, чѣмъ человѣкъ способный къ государственному дѣлу».

Тяжелый въ семейной жизни государя Николая Павловича 1844 г. былъ ознаменованъ для него, кромѣ того, смертью двухъ его приближенныхъ: 11 сентября скончался долго пользовавшійся довѣріемъ государя, но въ послѣднее время потерявшій свое значеніе гр. А. Х. Бенкендорфъ; 22 ноября—кн. А. Н. Голицынъ. Составъ сподвижниковъ императора Николая Павловича постепенно мѣнялся. Послѣ смерти Сперанскаго и Голицына, послѣ отставки Канкрина изъ лицъ, раздѣлявшихъ съ государемъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ его заботы по внутреннему управленію и бывшихъ свидѣтелями его законодательныхъ начинаній, оставались лишь министръ государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселевъ, положеніе котораго съ 1844 г. становилось все труднѣе и труднѣе, да постоянные противники послѣдняго, по прежнему пользовавшіеся довѣріемъ у государя,—военный министръ кн. А. И. Чернышевъ и свѣтлѣйшій князь А. С. Меншиковъ. 21 февраля 1847 г. скончался кн. Васильчиковъ. Въ лицѣ его преемника, назначеннаго къ 1848 г. предсѣдательствующимъ Совѣта—гр. Левашева, Николай Павловичъ нашелъ болѣе безпрекословнаго исполнителя его повелѣній, въ глазахъ самого государя, однако, стоявшаго гораздо ниже, чѣмъ его предшественникъ. Въ 1841 г. послѣдовало назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Л. А. Перовскаго. Въ декабрѣ 1844 г. кавказскимъ намѣстникомъ и главнокомандую-

щимъ, послѣ цѣлаго ряда назначеній, не оправдавшихъ надеждъ государя, былъ назначенъ гр. М. С. Воронцовъ.

Мѣропріятія по внутреннему управленію (преимущественно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ).

Іюльская революція во Франціи и послѣдующія за этимъ событія 1830 и 1831 гг. оказали извѣстное вліяніе на внутреннюю политику николаевскаго царствованія. Потрясенія, переживаемыя въ это время Западною Европою, находившія отзвукъ и въ его собственномъ государствѣ, и сильное возбужденіе умовъ, были причиною того, что императоръ Николай Павловичъ выдвинулъ на первый планъ охраненіе основъ существующаго порядка. Россія, оплотъ охранительныхъ принциповъ въ международныхъ отношеніяхъ, сама по себѣ должна была являть, по его мнѣнію, всѣмъ своимъ бытіемъ полное и послѣдовательное доказательство незыблемости этихъ принциповъ. Полицейско-охранительныя и запретительныя мѣропріятія, вызывавшіяся въ первые годы исключительными условіями только что пережитыхъ событій, съ 1830 г. окончательно возводятся въ систему управленія. Послѣдовательно проводя начала охранительной политики, императоръ Николай I и послѣ 1830 г. никогда не отказывался отъ разрѣшенія назрѣвшихъ общественныхъ и государственныхъ нуждъ и вопросовъ. Ясно и отчетливо сознавая всю трудность положенія дѣлъ, имѣя передъ собою дилемму: или охраненіе основъ существующаго строя, или полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, императоръ Николай Павловичъ остановился на рѣшеніи—поддерживать сложившійся порядокъ, внося въ него частичныя поправки, не идущія въ разрѣзъ съ основными устоями, и разрѣшать очередные вопросы, не допуская при этомъ какихъ либо коренныхъ измѣненій. Мысль о пересмотрѣ всего государственнаго устройства и управленія, выразившаяся въ учрежденіи Комитета 6 декабря 1826 г., уступаетъ послѣ 1830 г. мѣсто отдѣльнымъ частичнымъ мѣропріятіямъ по различнымъ отраслямъ управленія, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ прерывающимся крупными государственными актами, вродѣ изданія Свода Законовъ или учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ. На первый планъ выдвигаются при этомъ вопросы матеріальнаго благосостоянія общества и связанныя съ этимъ задачи финансовой и экономической политики. Борьба съ нежелательными политическими идеями и охраненіе господствующаго православнаго исповѣданія, какъ основы существующаго государственнаго строя, идутъ рука объ руку съ широкимъ поощреніемъ умственной дѣятельности въ той сферѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ эта дѣятельность не соприкасалась съ областью религіи и политики. Наряду съ органами высшаго государственнаго управленія выступаетъ значеніе экстренныхъ учрежденій, создаваемыхъ ad hoc, секретныхъ комитетовъ, совѣщаній и т. п.. Законъ, не соотвѣтствующій требованіямъ жизни или видамъ правительства, не отмѣняется прямо, но измѣняется частично дальнѣйшими разъясненіями, дополненіями и отдѣльными распоряженіями.

Къ концу апрѣля 1830 г. закончились главныя работы Комитета 6 декабря 1826 г. Послѣ этого Комитетъ собирался всего лишь разъ въ іюлѣ 1830 г. и нѣсколько разъ въ декабрѣ 1831 г. и февралѣ и мартѣ 1832 г. по отдѣльнымъ вопросамъ. За время съ 1826 г. по 1830 г. Комитетомъ были выработаны проекты: учрежденія Государственнаго Совѣта; учрежденія Сената Правительствующаго и Судебнаго; общаго учрежденія Министровъ и учрежденія губернскаго управленія, и обсуждался вопросъ о Комитетѣ Министровъ. Одновременно съ выработкою и обсужденіемъ всѣхъ этихъ проектовъ въ Комитетѣ обсуждались вопросы, касающіеся положенія отдѣльныхъ сословій и былъ выработанъ проектъ «дополнительнаго закона о состояніяхъ». Всѣ работы Комитета сосредоточились, такимъ образомъ, около двухъ главныхъ пунктовъ: около вопроса о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, ихъ взаимоотношеніяхъ между собою и отношеніяхъ къ нимъ мѣстныхъ учрежденій, и около вопроса о государственныхъ состояніяхъ (сословіяхъ), отчасти въ связи съ вопросомъ о порядкѣ прохожденія государственной службы. Занятія Комитета живо интересовали государя. Журналы засѣданій Комитета шли къ нему на утвержденіе. Предположенія Комитета вызывали съ стороны государя замѣчанія; попутно имъ дѣлались соотвѣтствующія отдѣльныя распоряженія.

Останавливаясь на вопросѣ о высшихъ

государственныхъ учрежденіяхъ, Комитетъ обратилъ особое вниманіе на ненормальное положеніе Комитета Министровъ. Первоначально простое собраніе министровъ, въ коемъ докладывались Государю Императору дѣла, требовавшія совокупнаго сужденія, Комитетъ Министровъ превратился постепенно въ присутственное мѣсто безъ всякаго публичнаго акта, опредѣлявшаго его установленіе. Вслѣдствіе этого отдѣльные министры стали вносить однородныя дѣла то въ Комитетъ, то въ Сенатъ, то въ Государственный Совѣтъ. Занятія Комитета сдѣлались и судебными, и исполнительными, и совѣщательными; взаимоотношенія высшихъ государственныхъ учрежденій стали неопредѣленными. Выходъ изъ этого положенія Комитетъ 6 декабря видѣлъ вначалѣ въ совершенномъ упраздненіи Комитета Министровъ. Законосовѣщательныя функціи (къ которымъ относилось и разсмотрѣніе государственной росписи) возлагались имъ исключительно на Государственный Совѣтъ. Сенату, по мнѣнію Комитета, надлежало сообщить право «верховнаго подъ Державною властью судилища», назвавъ его Сенатомъ Судебнымъ. Правительственную часть Сената, входившую въ кругъ дѣйствія 1-го департамента и общаго собранія, отдѣлить совершенно и ввѣрить особому Правительствующему Сенату, составивъ его изъ главноначальствующихъ отдѣльныхъ частей управленія (т. е. министровъ) и другихъ лицъ, удостоенныхъ довѣріемъ государя. Для того чтобы не создать подчиненія Правительствующаго Сената равному ему учрежденію, т. е. Государственному Совѣту, Комитетъ предлагалъ учредить особое внѣ Сената присутствіе однихъ министровъ, подъ именемъ присутствія или Совѣта Министровъ, въ которомъ бы и обсуждались предположенія о новыхъ установленіяхъ и объ измѣненіи старыхъ до ихъ внесенія въ Государственный Совѣтъ. Одобривъ, въ общемъ, всѣ эти предположенія, Государь Императоръ относительно послѣдняго замѣтилъ, что подобное «совѣщаніе министровъ внѣ Сената.... можетъ постепенно и нечувствительно присвоить себѣ особенное мѣсто въ управленіи, подобно Комитету Министровъ», и что поэтому «для предупрежденія сего будетъ необходимо означить съ величайшею точностью, въ чемъ именно будутъ состоять права и обязанности сего министерскаго совѣщанія, и какія дѣла не должны никогда подлежать его вѣдѣнію». Мысль о Совѣтѣ Министровъ была послѣ этого оставлена Комитетомъ и выработанные имъ проекты были построены на намѣченномъ имъ разграниченіи вѣдомствъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

При разсмотрѣніи вопроса о мѣстномъ управленіи Комитетъ отнесся отрицательно къ мысли объ учрежденіи генералъ-губернаторствъ, какимъ было образованіе въ 1819 г. «губернскаго округа» изъ губерній Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской, ввѣреннаго ген.-ад. Ал. Дм. Балашову. Комитетъ находилъ возможнымъ лишь учрежденіе особыхъ правилъ для губерній столичныхъ и пограничныхъ. Эти мысли Комитета точно также получили Высочайшее одобреніе. Съ другой стороны, находя необходимымъ возстановленіе екатерининскихъ губернскихъ учрежденій, Комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигалъ мысль о перестройкѣ этихъ учрежденій на началахъ согласованія ихъ съ центральными учрежденіями въ томъ видѣ, въ какомъ теперь проектировались эти послѣднія, т. е. съ Министерствами, Правительствующимъ и Судебнымъ Сенатами. Эта мысль легла въ основу разсужденія объ учрежденіи губерній, составленнаго М. А. Балугьянскимъ и проекта учрежденія для управленія губерній, составленнаго Сперанскимъ.

«Проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ», изложенный въ формѣ манифеста, по обсужденіи его въ Комитетѣ, намѣчалъ слѣдующія измѣненія въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ о сословіяхъ. Дворянское званіе впредь могло быть получаемо только путемъ пожалованія, но не выслуги. Производство въ чины, независимо отъ должности, прекращалось, и опредѣленные чины нераздѣльно соединялись съ опредѣленными должностями. Полученіе извѣстнаго чина сообщало права тѣхъ высшихъ разрядовъ, на которые подраздѣлялось теперь «среднее состояніе». Такими подраздѣленіями были званія: чиновнаго гражданства; именитаго гражданства; почетнаго гражданства и мѣщанъ. Помимо рожденія, чиновное гражданство могло получаться достиженіемъ по службѣ оберъ-офицерскаго чина или чина VIII класса; именитое—по службѣ (достиженіемъ чина XII класса), а также отличіемъ въ на-

укахъ и изящныхъ художествахъ и отличіемъ въ торговлѣ и промышленности; почетное—вступленіемъ въ первую и вторую торговую гильдію и окончаніемъ курса Академіи Художествъ; сюда же, по особому Высочайшему указу, заносились ходатайствовавшіе о полученіи правъ гражданства иностранные ученые, художники и капиталисты. Въ отдѣлѣ о крестьянахъ проектъ дополнительнаго закона о состояніи вводилъ запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли, опредѣлялъ положеніе крестьянъ, отпущенныхъ на волю какъ безъ земли, такъ и по указу 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, распространяя на тѣхъ и другихъ право имѣть земельную собственность. Къ проекту закона о состояніи присоединялись проекты двухъ указовъ: 1. о дворовыхъ людяхъ,—устанавливающій рядъ ограничительныхъ мѣръ по владѣнію этимъ разрядомъ людей и запрещающій переводъ въ этотъ разрядъ крестьянъ, и 2. объ ограниченіи и раздробленіи недвижимыхъ населенныхъ имуществъ. Запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли и запрещеніе переводить ихъ въ разрядъ дворовыхъ было предуказано Комитету самимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ его собственноручной запискѣ (конецъ августа 1824 г.), которая и легла въ основу проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ.

Выработанные Комитетомъ проекты предполагалось вносить на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Въ дѣйствительности, дальнѣйшее движеніе получилъ лишь одинъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ и присоединенныхъ къ нему указовъ. 6 марта 1830 г. эти проекты были внесены въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и обсуждались до конца іюня т. г. Въ Государственномъ Совѣтѣ всѣ эти проекты встрѣтили рядъ сильныхъ возраженій, направленныхъ какъ противъ существа предполагаемыхъ измѣненій, такъ и противъ той торжественной формы манифеста, въ какую основной проектъ облекался. Такія же возраженія вызвалъ проектъ и со стороны цесаревича Константина Павловича. Представленныя имъ по этому поводу въ Государственный Совѣтъ двѣ записки имѣли, повидимому, рѣшающее значеніе. Проекты закона о состояніяхъ, равно какъ и всѣ другіе проекты Комитета 6 декабря 1826 г., въ цѣломъ никогда приведены въ исполненіе не были. Въ заключеніе своей первой записки по поводу проекта о состояніяхъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ высказывалъ убѣжденіе, «что гораздо надежнѣе можно избѣгнуть невѣрности послѣдствій закона особымъ разсмотрѣніемъ и приведеніемъ въ дѣйствіе всякаго порознь изъ главныхъ предметовъ». Противъ этого мѣста Государь Императоръ сдѣлалъ отмѣтку: «Мысль сія была и моя, но причины, по коимъ я согласился на предположеніе вмѣстѣ издать сіе, столь уважительны, что я долженъ былъ уступить общему мнѣнію». Не приведенные въ цѣломъ въ исполненіе, проекты Комитета 6 декабря нашли свое частичное осуществленіе, хотя и со значительными, порою, отступленіями отъ первоначальныхъ предположеній, въ послѣдующихъ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ николаевскаго царствованія.

Какихъ либо существенныхъ перемѣнъ въ положеніи высшихъ государственныхъ учрежденій — Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и Сената—за все царствованіе Николая I произведено не было. Зато ихъ сравнительное значеніе въ общемъ механизмѣ государственнаго управленія и отчасти ихъ взаимоотношенія между собою за это время на практикѣ значительно измѣнились сравнительно съ предшествующею эпохою. Особенно характернымъ для николаевскаго царствованія является то положеніе, какое создается теперь для двухъ первыхъ изъ этихъ учрежденій: Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта. Исключительныя событія 1830 и 1831 гг. усилили дѣятельность Комитета Министровъ, какъ учрежденія, наиболѣе близко стоящаго къ государю и его собственному руководству правительственными дѣлами, и это было, быть можетъ, одною изъ причинъ, почему предположенія объ упраздненіи Комитета и учрежденіи особаго Правительствующаго Сената осуществлены не были. Въ то же время компетенція Комитета Министровъ опредѣлилась точнѣе, и вторженіе Комитета Министровъ въ сферу дѣятельности Государственнаго Совѣта наблюдается теперь въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ александровское царствованіе. Это не повлекло, однако, за собою возвышенія значенія Государственнаго Совѣта. Практика предварительной разработки законопроектовъ въ отдѣльныхъ, спеціально для

даннаго вопроса назначаемыхъ секретныхъ комитетахъ и фактическое предварительное одобреніе ихъ государемъ зачастую сводило обсужденіе этихъ законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ къ простой формальности. Въ правительственныхъ сферахъ николаевскаго царствованія слагается какъ бы двѣ точки зрѣнія на Государственный Совѣтъ. Одна, по частному случаю, была формулирована министромъ финансовъ гр. Канкринымъ, находившимъ, что «Совѣтъ мѣсто совѣщательное, куда Государь посылаетъ только то, что самому ему разсудится». На противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ горячій защитникъ значенія Государственнаго Совѣта, его предсѣдатель (1838—1847) кн. Илар. Вас. Васильчиковъ, не разъ указывавшій самому Николаю Павловичу, что Государь непремѣнно долженъ спрашивать мнѣніе Совѣта, «потому что Совѣтъ для того и существуетъ; или надо его уничтожить, или охранять тотъ законъ, который сами Вы для него издали». Лично Николай Павловичъ скорѣе склонялся къ первой точкѣ зрѣнія. Передавая тотъ или другой законопроектъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта, онъ иногда выражалъ надежду, «что не послѣдуетъ въ Совѣтѣ невыгода излишнихъ преній» (резолюція государя на внесеніе въ Совѣтъ въ 1844 г. проекта указа о дворовыхъ). Иногда передача того или другого проекта въ Совѣтъ сопровождалась собственноручной запиской государя: «Желательно мнѣ, чтобы принято было.....» и дальше излагалась та или другая редакція законопроекта, подлежащаго обсужденію (при обсужденіи въ 1839 г. вопроса о мѣрахъ къ поднятію курса бумажныхъ денегъ). Въ виду такого формальнаго значенія обсужденія законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, согласіе государя большею частью было на сторонѣ мнѣнія большинства членовъ Совѣта.

Такой практикѣ соотвѣтствовали и тѣ, правда, немногія и къ тому же лишь частичныя измѣненія, какія были произведены въ николаевское царствованіе въ самомъ устройствѣ Государственнаго Совѣта. Вслѣдъ за преобразованіемъ въ 1826 г. Коммиссіи составленія законовъ во II Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ 1835 году послѣдовало дальнѣйшее измѣненіе состава Государственнаго Совѣта: Комиссія Прошеній поступила также въ непосредственное вѣдѣніе Государя Императора. Учрежденный въ 1832 г. при Государственномъ Совѣтѣ особый департаментъ дѣлъ Царства Польскаго былъ точно также поставленъ въ болѣе непосредственное вѣдѣніе самого государя: руководство въ департаментѣ принадлежало одному изъ его членовъ, по высочайшему назначенію, безъ участія государственнаго секретаря; въ общее собраніе Совѣта дѣла изъ этого департамента вносились лишь по особому высочайшему повелѣнію; до 1837 г. журналы департамента въ подлинникѣ представлялись Государю Императору. Въ 1836 г. послѣдовало существенное ограниченіе вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Государственнаго Совѣта: въ изданномъ въ этомъ году новомъ Учрежденіи Военнаго Министерства было постановлено, чтобы всѣ предположенія по военной части, поскольку они не имѣютъ никакой связи съ прочими частями государственнаго управленія, представлялись непосредственно отъ Военнаго Совѣта на Высочайшее воззрѣніе. 15-го апрѣля 1842 г. было издано новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи. По существу это Учрежденіе не внесло въ устройство Государственнаго Совѣта ничего новаго. Установленная первоначальнымъ Учрежденіемъ (1810 г.) Совѣта формула высочайшаго утвержденія: «внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта...», продержалася на практикѣ очень недолго; внесенная въ Сводъ Законовъ 1833 г., въ Учрежденіи 1842 г. она уже исчезаетъ.

Въ области Государственнаго Контроля въ 1836 г. получила окончательное устройство утвержденная еще въ 1823 г. система генеральной отчетности. Дѣятельность контроля ограничивалась ревизіею общихъ отчетовъ министерскихъ департаментовъ и главныхъ управленій, не касаясь провѣрки всѣхъ счетовъ и приходо-расходныхъ книгъ, но зато должна была распространяться на всѣ отрасли управленія. Предусматривалась, однако, возможность освобожденія особыми узаконеніями и высочайшими повелѣніями отъ отчетности Государственному Контролю отдѣльныхъ мѣстъ и учрежденій.

Въ системѣ министерскаго управленія въ николаевское царствованіе точно также не было произведено какихъ либо корен-

ныхъ преобразованій. Наиболѣе крупнымъ измѣненіемъ въ составѣ министерствъ, кромѣ упомянутаго выше учрежденія Министерства Двора и отдѣленія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Главнаго Управленія Иностранныхъ Исповѣданій, было образованіе въ 1832 г. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и учрежденіе къ 1838 г. Министерства Государственныхъ Имуществъ. Преобразованіе внутренняго устройства отдѣльныхъ министерствъ (съ 1832 по 1846 гг. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1836—Военнаго Министерства) преслѣдовало цѣли введенія большаго единообразія въ порядкѣ управленія, уничтоженіе остатковъ коллегіальности и усиленія единоличной власти министра. Характерною чертою высшей администраціи николаевскаго времени было, съ другой стороны возникновеніе отдѣльныхъ частей и управленій, не входящихъ въ составъ министерствъ и находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи Государя Императора. Наиболѣе крупнымъ фактомъ въ этомъ отношеніи былъ и послѣ 1830 г. продолжающійся ростъ значенія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ 1836 г. учреждается пятое (временное) отдѣленіе этой Канцеляріи, изъ котораго черезъ два года возникаетъ самостоятельное Министерство Государственныхъ Имуществъ. Въ 1843 г. для устройства Закавказскаго края создается шестое (временное) отдѣленіе этой Канцеляріи. Во Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи сосредоточивались въ это время, какъ было уже отмѣчено выше, и всѣ почти кодификаціонныя работы—наиболѣе крупное явленіе николаевскаго царствованія.

Къ 1830 г. относится начало изданія кодификаціонныхъ работъ этого Отдѣленія. Такими работами были: 1-е и 2-е Полное Собраніе Законовъ, Сводъ Законовъ изд 1833 г. и его второе изданіе 1842 г., Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., нѣкоторые своды постановленій по отдѣльнымъ частямъ и рядъ сводовъ мѣстныхъ постановленій.

По мысли Сперанскаго, высказанной имъ въ его запискѣ, представленной императору Николаю еще до учрежденія Второго Отдѣленія, задача предполагаемыхъ кодификаціонныхъ работъ должна была состоять: 1) въ скорѣйшемъ изданіи свода законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, полицейскихъ и хозяйственныхъ; 2) въ изданіи учебной книги законовъ судебныхъ; 3) въ изданіи полнаго собранія законовъ въ хронологическомъ порядкѣ; 4) въ составленіи уложеній гражданскаго и уголовнаго; Императоръ не вполнѣ согласился съ этими мыслями и пожелалъ, чтобы сперва былъ сдѣланъ сводъ законовъ, а составленіе уложеній до поры до времени было бы отложено. Эти пожеланія легли въ основу работъ вновь учрежденнаго Второго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, и Сперанскимъ былъ такъ намѣченъ планъ работъ этого отдѣленія въ составленномъ имъ «Наставленіи II-му отдѣленію...» «Двѣ главныя работы составляютъ настоящій предметъ II-го отдѣленія: 1) Составленіе сводовъ на законы земскіе; 2) Изданіе всѣхъ вообще законовъ, доселѣ состоявшихся, въ видѣ полнаго собранія, по порядку времени». Приступивъ къ своимъ занятіямъ, II Отдѣленіе начало одновременно работы по собранію и изданію законовъ, а также и по составленію подготовительныхъ сводовъ. Въ основу собранія законовъ было положено—раздѣлить все собраніе на двѣ эпохи: отъ Уложенія царя Алексѣя до 12 декабря 1825 г. (день изданія перваго Манифеста о вступленіи на престолъ Императора Николая I) и съ 12 дек. 1825 г. до даннаго времени, продолжая затѣмъ ежегоднымъ изданіемъ законовъ минувшаго года. Такъ намѣтилось изданіе 1-го и 2-го Полнаго Собранія законовъ.

Къ работамъ по Первому Собранію было приступлено 25 апрѣля 1826 г. Для его составленія были предприняты значительныя архивныя разысканія, въ результатѣ чего число указовъ, полученныхъ II Отдѣленіемъ отъ бывшей Комиссіи составленія законовъ (18.025), возросло до 30.920. Старательно разыскивая указы, Сперанскій обратилъ вниманіе, чтобы сюда вошли также трактаты съ иностранными державами, а также чертежи, рисунки и планы, относящіеся къ различнымъ узаконеніямъ. При изданіи было принято за правило: вносить всѣ постановленія, исходящія къ исполненію отъ верховной власти и отъ учрежденныхъ ею мѣстъ и постановленій, не исключая и утратившихъ силу; вносить судебныя рѣшенія, получившія затѣмъ значеніе общихъ образцовъ; не помѣщать указовъ, назначенныхъ въ свое время къ уничтоженію и отобранію, если затѣмъ

они не были возстановлены; въ послѣднемъ случаѣ помѣчать какъ указы, ихъ отмѣнившіе, такъ и снова возстановившіе. На основаніи послѣдняго, по особому каждый разъ Высочайшему повелѣнію, въ 1-е полное собраніе не вошли: формула присяги 21 февраля 1730 г., манифесты 5 и 17 октября 1740 г., манифестъ (проектированный) 6 іюля 1762 года и нѣкот. др. Къ 15 марта 1829 г. было напечатано четыре первыхъ тома, къ 1 апрѣля 1830 г. всѣ 45 томовъ (въ 48 книгахъ) 1-го Полнаго Собранія Законовъ. Немедленно послѣ этого было приступлено къ изданію 2-го Полнаго Собранія, весь матеріалъ для котораго (по 1-е января 1830 г.) къ концу 1830 г. былъ уже собранъ. По представленію Сперанскаго, удостоившемуся Высочайшаго утвержденія, во 2-е Полное Собраніе впервые была внесена аккерманская конвенція 1826 г., въ свое время лишь сообщенная нашимъ миссіямъ при иностранныхъ дворахъ и обнародованная въ пограничныхъ съ Турціей областяхъ, но зато не были внесены многіе отдѣльные акты, а также всѣ постановленія, рескрипты и повелѣнія съ помѣтою: сообщить оныя куда слѣдуетъ письменно или безъ огласки. Къ 1832 г. было издано 6 томовъ (въ 8 книгахъ) 2-го Полнаго Собранія, заключавшихъ въ себѣ 5.073 указа.

Одновременно съ этимъ шли работы по изданію Свода Законовъ. Какого либо предварительнаго общаго плана работъ въ письменномъ видѣ не сохранилось. Самый матеріалъ въ Сводѣ былъ расположенъ по слѣдующимъ категоріямъ: 1) законы, опредѣляющіе союзъ государственный: а) порядокъ, коимъ верховная власть образуется и дѣйствуетъ; б) органы дѣйствія этой власти; в) силы, предназначаемыя для сего дѣйствія (повинности и уставы казеннаго управленія), г) участіе подданныхъ въ составѣ этихъ органовъ и силъ (законы о состояніяхъ); 2) законы, опредѣляющіе союзъ гражданскій: а) отношенія семейственныя и имущественныя и гражданское судопроизводство; б) порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особомъ ихъ отношенія къ государственному и частному кредиту, торговли и промышленности; 3) уставы благочинія и уголовные. Предварительно изготовлялись историческіе своды по главнымъ предметамъ законодательства, изъ которыхъ устранялось лишь все недѣйствующее. Историческіе своды были составлены не ко всѣмъ частямъ законодательства. Къ іюню 1827 г. эта работа въ значительной степени была уже закончена. Съ августа 1826 г. было приступлено къ составленію частей догматическаго свода въ значительной степени на основаніяхъ историческихъ. Здѣсь уже исключались повторенія, сокращалось многословіе и изъ нѣсколькихъ противорѣчащихъ законовъ выбирался позднѣйшій безъ его принципіальной оцѣнки. 23 апрѣля 1828 г. былъ составленъ комитетъ для провѣрки Свода, куда вошли сенаторы Болгарскій и Челищевъ, одинъ изъ оберъ-прокуроровъ сената, одинъ изъ директоровъ департамента Министерства Юстиціи, одинъ юрисконсультъ и одинъ оберъ-секретарь по назначенію министра юстиціи. По случайнымъ причинамъ занятія этого комитета начались лишь въ августѣ 1829 г. Одновременно съ этимъ отдѣльныя части сводовъ разсылались по соотвѣтствующимъ Министерствамъ для ихъ предварительнаго обозрѣнія. Всѣ эти предварительныя работы были закончены къ 1830 г., и тогда было приступлено къ печатанію Свода. Предѣльною датою для него было взято начало 1832 г. Къ концу 1832 г. были закончены печатаніемъ всѣ 15 томовъ Свода, и 19 января 1833 г. онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Императоръ Николай I самъ открылъ это засѣданіе рѣчью, которая въ бумагахъ Сперанскаго приводится такъ.

«Его Величество изъяснилъ Совѣту, что при самомъ восшествіи на престолъ онъ счелъ долгомъ обратить вниманіе на разныя части управленія, о коихъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Первый предметъ, къ коему Государь Императоръ *по важности онаго* устремилъ все свое вниманіе, было правосудіе, составляющее, такъ сказать, первую надобность всякаго государства. Его Величество съ самой молодости своей слышалъ о недостаткахъ у насъ въ ономъ, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о неимѣніи полныхъ законовъ или о смѣшеніи оныхъ, отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко одинъ другому противорѣчащихъ. Сіе побудило Государя Императора съ первыхъ дней правленія Его разсмотрѣть, въ какомъ состояніи находится коммиссія, для составленія законовъ учрежденная. Къ сожалѣнію, представлен-

ныя свѣдѣнія удостовѣрили Его Величество, что труды коммиссіи сей не имѣли никакихъ послѣдствій. Не трудно было открыть, что сіе главнѣйше происходило отъ того, что всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, а не къ соглашенію на твердыхъ началахъ старыхъ. Посему Государь Императоръ признать за благо изволилъ прежде всего опредѣлить, къ чему по законодательству правительство должно направлять свои виды, и вслѣдствіе сего Его Величество обратиться изволилъ къ началамъ, противоположнымъ тѣмъ, коими коммиссіи, для составленія законовъ доселѣ учреждаемыя, руководствовались, то есть, чтобы не созидать новыхъ законовъ, но привести въ порядокъ старые. Соотвѣтственно сему положено было раздѣлить труды на 3 разныя и постепенныя дѣйствія, а именно: 1) обозрѣть то, что нынѣ существуетъ, т. е. собрать всѣ указы и привесть оные въ хронологическій порядокъ. *Сіе исполнено и напечатано 48 томовъ собранія указовъ, которое въ присутствіи Совѣта находится*; 2) составить изъ всѣхъ многочисленныхъ указовъ своды тѣхъ узаконеній, которыя дѣйствительно силу нынѣ имѣютъ. *Сіе второе предположеніе Его Величества исполнено нынѣ по Высочайшему повелѣнію* и внесенъ въ Государственный Совѣтъ сводъ законовъ; 3) по окончаніи второй части работы, когда сдѣлается извѣстнымъ, что мы имѣемъ и въ чемъ могутъ состоять недостатки наши, приступить къ усовершенствованію и дополненію законовъ. Симъ Государь Императоръ занимался, симъ занимается нынѣ и впредь непрестанно заниматься будетъ, и Государственный Совѣтъ, доселѣ всякій годъ, разсматривалъ многія постановленія, всегда ту цѣль имѣвшія, чтобы исправлять открывающіеся въ узаконеніяхъ нашихъ недостатки, нужными поясненіями и дополненіями. Въ семъ состояли Его распоряженія, и Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи, замѣнившему собою коммиссію составленія законовъ, предоставлено было исполненіе начертаннаго плана.

Но прежде, нежели Государь Императоръ предложить изволитъ цѣль настоящаго созыва Государственнаго Совѣта, Его Величество призналъ за благо упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Въ Сводѣ помѣщены, по собственному Его Величества повелѣнію, основные законы, собственно до него и до Августѣйшаго Дома Его относящіеся. Всѣмъ извѣстны разныя превращенія, въ наслѣдствѣ престола происходившія. Блаженной памяти Императоръ, Родитель Его, установилъ первый на твердыхъ основаніяхъ права наслѣдія и издалъ учрежденіе объ Императорской Фамиліи, которое Онъ, такъ сказать, освятилъ, положивъ на Престолъ въ Успенскомъ Соборѣ. Такъ императоръ Александръ I дополнилъ постановленія сіи, когда великій князь Константинъ Павловичъ сочетался бракомъ съ княгиней Ловичъ. Такъ Самъ Государь Императоръ дополнилъ узаконенія сіи постановленіемъ о правителѣ государства. Акты, кои также освящены тѣмъ, что тамъ же, гдѣ и первые Императора Павла I, находятся. Государь Императоръ счелъ нужнымъ сіи основные законы, впрочемъ, уже давно изданные и всѣмъ извѣстные, соединить нынѣ вмѣстѣ».

Послѣ этого Государь Императоръ предложилъ Государственному Совѣту на разсмотрѣніе слѣд. вопросы: 1) Признать ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, такъ чтобы текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ? 2) Признать ли статьи Свода закономъ дѣйствующимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановить, чтобъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ можно было обращаться къ самому тексту закона и въ немъ искать разрѣшенія? 3) Признать ли прежній текстъ закона единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ рѣшенія, а статьи Свода считать ли токмо средствомъ совѣщательнымъ къ пріисканію ихъ и познанію ихъ смысла? 4) Признать ли въ теченіе нѣкотораго времени текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію, какъ онъ признается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи Свода, имъ соотвѣтствующія?

19 членовъ Совѣта подали голосъ за первое рѣшеніе; 13, и въ томъ числѣ Сперанскій—за второе. Постановлено было: 1) Сводъ Законовъ издать нынѣ же и разослать во всѣ присутственныя мѣста. 2) При семъ изданіи объявить, что Сводъ содержитъ одни дѣйствующія только нынѣ узаконенія, и что черезъ два года, т. е. съ 1-го января 1835 года, получитъ онъ исключительную силу закона. 3) Министру юсти-

ціи составить положеніе, какимъ образомъ учреждена быть можетъ, на основаніи предыдущихъ статей, негласная ревизія въ удостовѣреніе: не откроется ли при производствѣ дѣлъ противорѣчій или неясности въ Сводѣ Законовъ, или же пропусковъ, изъясненія и дополненія требующихъ. 4. Департаменту законовъ предоставить разсмотрѣть совмѣстно съ министромъ юстиціи какъ упомянутый проектъ положенія для предполагаемой ревизіи, такъ и проектъ манифеста, при коемъ Сводъ Законовъ имѣетъ быть изданъ, и заключеніе департамента законовъ внести на уваженіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Это постановленіе было утверждено Государемъ Императоромъ. Обнародованный манифестъ о Сводѣ Законовъ помѣченъ 31 января 1833 г. Одновременно съ этимъ министру юстиціи Д. В. Дашкову было сообщено объ учрежденіи негласной ревизіи Свода для удостовѣренія: нѣтъ ли въ немъ противорѣчій или пропусковъ.

Изъ получившихся отсюда примѣчаній и изъ измѣненій по новымъ постановленіямъ возникали «Продолженія» Свода, которыя въ царствованіе Николая Павловича издавались ежегодно съ 1834 по 1839 г. включительно. Къ 1840 гр. Д. Н. Блудовъ представилъ соображенія о новомъ изданіи Свода и возбуждалъ вопросъ: издавать ли Сводъ въ прежней формѣ или въ формѣ Уложеній. Николай Павловичъ установилъ: «необходимо издать по-прежнему». Новое изданіе 1842 г. было лишь подновленіемъ стараго въ смыслѣ внесенія въ него позднѣйшихъ узаконеній (какъ общее правило, не позже 1 іюля 1842 г.); оно было обнародовано 4 марта 1843 г.

За труды по составленію Свода Законовъ Сперанскій былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, знаки котораго императоръ Николай, снявъ съ себя, самъ возложилъ на него въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 19 января.

Послѣ изданія (перваго) Свода Сперанскій считалъ благовременнымъ приступить къ его дальнѣйшему усовершенствованію, а для этого начать съ обозрѣнія главныхъ предметовъ и разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые, ранѣе начатые, остались неоконченными, но которые составляютъ самыя существенныя начала государственнаго управленія. Государь Императоръ приказалъ начать съ Уголовнаго Уложенія, что и было имъ возложено на Сперанскаго и министра юстиціи Д. В. Дашкова. Сперанскій скончался 11 февраля 1839 г. Незадолго до смерти онъ былъ возведенъ государемъ въ графское достоинство. 26 ноября т. г. послѣдовала смерть Дашкова, и дѣло изданія Уголовнаго Уложенія перешло въ руки гр. Д. Н. Блудова. Для приведенія этого дѣла въ исполненіе Блудовымъ была намѣчена очень широкая программа: рѣшено было выбрать и систематизировать всѣ узаконенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ изъ Полнаго Собранія Законовъ и Свода; сдѣлать извлеченія изъ замѣчаній на XV томъ Свода (законы уголовные); сочинить историческое обозрѣніе русскаго уголовнаго права; составить за нѣсколько лѣтъ табель уголовныхъ дѣяній; составить сравнительное обозрѣніе многихъ западно-европейскихъ кодексовъ и проектовъ кодексовъ. Императоръ Николай Павловичъ одобрилъ эту программу, но установилъ: 1) не созидать новаго уложенія, а только привести въ надлежащее между собою соглашеніе разнородныя части онаго на одинакихъ началахъ и въ одномъ духѣ; 2) устранить всякую неточность выраженій и самихъ положеній; 3) сдѣлать всѣ требуемыя временемъ и указанныя опытомъ дополненія. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ было утверждено 15 августа 1845 г.

Наконецъ, одновременно съ изданіемъ Свода и Уголовнаго Уложенія въ николаевское царствованіе былъ изданъ цѣлый рядъ собраній и сводовъ узаконеній по отдѣльнымъ частямъ, а также предпринимались работы по кодификаціи мѣстнаго права. Всѣ эти изданія и работы, въ большинствѣ случаевъ, выходили точно также изъ Второго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. 25 іюня 1839 г. былъ изданъ сводъ военныхъ постановленій, составленный по плану ген.-маіора Дм. Ив. Ахшарумова подъ руководствомъ Сперанскаго. Тотчасъ послѣ этого было приступлено къ работамъ по изданію военно-уголовнаго устава. Въ 1845 г. эти работы замедлились изданіемъ Уголовнаго Уложенія и не были доведены до конца въ царствованіе Николая I. Въ 1837 г. былъ изданъ составленный Сибирскимъ Комитетомъ «Сводъ степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири». Послѣ закрытія Комитета (1838 г.) это изда-

ніе было пересмотрѣно II Отдѣленіемъ, дополнено примѣчаніями и историческимъ обозрѣніемъ и снова издано въ 1841 г. 7-го октября 1848 г. былъ изданъ общій счетный уставъ, а 15 іюня 1851 г.— уставъ о земскихъ повинностяхъ. Съ 1836 г. были начаты работы по «Полному собранію духовныхъ узаконеній въ Россіи со временъ учрежденія Святѣйшаго Синода», но самое изданіе этого Собранія, по Высочайшему повелѣнію, было отложено. Къ изданію «Собранія Морскихъ узаконеній», «Свода уголовныхъ морскихъ законовъ» и «Морского Устава» (см. ниже) II Отдѣленіе отношенія не имѣло.

Вскорѣ послѣ учрежденія Второго Отдѣленія были затребованы свѣдѣнія о работахъ мѣстныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ свое время въ губерніяхъ, присоединенныхъ въ XVIII в. отъ Польши, и въ Малороссіи. Работы эти оказались весьма незначительны, а мѣстами комитеты не были даже еще и открыты. Въ виду этого 26 марта 1830 г. было постановлено эти комитеты закрыть, а ихъ работы передать во Второе Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи. Для работъ по Своду для западныхъ губерній на польскомъ языкѣ былъ приглашенъ проф. Харьковскаго университета И. Н. Даниловичъ, а работы на русскомъ языкѣ были поручены чиновнику II Отдѣленія А. Д. Илличевскому. Ихъ работы въ 1836 г. подверглись ревизіи въ особомъ комитетѣ, составленномъ, подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго, изъ представителей дворянства западныхъ губерній, назначенныхъ мѣстными властями. Поправки, внесенныя этимъ комитетомъ, были направлены въ сторону проведенія большаго различія между бывшими литовскими землями (Сѣвер.-Запад. край) и бывшими землями польской короны (Юго-Запад. край), и въ сторону большаго согласованія мѣстнаго свода съ общимъ. Въ слѣдующемъ 1834 г. проектъ свода подвергся второй ревизіи со стороны представителей Министерства Юстиціи и самихъ его составителей съ цѣлью практическаго его согласованія съ дѣлопроизводствомъ въ Сенатѣ и въ губернскихъ учрежденіяхъ. Проектъ свода мѣстныхъ законовъ для западныхъ губерній встрѣтилъ, однако, возраженія, по соображеніямъ политическаго характера, со стороны вновь назначеннаго генералъ-губернатора Юго-Западнаго края Бибикова (см. выше). Это поставило на очередь противоположный вопросъ—о полной отмѣнѣ Литовскаго статута, до этого времени отмѣненнаго (въ 1834 г.) лишь въ Бѣлоруссіи. Этотъ вопросъ обсуждался въ 1839 г. въ «западномъ комитетѣ». 25 іюня 1840 г. послѣдовала отмѣна литовскаго статута во всемъ Западномъ краѣ (губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Минская, Виленская и Гродненская и область Бѣлостокская), а 4 марта 1843 г. въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Вопросъ объ особомъ сводѣ для всѣхъ этихъ губерній тѣмъ самымъ окончательно отпадалъ. Въ 1845 г. были изданы два тома (а въ 1854 г. третій) свода мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ 1826 г. было переведено на русскій языкъ шведское Уложеніе 1734 г., дѣйствовавшее въ Финляндіи. Въ 1835 г. въ Гельсингфорсѣ былъ учрежденъ кодификаціонный комитетъ финляндскихъ законовъ, которому было предписано сноситься по этому дѣлу со Сперанскимъ. Въ 1842 г. Блудовъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ и высказывалъ предположенія вести дѣло кодификаціи финляндскихъ законовъ по плану, принятому для кодификаціонныхъ работъ Имперіи. Эти предположенія встрѣтили возраженія со стороны особаго ревизіоннаго комитета, составленнаго изъ представителей отъ финляндскаго сената, что было поддержано также финляндскимъ генералъ-губернаторомъ свѣтл. кн. Меньшиковымъ. Въ 1846 г. было повелѣно возвратить въ кодификаціонную коммисію всѣ матеріалы для свода финляндскихъ законовъ и приступить къ собранію въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ постановленій, измѣняющихъ или дополняющихъ Уложеніе 1734 г. Этотъ трудъ и долженъ былъ лечь въ основу будущаго Свода финляндскихъ законовъ. Къ концу николаевскаго царствованія такое изданіе было уже подготовлено къ печати.

Труды по кодификаціи мѣстнаго права на Кавказѣ и въ Закавказьѣ въ царствованіе Николая I тѣснѣе связываются съ его общею политикою на этой окраинѣ, гдѣ и должны быть отмѣчены.

Кодификаціонныя работы николаевскаго царствованія имѣли и огромное чисто научное значеніе — для разработки вопросовъ русской исторической науки и ис-

торіи русскаго права. Не говоря уже о Полномъ Собраніи Законовъ и о Сводѣ, здѣсь долженъ быть отмѣченъ цѣлый рядъ изданій, попутно съ этимъ возникшихъ, какъ напр., изданіе разрядныхъ книгъ, статейныхъ списковъ (съ 1474 г.), дворцовыхъ разрядовъ (съ 1612 г.), журналовъ Петра Великаго и камеръ-фурьерскихъ журналовъ (съ 1734 г.)

Возвращаясь къ обзору государственныхъ учрежденій и переходя теперь къ мѣстнымъ учрежденіямъ, надо отмѣтить, что вопросъ о мѣстномъ управленіи и о большемъ согласованіи его съ центральнымъ въ гораздо бо́льшей степени обращалъ на себя вниманіе правительства въ николаевское царствованіе, чѣмъ вопросъ о преобразованіи самихъ центральныхъ учрежденій. Исходнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ стало то несоотвѣтствіе, какое послѣ учрежденія министерствъ создалось между екатерининскими губернскими учрежденіями и новыми органами центральнаго управленія и какое указывалось еще Комитетомъ 1826 г. Съ учрежденіемъ министерствъ въ центрѣ восторжествовало раздѣленіе вѣдомствъ; въ областномъ управленіи губернское правленіе являлось органомъ смѣшаннаго управленія; въ центрѣ было проведено единоличное начало; въ областномъ управленіи сохранялъ свое значеніе коллегіальный принципъ. Послѣ учрежденія министерствъ губернаторы были подчинены Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а губернскія правленія попрежнему подчинялись непосредственно Сенату. Попытка созданія намѣстничествъ съ генералъ-губернаторами, какъ министерскимъ управленіемъ, во главѣ, предпринятая во вторую половину александровскаго царствованія, должна была еще болѣе усложнить отношенія между центральными учрежденіями и областными. Эта попытка была осуждена Комитетомъ 1826 г., какъ неудачная. Мысли по этому поводу Комитета, тогда же одобренныя Николаемъ Павловичемъ, послѣ 1830 г. были положены въ основу правительственныхъ взглядовъ, что и привело къ реформѣ мѣстнаго управленія въ 1837 г. Должность генералъ-губернаторовъ, какъ постоянный и повсемѣстный институтъ, уничтожалась и оставлялась лишь на окраинахъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ по соображеніямъ политическаго характера. Значеніе губернаторской власти, одновременно съ этимъ, усилилось. По наказу губернаторамъ 3 іюня 1837 г. губернаторъ является непосредственнымъ начальникомъ ввѣренной ему губерніи, которому подчинены всѣ мѣстныя учрежденія и который заботится о благосостояніи и о благѣ всѣхъ жителей управляемаго имъ края. Въ то же время онъ исполнитель и оберегатель законовъ, и, какъ таковой, не въ правѣ дѣлать новыхъ постановленій, учреждать новыхъ налоговъ, измѣнять судебныхъ приговоровъ и т. п., но долженъ стоять на стражѣ соблюденія законовъ, защищать притѣсненныхъ, предавать нарушителей долга суду. Онъ управлялъ теперь независимо отъ мнѣнія губернскаго правленія, и власть его надъ послѣднимъ увеличивалась. Изъ коллегіально-совѣщательнаго органа губернское правленіе превращалось въ органъ исполнительный. Въ помощь губернатору опредѣлялся вице-губернаторъ, предсѣдательствующій въ его отсутствіе въ губернскомъ правленіи (прежніе вице-губернаторы были переименованы въ предсѣдателей казенныхъ палатъ). Подчиненное губернатору, губернское правленіе черезъ него было подчинено теперь министру внутреннихъ дѣлъ. Одновременно съ этимъ была произведена соотвѣтствующая реформа земской или уѣздной полиціи. Завѣдываніе полиціею въ уѣздѣ попрежнему возлагалось на нижніе земскіе суды, членами которыхъ были земскій исправникъ съ званіемъ предсѣдателя, старшій или непремѣнный засѣдатель и еще нѣсколько засѣдателей отъ дворянъ и отъ поселянъ. Земскій исправникъ и непремѣнный засѣдатель избирались дворянами, сельскіе—казенными крестьянами и вольными хлѣбопашцами; они должны были постоянно присутствовать въ нижнемъ земскомъ судѣ. Остальные засѣдатели назначались губернаторомъ и завѣдывали отдѣльными станами, на которые разбивался уѣздъ, и назывались становыми приставами. Земскій исправникъ (какъ и остававшійся по положенію 1775 г. въ городѣ городничій) былъ подчиненъ губернатору. За два года до этого, въ 1835 г. были значительно увеличены штаты губернскаго правленія, земской и городской полиціи.

Реформа 1837 г. вскорѣ обнаружила свои недостатки. Губернаторъ и губернскія правленія оказались перегруженными возложенными на нихъ обязанностями. Въ на-

чалѣ сороковыхъ годовъ министръ внутреннихъ дѣлъ (1814—1852 гг.) гр. Левъ Алекс. Перовскій предложилъ проектъ, по которому фактическое предсѣдательство въ губернскомъ правленіи возлагалось на вице-губернатора, а всѣ дѣла губернскаго правленія раздѣлялись: на распорядительныя, по которымъ требовалось обсужденіе и рѣшеніе съ утвержденія губернатора, и — исполнительныя, которыя рѣшались прямо вице-губернаторомъ и даже совѣтниками правленія, каждымъ по ихъ отдѣленію. Новый порядокъ долженъ былъ создать для губернатора «свободное время для важнѣйшихъ занятій» и поднять значеніе губернскаго правленія. Проектъ Перовскаго былъ утвержденъ 2 января 1845 г. и тогда же въ видѣ опыта распространенъ на всѣ губерніи Имперіи, кромѣ азіатскихъ, сибирскихъ, Бессарабской и Кавказской области, земель казачьихъ войскъ и кочевыхъ инородцевъ (съ небольшими измѣненіями оно было окончательно утверждено въ 1852 г. и тогда же распространено и на Остзейскія губерніи). Тогда же Министерство Внутреннихъ Дѣлъ собрало черезъ губернаторовъ, предводителей дворянства и жандармскихъ офицеровъ свѣдѣнія о земской полиціи и поставило на очередь вопросъ объ ея реформѣ, не получившій однако, разрѣшенія въ царствованіе императора Николая Павловича.

Другимъ вопросомъ въ сферѣ мѣстнаго управленія, выдвинутымъ въ это царствованіе, былъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ. Въ 1827, 1842 и 1847 гг. были учреждаемы по этому вопросу особые комитеты. Самое понятіе *земскихъ* повинностей въ это время еще недостаточно установилось: подъ этимъ терминомъ понимались—то удовлетвореніе чисто мѣстныхъ нуждъ мѣстными средствами, то удовлетвореніе мѣстными средствами нуждъ общегосударственныхъ. Отдѣльныя учрежденія, создававшіяся въ николаевское царствованіе для отправленія этихъ повинностей, отражаютъ еще на себѣ эту двойственность понятія, но постепенно отводятъ все болѣе и болѣе мѣста удовлетворенію нуждъ мѣстнаго благоустройства. Въ этихъ учрежденіяхъ постепенно находитъ себѣ мѣсто, хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, наряду съ элементомъ бюрократическимъ и элементъ выборный. Въ 1833 г., въ связи съ раздѣленіемъ дорогъ на пять классовъ, были учреждены дорожныя губернскія и уѣздныя комиссіи, вѣдавшія земскія повинности по содержанію дорогъ всѣхъ классовъ, кромѣ перваго, подчиненнаго Главному Управленію Путей Сообщенія. Въ составъ первыхъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входили: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, управляющій удѣльною конторою и губернскій землемѣръ; въ составъ вторыхъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства или уѣзднаго судьи,—городничій, земскій исправникъ и уѣздный землемѣръ. Въ 1848 г. эти комиссіи сливаются съ строительными комиссіями Главнаго Управленія Путей Сообщенія. Въ 1834 г. было пересмотрѣно и измѣнено положеніе 1822 г. о губернскихъ комиссіяхъ народнаго продовольствія, но составъ этихъ комиссій остался тотъ же, что и въ 1822 г. Въ томъ же 1834 г. былъ учрежденъ вспомогательный земскій капиталъ для пособія губерніямъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Для его составленія были обложены особымъ сборомъ на шесть лѣтъ податныя сословія и купцы всѣхъ трехъ гильдій. Наконецъ, въ 1851 г. были изданы общія правила о земскихъ повинностяхъ, выработанныя во Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. По этимъ правиламъ опредѣлялись различныя категоріи земскихъ повинностей. Эти повинности дѣлились: на *денежныя*, подраздѣлявшіяся на общія (для удовлетворенія всѣхъ частей имперіи) и мѣстныя (для пользы одной или нѣсколькихъ губерній), и на *натуральныя*, подраздѣлявшіяся на общія (отправляемыя всѣмъ населѣніемъ губерніи) и частныя (отнесенныя на каждый городъ или селеніе особо), а также на постоянныя и временныя. Дѣла о земскихъ повинностяхъ были сосредоточены въ Министерствѣ Финансовъ, а для разрѣшенія возникавшихъ недоразумѣній учреждалось особое совѣщательное присутствіе четырехъ министровъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ. Въ губерніяхъ учреждались комитеты о земскихъ повинностяхъ, въ которые входили какъ мѣстныя власти, такъ и представители отъ сословій: предводители и депутаты дворянства, губернскіе городскіе головы и депутаты отъ городовъ не губернскихъ. Эти комитеты завѣдывали лишь составле-

ніемъ смѣтъ и раскладокъ повинностей на три года, которыя затѣмъ сводились въ общую табель и роспись для всей имперіи Министерствомъ Финансовъ, и, по разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ, утверждались Государемъ Императоромъ. Исполнительная власть по земскимъ повинностямъ на мѣстахъ оставалась за мѣстными полицейскими органами.

Мысли и работы Комитета 6 декабря 1826 г. отразились отчасти и на сословномъ законодательствѣ николаевскаго царствованія. Само по себѣ это законодательство занимаетъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ исторіи русскаго сословнаго строя, какъ попытка примирить исторически развившійся въ теченіе XVIII вѣка сословно-крѣпостной укладъ съ тѣми новыми условіями и требованіями жизни, изъ которыхъ выростали понятія гражданскаго личнаго полноправія, а также ввести въ этотъ укладъ новый соціальный элементъ—многосословное городское общество, объединенное болѣе сложными задачами городского хозяйства и управленія.

Въ частности, законодательство николаевскаго царствованія о дворянствѣ отражаетъ на себѣ вполнѣ опредѣленные взгляды Николая Павловича на это сословіе, какъ на сословіе государственной службы по преимуществу. Вполнѣ опредѣленно стремленіе повысить матеріальный и имущественный уровень этого сословія и придать ему больше замкнутости, но не въ цѣляхъ развитія въ немъ сословно-корпоративнаго духа, а прежде всего въ видахъ государственной службы. Дворянское дѣло есть преимущественно служба—эта мысль послѣдовательно проводится николаевскимъ законодательствомъ: въ послѣдній разъ звучатъ здѣсь традиціи обязательной государственной службы. Наряду съ этимъ не менѣе опредѣленно и послѣдовательно сказывается недовѣрчивое отношеніе къ дворянской сословной независимости; это приводитъ, однако, не къ упраздненію дворянскаго корпоративнаго устройства, но къ стремленію урегулировать его правительственными мѣропріятіями въ правительственныхъ же видахъ и использовать дворянскую выборную службу, какъ особый видъ службы государственной.

Наиболѣе крупною мѣрою Николаевскаго законодательства о дворянствѣ было положеніе о дворянскихъ обществахъ 6 декабря 1831 г., законъ о порядкѣ дворянскихъ собраній, выборовъ и службы по онымъ. Поводомъ къ его изданію явилась полная неупорядоченность дворянскихъ собраній, обратившая на себя вниманіе правительства уже въ концѣ царствованія Александра I. Законъ 6 декабря возникъ изъ проекта, выработаннаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и внесеннаго въ Комитетъ 6 декабря 1826 г., обсуждавшагося здѣсь одновременно съ проектомъ самого Комитета о состояніяхъ и въ концѣ концовъ значительно измѣненнаго. Вскорѣ послѣ своего обнародованія, при внесеніи въ Сводъ Законовъ, положеніе 6 декабря 1831 г. подверглось новымъ, хотя и незначительнымъ, поправкамъ.

Существенное значеніе новаго закона сводилось къ слѣдующему. Положеніе 1831 г. точнѣе опредѣляло составъ дворянскихъ собраній и повышало имущественный цензъ, дающій право участія въ этихъ собраніяхъ. Правомъ голоса на собраніяхъ пользовались одни потомственные дворяне не моложе 21 года, данной губерніи или уѣзда, безукоризненнаго поведенія, имѣющіе здѣсь недвижимую собственность, получившіе по крайней мѣрѣ чинъ 14 класса на дѣйствительной службѣ, или прослужившіе 3 года по дворянскимъ выборамъ, или получившіе на службѣ русскій орденъ. Избирательнымъ голосомъ пользовались лишь тѣ, кто имѣлъ не менѣе 100 душъ крестьянъ и не менѣе 3000 десятинъ земли въ одной губерніи (съ 1836 г. этотъ цензъ былъ пониженъ для получившихъ на службѣ чинъ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника—до 5 душъ и 150 десятинъ земли). Дворяне, вообще имѣвшіе не менѣе 5 душъ и 150 десятинъ, участвовали въ выборахъ черезъ уполномоченныхъ, складываясь до полнаго ценза. Участіе въ собраніяхъ для тѣхъ лицъ, кто имѣлъ на это право, являлось обязанностью. Положеніе 1831 г. проводило строгое различіе между дворянскими собраніями уѣздными и губернскими; обыкновенными,—собиравшимися разъ въ три года, и чрезвычайными,—созывавшимися по мѣрѣ надобности. Предметами занятій дворянскихъ собраній, по положенію 1831 г., являлись: 1. Выборы должностныхъ лицъ, теперь точно опредѣленные. 2. Дворянскія денежныя складки. 3. Представленія начальству о нуждахъ

и пользахъ; по положенію 1831 г. это право было расширено: дворянскія представленія могли теперь указывать на злоупотребленія и неудобства въ мѣстномъ управленіи и проистекающія изъ общихъ постановленій. Съ другой стороны, дворянскія общества считались теперь подъ началомъ у Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отмѣненное въ 1797 г. право дворянскихъ собраній — дѣлать представленія черезъ своихъ депутатовъ Сенату—въ 1831 г. возстановлено не было. Обыкновенныя уѣздныя собранія могли заниматься только: 1) подготовкою къ губернскимъ выборамъ и 2) провѣркою мѣстныхъ дворянскихъ суммъ. Контроль надъ дворянскими собраніями мѣстной правительственной власти, въ лицѣ губернатора, по положенію 1831 г., значительно усиливался.

Служба по дворянскимъ выборамъ, въ смыслѣ прохожденія и полученія чиновъ и наградъ, по положенію 1831 г. окончательно приравнивалась къ государственной. Должность губернскаго предводителя считалась въ 4-мъ классѣ; уѣзднаго—въ 6-мъ. Увеличивалось число должностей по общему губернскому управленію, избираемыхъ дворянами. Они избирали теперь не только членовъ, но и предсѣдателей обѣихъ судебныхъ палатъ, а также почетнаго попечителя мѣстной гимназіи. Позднѣе, какъ было указано выше, ихъ представители появляются въ различныхъ хозяйственныхъ губернскихъ комиссіяхъ, а съ сороковыхъ годовъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ различныхъ губернскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Съ другой стороны, разрастается число общеадминистративныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на предводителей дворянства, главнымъ образомъ полицейскаго характера. Только въ 1850 г. предводители были освобождены отъ многихъ изъ этихъ обязанностей.

Дальнѣйшее законодательство николаевскаго царствованія о дворянствѣ въ значительной степени являлось какъ бы логическимъ развитіемъ тѣхъ началъ, какими было проникнуто положеніе 1831 г. Здѣсь прежде всего надо отмѣтить мѣры, ограничивающія доступъ въ дворянство и способы его полученія. Манифестомъ 11 іюня 1845 г. потомственное дворянство получалось по службѣ пріобрѣтеніемъ перваго штабъ-офицерскаго чина на военной службѣ или чина 5 класса на гражданской. Первый оберъ-офицерскій чинъ или чинъ 9 класса давали лишь личное дворянство; чинъ 14 класса—лишь личное почетное гражданство (о почетномъ гражданствѣ см. ниже). Полученіе ордена для лицъ всѣхъ званій, кромѣ купечества, духовенства римско-католическаго исповѣданія и чиновъ башкирскаго войска, съ 1839 г. давало право лишь личнаго дворянства.

Съ другой стороны, замѣтны заботы объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія дворянъ. Въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ неимущіе дворяне надѣлялись казенными землями, на правахъ ограниченной собственности, съ пособіемъ отъ казны. Еще въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г. возбуждался вопросъ объ учрежденіи майоратовъ. Въ видѣ общей мѣры это осуществлено не было, но съ 1831 г., по просьбѣ дворянъ, учреждается цѣлый рядъ отдѣльныхъ майоратовъ (гр. Строгоновой въ 1831 г., кн. Голицыныхъ въ 1833 и 1834 г.г., гр. Бенкендорфа въ 1837 и 1844 г.г., кн. Витгенштейна въ 1845 г., кн. Паскевича-Эриванскаго въ 1847 и 1849 г.г. и др.) Въ 1845 г. было издано общее положеніе о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. Заповѣдныя имѣнія учреждались или по волѣ самого владѣльца, или по Высочайшему повелѣнію при самомъ пожалованіи имѣнія. Заповѣдное имѣніе должно было заключать въ себѣ не менѣе 400 и не болѣе 4.000 крестьянскихъ дворовъ или не менѣе 10.000 и не болѣе 100.000 дес. удобной земли; оно должно было приносить не менѣе 12.000 и не болѣе 200.000 р. с. годового дохода. Заповѣдное имѣніе объявлялось собственностью рода и могло быть завѣщаемо лишь законному потомству по нисходящей линіи съ правомъ первородства и съ предпочтеніемъ мужского колѣна женскому.

Одновременно съ этимъ проявляются заботы и о поднятіи духовнаго уровня дворянства. Въ 1843 г. было положено дѣтей бѣдныхъ дворянъ отдавать для обученія въ батальоны военныхъ кантонистовъ, а съ 1852 г. и въ аудиторское училище. Въ мѣропріятіяхъ по народному образованію въ николаевское царствованіе одною изъ характерныхъ чертъ является, какъ будетъ отмѣчено ниже, широкое развитіе спеціально дворянскихъ учебныхъ заведеній. Отсюда вытекало и сокращеніе для дворянъ сроковъ службы для производства въ чины. Еще въ 1829 г. срокъ службы для производства въ офи-

церы вольноопредѣляющихся былъ установленъ: для дворянъ 4-хъ-лѣтній, для другихъ сословій — отъ 6 до 12 лѣтъ. Съ 1830 г., послѣ устройства кадетскихъ корпусовъ, дворяне одно время выпускались изъ корпусовъ черезъ дворянскій полкъ прямо офицерами. Съ другой стороны, однако, самая служба дворянъ была болѣе строго регламентирована. Такъ, въ 1837 г. послѣдовало запрещеніе (повторенное въ 1840) принимать дворянъ въ центральныя учрежденія ранѣе извѣстнаго срока службы въ мѣстныхъ.

Всѣ эти преимущества для дворянъ въ николаевское царствованіе вытекали изъ одного стремленія—устроить дворянство, какъ классъ, предназначенный, главнымъ образомъ, для государственной службы. Видя въ дворянахъ прежде всего чиновниковъ и, въ силу этого, заботясь прежде всего и о матеріальномъ благосостояніи этого класса, и объ его благородствѣ, и о чистотѣ его состава, правительство въ николаевское царствованіе не могло не обратить вниманія на возможность такихъ злоупотребленій со стороны дворянъ ихъ положеніемъ, которыя могли бы ронять достоинство всего дворянства, какъ государственнаго сословія. Закономъ 1829 г., наказомъ гражданскимъ губернаторамъ и отдѣльными позднѣйшими указами были подробно установлены правила о наложеніи на дворянъ опеки за злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, чѣмъ значительно дополнялся и точнѣе опредѣлялся законъ объ опекахъ 1817 г. Крѣпостное право, вообще, во многихъ отношеніяхъ въ николаевское царствованіе ограничивается. Эти ограниченія вытекали, однако, не столько изъ тѣхъ или другихъ взглядовъ на дворянство, сколько изъ тѣхъ взглядовъ на само крѣпостное право, которые къ этому времени складываются и въ обществѣ, и въ правительствѣ, и изъ того, какъ смотрѣлъ на крѣпостное право самъ государь Николай Павловичъ и какъ онъ относился къ мысли о возможности его уничтоженія.

— —

Ко времени вступленія на престолъ императора Николая вполнѣ уже выяснилась и несовмѣстимость крѣпостного права съ понятіемъ гражданскаго полноправія, и меньшая продуктивность крѣпостного труда сравнительно съ трудомъ свободнымъ. Въ александровское царствованіе выдвинулся на первую очередь вопросъ о личной крѣпостной зависимости крестьянъ, и вниманіе правительства было направлено, главнымъ образомъ, на возстановленіе личныхъ гражданскихъ правъ крестьянина и на борьбу съ практиковавшейся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ продажею крестьянъ безъ земли. Такая постановка вопроса выдвигала, въ свою очередь, вопросъ о дворовыхъ. Самъ по себѣ, однако, крестьянскій вопросъ въ александровское царствованіе не обращалъ еще въ достаточной степени на себя вниманія правительства и отступалъ на задній планъ передъ вопросомъ о государственныхъ преобразованіяхъ. Правительственная точка зрѣнія на преимущество того или другого вида освобожденія до конца александровскаго царствованія точно также оставалась недостаточно выясненной, и вопросъ о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею не могъ считаться еще окончательно рѣшеннымъ. Только въ концѣ александровскаго царствованія и при томъ, однако, не въ правительственныхъ сферахъ, но въ общественномъ мнѣніи, крестьянскій вопросъ окончательно выдвигается на первую очередь и разрѣшается преимущественно въ формѣ освобожденія крестьянъ съ землею. Лично императоръ Николай Павловичъ относился къ крѣпостному праву вполнѣ отрицательно, вынеся такое отношеніе къ нему какъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе развивалъ передъ нимъ на этотъ счетъ его воспитатель академикъ Шторхъ, такъ и изъ непосредственныхъ столкновеній съ дѣйствительностью, въ качествѣ начальника войсковыхъ частей и въ качествѣ сторонняго наблюдателя во время своихъ поѣздокъ по Россіи. Знакомство съ дѣломъ декабристовъ должно было уяснить ему многія частности этого вопроса и укрѣпило его въ убѣжденіи, что въ этомъ вопросѣ правительство встрѣтитъ сочувствіе въ нѣкоторой части общества. Въ николаевское царствованіе крестьянскій вопросъ окончательно выдвигается на первую очередь, но результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи, не соотвѣтствовали затраченнымъ усиліямъ.

Причина этого крылась прежде всего во взглядахъ самого государя, сознававшаго весь вредъ крѣпостного права, но не считавшаго возможнымъ, по соображеніямъ

политическаго характера, принимать въ данномъ случаѣ какія либо рѣшительныя мѣры, такъ какъ это было бы началомъ крушенія того порядка, который онъ считалъ себя призваннымъ охранять. Избравши, въ силу этого, въ крестьянскомъ вопросѣ путь частичныхъ поправокъ и измѣненій, императоръ Николай Павловичъ не находилъ, въ то же время, и достаточной поддержки въ этомъ дѣлѣ со стороны его окружавшихъ, и при томъ даже наиболѣе близкихъ къ нему лицъ. Исключеніе составляли весьма немногіе, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ гр. П. Д. Киселевъ, привлеченіе коего къ крестьянскому вопросу (съ 1836 г.) составляетъ въ этомъ отношеніи эпоху. Быть можетъ, самому государю Киселевъ уяснилъ многія ускользавшія до этого времени отъ его вниманія стороны дѣла. Наконецъ, малоуспѣшность предпринимаемыхъ въ николаевское царствованіе мѣръ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса объясняется и тѣмъ способомъ веденія дѣла, какой въ данномъ случаѣ былъ избранъ. Недовѣрчиво относясь вообще къ общественному мнѣнію и къ общественной инициативѣ, а въ сущности также не довѣряя и государственнымъ учрежденіямъ, императоръ Николай Павловичъ избралъ въ данномъ случаѣ излюбленный имъ способъ веденія дѣла—въ секретныхъ комитетахъ. Крестьянскій вопросъ разрѣшался при немъ чисто бюрократическимъ путемъ, оставаясь запретною тайною для общества, совершенно изъятый со страницъ печати. Небогатыя практическими результатами, мѣропріятія николаевскаго царствованія по крестьянскому вопросу имѣли зато огромное принципіальное значеніе: они способствовали уясненію многихъ основныхъ сторонъ этого вопроса и не только выяснили необходимость немедленнаго освобожденія, какъ общей государственной мѣры, но и опредѣлили тѣ формы, въ какихъ это освобожденіе должно было совершиться.

Уже въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г., какъ было указано выше, обсуждался крестьянскій вопросъ, при чемъ самая постановка его въ данномъ случаѣ цѣликомъ вытекала изъ постановки этого вопроса въ александровское царствованіе: выработанный Комитетомъ дополнительный законъ о состояніяхъ затрагивалъ вопросъ о продажѣ крестьянъ безъ земли, о правѣ крестьянъ на земельную собственность и о дворовыхъ и не ставилъ въ общей формѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ. Отмѣченныя выше правительственныя мѣры, одновременно съ этимъ предпринятыя, точно также отличались частичнымъ характеромъ. Послѣ прекращенія работъ Комитета 6 декабря въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1833 и 1834 гг. снова обсуждался вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли. Разрѣшеніе вопроса въ общей формѣ было отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, а результатомъ обсужденій явился указъ 2 мая 1833 г. запрещавшій продажу людей съ публичнаго торга и продажу семействъ, враздробь, чѣмъ возстановлялись въ силѣ соотвѣтствующіе указы 1771 и 1798 гг. По этому указу: 1. запрещалось обезпечивать и удовлетворять частные долги крѣпостными людьми безъ земли; 2. предписывалось крестьянъ, подлежащихъ продажѣ по обязательствамъ, заключеннымъ до настоящаго указа, причислять къ казенному вѣдомству безъ раздробленія ихъ семействъ; 3. запрещалась продажа и уступка по дарственнымъ крестьянъ отдѣльно отъ семействъ какъ съ землею, такъ и безъ земли.

Въ мартѣ 1835 г. былъ учрежденъ «Секретный Комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій», въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ кн. Ил. Вас. Васильчикова, вошли: Сперанскій, Канкринъ, Дашковъ и вызванный передъ этимъ (май 1834 г.) въ Петербургъ П. Д. Киселевъ, управлявшій до этого Молдавіей и Валахіей, проведшій тамъ крестьянскую реформу и по всему своему складу мыслей являвшійся сторонникомъ наиболѣе широкаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Комитетъ долженъ былъ заняться вопросомъ о крестьянахъ въ Западномъ краю, въ конфискованныхъ тамъ послѣ польскаго возстанія имѣніяхъ, преобразовать управленіе казенными крестьянами и выработать мѣры для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти мѣры должны быть объединены однимъ общимъ началомъ и поставилъ себѣ цѣлью «установленіе для крестьянъ вѣрнаго и со всею осторожностью размѣреннаго перехода отъ одной степени на высшую, и, такъ сказать, нечувствительнаго возведенія ихъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы

въ той мѣрѣ, какую законъ справедливости и польза государственная допустить могутъ». Такими «тремя степенями состоянія крестьянъ всѣхъ наименованій, казенныхъ и помѣщичьихъ» Комитетъ считалъ: 1) состояніе крѣпостныхъ съ ограниченіемъ работы на владѣльца тремя днями на основаніи манифеста 1797 г.; 2) состояніе крестьянъ, обязанныхъ мѣрною работою: они остаются крѣпкими землѣ; 3) состояніе крестьянъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому и обрабатывающихъ помѣщичьи земли на основаніи заключаемыхъ договоровъ; такой порядокъ установленъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Комитетъ 1835 г. считалъ, что съ переходомъ всѣхъ крестьянъ на эту послѣднюю степень «исполнится желаніе правительства и удовлетворится потребность государственная для будущаго спокойствія и процвѣтанія Россіи»; онъ останавливался, такимъ образомъ, на безземельномъ освобожденіи.

Главная роль въ Комитетѣ 1835 г. принадлежала Сперанскому и Канкрину. Киселевъ въ этомъ комитетѣ видной роли не игралъ. Одновременно съ работами комитета, однако, съ Киселевымъ велъ оживленные разговоры по крестьянскому вопросу самъ Государь Императоръ. Еще въ 1834 г., тотчасъ послѣ возвращенія Киселева въ Петербургъ, государь обратилъ вниманіе на представленный Киселевымъ отчетъ объ управленіи Дунайскими княжествами и съ особымъ интересомъ отнесся къ тому, что было сдѣлано тамъ Киселевымъ по крестьянскому вопросу. Тогда же государь сказалъ ему, что они съ нимъ «займутся этимъ какъ нибудь», такъ какъ «мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ». Вскорѣ послѣ этого государь въ разговорѣ съ Киселевымъ снова вернулся къ этому вопросу и высказался еще опредѣленнѣе. Онъ признавалъ теперь «преобразованіе крѣпостного права, которое въ настоящемъ его положеніи оставаться не можетъ, необходимѣйшимъ». «Я,— продолжалъ государь,—говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на то, я учредилъ Комитетъ изъ 7 членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По твоему отчету о княжествахъ я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ этомъ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу». Тутъ же государь посвятилъ Киселева въ свое намѣреніе открыть для этой цѣли особое отдѣленіе при Собственной Его Величества Канцеляріи. Къ январю 1836 г. выяснилось, что работы Комитета врядъ ли приведутъ къ какимъ либо значительнымъ результатамъ, и тогда государь остановился на мысли выдѣлить изъ общаго вопроса вопросъ объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ и поручилъ это дѣло Киселеву. 29 апрѣля состоялись указы министру финансовъ и генералъ-адъютанту Киселеву объ учрежденіи Пятаго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи и о передачѣ въ это Отдѣленіе всѣхъ дѣлъ, относящихся до управленія казенными крестьянами, оброчными статьями и лѣсами Петербургской губерніи. Киселевъ сталъ съ этого времени, по выраженію самого Николая Павловича его «начальникомъ штаба по крестьянской части».

Всѣ дальнѣйшія мѣропріятія николаевскаго царствованія по крестьянскому вопросу шли въ двухъ направленіяхъ: устройство крестьянъ казенныхъ (государственныхъ) и упорядоченіе положенія крестьянъ частновладѣльческихъ. Казенные, или государственные крестьяне представляли къ этому времени очень пестрый по составу классъ населенія. Въ него входили: жившіе на сѣверѣ искони на государственной землѣ «черносошные» крестьяне, «однодворцы», «старыхъ службъ служилые люди» и другіе потомки мелкихъ служилыхъ людей Московскаго Государства на югѣ, при Петрѣ Великомъ записанные въ подушный окладъ, восточные инородцы, мелкіе разряды свободныхъ землевладѣльцевъ въ западныхъ при-

соединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, крестьяне церковные и монастырскіе (экономическіе), а послѣ закона 1803 г. и вольные хлѣбопашцы. Обложенные податью, по закону казенные крестьяне считались «свободнымъ сельскимъ сословіемъ» и пользовались личными и имущественными правами; на практикѣ правительство усвоило на нихъ взглядъ какъ на своихъ крѣпостныхъ: ихъ зачисляли въ военныя поселенія, переводили въ разрядъ удѣльныхъ, т. е. обращали въ крѣпостныхъ Императорскаго Дома и т. п. Казенныхъ крестьянъ въ 1833 г. исчислялось до $7^1/_2$ милл., что составляло около $^1/_3$ всего сельскаго населенія. Управленіе казенными крестьянами было совершенно неустроено: ихъ поселенія дѣлились на волости, и на выборныхъ («волостныя головы») были возложены сложныя полицейскія обязанности. Въ полицейскомъ отношеніи волость была подчинена нижнему земскому суду и земскому исправнику, въ хозяйственномъ—хозяйственному отдѣленію казенной палаты. Вѣдались казенные крестьяне въ Министерствѣ Финансовъ, которое усвоило на нихъ исключительно фискальную точку зрѣнія—какъ на одну изъ доходныхъ статей государственныхъ имуществъ. Управленіе государственными имуществами, съ другой стороны, само по себѣ оставалось до этого времени точно также крайне неупорядоченнымъ и запущеннымъ, и доходы съ этихъ имуществъ получались крайне незначительные. Вопросъ о необходимости упорядочить управленіе государственными имуществами, путемъ учрежденія особаго вѣдомства, не разъ возникалъ еще въ царствованіе Александра I. Онъ снова былъ поднятъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1834 г. Съ начала царствованія Николая I навстрѣчу этому идетъ другая мысль—о реформѣ въ управленіи казенными крестьянами, которое должно было теперь строиться не на фискальныхъ соображеніяхъ, но на началахъ попеченія о благосостояніи самихъ крестьянъ: улучшенія въ ихъ бытѣ и управленіи могли бы послужить въ такомъ случаѣ примѣромъ и для помѣщиковъ, которые, видя благіе результаты этихъ мѣръ, начнутъ улучшать, съ своей стороны, положеніе своихъ крѣпостныхъ. Такъ ставился вопросъ уже въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г. Нѣкоторыя частичныя мѣры въ этомъ направленіи предпринимались Министерствомъ Финансовъ въ 1834 г., а въ 1835 г. Канкринымъ былъ представленъ проектъ общаго преобразованія управленія казенными крестьянами, который и былъ переданъ въ учрежденный при этомъ вышеупомянутый секретный комитетъ. Разочарованіе государя въ работахъ Комитета 1835 г. и, съ другой стороны, незабытая мысль о необходимости упорядочить управленіе государственными имуществами и привели къ созданію V Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Поручивъ Киселеву устройство этого Отдѣленія, Николай Павловичъ не далъ ему при этомъ какой либо опредѣленной программы. Въ маѣ 1836 г., по мысли Киселева, была предпринята ревизія государственныхъ имуществъ въ четырехъ губерніяхъ: Псковской, Московской, Курской и Тамбовской, а въ августѣ того же года Киселевъ самъ объѣхалъ нѣкоторые уѣзды Петербургской губерніи, а потомъ Псковской, Московской и Курской. Результатомъ всего этого былъ докладъ Киселева (6-го октября т. г.) государю о положеніи казенныхъ крестьянъ, въ которомъ онъ приходилъ къ выводу о необходимости правильно устроить прежде всего администрацію государственныхъ имуществъ, и только затѣмъ уже начать думать объ улучшеніи хозяйственнаго быта крестьянъ. Первымъ шагомъ къ этому Киселевъ считалъ учрежденіе «особаго управленія государственными имуществами въ губерніяхъ». Государь на докладѣ написалъ: «переговоримъ» и только послѣ второго прочтенія доклада (23 ноября) разрѣшилъ Киселеву «распорядиться по его усмотрѣнію о введеніи управленія въ 4-хъ обревизованныхъ губерніяхъ». Высочайшимъ указомъ Сенату отъ 7 сентября 1837 г. послѣдовало отдѣленіе департамента государственныхъ имуществъ отъ Министерства Финансовъ и учрежденіе временнаго управленія этимъ департаментомъ, которое ввѣрялось особому совѣту, составленному изъ сенаторовъ Княжнина, Фролова и Кочубея. Совѣту присваивалась власть и отвѣтственность, лежащія на директорѣ департамента и на министрѣ; дѣла представлялись государю черезъ докладывающаго по дѣламъ V Отдѣленія. Къ ноябрю того же года Киселевымъ были представлены проекты: 1) учрежденій управленія государственными имуществами и крестьянами; 2) сель-

скаго полицейскаго устава; 3. сельскаго судебнаго устава, и 4. главныхъ основаній хозяйственнаго устава. Въ проектахъ Киселева финансовыя соображенія окончательно были отодвинуты на задній планъ и, въ противоположность этому, послѣдовательно проводилось начало попечительства. По Высочайшему повелѣнію эти проекты были переданы на предварительное разсмотрѣніе въ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли, подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, Сперанскій, Канкринъ и ст.-секр. Дашковъ. Въ декабрѣ 1837 г. проекты обсуждались въ Государственномъ Совѣтѣ, и 26 декабря этого года государемъ было утверждено учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, создававшагося «для управленія государственными имуществами, для попечительства надъ свободными сельскими обывателями и для завѣдыванія сельскимъ хозяйствомъ». Министромъ государственныхъ имуществъ былъ назначенъ Киселевъ. 30 апрѣля 1838 г. было утверждено положеніе объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ и сельскіе уставы: полицейскій и судебные. Въ первый годъ это управленіе было введено въ пяти губерніяхъ: Петербургской, Московской, Псковской, Курской и Тамбовской; въ 1839 г. оно было распространено на западныя губерніи, въ 1841 г.—на остзейскія. Къ 1842 г. послѣдовало его введеніе во всѣхъ губерніяхъ, а въ 1843 г.—его окончательное утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Въ губернскихъ городахъ учреждались палаты государственныхъ имуществъ, занимавшія мѣсто наряду съ другими губернскими палатами. Во главѣ палаты стоялъ управляющій государственными имуществами; изъ совѣтниковъ палатъ одинъ завѣдывалъ попечительствомъ надъ государственными крестьянами и вольными хлѣбопашцами и управленіемъ оброчными статьями и землями; другой—лѣсною частью (губернскій лѣсничій). Палата находилась подъ общимъ надзоромъ губернатора, но предметы управленія были точно распредѣлены: на требовавшіе утвержденія губернатора или министерства, и на рѣшавшіеся на основаніи собственнаго опредѣленія палаты. Вся губернія раздѣлялась на нѣсколько округовъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, то совпадавшихъ съ уѣздами, то охватывавшихъ нѣсколько уѣздовъ. Во главѣ округовъ были поставлены окружные начальники, имѣвшіе двухъ помощниковъ—одного по хозяйственной, другого—по лѣсной части. На окружныхъ начальниковъ было возложено—оберегать общество государственныхъ крестьянъ отъ притѣсненія земской полиціи; за послѣдней оставлялись лишь общеполицейскія распоряженія и производство слѣдствій. Это были высшіе распорядительные и попечительные органы бюрократическаго характера; низшая же администрація и хозяйственный распорядокъ сосредоточивались въ волостномъ управленіи, построенномъ на выборномъ началѣ. Волость включала въ себѣ нѣсколько сельскихъ обществъ государственныхъ крестьянъ, охватывая округъ радіусомъ до 10 верстъ съ населеніемъ (государственныхъ крестьянъ) до 6.000 душъ мужского пола. Во главѣ волости было поставлено избираемое на три года волостное правленіе, состоящее изъ волостного головы и двухъ засѣдателей—по полицейской и по хозяйственной части, и волостная расправа (судъ). Сельскіе уставы до мельчайшихъ подробностей опредѣляли полицейскія и хозяйственныя обязанности волостныхъ правленій и головъ. Аналогичное устройство имѣли сельскія общества, составлявшіяся изъ нѣсколькихъ селеній, расположенныхъ не далѣе 15 верстъ другъ отъ друга съ общею численностью до 15.000 душъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ проводился послѣдовательно взглядъ на государственныхъ крестьянъ, какъ на свободныхъ обывателей, сидящихъ на казенной землѣ, а не какъ на крѣпостныхъ. Императоръ Николай Павловичъ лично близко интересовался проведеніемъ въ жизнь реформы, и на первыхъ порахъ Киселевъ былъ обязанъ, независимо отъ личныхъ еженедѣльныхъ докладовъ, отъ времени до времени представлять государю промеморіи о дѣятельности новыхъ учрежденій. Въ особенности государя интересовалъ вопросъ о состояніи продовольственнаго дѣла въ государственныхъ селеніяхъ: въ 1839 г. всѣ распоряженія по устройству запасныхъ магазиновъ и по сбору хлѣба и выдачѣ хлѣбныхъ ссудъ были сосредоточены въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Введеніе новыхъ учрежденій позволило развить въ

послѣдующіе годы широкую попечительную дѣятельность о государственныхъ крестьянахъ. Заботы правительства были направлены на покупку въ казну помѣщичьихъ имѣній и, слѣдовательно, на обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свободныхъ сельскихъ обывателей (всего при Николаѣ I было куплено до 178 имѣній съ 54.349 душами крестьянъ); на реформу податей и повинностей въ смыслѣ большей соразмѣрности ихъ съ мѣстными хозяйственными условіями; на созданіе мелкаго кредита для крестьянъ (учрежденіе «вспомогательныхъ ссудъ», выдававшихъ ежегодно до 1.600 тысячъ руб.), на санитарную полицію, противопожарныя мѣры и т. п. Результаты реформы къ концу николаевскаго царствованія сказались въ повышеніи платежной способности государственныхъ крестьянъ, что было достигнуто безъ повышенія размѣра податей. За послѣднія 19 лѣтъ передъ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ съ государственныхъ крестьянъ должно было поступить 424 милліона рублей, а поступило всего 391 милліонъ, что составляло недоимку въ 7,7% всего оклада. За 19 лѣтъ со времени учрежденія Министерства должно было поступить 523 милліона, а поступило 506 мил.—недоимка всего 3,2%. 26 марта 1839 г. Киселеву было пожаловано графское достоинство.

Одновременно съ тѣмъ, какъ принимались мѣры по устроенію государственныхъ крестьянъ, въ концѣ 30-хъ годовъ съ новою силою былъ выдвинутъ вопросъ и о частновладѣльческихъ крестьянахъ. 10-го ноября 1839 г. былъ учрежденъ новый секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, куда вошли гр. Орловъ, гр. Киселевъ, мин. юстиціи гр. Панинъ, статсъ-секретарь Блудовъ, членъ Государственнаго Совѣта Тучковъ, статсъ-секретарь Танѣевъ и управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Строгановъ; правителемъ дѣлъ комитета былъ назначенъ камергеръ Ханыковъ. Повелѣвалось «все дѣло сохранить въ тайнѣ»: гласно комитетъ именовался «Комитетомъ о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній». Какъ можно было судить по переданнымъ въ Комитетъ бумагамъ, обсужденіе должно было сосредоточиться на мнѣніи (кн. А. С. Меншикова) о неудобныхъ сторонахъ закона 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, «ибо передаются крестьянамъ земли помѣщиковъ».

Въ предварительной запискѣ, представленной въ Комитетъ 1839 г., развивалась программа скорѣе безземельнаго освобожденія. Это дало поводъ Киселеву выступить съ противоположной программой, которая и была имъ развита въ его запискѣ «о средствахъ къ усиленію дѣйствій закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ». Энергично возставая противъ безземельнаго освобожденія, какъ постояннаго источника революціонныхъ смутъ, и въ то же время соглашаясь съ мыслью о необходимости охранять дворянское землевладѣніе, Киселевъ предлагалъ, чтобы за помѣщиками было оставлено право собственности на землю, а за крестьянами, поселенными на этихъ земляхъ, право полной личной свободы: помѣщики обязаны дать своимъ крестьянамъ опредѣленные надѣлы и лишаются послѣ этого права отнимать эти надѣлы назадъ; крестьяне обязаны по отношенію къ помѣщику повинностями, но могутъ заключать съ нимъ договоры и о полномъ выкупѣ. Свою записку Киселевъ предварительно представилъ лично Николаю Павловичу и лишь съ одобренія и разрѣшенія государя внесъ ее въ Комитетъ (мартъ 1840 г.). Въ Комитетѣ записка Киселева вызвала сильныя возраженія со стороны членовъ Комитета, а главнымъ образомъ—со стороны принимавшаго участіе въ ея обсужденіи кн. Меншикова; у послѣдняго съ Киселевымъ произошелъ горячій обмѣнъ мнѣній. Обсужденіе записки тянулось въ теченіе цѣлаго года. 25 февраля 1841 г. предсѣдатель Комитета кн. Васильчиковъ объявилъ высочайшее повелѣніе Комитету, что «такъ какъ возложенныя на него занятія истекаютъ изъ существа указа 1803 года, предоставляющаго помѣщикамъ право увольнять крестьянъ съ землею или безъ земли, по собственному желанію, то Его Величество какъ прежде не имѣлъ, такъ и нынѣ не имѣетъ намѣренія дать когда-либо предлагаемому дополненію указа 1803 г. силу обязательнаго закона, и потому Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы собственное желаніе помѣщиковъ на увольненіе крестьянъ было принято за основаніе означеннаго дополненія». Обмѣнъ мнѣній между Киселевымъ и кн. Меншиковымъ продолжался и послѣ этого. Къ іюню 1841 г. Комитетомъ было

составлено «Положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ», въ основу котораго была положена мысль Киселева объ обезпеченіи помѣщиками своихъ крестьянъ земельными надѣлами, но съ оговоркою, въ силу которой подобное надѣленіе предоставлялось добровольному соглашенію помѣщика съ его крестьянами безъ опредѣленія какихъ либо нормъ. На журналѣ Комитета, заключавшемъ проектъ этого положенія, была положена Высочайшая резолюція: «исполнить»; но тутъ же рукою предсѣдателя комитета кн. Васильчикова было помѣчено: «оставлено безъ исполненія по особо данному словесному Высочайшему повелѣнію».

Проектъ обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ лишь 20 марта 1842 г. Государь Императоръ лично присутствовалъ на этомъ засѣданіи, о чемъ въ журналѣ засѣданія записано такъ: «По назначеніи къ докладу въ семъ засѣданіи журнала соединенныхъ департаментовъ законовъ и экономіи, касательно договоровъ помѣщиковъ съ крестьянами, Государь Императоръ, прибывъ въ Государственный Совѣтъ, объявить изволилъ, что, прежде слушанія сего дѣла, нужнымъ считаетъ ознакомить членовъ съ своимъ образомъ мыслей по сему предмету и съ руководившими Его Величествомъ побужденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Блаженныя памяти императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего, въ началѣ Его царствованія, было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Его Величество также не изволитъ никогда на сіе рѣшиться, считая, что если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще весьма еще далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особенной и, съ помощью Божіею, успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться *навсегда*. Причины сей перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ нельзя не отнести главнѣйше: во 1-хъ, къ собственной неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ крѣпостнымъ своимъ людямъ несвойственное имъ высшее воспитаніе, и чрезъ то развивая въ нихъ новый кругъ понятій, дѣлаютъ положеніе ихъ еще болѣе тягостнымъ; и, во 2-хъ, къ тому, что нѣкоторые помѣщики, хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число, забывая благородный долгъ, употребляютъ во зло свою власть, а къ пресѣченію сихъ злоупотребленій дворянскіе предводители, какъ многіе изъ нихъ Его Величеству отзывались, не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти неограничивающемъ помѣщичьей власти. Но если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры, безъ общаго потрясенія, невозможны, то необходимо по крайности предуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не устрашаясь предъ всякою перемѣною, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь ко другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое охраненіе вотчинной собственности на землю. Государь Императоръ почитаетъ сіе священною своею обязанностію и обязанностію преемниковъ Своихъ на престолѣ, а средства къ тому, по мнѣнію Его Величества, вполнѣ представляются въ предложенномъ нынѣ Государственному Совѣту проектѣ указа. Онъ, во 1-хъ, не есть законъ *новый*, а лишь послѣдствіе, и такъ сказать, развитіе существующаго сорокъ лѣтъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ; во 2-хъ, устраняетъ, однако же, вредное начало помянутаго закона—отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую, напротивъ, столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства, мысль, отъ коей Его Величество никогда не отступитъ; въ 3-хъ, выражаетъ прямо волю и убѣжденіе правительства, что земля есть собственность не населенныхъ на ней крестьянъ, а помѣщиковъ, предметъ—также

первостепенной важности для будущаго спокойствія; наконецъ, въ 4-хъ, безъ всякихъ крутыхъ переворотовъ, безъ вида даже нововведенія, дастъ каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не полагая сего по принужденію или со стѣсненіемъ правъ собственности, предоставляетъ *все единственно доброй его волѣ и влеченію собственнаго сердца*. Съ другой стороны, оставляя крестьянъ крѣпкими той землѣ, на коей они записаны, проектъ избѣгаетъ неудобствъ тѣхъ положеній, которыя доселѣ дѣйствовали въ Остзейскихъ губерніяхъ, положеній, доведшихъ крестьянъ до самаго жалкаго состоянія, обратившихъ ихъ въ батраковъ и побудившихъ нынѣ тамошнее дворянство единодушно просить именно того-же, что теперь здѣсь предполагается. Между тѣмъ, Его Величество изволитъ повторить, что все должно идти постепенно и не можетъ и не должно быть сдѣлано разомъ или вдругъ. Настоящій проектъ содержитъ въ себѣ однѣ главныя начала и указанія. Онъ открываетъ, какъ уже сказано, всякому способъ, подъ защитою и при пособіи закона, слѣдовать сердечному своему влеченію. Въ огражденіе интереса помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная заботливость, а интересъ крестьянъ будетъ ограждаться разсмотрѣніемъ проектовъ условій не только мѣстными властями, но и высшимъ правительствомъ, съ утвержденія власти самодержавной. Идти теперь далѣе и обнять впередъ прочія, можетъ статься, весьма обширныя развитія сихъ главныхъ началъ невозможно. При желаніи помѣщиковъ воспользоваться дѣйствіемъ указа, представляемые отъ нихъ проекты условій, на мѣстностяхъ и на различныхъ родахъ хозяйства основанные, будучи соображаемы тѣмъ же порядкомъ, какъ договоры съ свободными хлѣбопашцами, по практическимъ даннымъ укажутъ, что̀ нужно и можно будетъ сдѣлать въ подробностяхъ, и что̀ теперь, при всей осторожности и предусмотрительности, легко могло бы быть упущено. По отлагать начинаніе, котораго польза очевидна, и отлагать потому лишь, что нѣкоторые вопросы съ намѣреніемъ оставляются неразрѣшенными, и что на первый разъ предвидятся нѣкоторыя недоумѣнія, Государь Императоръ не изволитъ находить никакой причины. Невозможно ожидать, чтобы дѣло сіе принялось вдругъ и повсемѣстно. Это не соотвѣтствовало бы даже и видамъ правительства. Между тѣмъ, при постепенномъ и, вѣроятно, медленномъ развитіи на различныхъ пунктахъ Имперіи, опытъ всего лучше придетъ здѣсь на помощь. Имъ развяжутся всего надежнѣе и такіе вопросы, которые теперь, безъ пособія его, кажутся затруднительными. Въ законѣ должны быть одни главныя начала; частности разрѣшатся при частныхъ случаяхъ, и совокупный сводъ сихъ случаевъ впослѣдствіи будетъ основою цѣлаго положительнаго уже законодательства».... Во время послѣдовавшаго обмѣна мнѣній многіе говорили противъ проекта, а кн. Д. В. Голицынъ, исходя изъ того, что договоры, если ихъ оставить на волю помѣщиковъ, врядъ ли будутъ кѣмъ заключаемы, предложилъ прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями. На это послѣднее государь возразилъ: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры; это должно быть дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязанному». Проектъ былъ принятъ въ редакціи Комитета, и указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ подписанъ 2 апрѣля 1842 г.

Если первоначальный проектъ Киселева и потерпѣлъ существенное измѣненіе, то основная мысль его автора— крестьянское освобожденіе неразрывно соединено съ его земельнымъ обезпеченіемъ—окончательно входитъ съ этого времени въ правительственное сознаніе, и всѣ послѣдующія мѣропріятія николаевскаго царствованія не отступаютъ уже отъ этого начала. Самъ императоръ Николай Павловичъ не упускалъ случая оказать личное воздѣйствіе на дворянство и понудить дворянъ болѣе широко примѣнять указъ 2 апрѣля 1842 г. Такъ, при пріемѣ въ 1847 г. депутаціи отъ смоленскаго дворянства онъ въ своей рѣчи выразилъ желаніе поговорить съ депутатами *«келейно* объ обязанныхъ крестьянахъ» и убѣждалъ дворянъ примѣнять законъ 1842 г., какъ лучшій постепенный переходъ, «предупреждающій крутой переломъ». Въ своихъ словахъ, съ которыми императоръ Николай обратился къ депутаціи петербургскаго дворянства 21 марта 1848 года, онъ снова возвращается къ во-

просу о крѣпостномъ правѣ, указываетъ съ «прискорбіемъ, что у насъ мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ», убѣждаетъ дворянъ «для собственнаго своего интереса заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ имъ людей», хотя и отвергаетъ «приписываемыя ему.... намѣренія» освободить крестьянъ съ землею. Эти увѣщеванія государя не всегда имѣли желательный результатъ и встрѣчали зачастую со стороны дворянъ пассивное отношеніе, а со стороны окружающихъ государя — скрытое противодѣйствіе. Однимъ изъ главныхъ противниковъ закона 2 апрѣля 1842 г. считался назначенный въ 1841 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Левъ Алексѣевичъ Перовскій.

Одновременно съ тѣмъ, какъ вырабатывался законъ 2 апрѣля, и въ ближайшіе годы послѣ его введенія былъ принятъ рядъ новыхъ мѣръ къ ограниченію крѣпостного права. Въ 1841 г. было запрещено пріобрѣтать крестьянъ безъ земли помѣщикамъ, не владѣющимъ населенными имѣніями. Въ 1842 г. послѣдовало запрещеніе лицамъ, возведеннымъ въ дворянство изъ крестьянъ, владѣть населенными имѣніями, въ которыхъ они, отцы или дѣды ихъ были записаны въ ревизскія сказки. Въ 1845 и 1846 гг. были приведены въ систему и опредѣлены юридически родъ и мѣра наказаній, какимъ помѣщикъ могъ подвергать крѣпостныхъ, что и было внесено въ новое изданіе Свода Законовъ. 15 февраля 1840 г. былъ учрежденъ особый секретный Комитетъ для обсужденія записки о дворовыхъ, представленной государю Блудовымъ. Въ составъ Комитета входили: кн. Васильчиковъ, кн. А. Голицынъ, кн. Меншиковъ, Нессельроде, Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашовъ, Киселевъ, А. Строгановъ, В. Панинъ, С. Уваровъ, Блудовъ и государственный секретарь бар. М. Корфъ. Записка Блудова встрѣтила возраженія со стороны военнаго министра гр. Чернышева, и занятія Комитета окончились безрезультатно. Въ 1844 г. Государь Императоръ самъ набросалъ записку о дворовыхъ и передалъ ее министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Содержаніе записки сводилось къ слѣдующему: «Классъ дворовыхъ подраздѣляется на 4 класса: 1. дворовыхъ, составляющихъ внутреннюю и надворную прислугу при домахъ въ городахъ; 2. таковыхъ въ помѣстьяхъ; 3. дворовыхъ ремесленниковъ, 4. заводскихъ и фабрикантовъ... Послѣдній разрядъ, живя въ своихъ домахъ, по крайней мѣрѣ, большею частью, и даже имѣя часто свое хлѣбопашество, составляетъ подраздѣленіе, имѣющее нѣчто общее съ крестьянскимъ бытомъ — потому можетъ быть отчисляемъ къ сему разряду крѣпостного состоянія. Первые же три разряда должно дѣлить еще на непосредственно составляющихъ господскую дворню и на ходящихъ по паспортамъ. Ходящихъ по паспортамъ, въ какой-бы должности ни находились, слѣдуетъ принимать въ цѣхи, т. е. въ служебный цѣхъ, новоучреждаемый, или въ ремесленный, ежели кто изъ нихъ какимъ ремесломъ промышляетъ. Сихъ людей, кромѣ паспортовъ, обложить слѣдуетъ четвертными подушными, дабы побудить помѣщиковъ отпускать ихъ на волю. Съ сихъ мѣръ начать, сдѣлавъ самую вѣрную перепись.» Для обсужденія вопроса о дворовыхъ былъ учрежденъ новый секретный Комитетъ (кн. Васильчиковъ, кн. Волконскій, кн. Чернышевъ, кн. Меншиковъ, гр. Левашевъ, гр. Бенкендорфъ, гр. Киселевъ, Перовскій, Вронченко и бар. Корфъ; дѣлопроизводитель Бахтинъ). Государь съ наслѣдникомъ самъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ Комитета. Въ Комитетѣ о дворовыхъ снова столкнулись мнѣнія Киселева и Меншикова. 12 іюня 1844 г. состоялось два постановленія: указъ, предоставлявшій помѣщикамъ право отпускать дворовыхъ на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отпускѣ на волю дворовыхъ изъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, безъ испрошенія разрѣшенія этихъ послѣднихъ.

Всѣ эти отдѣльныя мѣропріятія, хотя и очень скромныя, естественно приводили къ принципіальной постановкѣ вопроса въ категорической формѣ. Въ ноябрѣ 1845 г. мин. вн. дѣлъ Перовскій представилъ государю записку «объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи». Оставаясь на почвѣ земельнаго освобожденія, Перовскій подготовительными мѣрами къ тому считалъ: 1. введеніе обязательныхъ инвентарей; 2. законодательное признаніе за крестьянами права на собственность движимую и недвижимую; 3. приписку всѣхъ крѣпостныхъ къ опредѣленной землѣ и запрещеніе принимать подъ залогъ души, а не земли; 4. запрещеніе отчуждать

крестьянъ отъ земли и переводить ихъ въ разрядъ дворовыхъ; 5. ограниченіе, а затѣмъ и уничтоженіе права оброка; 6. разрѣшеніе крѣпостнымъ по ихъ собственному желанію поступать въ военную службу. Для обсужденія этой записки въ 1846 г. составленъ новый секретный Комитетъ, въ который вошли: наслѣдникъ цесаревичъ, гр. А. Орловъ, кн. Васильчиковъ и Перовскій. Комитетъ, признавъ въ принципѣ многое изъ намѣченнаго Перовскимъ, отклонилъ немедленное принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ по соображеніямъ политическаго характера. Къ послѣдующимъ 1847 и 1848 гг. относятся два закона о крестьянахъ — указъ 8 ноября о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ дворянскихъ имѣній съ публичнаго торга и законъ 3-го марта 1848 года о недвижимой собственности крѣпостныхъ. Первое изъ этихъ постановленій возникло по мысли барона Корфа, предложившаго въ іюнѣ 1847 г. распространить на всю Россію законъ 1824 г., разрѣшавшій грузинскимъ крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ публичнаго торга. Для обсужденія этого предложенія былъ составленъ комитетъ, въ которой вошли: гр. Орловъ, гр. Левашовъ, гр. Киселевъ и гр. Панинъ, министры: финансовъ—Вронченко и внутр. дѣлъ—Перовскій и бар. Корфъ. Самое предложеніе заранѣе было уже одобрено государемъ и собирая комитетъ, Николай Павловичъ предложилъ лишь «обсудить» подробности сего важнаго дѣла, коего пользу и главныя начала онъ считалъ уже, впрочемъ, рѣшенными. Первоначальное предложеніе само по себѣ не встрѣтило большихъ возраженій ни въ комитетѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ и скоро получило силу закона. Самъ законъ 8 ноября 1847 г. возбудилъ, однако, какъ и болѣе ранніе, направленные къ ограниченію крѣпостного права, сильное неудовольствіе и тревогу со стороны защитниковъ непоколебимости дворянскихъ преимуществъ. Теперь эта тревога усиливалась еще болѣе ввиду тѣхъ горячихъ споровъ, какіе шли какъ разъ въ это время въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу другого предложенія, исходившаго отъ Киселева—о пересмотрѣ законодательства о крестьянской собственности.

Въ августѣ 1847 г. бывшіе крестьяне графини Самойловой жаловались, что ихъ владѣльцы, при продажѣ имѣній, продали земли, купленныя крестьянами на свои деньги. Киселевъ выступилъ съ указаннымъ предложеніемъ. Это предложеніе встрѣтило возраженіе со стороны Панина и гр. С. С. Уварова, но было поддержано Левашовымъ и Адлербергомъ, и Комитетъ Министровъ постановилъ испросить высочайшее разрѣшеніе на пересмотръ соотвѣтствующихъ законовъ. Государь на это согласился и поставилъ срокомъ къ окончанію этого дѣла 1-е декабря т. г. Въ частномъ разговорѣ съ Киселевымъ государь по этому поводу ему говорилъ: «Я разрѣшилъ представленіе Комитета Министровъ; это будетъ доброе дѣло, хотя говорятъ, что будетъ ропотъ, и стращаютъ разными послѣдствіями; но я твердо положилъ отсѣкать все то, что въ понятіи добрыхъ людей не можетъ безвредно болѣе сохраняться, и тихо, и осторожно, но безостановочно буду выполнять свою обязанность; прежде утвердимъ за крѣпостными недвижимую собственность, ими пріобрѣтенную, потомъ и движимую, но не разомъ и не теперь; пока человѣкъ есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностью, но при случаѣ и въ свою очередь и это сдѣлается». Пройдя черезъ Государственный Совѣтъ, предложеніе Киселева получило силу закона съ значительными оговорками. Законъ 3 марта 1848 г. разрѣшалъ крестьянамъ пріобрѣтать недвижимую собственность, но лишь съ согласія помѣщиковъ. Что же касается недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ уже къ этому времени крестьянами, то относительно ихъ было постановлено «никакихъ о томъ отъ крѣпостныхъ людей споровъ не допускать и никакихъ по онымъ разысканій не дѣлать».

По поводу указа 8 ноября 1847 г. государю было представлено нѣсколько записокъ, критиковавшихъ этотъ законъ. Такова записка тульскаго предводителя дворянства Норова и записка анонимнаго автора, озаглавленная «О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе новаго распоряженія, предоставляющаго крестьянамъ право выкупа пріобрѣтеніемъ достоянія прежнихъ ихъ владѣльцевъ». Эти записки были переданы на разсмотрѣніе секретнаго Комитета, собиравшагося въ 1848 г. и составленнаго, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника це-

саревича, изъ гр. Орлова, гр. Левашова, принца Ольденбургскаго, министровъ Киселева, Вронченко, Перовскаго и Чернышева и статсъ-секретаря Гофмана. Указъ 8 ноября 1847 г. формально отмѣненъ не былъ, но во вновь составленное въ 1849 г. «Положеніе о порядкѣ продажи имѣній съ публичныхъ торговъ» онъ былъ внесенъ съ оговоркою, ставившей право крестьянъ въ зависимость отъ согласія помѣщиковъ.

Съ 1849 г., когда въ Европѣ разыгрались революціонныя событія, все вниманіе императора Николая сосредоточилось на задачахъ поддержанія государственнаго порядка. Крестьянскій вопросъ отступаетъ съ этого времени въ правительственной дѣятельности на задній планъ. Къ послѣднимъ годамъ николаевскаго царствованія относится всего лишь нѣсколько частичныхъ постановленій по крестьянскому вопросу. Таковъ законъ 1853 г., запрещавшій сдачу въ аренду населенныхъ имѣній, и законъ 1854 г., запрещавшій управителямъ удаленіе крестьянъ изъ имѣній или сдачу ихъ въ рекруты безъ вѣдома помѣщика. Введеніе въ эти годы въ Западномъ краю «инвентарей», послужившихъ при преемникѣ императора Николая ближайшимъ поводомъ къ болѣе рѣшительной постановкѣ крестьянскаго вопроса, находилось не столько въ связи съ другими мѣропріятіями по ограниченію крѣпостного права, сколько вытекало изъ соображеній общей политики николаевскаго царствованія на западныхъ окраинахъ.

Довольно опредѣленное мѣсто въ правительственной дѣятельности николаевскаго царствованія занималъ также вопросъ о городахъ и, главнымъ образомъ, объ упорядоченіи городского хозяйства, въ связи съ чѣмъ получалъ свою постановку и разрѣшеніе и вопросъ о городскомъ состояніи. Лежавшая въ основѣ городского устройства Жалованная Грамота городамъ 1785 г. была къ этому времени дополнена и расширена цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ уставовъ и положеній, часто между собою недостаточно согласованныхъ. Съ другой стороны, основныя начала этой грамоты значительно исказились, и построенное на нихъ общегородское управленіе постепенно пришло въ совершенный упадокъ. Опредѣлить болѣе точно и широко составъ городского общества, упорядочить его внутреннее устройство и управленіе, привести въ большую ясность его отношенія къ органамъ государственнаго, и прежде всего мѣстнаго управленія—всѣ эти вопросы были поставлены жизнью и отчасти вошли уже въ правительственное сознаніе еще въ предыдущее царствованіе. Исходнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ являлось обнаружившееся къ этому времени полное разстройство городского хозяйства въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ 1820 г. въ обѣихъ столицахъ были учреждены комитеты для «устройства доходовъ и расходовъ» мѣстныхъ Думъ. Эти комитеты оказались безсильными распутать трудное положеніе и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ было вынуждено само входить въ «самыя раздробительныя изслѣдованія» о городскомъ столичномъ хозяйствѣ. Такое ненормальное положеніе привело уже въ 1821 г. къ мысли «устроить или преобразовать думу», что и было поручено Комиссіи Законовъ. Съ преобразованіемъ этой Комиссіи во Второе Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи эта работа была передана Балугьянскому.

Выработанный Балугьянскимъ проектъ намѣчалъ городскую реформу на слѣдующихъ основаніяхъ: расширеніе «власти» думы въ сферѣ «управленій ей предоставленныхъ»; точное опредѣленіе отношеній полиціи къ городскому управленію; точное опредѣленіе лицъ, «городское общество составляющихъ» и имѣющихъ права «городского состоянія». Представленный въ 1827 г. въ Государственный Совѣтъ, этотъ проектъ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Дѣло снова вернулось въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1827 г. при Министерствѣ былъ учрежденъ особый комитетъ, составленный изъ чиновниковъ Министерства и лицъ, назначенныхъ петербургскимъ и московскимъ военными генералъ-губернаторами. Выработанный этимъ комитетомъ къ слѣдующему 1828 г. проектъ былъ построенъ, въ противоположность проекту Балугьянскаго, на началахъ всесословности городского общества (включая сюда и дворянъ) и большаго подчиненія городского управленія правительственной власти, какъ центральной, такъ и мѣстной въ лицѣ военнаго генералъ-губернатора. Переданный на разсмотрѣніе—въ Петербургѣ представителямъ городского общества, а въ Москвѣ, кромѣ того, и предводителю дворянства—этотъ проектъ, главнымъ образомъ, въ первомъ своемъ осно-

ванiи, встрѣтилъ сильныя возраженiя, а затѣмъ былъ отвергнутъ и Государственнымъ Совѣтомъ. Столь же малорезультатна была дѣятельность и другого, учрежденнаго еще въ сентябрѣ 1825 г. при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ «Комитета для прiисканiя способовъ къ улучшенiю состоянiя городовъ», работавшаго, къ тому же, не надъ вопросами городского управленiя, но городского благоустройства. Фактически прекратившiй свою дѣятельность еще въ 1828 г., этотъ Комитетъ окончательно былъ закрытъ въ 1831 г. Въ Комитетѣ 6 декабря 1826 г. вопросъ о городскомъ управленiи самъ по себѣ не обсуждался.

Съ 1830 г. мысль объ общей городской реформѣ на нѣкоторое время замираетъ. Послѣдующiя отдѣльныя мѣропрiятiя по этому вопросу обнаруживаютъ стремленiе, съ одной стороны, поставить городское управленiе въ большую зависимость отъ мѣстной администрацiи, съ другой—расширить составъ городского общества. Послѣднее стремленiе шло рука объ руку съ мѣрами, направленными къ улучшенiю матерiальнаго положенiя городского населенiя и къ развитiю въ его средѣ чувства сословнаго достоинства. Въ 1830 г. циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, признававшимъ установившуюся систему раскладокъ городскихъ расходовъ между обывателями, предписывалось, чтобы городскiя думы, составляя въ сентябрѣ ежегодныя смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ, немедленно представляли ихъ на утвержденiе губернаторамъ, а эти послѣднiе слѣдили бы за законностью и экономiей смѣтъ. Съ 1831 г. этотъ циркуляръ былъ обращенъ въ законъ съ тѣмъ дополненiемъ, что смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ, до утвержденiя ихъ губернаторами, должны были быть провѣряемы особыми депутатами отъ обывателей; въ слѣдующемъ 1832 г. сенатскимъ разъясненiемъ въ число этихъ депутатовъ были допущены дворяне и разночинцы. Съ 1836 г., по предложенiю министра Д. Н. Блудова, въ городахъ стали образовываться запасные капиталы для пособiя жителямъ при постройкахъ; во многихъ случаяхъ при этомъ были отпускаемы изъ казны пособiя. Въ 1832 г. были установлены различныя льготы для казенныхъ крестьянъ и лицъ другихъ сословiй, прiобрѣтавшихъ въ городахъ осѣдлость. 10 февраля 1832 г. послѣдовалъ манифестъ о почетномъ гражданствѣ, бывшiй, какъ и болѣе позднiй законъ 1845 г. о чинахъ и связанныхъ съ ними преимуществахъ, частичнымъ и видоизмѣненнымъ осуществленiемъ проекта дополнительнаго закона о состоянiяхъ, составленнаго Комитетомъ 6 декабря 1826 г.

Цѣлью этого манифеста было создать болѣе почетное положенiе для коренного купечества, хотя бы и обѣднѣвшаго и принужденнаго тѣмъ самымъ записываться въ мѣщанское сословiе. Почетное гражданство освобождало отъ рекрутской повинности, подушнаго оклада и тѣлеснаго наказанiя, т. е. давало тѣ же права, какiя присваивались и гильдейскому купечеству. Потомственное почетное гражданство присваивалось: 1) по рожденiю: дѣтямъ личныхъ дворянъ и церковнослужителей, имѣвшимъ образовательный цензъ; 2) по ходатайству: коммерцъ и мануфактуръ-совѣтникамъ, купцамъ, или пробывшимъ въ первой гильдiи подрядъ 20 лѣтъ, или получившимъ внѣ службы чинъ или орденъ, и ученымъ и художникамъ, имѣвшимъ степень. Личное почетное гражданство присваивалось: 1) по рожденiю: дѣтямъ церковнослужителей, не имѣвшимъ образовательнаго ценза; 2) по ходатайству: лицамъ, окончившимъ университетъ и другiя учебныя заведенiя. 3) службой: получившимъ чины, не дававшiе дворянства.

Съ 1836 г. вопросъ о городской реформѣ снова выдвигается на очередь и, первое время, снова совершенно безуспѣшно. Въ этомъ году при самомъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ учреждается Комиссiя для составленiя проектовъ положенiй о доходахъ и расходахъ городовъ. Въ 1840 г. эта комиссiя была выдѣлена изъ хозяйственнаго департамента Министерства, въ который она до этого времени входила, и переименована въ Комиссiю для устройства разныхъ источниковъ городского хозяйства. Въ эту комиссiю были переданы дѣла закрытаго въ 1831 г. Комитета о состоянiи городовъ, но и на этотъ разъ серьезныхъ результатовъ достигнуто не было. Съ 1842 г., послѣ назначенiя министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Л. Ал. Перовскаго (сентябрь 1841 г.), дѣло получило болѣе широкую постановку и приняло болѣе энергичный оборотъ.

Главнымъ сотрудникомъ Перовскаго въ дѣлѣ городской реформы былъ извѣстный

впослѣдствіи дѣятель по освобожденію крестьянъ Н. А. Милютинъ, служившій въ то время въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Предшествующая постановка дѣла была признана неудовлетворительной, и въ основу новой программы было положено: 1. объединеніе дѣятельности Комиссіи и хозяйственнаго департамента; 2. созданіе фактическаго контроля надъ городскимъ хозяйствомъ; 3. ознакомленіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ городовъ путемъ собиранія вѣрныхъ и обширныхъ свѣдѣній. Комиссія была закрыта, а при хозяйственномъ департаментѣ Министерства было учреждено «временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства», во главѣ котораго и былъ поставленъ Милютинъ. Была предпринята ревизія городского хозяйства назначенными для этого чиновниками особыхъ порученій при министрѣ, при чемъ на первый разъ были избраны губерніи отличающіяся особыми мѣстными условіями и наиболѣе интересныя для наблюденія: двѣ земледѣльческія (Саратовская и Воронежская), двѣ торгово-промышленныя (Тульская и Ярославская) и одна остзейская (Лифляндская). Одновременно съ этимъ принимались различныя мѣры для поднятія городского благосостоянія (установленіе новыхъ сборовъ въ пользу городовъ, надѣленіе городовъ выгонами и т. п.). Въ то же время городское хозяйство было поставлено подъ еще большій контроль центральныхъ органовъ, а смѣтная часть подверглась самой строгой регламентаціи. Управленіе городскимъ хозяйствомъ сосредоточилось теперь въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ глазахъ если не самого Перовскаго, то его главнаго сотрудника въ дѣлѣ городской реформы Милютина, такой результатъ имѣлъ, однако, лишь временное значеніе и находилъ свое оправданіе въ необходимости немедленно улучшить матеріальное благосостояніе городовъ, чтобы подготовить ихъ къ воспріятію новыхъ формъ управленія. Конечною цѣлью была реформа городского хозяйства на началахъ болѣе широкаго самоуправленія. Этой цѣли должно было служить и предпринятое теперь въ обширныхъ размѣрахъ собираніе свѣдѣній о состояніи городовъ. Такія свѣдѣнія доставляли уже только что упомянутыя ревизіи. Съ 1842 г. начали командироваться въ различныя губерніи чиновники Министерства для собиранія статистическихъ данныхъ, а къ августу 1843 г. былъ выработанъ планъ «статистики городовъ». Обслѣдованія были произведены въ 35 губерніяхъ, и до 390 городовъ подверглись топографической съемкѣ.

Реформу рѣшено было произвести вначалѣ лишь для одного Петербурга. Къ апрѣлю 1844 года Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ были выработаны «Основанія для начертанія проекта объ общественномъ устройствѣ столичнаго города Петербурга». Въ «Основаніяхъ» давалось новое опредѣленіе городского общества: въ него входили обыватели, принадлежащіе къ нему или «по гражданскому состоянію», или «по праву собственности». Городское общество получало право самоуправленія, которое распространялось на лицъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ возрастнымъ и правственнымъ требованіямъ и обладающихъ имущественнымъ цензомъ (для активнаго избирательнаго права—капиталъ 300 руб. minimum). Органами городского самоуправленія были: общее собраніе, собирающееся разъ въ шесть лѣтъ для избранія гласныхъ общей думы и разбивающееся на пять отдѣльныхъ сословныхъ собраній; общая дума, составляющаяся изъ гласныхъ отъ пяти сословій, и избираемая изъ ея среды распорядительная дума. Городскія учрежденія, «непосредственно подчинены гражданскому губернатору, затѣмъ военному генералъ-губернатору и, наконецъ—Сенату»; въ то же время они находились «въ вѣдѣніи» и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а по «дѣламъ казеннымъ» были въ «подчиненіи и отчетности» у казенной палаты и у Министерства Финансовъ. Въ іюнѣ 1844 г. эти основанія были утверждены Государственнымъ Совѣтомъ, и къ 1845 г. Министерствомъ былъ выработанъ окончательный проектъ «Положенія объ общественномъ управленіи Петербурга». Внесенный въ Государственный Совѣтъ, этотъ проектъ былъ возвращенъ въ Министерство для переработки и только послѣ этого былъ принятъ и получилъ Высочайшее утвержденіе 13 февраля 1846 г. Главныя измѣненія, внесенныя въ законъ въ его окончательной редакціи, сравнительно съ «Основаніями», сводились къ слѣдующему. «Положеніе» 1846 г., оставляя по существу тѣ же признаки принадлежности къ городскому обществу, какія были намѣчены «Основаніями», не давало прямого опредѣленія

состава городского общества. Пять сословій, участвовавшихъ въ избраніи общей думы, были: 1. потомственные дворяне, при условіи владѣнія ими въ городѣ недвижимою собственностью; 2. личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, при томъ же условіи; 3. купцы всѣхъ гильдій; 4. мѣщане и 5. цеховые. Имущественный цензъ для пользованія активнымъ правомъ избранія былъ, сравнительно съ «Основаніями», повышенъ и опредѣлялся, какъ minimum, въ сто рублей годового дохода. Органы городского самоуправленія были тѣ же, какіе намѣчались и въ «Основаніяхъ», но въ составъ распорядительной думы вводился правительственный элементъ въ лицѣ «члена отъ короны». При распорядительной думѣ создавались особыя коллегіальныя выборныя учрежденія—торговая полиція и городская хозяйственная полиція. Отношенія между думой распорядительной и общей не были достаточно ясно опредѣлены: первая имѣла право не исполнять рѣшенія второй «въ случаѣ разномыслія», и тогда дѣло разрѣшалось мѣстной административной властью. Контроль администраціи надъ городскимъ управленіемъ былъ, сравнительно съ «Основаніями», значительно усиленъ, и финансовая самостоятельность думы была ограничена очень узкими рамками.

Финансовая и экономическая политика николаевскаго царствованія выразилась, главнымъ образомъ, въ реформѣ питейныхъ сборовъ, въ реформѣ денежнаго обращенія и въ установленіи новыхъ таможенныхъ тарифовъ.

При вступленіи на престолъ императора Николая I русскіе государственные финансы находились въ весьма разстроенномъ состояніи. Войны александровскаго царствованія потребовали огромнаго напряженія финансовыхъ силъ страны и привели къ значительному увеличенію государственнаго долга. Къ концу царствованія Александра I внѣшній долгъ достигалъ 102 мил. руб. серебромъ. Получавшійся ежегодно бюджетный дефицитъ, въ виду большихъ налоговыхъ недоборовъ, покрывался, главнымъ образомъ, двумя источниками: новыми выпусками ассигнацій и «позаимствованіями» государственнаго казначейства изъ вкладовъ, поступавшихъ въ государственныя кредитныя учрежденія отъ частныхъ лицъ и учрежденій, и изъ спеціальныхъ капиталовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Безпроцентный долгъ по ассигнаціямъ къ концу 1825 г. равнялся 595 мил. руб.; процентный внутренній долгъ—106 мил. руб. серебромъ. Чрезмѣрное увеличеніе государственнаго долга, сопровождавшееся иногда временными задержками платежей, колебали русскій государственный кредитъ за границей. Чрезмѣрное увеличеніе выпускаемыхъ ассигнацій приводило къ колебанію курса бумажнаго рубля на внутреннемъ денежномъ рынкѣ. Кромѣ казеннаго курса, по которому ассигнаціи принимались въ уплату податей, существовалъ курсъ вексельный (при сдѣлкѣ съ иностранными фирмами) и курсъ простонародный (при внутреннихъ сдѣлкахъ), подвергавшійся особенно сильнымъ и частымъ колебаніямъ и неодинаковый въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Къ концу александровскаго царствованія казенный курсъ равнялся 350—360 к. ассигнаціями за серебряный рубль; простонародный понижался до 420 коп. за рубль. Все это путало денежные разсчеты и порождало большія злоупотребленія. Тяжелое состояніе финансовъ, всегда составлявшее въ александровское царствованіе предметъ безпокойства для правительства, въ особенности сознавалъ назначенный въ 1823 году министромъ финансовъ гр. Егоръ Францевичъ Канкринъ, выдвинувшійся съ 1812 г. въ должности генералъ-интенданта и стяжавшій къ этому времени европейскую извѣстность познаніями въ области политико-экономической и въ частности военнаго хозяйства.

Свои теоретическіе взгляды Канкринъ изложилъ въ вышедшемъ въ свѣтъ еще въ 1821 г. сочиненіи «Всемірное богатство, національное богатство и государственное хозяйство». Являясь во многомъ противникомъ Адама Смита, Канкринъ противопоставлялъ понятіе міровою богатства понятію богатства даннаго народа, считалъ задачею финансоваго управленія не столько умноженіе общаго государственнаго дохода, сколько благосостояніе каждаго гражданина, и находя большое сходство между государственнымъ хозяйствомъ и частнымъ, рекомендовалъ въ финансовомъ управленіи большую бережливость въ сочетаніи съ возможнымъ усиленіемъ производительныхъ силъ страны. На практикѣ, въ примѣненіи къ условіямъ русской дѣйствительности, въ данный моментъ Канкринъ считалъ необхо-

димымъ держаться сокращенія расходовъ, осторожно пользоваться кредитомъ, вводить строгій порядокъ въ денежномъ обращеніи и проводить протекціонную систему. Эти начала финансоваго управленія были изложены Канкринымъ и въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству Финансовъ за 1826 г. Лично извѣстный Николаю Павловичу еще по своей службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, Канкринъ пользовался большимъ довѣріемъ и уваженіемъ со стороны новаго государя. Въ началѣ весьма мало освѣдомленный въ финансовыхъ вопросахъ, императоръ Николай Павловичъ въ этомъ отношеніи въ значительной степени воспитался на взглядахъ Канкрина. Дѣятельность Канкрина до извѣстной степени улучшила положеніе русскихъ финансовъ въ первую половину николаевскаго царствованія и упрочила русскій кредитъ на денежномъ рынкѣ. Позднѣе, однако, императоръ Николай Павловичъ иногда тяготился большою несговорчивостью Канкрина, особенно когда дѣло шло о крупныхъ экстренныхъ расходахъ на военныя нужды. Считая теперь себя уже болѣе освѣдомленнымъ въ финансахъ, государь во вторую половину своего царствованія выступалъ иногда самостоятельно и проводилъ свои собственные проекты, шедшіе въ разрѣзъ съ мнѣніями министра финансовъ. Такъ было, напримѣръ, въ вопросѣ о замѣнѣ всѣхъ ассигнацій новыми бумажными кредитными знаками. Въ 1844 г. Канкринъ выступилъ съ возраженіями противъ той политики, какая велась въ это время на Кавказѣ, и указывалъ на необходимость или немедленно подавить возстаніе горцевъ, или, въ случаѣ невозможности, прекратить военныя дѣйствія. Его представленіе было оставлено безъ вниманія. Наряду съ разстроеннымъ здоровьемъ это послужило поводомъ къ выходу Канкрина въ отставку (1 мая 1844 г.). На его мѣсто былъ назначенъ его товарищъ по управленію министерствомъ, гр. Ѳ. Павл. Вронченко. Назначеніе Вронченка, а послѣ него (съ 6 апрѣля 1852 г.) Пет. Фед. Брока не внесло какихъ-либо принципіальныхъ измѣненій въ систему, установленную Канкринымъ, если не считать начавшихся съ 1844 г. отступленій отъ началъ строго протекціонной политики. Но зато въ лицѣ Канкрина императоръ Николай Павловичъ лишился твердого и смѣлаго сотрудника, рѣшавшагося противопоставлять свои соображенія личной волѣ и желаніямъ государя. Финансовая политика николаевскаго царствованія дѣлается съ этого времени менѣе осторожной, что, въ связи съ послѣдовавшими за этимъ европейскими событіями, имѣло не малыя общегосударственныя послѣдствія.

Еще въ первый годъ николаевскаго царствованія была проведена крупная мѣра въ области налогового обложенія: въ 1826 г. была возстановлена откупная система питейныхъ сборовъ. Введенная въ 1819 г. система казеннаго завѣдыванія продажею питей оказалась невыгодной, главнымъ образомъ, вслѣдствіе огромныхъ злоупотребленій со стороны чиновъ казеннаго вѣдомства, и доходъ съ питей недостаточно увеличивался. Въ маѣ 1826 г. Канкринъ представилъ записку «о разныхъ способахъ взиманія питейнаго дохода», составленную имъ по порученію государя императора. Находя, въ принципѣ, желательнымъ замѣну питейнаго сбора другими налогами, Канкринъ считалъ, однако, на практикѣ это невозможнымъ, такъ какъ «ни одинъ изъ нихъ не можетъ дать столько, сколько дастъ казнѣ питейный доходъ, а увеличеніе существующихъ налоговъ можетъ вызвать большія неудовольствія». Разбирая дальше различныя системы питейнаго сбора, онъ находилъ систему казенной монополіи невыгодной, систему акциза теоретически наилучшей, но неприменимой при низкомъ нравственномъ уровнѣ чиновничества, а систему передачи питейныхъ сборовъ органамъ общественнаго самоуправленія неосуществимой въ виду такой же нравственной несостоятельности дворянства, и признавалъ откупную систему при данныхъ условіяхъ единственно возможной. Не закрывая глазъ на то, что при откупной системѣ откупщики будутъ наживаться на счетъ народа, министръ финансовъ находилъ, что подобное накопленіе капиталовъ пойдетъ въ конечномъ результатѣ на пользу промышленности и такимъ образомъ все же принесетъ менѣе вреда, чѣмъ хищенія правительственныхъ чиновниковъ. Государственный Совѣтъ одобрилъ соображенія Министра Финансовъ, и 31 августа 1826 г. состоялось Высочайшее повелѣніе начать торги на питейные откупа съ 1827 г. на четыре года. Съ 1 сентября 1827 г. откупа были вновь введены въ 29 великороссійскихъ губерніяхъ, въ кото-

рыхъ съ 1819 г. существовало казенное завѣдываніе продажею питей, и съ этихъ поръ сдача питейныхъ откуповъ возобновлялась повсемѣстно каждые четыре года въ продолженіе всего николаевскаго царствованія.

Питейный сборъ, послѣ введенія откуповъ, значительно повысился и вплоть до 1855 г. все время постепенно возрасталъ. Для самихъ откупщиковъ новая система представляла весьма выгодную операцію, и торги на откупа проходили зачастую съ большими наддачами. Такъ, въ 1838 г. наддача по 17 откупамъ превысила на 20% общую сумму откуповъ за истекавшее четырехлѣтіе. Канкринъ относился къ этому явленію съ большимъ недовѣріемъ, усматривая въ этомъ результатъ извѣстнаго ажіотажа, и предлагалъ при составленіи государственной росписи (на 1839 г.) увеличить обыкновенное исключеніе изъ дохода на счетъ недоимокъ и недобора на случай неисправности нѣкоторой части откупщиковъ. Самъ Николай Павловичъ смотрѣлъ, однако, въ данномъ случаѣ болѣе оптимистично, въ наддачахъ видѣлъ успѣхъ реформы и на послѣднее предложеніе Канкрина положилъ резолюцію: «Я съ этимъ несогласенъ, ибо по опыту вижу, что опасенія эти не оправдываются, и потому выключка на предметъ недобора должна остаться въ прежней пропорціи». Однако уже въ слѣдующее четырехлѣтіе 1839—1844 г. злоупотребленія откупщиковъ достигли крайняго предѣла. Государю была представлена анонимная записка «Обзоръ финансовой части Россіи», подвергавшая сильной критикѣ откупную систему. Для обсужденія этой записки былъ образованъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Левашова, въ который вошли Вилламовъ, Тучковъ, Паленъ, Меншиковъ и Друцкій-Любецкій. Комитетъ отрицательно отнесся къ откупной системѣ и предложилъ для ея пересмотра учредить особый комитетъ. Этотъ комитетъ и былъ учрежденъ въ 1841 году (предсѣдатель кн. А. С. Меншиковъ; члены Друцкій-Любецкій, А. Дмитріевъ, Муравьевъ и Никитинъ). Откупныя условія на послѣдующее четырехлѣтіе 1843—47 гг. были составлены, однако, безъ какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ. Число несостоятельныхъ откуповъ за это время значительно увеличилось, и отъ откупщиковъ поступали постоянно ходатайства о предоставленіи имъ различныхъ льготъ. Для разсмотрѣнія этихъ льготъ въ 1844 г. былъ учрежденъ другой комитетъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Ал. Ѳ. Орлова, который и просуществовалъ до конца царствованія Императора Николая I.

Одновременно съ этимъ, однако, шли занятія и только что упомянутаго комитета по пересмотру всей откупной системы. Въ 1844 г. по предложенію Кокорева этимъ послѣднимъ комитетомъ было выработано «Положеніе объ акцизно-откупномъ комиссіонерствѣ». По этому «Положенію» каждый городъ съ уѣздомъ должны были составить особый округъ, въ которомъ сборъ акцизныхъ статей сдавался на откупъ, а лицо, взявшее такой откупъ, дѣлалось коммиссіонеромъ по продажѣ заготовляемаго казною вина. Вино должно было продаваться по той же цѣнѣ, какую откупщикъ уплачивалъ за него казнѣ, но за коммиссію этотъ послѣдній удерживалъ въ свою пользу извѣстный процентъ. Къ сентябрю 1846 г. это «Положеніе» было окончательно узаконено, и съ этого времени откупа сдавались уже на новыхъ основаніяхъ. Система акцизно-откупного комиссіонерства повела, однако, лишь къ новымъ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія былъ снова поставленъ на очередь вопросъ о казенной продажѣ вина. Проектъ особой системы казенной продажи былъ внесенъ въ 1852 г. министромъ финансовъ Брокомъ въ секретный комитетъ для разсмотрѣнія ходатайствъ откупщиковъ. Въ 1853 г. Комитетомъ Министровъ было уже разсмотрѣно и одобрено «Положеніе о продажѣ казеннаго вина», но вспыхнувшая вскорѣ послѣ этого война помѣшала ввести это «Положеніе» въ дѣйствіе. 2 апрѣля 1854 г. было повелѣно предложить откупщикамъ оставить питейные сборы за собой безъ торговъ еще на два года.

Весьма значительная по своимъ послѣдствіямъ, хотя и не оправдавшая возлагаемыхъ на нее ожиданій, откупная система сама по себѣ была однимъ изъ частичныхъ мѣропріятій финансовой политики николаевскаго царствованія. Главное содержаніе этой политики составляли заботы о развитіи торговли и обрабатывающей промышленности и, еще болѣе, объ упорядоченіи денежнаго обращенія. За-

боты о развитіи торговли и промышленности выразились преимущественно въ измѣненіяхъ таможенной системы, а также въ заключеніе цѣлаго ряда торговыхъ договоровъ и конвенцій съ отдѣльными державами.

Измѣненія таможенной системы касались, главнымъ образомъ, русской внѣшней торговли съ западными странами, торговыхъ взаимоотношеній Имперіи и Царства Польскаго и русскаго торговаго транзита съ Азіей и Закавказьемъ. По своему общему характеру таможенная политика николаевскаго царствованія распадается на два періода: до 1844 г., когда господствовала строго-охранительная система, и съ 1844 г., когда начался переходъ къ умѣренно-покровительственной системѣ.

Общее положеніе русской обрабатывающей промышленности въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія обрисовывается, главнымъ образомъ, на состояніи отдѣльныхъ видовъ текстильной промышленности. Въ это время замѣчается сильное развитіе бумаготкацкаго производства, что стояло въ связи съ низкими цѣнами на англійскую пряжу, по преимуществу потребляемую русскими мануфактурами. Наоборотъ, русское льняное парусинное и полотняное производство, жившее до этого времени, главнымъ образомъ, спросомъ англійскаго паруснаго флота, теперь, съ переходомъ морскихъ силъ на паровые двигатели, начинаетъ значительно падать и постепенно вытѣсняется бумажными тканями. Наконецъ, что касается суконнаго производства, то оно встрѣчаетъ въ это время сильнаго конкуррента въ лицѣ польской суконной промышленности, поставленной въ болѣе благопріятныя условія, благодаря развитію въ Польшѣ овцеводства и возможности получать дешевую шерсть изъ сосѣдней Силезіи: въ Польшѣ возникаетъ въ это время крупный центръ шерстяного производства—Лодзь. Сильное развитіе бумаготкацкаго производства, кризисъ льняного производства и трудныя условія конкурренціи для производства суконнаго дѣлали для русской текстильной промышленности очень существеннымъ вопросъ о переходѣ къ машинному способу обработки. Этотъ переходъ, въ свою очередь, сильно, однако, затруднялся различными причинами. Вывозъ ткацкихъ и прядильныхъ машинъ изъ Англіи до 1843 г. англійскими законами былъ очень затрудненъ. Отечественное русское машиностроеніе, начавшее замѣтно развиваться съ 1825 г. (казенный Александровскій чугунолитейный и механическій заводъ и нѣсколько позднѣе заводы герцога Лейхтенбергскаго и Нобеля въ Петербургѣ, заводъ Доброва и Набгольца въ Москвѣ; казенный Луганскій заводъ на югѣ и др.), должно было въ тридцатыхъ и въ особенности въ сороковыхъ годахъ обслуживать прежде всего начавшееся въ это время желѣзнодорожное строительство и не всегда могло въ достаточной мѣрѣ удовлетворить запросы текстильной промышленности.

При вступленіи на престолъ императора Николая I дѣйствовалъ запретительный тарифъ 1822 г. съ тѣми частичными повышеніями пошлинъ на допущенные къ ввозу товары, какія были внесены въ него, главнымъ образомъ по фискальнымъ соображеніямъ, въ 1824 году. Законами отъ 1 августа 1822 г. и 30 іюня 1824 г. была возстановлена таможенная черта между Имперіей и Царствомъ Польскимъ, причемъ издѣлія, выработанныя внутри обѣихъ странъ изъ собственнаго сырья, при провозѣ черезъ черту, облагались значительно меньшею пошлиною, чѣмъ издѣлія изъ чужестранныхъ сырыхъ продуктовъ. Вслѣдствіе этого польскія сукна, при провозѣ въ Россію, были обложены 3%-ною пошлиною, а русскія хлопчатобумажныя издѣлія, при провозѣ въ Польшу—15%-ною. Это создавало возможность для польской суконной промышленности не только завладѣть внутреннимъ русскимъ рынкомъ, но и выгодно использовать открытый для нея транзитъ черезъ Россію съ Китаемъ. Съ 1821 г. былъ разрѣшенъ почти безпошлинный транзитъ европейскихъ товаровъ черезъ Закавказье. Хотя Канкринъ участвовалъ въ выработкѣ тарифа 1822 г., самъ лично онъ не сочувствовалъ системѣ таможенныхъ запрещеній и скорѣе стоялъ за охраненіе отдѣльныхъ видовъ отечественной промышленности высокими пошлинами на привозные товары. Эти взгляды были развиты въ его отчетахъ по управленію Министерствомъ Финансовъ за первые годы николаевскаго царствованія и удостоились Высочайшаго одобренія. Съ другой стороны, Канкринъ былъ противъ какого либо повышенія пошлинъ по фискальнымъ соображеніямъ, не сочувствовалъ свободному транзиту и находилъ необхо-

димымъ пересмотръ русско-польскаго таможенаго тарифа въ интересахъ русской промышленности.

Въ первые годы николаевскаго царствованія частичными измѣненіями тарифа, произведенными въ 1825, 1826 и 1830 гг., были разрѣшены къ ввозу, съ обложеніемъ ихъ высокими пошлинами, многіе изъ товаровъ, подлежащихъ по тарифу 1822 г. полному запрету. Канкрину приходилось въ это время бороться противъ стремленія къ чрезмѣрному повышенію пошлинъ по фискальнымъ соображеніямъ въ виду тѣхъ крупныхъ расходовъ, какіе были вызваны турецкою войною 1827—28 гг. Подавленіе польскаго возстанія 1830—31 гг. еще болѣе нарушило равновѣсіе государственнаго бюджета, и на этотъ разъ, по представленію самого Канкрина, таможенныя пошлины были огульно повышены на $12^1/_2$% «впредь до усмотрѣнія»; это повышеніе вошло и въ новое изданіе таможеннаго тарифа, послѣдовавшее въ 1833 г. Въ 1836 и 1838 г. послѣдовали дальнѣйшія частичныя ограниченія таможенныхъ запрещеній, а съ 1841 г.—общій пересмотръ тарифа, произведенный, «для соблюденія секрета», единолично министромъ финансовъ. Основаніемъ для этого пересмотра была необходимость по фискальнымъ соображеніямъ повысить таможенный доходъ, къ чему Канкринъ склонялся «весьма неохотно». Новый тарифъ былъ утвержденъ 28 ноября 1841 г. и частично измѣненъ и дополненъ 2 декабря 1842 г. Запретительныя статьи по этому тарифу были сведены къ самому незначительному числу; зато пошлина въ общемъ повышалась, и $12^1/_2$%-ная надбавка 1831 г. по многимъ статьямъ была включена въ общій окладъ. Всѣ тарифныя измѣненія 1825—1841 гг. отразились и на тѣхъ ставкахъ, которыя имѣли значеніе для текстильной промышленности. Привозимый до 1841 г. безпошлинно хлопокъ-сырецъ подвергся теперь пошлинному обложенію; значительно повысилась постепенно и пошлина на шерсть, а также на льняную, хлопчатобумажную и шерстяную пряжи. Почти полное запрещеніе ввоза бумажныхъ тканей къ 1841 г. было совершенно отмѣнено, но пошлины на хлопчатобумажныя издѣлія, равно какъ и на разрѣшенныя къ ввозу льняныя ткани, оставались очень высокими, а самимъ тарифомъ 1841 г. были и еще повышены. Высокою оставалась пошлина на привозимыя сукна.

Еще съ 1827 г. Канкринъ дѣлалъ представленія объ ограниченіи транзита европейскихъ товаровъ черезъ Закавказье, но встрѣтилъ тогда возраженіе со стороны Нессельроде. Императоръ Николай согласился съ послѣднимъ и повелѣлъ «считать сіе дѣло отложеннымъ до окончанія персидской войны и тогда войти съ онымъ вновь съ докладомъ». Въ 1831 г. этотъ транзитъ былъ закрытъ, но зато въ послѣдующіе годы было предпринятъ рядъ поощрительныхъ мѣръ для развитія взаимной торговли между Россіей и Персіей. Большія льготы устанавливались и для ввоза въ Россію китайскихъ товаровъ, въ особенности послѣ 1842 г., когда нанкинскій торговый договоръ между Китаемъ и Англіей открылъ для ввоза европейскихъ товаровъ рядъ китайскихъ гаваней: Кантонъ, Амой, Фучжоу, Нинъ-бо и Шанхай, что могло невыгодно отразиться на русской кяхтинской торговлѣ. Исходъ польскаго возстанія привелъ и къ пересмотру русско-польскихъ таможенныхъ отношеній. Еще въ 1826 г. министръ финансовъ царства Польскаго кн. Любецкій ходатайствовалъ передъ государемъ о полномъ уничтоженіи таможенной черты между Имперіей и Царствомъ, что создало бы еще болѣе невыгодныя условія для русской промышленности. Ходатайство Любецкаго встрѣтило сильныя возраженія со стороны Канкрина, и государь согласился съ этимъ послѣднимъ. Когда разразилось возстаніе, ввозъ товаровъ изъ Польши въ Россію былъ запрещенъ (2 января 1831 г.), что дало поводъ московскимъ суконопромышленникамъ еще до окончанія возстанія ходатайствовать передъ государемъ, чтобы впредь польскія сукна были обложены такою же пошлиною, какъ и иностранныя. Съ другой стороны, назначенный послѣ возстанія намѣстникомъ въ Польшу и пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя кн. Паскевичъ возражалъ противъ какихъ бы то ни было таможенныхъ измѣненій, которыя могли бы нанести ущербъ промышленности ввѣреннаго ему края. Императоръ Николай Павловичъ въ данномъ случаѣ сталъ, въ концѣ концовъ на сторону Канкрина, находившаго неудобнымъ сравнивать Царство Польское въ торговомъ отношеніи съ

иностранными государствами, но считавшаго необходимымъ измѣнить таможенныя условія въ интересахъ русской промышленности. Положеніемъ 12 ноября 1831 г. измѣнялись основанія русско-польскаго таможеннаго тарифа въ смыслѣ уравненія и, частью, повышенія пошлинъ на русскія и польскія издѣлія «какъ въ защиту обоюдной промышленности, такъ и для полученія умѣреннаго дохода, по крайней мѣрѣ для покрытія издержекъ по таможенной части». Эти измѣненія уравнивали теперь и пошлину на польскія сукна, привозимыя въ Россію, съ пошлиною на русскія бумажныя издѣлія при ввозѣ ихъ въ Польшу, устанавливая ту и другую въ размѣрѣ 15%. Новый тарифъ былъ окончательно опубликованъ 13 ноября 1834 г. Закрытый съ 1831 г. льготный транзитъ для польскихъ суконъ въ Китай былъ снова возстановленъ 11 марта 1832 г. Положеніе 1831 г. въ значительной степени возстанавливало равновѣсіе въ торговомъ балансѣ между Россіей и Польшей, до этого времени сильно нарушавшееся въ ущербъ русской торговли и промышленности.

Поворотъ въ таможенной политикѣ императора Николая I наступаетъ лишь послѣ отставки Канкрина, съ 1844 г. Возраставшій ввозъ въ Европу изъ Америки и Австраліи хлѣба, сала, мяса, словомъ тѣхъ товаровъ, которые поставлялись на европейскій рынокъ до этого времени, главнымъ образомъ, Россіей, но на которые въ русскомъ тарифѣ продолжали существовать вывозныя пошлины, заставлялъ опасаться за будущее русской оптовой торговли. Появившаяся въ это время записка комерсанта Попова указывала на необходимость, въ видахъ поддержанія русской внѣшней торговли, снять вывозныя пошлины и уменьшить пошлины на привозные товары. Съ этимъ совпалъ поворотъ и въ таможенной политикѣ Англіи, которая съ начала 40-хъ годовъ, въ интересахъ своей фабричной промышленности, начинаетъ входить въ соглашенія съ отдѣльными странами о взаимномъ облегченіи ввоза; съ такимъ же предложеніемъ Англія обратилась въ 1844 г. и къ Россіи. Разсмотрѣніе записки Попова было поручено государемъ императоромъ особому комитету, подъ предсѣдательствомъ гр. А. Ѳ. Орлова, членами котораго были назначены министръ путей сообщенія Клейнмихель, финансовъ—Вронченко, внутреннихъ дѣлъ—Перовскій а нѣсколько позже кн. А. С. Меньшиковъ и гр. П. Д. Киселевъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію о необходимости назначить особую Коммиссію изъ чиновниковъ отъ Министерства Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ, съ правомъ приглашать отдѣльныхъ лицъ изъ купцовъ и фабрикантовъ для всесторонняго обсужденія вопроса. Одновременно съ этимъ министръ финансовъ составилъ новую роспись, значительно уменьшавшую число запретительныхъ статей. И заключеніе комитета, и роспись министра финансовъ были утверждены 17 апрѣля 1845 г. Съ другой стороны, Государь Императоръ къ этому времени предрѣшилъ вопросъ о снятіи таможенной черты между Россіею и Польшею и о таможенномъ объединеніи обѣихъ частей государства. Для разсмотрѣнія этого вопроса былъ точно также назначенъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, въ который вошли: Нессельроде, Орловъ, Вронченко, Туркулъ и Самойловъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что таможенное объединеніе Россіи и Польши невозможно безъ общаго измѣненія русскаго тарифа, такъ какъ этотъ послѣдній въ его настоящемъ видѣ неминуемо нанесетъ ущербъ польской промышленности. Въ 1846 г. пересмотръ тарифа, по представленію канцлера Нессельроде и министра финансовъ Вронченко, былъ возложенъ на польскаго экономиста Тенгоборскаго. Выработанный этимъ послѣднимъ проектъ тарифа былъ переданъ на разсмотрѣніе въ комитетъ, составленный, подъ предсѣдательствомъ самого Тенгоборскаго, изъ членовъ отъ Министерства Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Иностранныхъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, а затѣмъ, для окончательной разработки, въ особую комиссію при Министерствѣ Финансовъ. Прошедшій затѣмъ черезъ Государственный Совѣтъ, новый тарифъ былъ утвержденъ 13 октября 1850 г. и вступилъ въ силу съ 1 января 1851 г.

Тарифомъ 1850 г. было произведено, въ общемъ, довольно сильное пониженіе пошлинъ на большинство привозимыхъ товаровъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ это пониженіе было лишь возвращеніемъ

къ ставкамъ до 1831 г. Въ частности была нѣсколько понижена пошлина на привозимую бумажную и, въ значительной степени, на льняную и шерстяную пряжи. Съ другой стороны, понизилась пошлина и на бумажныя и льняныя ткани и сукно. Пошлина была сильно понижена на привозимыя изъ-за границы машины, и отчасти, даже на чугунъ въ сыромъ видѣ, провозимый сухимъ путемъ (ввозъ чугуна моремъ былъ по прежнему запрещенъ). Вывозныя пошлины, въ общемъ, были сильно понижены, и вывозъ почти всѣхъ запрещенныхъ до этого времени товаровъ былъ разрѣшенъ. Таможенная черта между Имперіей и Царствомъ Польскимъ уничтожалась, но для Россіи и Польши по отношенію къ иностранной торговлѣ устанавливались дифференціальныя пошлины. Закавказскій тарифъ, точно также съ сохраненіемъ особыхъ ставокъ, былъ включенъ теперь въ общій. Въ 1851 г. были подтверждены ранѣе установленныя льготы для кяхтинской торговли, а въ слѣдующемъ году русско-китайскимъ торговымъ договоромъ, заключеннымъ въ Кульджѣ (21 іюля 1852 г.), для русской торговли были открыты Кульджа и Чугучакъ. Тарифъ 1850 г. долженъ былъ быть пересмотрѣнъ черезъ три года, но начавшаяся война этому помѣшала. Въ 1854 г., въ виду того, что русская морская торговля почти совершенно прекратилась, были лишь уменьшены пошлины для сухопутной торговли.

Новый тарифъ повліялъ нѣсколько на увеличеніе ввоза, но гораздо болѣе на увеличеніе вывоза товаровъ изъ Россіи. Достигавшій въ 1850 г. 77.383 тысячъ рублей, ввозъ съ 1852 г. поднялся до 83.118 тысячъ. Въ то же время вывозъ, равнявшійся въ 1850 г. 85.445 тысячамъ рублей поднялся въ 1852 г. до 160.050 тысячъ. Въ 1854 г., очевидно въ связи съ войною, послѣдовало сильное сокращеніе торговаго оборота: ввозъ упалъ до 54.425 тысячъ, а вывозъ до 33.521 тысячи рублей.

Такія событія, какъ паденіе континентальной системы, признаніе независимости Греціи и южно-американскихъ колоній Испаніи и Португаліи, созданіе въ 1832 г. Германскаго таможеннаго союза, обострившееся съ конца 20-хъ годовъ колоніальное соперничество въ Африкѣ, Англіи и Франціи и постепенное включеніе въ кругъ торговыхъ интересовъ европейскихъ державъ странъ Дальняго Востока въ корень измѣнило въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка положеніе европейской международной торговли. Всѣ эти событія не могли остаться безъ вліянія и на русскую экономическую политику. Представлялось необходимымъ опредѣлить отношеніе русской внѣшней торговли къ вновь создавшимся условіямъ и обезпечить ея интересы въ международныхъ сношеніяхъ. Въ николаевское царствованіе съ этою цѣлью былъ законченъ рядъ торговыхъ договоровъ и конвенцій. Свобода русской торговли и мореплаванія, выговоренная аккерманской конвенціи 1816 г. и адріанопольскимъ трактатомъ 1829 г., была въ 1846 г. подтверждена новымъ русско-турецкимъ торговымъ договоромъ, распространявшимъ теперь торговыя условія предыдущихъ соглашеній и на египетскій пошалыкъ. Въ 1832 г. взаимныя торговыя льготы, выговоренныя между Россіей и Даніей, были распространены на Курляндію и Великое Княжество Финляндское. Въ 1843 г. былъ заключенъ торговый договоръ на началахъ полной взаимности съ Англіей, чѣмъ окончательно ликвидировались послѣдніе отголоски континентальной системы. Такіе же договоры были заключены въ 1845 г. съ королевствами обѣихъ Сицилій и Сардинскимъ; въ 1846 — съ Австріей, Франціей (не распространявшійся на русскія произведенія отъ Азовскихъ и Черноморскихъ портовъ и на французскія — отъ Средиземноморскихъ портовъ) и съ Голландіей; въ 1850 г. — съ Бельгіей и Греціей; въ 1851 г.—съ Португаліей (не распространявшійся на товары, шедшіе на русскихъ или португальскихъ судахъ изъ Индіи и Китая). Торговый договоръ со Швеціей и Норвегіей былъ заключенъ еще въ 1826 г.; въ 1838 г. онъ былъ возобновленъ на прежнихъ основаніяхъ. Съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами были заключены: въ 1832 г. договоръ о торговлѣ и мореплаваніи на началахъ взаимности и въ 1855 г.— конвенція о морскомъ нейтральтетѣ. Наконецъ, въ 1848 г. Россія примкнула къ договору, заключенному между Англіей, Австріей, Бельгіей, Пруссіей и Франціей объ уничтоженіи торговли невольниками.

Главное финансовое мѣропріятіе николаевскаго царствованія, реформа денежнаго обращенія, вызывалось, прежде всего, за-

ботами объ облегченіи и развитіи торговыхъ сношеній, сильно страдавшихъ отъ указанныхъ выше неустойчивости и разнообразія курса бумажнаго рубля. Эта реформа выразилась въ замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами, размѣнивавшимися полностью на серебро и потому обязательными при платежахъ къ пріему по ихъ нарицательному достоинству. Осуществленію этой реформы благопріятствовала, въ значительной степени, кредитная политика первой половины николаевскаго царствованія. Въ основу этой политики гр. Канкринымъ было положено требованіе по возможности «избѣгать новыхъ займовъ, а особливо заграничныхъ». Выполнить это требованіе цѣликомъ мѣшали, однако, экстренныя обстоятельства—дорого стоившія войны 1828—29 гг. и подавленіе польскаго возстанія, а также такія бѣдствія, какъ неурожаи и холерная эпидемія. Въ 1828—31 гг. правительство принуждено было заключить для покрытія военныхъ расходовъ два новыхъ внѣшнихъ займа (5%) въ общей сложности на нарицательную сумму около 24 милліоновъ рублей. Не обойдясь совершенно безъ внѣшнихъ займовъ, Канкринъ старался покрывать остававшійся за этимъ дефицитъ внутреннимъ кредитомъ. Источникомъ для послѣдняго явилось старое средство—«позаимствованія» государственнаго казначейства изъ государственныхъ кредитныхъ установленій; съ 1831 г. къ этому средству прибавилось новое—выпускъ «билетовъ государственнаго казначейства» (серій), являвшихся краткосрочнымъ процентнымъ внутреннимъ займомъ.

Съ 1831 г. по 1840 г. правительству императора Николая удалось обойтись совершенно безъ внѣшнихъ займовъ; только въ 1840 г. былъ заключенъ новый 4%-ный заемъ на 25 милл. руб. Внутренній процентный долгъ, зато, съ начала царствованія, увеличился: по «позаимствованіямъ» (главнымъ образомъ, изъ Заемнаго Банка и сохранныхъ казенъ) на 117 милліоновъ руб. сер.; по выпускамъ серій—на 72 милл. руб. асс. Практика «позаимствованій» позволяла государственнымъ кредитнымъ установленіямъ платить довольно высокій процентъ на притекаемые въ нихъ частные вклады, что, въ свою очередь, значительно увеличивало эти послѣдніе. Вкладные банковые билеты имѣли, наряду съ деньгами, широкое обращеніе, вексельный курсъ стоялъ довольно высоко, и приливъ звонкой монеты въ Россіи увеличивался. Создавались благопріятныя условія для образованія размѣннаго металлическаго фонда, необходимаго для обезпеченія бумажныхъ денегъ.

Для привлеченія звонкой монеты въ государственное казначейство еще съ 1827 г., былъ разрѣшенъ пріемъ серебра по тѣмъ казеннымъ платежамъ, которые до этого времени обязательно производились ассигнаціями. Серебро принималось правительствомъ по заблаговременно назначаемому министромъ финансовъ курсу, и это постепенно создало большую устойчивость въ отношеніи между серебрянымъ рублемъ и ассигнаціоннымъ. Въ 1834 г. были приняты первыя принудительныя мѣры противъ «простонароднаго лажа»: Высочайшимъ указомъ 8 октября этого года было запрещено заключеніе и писаніе денежныхъ обязательствъ, а также расчеты по найму рабочихъ, хотя бы и словесно, «по курсу на монету». Съ конца 1836 г. казеннымъ палатамъ было предписано всѣ выдачи, опредѣленныя звонкою монетою, непремѣнно такъ и производить, такъ какъ получатели «не имѣютъ права отказываться отъ принятія оной и требовать вмѣсто того ассигнацій». Курсъ на ассигнаціи подымался, но «простонародный лажъ» не уничтожался. Въ 1837 г. императоръ Николай Павловичъ обратилъ на это особое вниманіе и указалъ, что «сей предметъ повсемѣстной жалобы требуетъ необходимо соображеній министра финансовъ». Канкринъ представилъ по этому поводу въ Государственный Совѣтъ свои соображенія, которыя и обсуждались, неоднократно видоизмѣняясь, въ 1837 и по 1839 г. въ общемъ собраніи Совѣта и на засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи. Результатомъ этого былъ Высочайшій Манифестъ отъ 1 іюля 1839 г. объ устройствѣ денежной системы и Указъ отъ того же числа Правительствующему Сенату объ учрежденіи депозитной кассы.

Манифестомъ устанавливалось новое серебряное обращеніе; главною монетною единицею, на которую исчислялись всѣ государственные платежи, и на которую единственно и могли заключаться (съ 1 января 1840 г.) всѣ сдѣлки и условія какъ между частными лицами, такъ и съ каз-

ною, объявлялся серебряный рубль. Государственныя ассигнаціи объявлялись вспомогательнымъ знакомъ цѣнности съ единожды навсегда установленнымъ курсомъ въ 3 р. 50 к. за серебряный рубль. Производить платежи предоставлялось на волю какъ серебромъ, такъ и ассигнаціями, но послѣдними—лишь по установленному курсу. Казначействамъ вмѣнялось въ обязанность свободно обмѣнивать серебро на ассигнаціи и обратно до 100 руб. на одвѣ руки. Манифестомъ 1 іюля 1839 г. признавалось, такимъ образомъ, частичное банкротство государства. Указомъ Правительствующему Сенату при Государственномъ Коммерческомъ Банкѣ учреждалась особая депозитная касса для пріема на неприкосновенное храненіе серебра (вначалѣ только серебряная монета, а съ 1841 г. также серебро и золото въ слиткахъ) съ тѣмъ, чтобы эти вклады ни на какой расходъ, кромѣ обратнаго промѣна не употреблялись. Взамѣнъ вкладовъ касса выдавала билеты («депозитки»), вначалѣ лишь 25-рублеваго, а потомъ и болѣе мелкаго достоинства, которымъ, наравнѣ съ серебряною монетою, присваивалось свободное обращеніе безъ всякаго лажа, и которыя всегда обязательно обмѣнивались обратно на серебро.

Притокъ въ депозитную кассу частныхъ вкладовъ, вначалѣ весьма незначительный, съ 1841 г. началъ быстро возрастать. Къ 1-му сентября 1843 г. въ обращеніи находилось депозитныхъ билетовъ на сумму 48,5 милліоновъ р. сер.; дальнѣйшій выпускъ ихъ былъ прекращенъ. Почти одновременно съ реформою денежнаго обращенія и учрежденіемъ депозитной кассы возникла мысль и о замѣнѣ самихъ ассигнацій новыми бумажными знаками («кредитными билетами»), которые исчислялись бы на серебро. Мысль объ этомъ, въ ея первоначальной формѣ, принадлежала самому императору Николаю Павловичу.

Въ виду тяжелыхъ условій (повсемѣстный неурожай) для поступленія государственныхъ доходовъ на 1841 г., государь собралъ подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ комитетъ, составленный изъ наслѣдника и нѣсколькихъ министровъ и членовъ Государственнаго Совѣта и предложилъ отъ себя проектъ выпуска, для выдачи ссудъ кредитнымъ установленіямъ, особыхъ билетовъ-ассигнацій, которымъ присваивалось наименованіе «сохранныхъ»; эти билеты получали право свободнаго обращенія наравнѣ со звонкою монетою и приносили въ годъ 3,65%. Это предложеніе, еще до внесенія въ комитетъ, встрѣтило возраженія со стороны Канкрина, который указывалъ, что нельзя выпускать билеты съ процентомъ ниже банковаго (4%) и въ то же время съ принудительнымъ обращеніемъ, не подвергаясь опасности, что они упадутъ въ цѣнѣ. При дальнѣйшемъ обсужденіи въ комитетѣ записки государя и возраженій на нее Канкрина, остановились на новомъ предложеніи Николая Павловича—выпустить безпроцентные билеты, обезпеченіемъ для которыхъ явился бы свободный во всякое время размѣнъ ихъ на звонкую монету. 1-го іюля 1841 г. былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ о выпускѣ «кредитныхъ билетовъ»—«для облегченія оборотовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и для умноженія, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ народномъ обращеніи массы легкоподвижныхъ денежныхъ знаковъ». Всего новыхъ билетовъ предназначалось къ выпуску на сумму 30 милл. р. по 50 р. каждый. Они обезпечивались всѣмъ достояніемъ государственныхъ кредитныхъ установленій и свободнымъ во всякое время размѣномъ на звонкую монету, для чего образовывался по мѣрѣ выпуска билетовъ особый металлическій фондъ въ размѣрѣ $^1/_6$ суммы всѣхъ выпущенныхъ билетовъ. Операція была произведена успѣшно, и тогда у Николая Павловича появилась новая мысль—о замѣнѣ всѣхъ обращавшихся бумажныхъ денегъ, т. е. и ассигнацій и депозитокъ кредитными билетами.

Обмѣнъ мнѣній между государемъ и министромъ финансовъ по этому вопросу вызвалъ со стороны перваго двѣ записки, ходъ разсужденія которыхъ сводился къ слѣдующему. Для выкупа 595 милл. руб. ассигнаціями по курсу 1839 г. (3 р. 50 к. за рубль серебра) требуется серебряный фондъ въ 170 милл. руб. Этотъ фондъ можетъ быть замѣненъ выпускомъ соотвѣтствующей суммы кредитныхъ билетовъ, а для обезпеченія этихъ послѣднихъ, какъ было уже признано, необходимо имѣть металлическій фондъ въ размѣрѣ $^1/_6$ всѣхъ вышеуказанныхъ билетовъ. Такимъ образомъ, для выкупа кредитными билетами 595 милл. руб. ассигнаціями требуется всего 28,5 милл. серебр. монеты. Въ данный моментъ такимъ фондомъ располагать можно; къ тому же можно извѣстнымъ обра-

зомъ использовать и фондъ депозитной кассы. Обращать его прямо на обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, конечно, нельзя. По дальнѣйшій выпускъ депозитокъ долженъ быть прекращенъ; поступающія въ казну по платежамъ депозитки подлежатъ уничтоженію, а соотвѣтствующая часть депозитнаго фонда идетъ на обезпеченіе кредитныхъ билетовъ.

Канкринъ отнесся къ этимъ мыслямъ Государя Императора съ большимъ опасеніемъ, предвидя, что впослѣдствіи кредитные билеты постигнетъ та же судьба, какая постигла въ свое время ассигнаціи.

Его собственное положеніе къ этому времени, однако, уже нѣсколько пошатнулось, и въ своихъ возраженіяхъ государю онъ не былъ поддержанъ другими министрами. 1 іюня 1843 г. послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ о замѣнѣ ассигнацій и другихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ кредитными билетами. Въ тотъ же день былъ обнародованъ уставъ вновь учреждаемой Экспедиціи кредитныхъ билетовъ. Первоначальный проектъ манифеста и устава былъ составленъ Канкринымъ; въ окончательной редакціи часть правилъ, касающихся выпуска кредитныхъ билетовъ и оборотовъ фонда, была перенесена изъ манифеста въ особую инструкцію Экспедиціи, неподлежащую опубликованію.

Обращавшіяся на сумму 595.776.310 р. ассигнаціи подлежали замѣнѣ кредитными билетами на сумму 170.221.800 р. Сверхъ обращавшихся уже 50-рублевыхъ билетовъ теперь выпускались билеты въ 25, 10, 5, 3 и 1 руб., а позднѣе и въ 100 руб. Для обезпеченія кредитныхъ билетовъ составлялся металлическій фондъ въ 28,5 руб.: 14,5 милл. руб.—изъ государственныхъ запасныхъ капиталовъ, а 14 милл.—изъ количества звонкой монеты, поступавшей сюда за перешедшіе въ собственность казны депозитные билеты.

Реформа денежнаго обращенія, завершившаяся обмѣномъ всѣхъ бумажныхъ знаковъ на кредитные билеты, на первыхъ порахъ имѣла результаты, благопріятные для внѣшняго и внутренняго оборота. Денежная система получила бо̀льшую устойчивость. Одновременно съ этимъ высокій денежный курсъ способствовалъ дальнѣйшему приливу въ Россію звонкой монеты. Къ послѣднему сроку, назначенному для обмѣна ассигнацій, къ 13 апрѣля 1851 г., осталось не обмѣненными всего около 3,5 милл. рублей асс. Кредитные билеты выпускались первыя пять лѣтъ послѣ манифеста 1843 г. сравнительно въ умѣренномъ количествѣ, и обезпечивающій ихъ металлическій фондъ значительно превосходилъ 1/6 суммы общаго количества билетовъ. Къ 1 января 1848 г. было выпущено кредитныхъ билетовъ на сумму 289,6 милл. руб.; обезпечивающій ихъ фондъ достигалъ 117,9 милл. руб. Но уже въ 1848 г., въ связи съ политическими потрясеніями на Западѣ и стѣсненіемъ европейскаго денежнаго рынка, нашъ вексельный курсъ понизился, спросъ на звонкую монету увеличился, и на серебро возникъ небольшой лажъ. Вмѣшательства Россіи въ западно-европейскія событія съ цѣлью подавленія революціонныхъ движеній потребовали крупныхъ экстренныхъ расходовъ на военныя нужды (приведеніе арміи на военное положеніе, венгерская кампанія). Къ 1 января 1853 г. сумма всѣхъ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ увеличилась уже до 311,4 милл. руб. Съ 1853 г. новыхъ крупныхъ расходовъ потребовала начавшаяся крымская кампанія, что вызвало и новый выпускъ кредитныхъ билетовъ, и значительное сокращеніе металлическаго размѣннаго фонда. Къ концу царствованія императора Николая I государственный долгъ въ кредитныхъ билетахъ достигъ уже 356,3 милл. р. Съ февраля 1854 г. свободный размѣнъ ихъ былъ ограниченъ, и къ февралю 1855 г. кредитный рубль упалъ до 96 коп. серебр.

Одновременно съ этимъ во вторую половину николаевскаго царствованія (что почти совпадаетъ съ уходомъ въ отставку гр. Канкрина) наблюдается гораздо болѣе быстрое, сравнительно съ первой половиной, возрастаніе государственнаго процентнаго долга. Внѣшній долгъ начинаетъ возрастать съ 1842 г., что вызывалось сперва крупными издержками по постройкѣ желѣзной дороги Москва-Петербургъ, а позднѣе все тѣми же военными расходами. Съ 1842 по 1849 г. было заключено четыре 4%-ныхъ займа на общую номинальную сумму 42 мил. руб. Участіе въ венгерской кампаніи привело къ заключенію еще одного 4,5%-наго займа приблизительно на 35 мил. руб. Для покрытія расходовъ крымской кампаніи былъ заключенъ въ 1854 г. 5%-ный заемъ на 50 мил. руб. Внѣшній долгъ увеличился въ общемъ, на 127 мил. руб. и возросъ къ концу царство-

ванія до 278 мил. руб. Одновременно съ этимъ «позаимствованія» изъ государственныхъ кредитныхъ установленій увеличились за тѣ же годы до 284 мил. руб.; общая сумма ихъ къ 1855 г. достигала цифры 507 мил. руб. Наконецъ, билетовъ государственнаго казначейства въ 1855 г. находилось въ обращеніи на 75 мил. руб., Общая сумма государственнаго долга, какъ процентнаго, такъ и безпроцентнаго достигла, такимъ образомъ, 1.216 мил. руб., т. е. увеличилась, сравнительно съ нач. 1826 г., болѣе, чѣмъ на 800 мил. руб. Въ то время, какъ съ 1821 г. по 1840 г. государственный долгъ возросъ съ 377 мил на 464 мил. руб. серебромъ, т. е. увеличился немного болѣе, чѣмъ на ¼, съ 1840 по 1855 г. онъ увеличился почти втрое.

Въ связи съ экономическими и финансовыми мѣропріятіями николаевскаго царствованія должны быть отмѣчены заботы о развитіи путей сообщенія. Хорошо освѣдомленный въ инженерномъ дѣлѣ, императоръ Николай Павловичъ самъ лично особенно интересовался этою отраслью управленія, хотя, быть можетъ, и выдвигалъ на первый планъ не столько экономическое, сколько стратегическое и политическое значеніе путей сообщенія. На его царствованіе относится почти половина всей сѣти шоссейныхъ дорогъ, построенныхъ государствомъ до послѣдняго времени; ему принадлежитъ починъ и проведеніе первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Вѣдомство путей сообщенія въ николаевское царствованіе сосредоточивалось по прежнему въ Главномъ Управленіи водными и сухопутными сообщеніями, но компетенція этого послѣдняго была теперь значительно расширена. Въ 1832 г. къ нему была присоединена изъятая изъ вѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ строительная часть гражданскаго вѣдомства, и управленіе было переименовано въ Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Дальнѣйшее расширеніе компетенціи этого вѣдомства послѣдовало въ 1842 г., когда при немъ былъ учрежденъ особый департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Во главѣ Управленія стоялъ до 1833 г. герцогъ Александръ Виртембергскій (съ 1822 г.), съ 1833 по 1842 г.—гр. К. Ѳ. Толь, а съ 1842 г.—гр. П. А. Клейнмихель, служившій раньше при Аракчеевѣ, выдвинувшійся быстрою отстройкою Зимняго Дворца послѣ пожара 1838 г. и пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя. Постройки производились, по преимуществу, корпусомъ военныхъ инженеровъ. Слабою стороною дорожнаго строительства николаевскаго времени считается чрезмѣрная дороговизна работъ и недостаточное соблюденіе гигіеническихъ условій для рабочихъ.

Для развитія грунтоваго сообщенія имѣлъ большое значеніе законъ 24 марта 1833 г., устанавливавшій основныя правила устройства и содержанія дорогъ въ государствѣ. Всѣ дороги раздѣлялись на пять классовъ: 1. дороги главныхъ сообщеній, или государственныя, содержимыя отъ казны на счетъ особаго 25-копѣечнаго сбора; 2. дороги большихъ губернскихъ сообщеній, содержимыя на счетъ земскихъ повинностей губернскими властями подъ главнымъ распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; 3. дороги обыкновенныхъ почтовыхъ сообщеній, изъ губерніи въ губернію, оставленныя въ вѣдѣніи губернскихъ учрежденій; 4. дороги уѣздныхъ сообщеній — въ вѣдѣніи земской полиціи и 5. дороги сельскія и полевыя—на обязанности мѣстныхъ владѣльцевъ и казенныхъ крестьянъ. Для перваго и второго классовъ намѣчалась цѣлая сѣть шоссейныхъ дорогъ, частью уже открытыхъ, частью лишь проектируемыхъ (изъ послѣднихъ не всѣ были открыты, а направленіе нѣкоторыхъ было измѣнено). Съ 1842 г. въ вѣдѣніе Главнаго Управленія Путей Сообщенія были переданы, кромѣ перваго класса, и всѣ губернскія шоссе. При императорѣ Николаѣ частью были закончены, частью вновь построены: С.-Петербургско-Московское шоссе, С.-Петербургско-Варшавское, черезъ Динабургъ (Двинскъ) и Ковно, Московско-Брестское, Московско-Нижегородское и Кіево-Брестское; при немъ же была закончена постройка Военно-Грузинской дороги. Въ общей сложности въ николаевское царствованіе было проложено болѣе 8.000 верстъ шоссейныхъ дорогъ. Отсутствіе достаточнаго контроля надъ вѣдомствомъ путей сообщенія, въ особенности, когда во главѣ его былъ поставленъ пользовавшійся исключительнымъ довѣріемъ государя Клейнмихель, и нерадивость губернскаго управленія были причиною того, что въ концѣ царствованія Николая Павловича дороги далеко не всегда находились въ исправномъ состояніи, и это дало себя

чувствовать, когда началась крымская кампанія.

Начало желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи при императорѣ Николаѣ относится къ 1837 г. Вопросъ о преимуществѣ желѣзныхъ дорогъ передъ грунтовыми (какъ въ смыслѣ проложенія рельсовой колеи, такъ и въ смыслѣ замѣны конной тяги паровою) въ это время на Западѣ не являлся еще окончательно рѣшеннымъ, и желѣзнодорожная сѣть въ Европѣ была еще очень слабо развита (къ 1838 г. въ Англіи было около 650 килом., во Франціи—около 400 килом., во всей Германіи — 140 килом,. въ Австріи — 18 килом. желѣзнодорожнаго пути). Въ 1835 г. профессоръ Вѣнскаго Политехническаго Института фонъ-Герстнеръ ходатайствовалъ о предоставленіи ему привилегіи на 20 лѣтъ (на исключительно льготныхъ для него условіяхъ) на постройку желѣзныхъ дорогъ во всей Россійской Имперіи, въ Царствѣ Польскомъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Ходатайство Герстнера разсматривалось въ особомъ комитетѣ, въ составъ котораго, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя входили: предсѣдатель Государственнаго Совѣта Н. И. Новосильцевъ, главноуправляющій Путями Сообщенія гр. К. Ѳ. Толь; министры: финансовъ гр. Е. Ф. Канкринъ, военный гр. А. Чернышевъ и внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ, гр. М. М. Сперанскій, ген.-ад. кн. Волконскій и гр. Бенкендорфъ. Толь и въ особенности Канкринъ высказывались противъ желѣзныхъ дорогъ. Государь съ самаго начала былъ твердо убѣжденъ въ ихъ пользѣ. Комитетъ призналъ пользу постройки желѣзныхъ дорогъ, но отклонилъ ходатайство Герстнера, находя его недостаточно обоснованнымъ. Герстнеръ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ—о разрѣшеніи ему постройки, въ видѣ опыта, желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Царскаго Села. Это ходатайство было удовлетворено, и съ 30 октября 1837 г. открылось движеніе по рельсовому пути между означенными пунктами (25 верстъ), при чемъ поѣзда съ паровою тягою первое время ходили лишь по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ, по буднямъ же—на лошадяхъ. Ежедневное отправленіе поѣздовъ съ паровою тягою по царскосельской желѣзной дорогѣ началось лишь съ 4 апрѣля 1838 г.

Черезъ-чуръ высокая стоимость постройки царскосельской дороги возбудила новыя сомнѣнія въ пользѣ этого вида путей сообщенія, и когда, въ концѣ того же 1838 г., въ Комитетъ Министровъ была передана для обсужденія поданная Государю записка о желѣзныхъ дорогахъ т. сов. Н. Муравьева, то Комитетъ и на этотъ разъ отнесся къ этой мысли отрицательно. Николай Павловичъ предписалъ, однако, Толю заняться подробнѣе соображеніями о проведеніи желѣзной дороги отъ Петербурга до Рыбинска. Къ этому времени была уже начата постройкою (съ 1839 г.) Варшавско-Вѣнская желѣзная дорога въ Царствѣ Польскомъ (308 верстъ). Съ 1837 г. по 1840 г. состоялись командировки, для ознакомленія съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ на Западѣ: военныхъ инженеровъ, полковника Крафта, подполковника Мельникова и капитана Кербедза. Доклады этихъ лицъ, сдѣланные ими по ихъ возвращеніи, не измѣнили взглядовъ большинства министровъ, которые по прежнему относились къ вопросу о желѣзныхъ дорогахъ отрицательно. Есть извѣстіе, что послѣ обсужденія этого вопроса въ Комитетѣ Государь объявилъ свою Высочайшую волю, чтобы было немедленно приступлено къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ между обѣими столицами. При этомъ онъ будто бы добавилъ, что такъ какъ всѣ министры высказались противъ этого, то онъ назначаетъ для этого особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, а при Комитетѣ—Строительную Коммиссію.

Комитетъ былъ открытъ 29 января 1842 г.; членами его были назначены: Толь, Канкринъ, Бенкендорфъ, Орловъ, Левашовъ, Киселевъ, А. Перовскій, М. Дестремъ, герцогъ М. Лейхтенбергскій и гр. Бобринскій. 11 апрѣля 1842 г. умеръ гр. Толь, и на его мѣсто былъ назначенъ Клейнмихель, одинъ изъ немногихъ высказывавшійся за желѣзныя дороги. Строительная Коммиссія была упразднена и взамѣнъ ея при Главномъ Управленіи былъ учрежденъ Департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Постройкою С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги вѣдалъ попрежнему особый комитетъ. По вопросу о направленіи этой дороги мнѣнія въ Комитетѣ раздѣлились: одни стояли за то, чтобы вести дорогу черезъ Новгородъ, другіе—за прямое направленіе на Москву. Резолюція государя рѣшила этотъ вопросъ

въ пользу второго направленія. Въ 1847 г. было открыто движеніе отъ Петербурга до Колпина; 1 ноября 1851 г. послѣдовало открытіе всей дороги до Москвы (605 верстъ). Еще 15 февраля 1851 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о постройкѣ желѣзной дороги между Петербургомъ и Варшавою. Война остановила начатыя работы, и при Николаѣ I движеніе было открыто (въ 1853 г.) лишь до Гатчины (42 вер.).

Всего въ николаевское царствованіе было построено 980 верстъ желѣзнодорожной сѣти. Къ этому времени (1855 г.) во Франціи было уже 5.535 килом., а въ Германіи болѣе 6,000 килом. желѣзнодорожнаго пути.

Гражданское управленіе принимаетъ въ николаевское царствованіе своеобразный военный оттѣнокъ. Цѣлыя отрасли управленія и отдѣльныя вѣдомства получаютъ въ это время военное устройство, образуя въ такомъ случаѣ особые корпуса (корпусъ лѣсничихъ; главное управленіе путей сообщенія и корпусъ инженеровъ путей сообщенія и т. п.). Во главѣ отдѣльныхъ отраслей гражданскаго управленія очень часто стоятъ военнаго вѣдомства: министръ государственныхъ имуществъ генералъ-адъютантъ гр. Киселевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода полковникъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) гр. Протасовъ и др. Съ другой стороны, само военное управленіе, выдѣляется въ это царствованіе изъ общей системы государственнаго управленія, преобразовывается на началахъ бо̀льшаго объединенія и преобладанія бюрократическаго элемента.

Въ концѣ александровскаго царствованія высшее военное управленіе дѣлилось между начальникомъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества (въ то время—гр. Дибичъ), сосредоточивавшемъ въ своемъ непосредственномъ подчиненіи строевую часть, и военнымъ министромъ (гр. Татищевъ), вѣдавшимъ хозяйственную часть. Военный министръ былъ подчиненъ начальнику Главнаго Штаба и не имѣлъ права непосредственнаго доклада у государя императора. Кромѣ того, нѣкоторыя отрасли военнаго управленія (военныя учебныя заведенія, находившіяся въ вѣдѣніи цесаревича Константина Павловича, и военныя поселенія) стояли особнякомъ и лица, поставленныя во главѣ этихъ отраслей имѣли особый докладъ у государя императора. Особый докладъ имѣли, наконецъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ и генералъ-инспекторъ инженерной части. Служба Генеральнаго Штаба лежала на Свитѣ Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, во главѣ которой стоялъ особый генералъ-квартирмейстеръ, входившій въ составъ Главнаго Штаба Его Величества.

26 августа 1828 года, послѣ выхода въ отставку гр. Татищева, управляющимъ военнымъ министерствомъ былъ назначенъ гр. А. И. Чернышевъ (съ 16 апр. 1841 г. — свѣтлѣйшій князь), пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя, находившій поддержку и Дибича и, вообще, быстро начавшій возвышаться послѣ вступленія Николая Павловича на престолъ. 11 апрѣля 1828 г., за отъѣздомъ Дибича на театръ военныхъ дѣйствій, Чернышевъ былъ назначенъ управляющимъ Главнымъ Штабомъ съ оставленіемъ въ должности военнаго министра, и такимъ образомъ военнаго управленія строевая и хозяйственная части фактически объединились. Какихъ-либо систематическихъ преобразованій въ высшемъ военномъ управленіи въ первые годы николаевскаго царствованія произведено однако, не было: вниманіе военнаго вѣдомства было поглощено войнами 1826—29 гг. и польскимъ возстаніемъ, и все дѣло ограничилось до поры до времени лишь частичными мѣропріятіями. Въ 1831 г. гр. Чернышевъ представилъ государю записку «Краткое обозрѣніе порядка военнаго управленія и способа преобразованія онаго», въ которой излагалъ планъ преобразованія военнаго управленія на началахъ полнаго объединенія строевой и хозяйственной частей. Императоръ Николай Павловичъ отнесся къ запискѣ Чернышева очень внимательно, сдѣлалъ на ней рядъ замѣчаній и въ особой запискѣ самъ, съ своей стороны, намѣтилъ тѣ основанія, на которыхъ должно было быть преобразовано военное управленіе. Эти основанія сводились къ слѣдующему. Во главѣ военной части стоитъ военный министръ, единственный докладчикъ государю по всѣмъ частямъ военнаго управленія. При военномъ министерствѣ учреждается военный совѣтъ, которому поручается управленіе всею хо-

зяйственною частью военнаго вѣдомства, а именно: департаментами—артиллерійскимъ, инженернымъ, коммиссаріатскимъ, провіантскимъ и медицинскимъ и хозяйственною частью военныхъ поселеній по части отчетной. Самъ военный министръ непосредственно управляетъ строевою частью, а именно: инспекторскимъ департаментомъ, квартирмейстерскою частью, артиллерійскою и инженерною частями (во главѣ которыхъ оставлялись генералъ фельдцейхмейстеръ и генералъ-инспекторъ по инженерной части, но безъ права доклада Государю) главнымъ штабомъ военныхъ поселеній и военно-учебными заведеніями. Главный Штабъ Его Императорскаго Величества, какъ учрежденіе, упраздняется; наименованіе главнаго штаба сохраняется лишь для совокупности нѣкоторыхъ должностей (самого военнаго министра, генералъ-квартирмейстера, генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-инспектора инженеровъ и др.). Аудиторіатъ составляетъ особый департаментъ военнаго министерства подъ начальствомъ генералъ-аудитора. Управленіе генералъ-квартирмейстера остается на прежнемъ основаніи. На этихъ началахъ и былъ выработанъ «проэктъ образованія военнаго министерства», утвержденный 1-го мая 1832 г. и приведшій къ окончательному «учрежденію военнаго министерства» 29 мая 1836 г. Одновременно съ этимъ, какъ было уже указано выше, постановлялось, что рѣшенія военнаго совѣта по вопросамъ военнаго законодательства представляются непосредственно Государю Императору помимо Государственнаго Совѣта, и что никакое учрежденіе или лицо не въ правѣ требовать объясненій или давать указанія военному совѣту, какъ учрежденію, непосредственно подчиненному Верховной Власти. Позднѣе, когда въ 1848 г. Чернышевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, интересы военнаго управленія нашли въ немъ вліятельнаго защитника и въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ.

Одновременно съ реформою военнаго управленія была произведена, послѣ волненій 1831 г., реформа военныхъ поселеній, въ сущности совершенно ихъ упразднившая. Въ пѣхотѣ округа военныхъ поселеній были переименованы въ округа пахотныхъ солдатъ, предназначенные лишь для расквартированія войскъ и обязанные сами лишь обыкновенною рекрутскою повинностью. Въ кавалеріи дѣйствующая часть полковъ была отдѣлена отъ поселенной, и на послѣднюю точно также была возложена рекрутская повинность. Новыя военныя поселенія на такихъ началахъ были устроены въ царствованіе Николая Павловича въ 1837 г. въ кіевской и подольской губерніяхъ (изъ конфискованыхъ имѣній польскихъ мятежниковъ и, съ 1838 г., г. Умань), на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Съ 1835 г. департаментъ военныхъ поселеній вѣдалъ и иррегулярныя (казачьи) войска. На устройство и развитіе послѣднихъ въ николаевское царствованіе было обращено большое вниманіе, главнымъ образомъ, въ виду необходимости заселенія и обороны вновь занятыхъ земель на Кавказѣ, въ Закаспійскомъ краѣ и на Амурѣ. Отдѣльныя казачьи войска получили новыя положенія (въ 1835 г.—положеніе войска Донского, послужившее образцомъ и для другихъ; въ 1840—для Оренбургскаго, въ 1842 г.—для Черноморскаго, въ 1844—для вновь образованнаго въ 1828 г. Дунайскаго, въ 1845 г.—для Кавказскаго линейнаго и Астраханскаго; въ 1846 — для Сибирскаго линейнаго). Отличительной чертой этихъ положеній было: большее подчиненія казачьихъ войскъ центральному военному управленію; введеніе въ казачьихъ войскахъ правильныхъ строевыхъ уставовъ; большее разграниченіе въ мѣстномъ казачьемъ управленій военной и гражданской части и большее обособленіе казачьяго населенія отъ другихъ сословій при лучшемъ обезпеченіи его землею.

Реформа 1832-36 гг., окончательно объединившая военное вѣдомство и поставившая во главѣ его военнаго министра, повлекла за собою рядъ видоизмѣненій во взаимоотношеніи отдѣльныхъ частей военнаго управленія, что, въ свою очередь, налагало опредѣленный отпечатокъ на общій характеръ этого управленія въ николаевское царствованіе. Изъ этихъ измѣненій особенно существеннымъ является измѣненіе положенія квартирмейстерской части. На свиту по квартирмейстерской части въ началѣ николаевскаго царствованія правительство смотрѣло съ предубѣжденіемъ, что объяснялось преувеличеннымъ представленіемъ объ участіи офицеровъ свиты въ заговорѣ 14 декабря. Въ іюнѣ 1827 года послѣдовало

переименованіе свиты по квартирмейстерской части въ Генеральный Штабъ, съ присоединеніемъ къ нему военно-топографическаго депо и корпуса топографовъ, въ чемъ уже видѣли приниженіе службы бывшихъ «свитскихъ офицеровъ». Одновременно съ этимъ измѣнился и способъ комплектованія бывшей квартирмейстерской части. Въ концѣ александровскаго царствованія было два учебныхъ заведенія, изъ которыхъ по преимуществу выходили въ квартирмейстерскую часть; устроенное въ 1819 г. М. Н. Муравьевымъ въ Москвѣ «Учебное заведеніе для колонновожатыхъ», въ которомъ было обращено главное вниманіе на спеціальную научную подготовку, что согласовалось съ общей постановкой дѣла въ квартирмейстерской части, когда во главѣ ея стоялъ (1814 г.) тогдашній начальникъ Главнаго Штаба свѣтл. кн. П. М. Волконскій, и открытое въ 1820 г. по предложенію бар. И. И. Дибича, офицерское училище при штабѣ 1-й арміи въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, отличавшееся болѣе элементарнымъ характеромъ преподаванія, но за то болѣе строгими требованіями по строевой части. Въ 1823 г., когда Волконскаго постигла Высочайшая немилость, начальникомъ Главнаго Штаба былъ назначенъ Дибичъ и въ военномъ управленіи боевыя традиціи 1812—14 гг. уступили мѣсто увлеченію отжившей уже свой вѣкъ фридриховскою линейною тактикою, личный составъ муравьевскаго учебнаго заведенія былъ переведенъ въ Петербургъ, и здѣсь было открыто казенное училище колонновожатыхъ, закрытое учебное заведеніе, приближавшееся уже по своему характеру къ могилевской офицерской школѣ. Послѣ вступленія на престолъ императора Николая, 14 іюля 1826 г. училище для колонновожатыхъ было упразднено. Одновременно съ этимъ состоялось повелѣніе не переводить въ квартирмейстерскую часть ниже поручичьяго чина, вслѣдствіе чего могилевская офицерская школа стала единственнымъ источникомъ комплектованія квартирмейстерской части.

Недостаточность подготовки, получаемой въ Могилевской школѣ, выдвинула вопросъ объ устройствѣ высшаго военно-учебнаго заведенія. Въ томъ же 1826 г. императоръ Николай Павловичъ, отчасти, быть можетъ, въ виду общихъ политическихъ условій даннаго момента, поручилъ ген.-ад. Жомини изложить свои соображенія о преподаваніи военныхъ наукъ, имѣющихъ отношеніе къ веденію «большой войны», въ связи съ устройствомъ особой «стратегической школы». 21 марта того же года ген. Жомини представилъ записку на французскомъ языкѣ объ учрежденіи Центральной школы Высшей Тактики (Ecole Centrale de grande Tactique), въ которой должны были преподаваться тактика, стратегія, военная географія Европы, военная и морская статистика, обозрѣніе оборонительныхъ и наступательныхъ системъ европейскихъ государствъ, хозяйственная система и система снабженія и военная исторія, начиная съ Петра Великаго.

Государь одобрилъ записку Жомини и положилъ на нее резолюцію: «Il y a de fort bonnes idées. Cette école sera formée de meilleurs sujets de tous les corps sans exception, placés sous les ordres de Jomini et sous les ordres immediats du Major Général; elle sera tenue dans la plus exacte discipline, et seront logés tout le monde ensemble; le cours sera de deux ans; et je n'y veux que la haute Strategie, la Geographie et l'Histoire militaire. Военныя событія ближайшихъ за этимъ годовъ заставили отложить на нѣкоторое время поднятый вопросъ въ сторону, и только въ октябрѣ 1829 г. была учреждена коммисія (вскорѣ переименованная въ комитетъ) для составленія положенія о высшемъ учебномъ заведеніи, въ которую, подъ предсѣдательствомъ Жомини, вошли: гр. Сухтеленъ, ген.-лейт. Хатовъ, ген.-маіоръ Шубертъ и, нѣсколько позднѣе, ген.-ад. Нейдгардъ. При этомъ, письмомъ Чернышева на имя Жомини отъ 3 октября 1829 г., была выражена Высочайшая воля, чтобы это заведеніе не предназначалось исключительно для генеральнаго штаба, но было бы Военною Академіею, которая распространяла бы свое вліяніе и на другія части арміи, и чтобы въ Академіи одинъ часъ въ недѣлю посвящался строевому ученію, «дабы эти занятія отнюдь не были пренебрегаемы, а напротивъ того тѣсно связаны съ теоретическимъ преподаваніемъ другихъ отраслей военнаго искусства». Въ коммисіи мнѣнія разошлись: самъ Жомини понималъ поставленную задачу болѣе широко, связывалъ съ нею преобразованіе самого Генеральнаго Штаба и настаивалъ на

томъ, чтобы во время прохожденія курса учащіеся въ Академіи были совершенно освобождены отъ строевой службы; члены комиссіи, и въ особенности Нейдгардъ, стояли на противоположной точкѣ зрѣнія. Послѣднее мнѣніе поддерживалъ и Чернышевъ. Предположенія ген. Жомини, въ общемъ, не удостоились и Высочайшаго одобренія. Выработанное комитетомъ положеніе объ Академіи, по Высочайшему повелѣнію, было передѣлано, согласно со сдѣланными на него замѣчаніями Чернышева, ген. Нейдгардомъ, отдано на заключеніе Дибичу и утверждено 4 октября 1830 г. какъ «Уставъ Военной Академіи». Самое открытіе Академіи послѣдовало въ началѣ 1832 г.

Въ послѣдовавшемъ почти одновременно съ этимъ «образованіи военнаго министерства» самое вѣдомство Генеральнаго Штаба было нѣсколько принижено сравнительно съ тѣмъ, какое мѣсто въ общей системѣ военнаго управленія занимало оно до этого времени. Стоявшій во главѣ его генералъ-квартирмейстеръ былъ поставленъ на четвертое мѣсто послѣ военнаго министра; самъ Генеральный Штабъ составилъ одинъ изъ департаментовъ военнаго министерства. Начавшееся съ конца александровскаго царствованія увлеченіе линейною тактикою, которое раздѣлялъ Дибичъ, еще въ большей степени цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а послѣ ихъ смерти фельдмаршалъ Паскевичъ, теперь окончательно восторжествовало въ высшемъ военномъ управленіи. Это увлеченіе постепенно проникло и во вновь учрежденную Академію, а отсутствіе съ 1832 г. и почти вплоть до послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія настоящаго боевого опыта не позволяло создать этому увлеченію необходимый противовѣсъ. Не малое значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ при императорѣ Николаѣ I фельдмаршалъ Паскевичъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ у государя, стяжавшій себѣ славу своими дѣйствіями на Кавказѣ, но не оправдавшій своей репутаціи въ Венгерскую компанію во время войны 1853—55 гг. Отличительною чертою тѣхъ взглядовъ, которые получили теперь окончательное преобладаніе, являлась непоколебимая вѣра въ значеніе сомкнутыхъ, стройныхъ массъ, которыя во время боя должны были устрашить непріятеля своими правильными движеніями. Въ мирное время большое значеніе придавалось маневрированію колоннами, съ строгимъ соблюденіемъ интерваловъ и дистанцій. Для дѣйствія во время боя, по образцу этихъ маневрированій, устанавливались нормальные «боевые порядки» для пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, предусматривавшіе до мелочей движенія отдѣльныхъ частей, но совершенно игнорировавшія мѣстныя условія. Значеніе разсыпного строя не достаточно оцѣнивалось; при построеніи въ цѣпь обращалась большое вниманія на соблюденіе равненія и дистанціи, чѣмъ на созданіе условій, обезпечивающихъ для каждаго отдѣльнаго солдата наибольшую мѣткость стрѣльбы.

Глубже вникая, чѣмъ многіе изъ его сотрудниковъ, въ существо военнаго дѣла, самъ императоръ Николай Павловичъ тѣмъ не менѣе, вполнѣ раздѣлялъ вѣру въ подобную систему. При полученіи извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій въ 1849 г., «государь хвалилъ боевые порядки (пишетъ въ своемъ дневникѣ Н. Н. Муравьевъ), говоря, что фельдмаршалъ (Паскевичъ) описываетъ ему пользу ихъ на практикѣ. «Стало быть», продолжалъ государь, «все, что мы нынѣ въ мирное время дѣлаемъ при образованіи войскъ правильно и необходимо для военнаго времени». Критикуя отдѣльныя дѣйствія военноначальниковъ въ боевое время, Николай Павловичъ часто дѣлалъ очень вѣскія замѣчанія, но всегда притомъ и самъ держался «тактическихъ правилъ, утвержденныхъ уставомъ».

Подобная система отражалась въ николаевское время и на вооруженіи и обмундированіи войскъ. Преувеличенная оцѣнка массовыхъ движеній и, въ послѣдній моментъ наступленія, аттаки холоднымъ оружіемъ приводили къ тому, что на стрѣльбу не обращалалось достаточно вниманія; среди военныхъ авторитетовъ того времени существовало даже мнѣніе, что «привычку (много стрѣлять) надо бы извести въ войскахъ, а не усиливать оружіемъ, дающимъ способъ къ сему»; иначе «войска перестанутъ драться и недостанетъ никогда патроновъ» (Н. Н. Муравьевъ-Карсскій). До конца николаевскаго царствованія, поэтому, большая часть войскъ была вооружена гладкоствольными, заряжавшимися съ дула, кремневыми ружьями старыхъ образцовъ, лишь нѣкоторая часть

ударными ружьями, и только въ стрѣлковыхъ батальонахъ, у саперъ и въ кавалеріи были нарѣзные штуцера и карабины. Сильное отбиваніе темповъ при ружейныхъ пріемахъ, чрезмѣрная чистка оружія ради внѣшняго блеска совершенно къ тому же, расшатывало и выполировывало ружье, дѣлая его не только совершенно негоднымъ, но зачастую даже небезопаснымъ при стрѣльбѣ. Запасъ оружія на случай войны полагался очень не великій, а въ дѣйствительности, какъ это выяснилось къ 1853 г., достигалъ лишь половины положеннаго числа. Обмундированіе войскъ, разсчитанное на внѣшнюю красивость, стѣсняло движеніе людей, а боевое снаряженіе, которое солдату приходилось носить во время похода на себѣ, отличалось чрезмѣрною тяжестью и доходило до 2 пудовъ 7 фунтовъ (во французской арміи въ то время—56 фунтовъ).

Въ 1831 г. былъ изданъ новый рекрутскій уставъ, по которому и производилось комплектованіе войскъ до самаго конца николаевскаго царствованія. По этому уставу военная служба по прежнему оставалась обязательной лишь для лицъ податнаго сословія — крестьянъ, мѣщанъ и солдатскихъ дѣтей. Отъ рекрутской повинности можно было избавиться пріобрѣтеніемъ выпускаемыхъ правительствомъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, а также выставляя за себя замѣстителя по найму (ежегодно, при наборѣ, въ среднемъ, около 80.000 чел. въ годъ, поступало въ армію до 10.000 чел. наемниковъ). Самъ императоръ Николай Павловичъ считалъ рекрутскую повинность несправедливой и невыгодной и отдавалъ предпочтеніе всеобщей повинности «Всякій наборъ», говорилъ онъ въ 1845 г. кн. А. С. Меншикову, «счетомъ съ 500 или другого участка душъ, а также вербовкою, есть мѣра неправильная, и справедлива лишь одна конскрипція, обязывающая всѣхъ служить, но много препятствій существуетъ къ ея введенію». Ближайшіе сотрудники государя по военному управленію, и тотъ же кн. Меншиковъ, этого взгляда не раздѣляли. Къ концу николаевскаго царствованія общая численность войскъ, какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ, достигала 1.396.000 чел., т. е. почти ровнялась современной русской арміи въ мирное время. За то запасъ арміи въ николаевское время былъ очень незначителенъ, что не позволяло почти совершенно увеличить численность арміи въ боевое время. Только съ 1834 г. начали принимать мѣры къ созданію запаса, путемъ преждевременнаго увольненія въ такъ называемые безсрочные отпуска; ежегодно въ такіе отпуска увольнялись до 17.000 чел. Мѣры эти были принимаемы, въ значительной степени, по личному указанію императора вполнѣ сознававшаго значеніе запаса. «Не ошибайся въ отношеніи резервовъ», писалъ Николай Павловичъ кн. Горчакову 20 октября 1853 г. «Въ прежнія войны резервовъ въ полномъ смыслѣ значенія слова, *какъ я его понимаю*, не было. Оттого полки таяли, не получая подкрѣпленія или получая голыхъ, не обутыхъ, изнуренныхъ рекрутъ; полки таяли, гибли и за ними — *никого*! Теперь на каждый полкъ 2 батальона резерва. Но... надо резервамъ быть на мѣстѣ, въ покоѣ и не обременять ихъ сверхъ мѣры караулами, и другими посторонними заботами, а еще менѣе употреблять ихъ безъ крайности противъ непріятеля». Многими изъ военноначальниковъ Николаевскаго времени не сознавалось, однако, настоящее значензе запаса, а сокращеніе срока службы считалось даже вреднымъ въ государственномъ отношеній, такъ какъ отъ этого деревни «наполнятся людьми безъ дѣла и безъ средства къ жизни, отчего можно ожидать большихъ безпорядковъ» (Н. Н. Муравьевъ-Карсскій).

Любимое дѣло Николая Павловича еще въ бытность его великимъ княземъ, военное и крѣпостное строительство продолжало развиваться и въ продолженіе всего его царствованія. Съ помощью созданнаго имъ корпуса военныхъ инженеровъ былъ выполненъ цѣлый рядъ работъ, положившихъ основаніе и отчасти осуществившихъ современную систему обороны границъ государства. Большинство этихъ работъ привлекало къ себѣ постоянное вниманіе самого государя, входившаго въ самыя мелочныя подробности исполненія крѣпостныхъ построекъ. Намѣченный планъ укрѣпленія границъ не былъ, однако, вполнѣ законченъ къ концу николаевскаго царствованія, и къ 1853 г. часть пограничной линіи оставалась недостаточно защищенной. Въ царствованіе императора Николая I были вновь построены слѣдующія крѣпости и укрѣпленія: Бомарзундъ (на Аланд-

скихъ островахъ), Александровская цитадель въ Варшавѣ, Новогеоргіевскъ, Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ, Виленская цитадель, Новые Закаталы, Александрополь (Гумру), Шуша, Ленкорань, рядъ укрѣпленій по закаспійской границѣ (новая Оренбургская линія, Оренбургское укрѣпленіе, Уральское, Новопетровское и др.) и по кордонной линіи Западной Сибири. Кромѣ того покорены и завоеваны: Модлинская (Новогеоргіевскъ), Замосцкая, Эривань, Ахалцыхъ, Анапа и Поти. Кронштадтъ, Ревель, Рига, Динабургъ (Двинскъ), Бобруйскъ, Кіевская крѣпость, Измаилъ и Севастополь были перестроены и частью расширены. Къ концу николаевскаго царствованія недостаточность пограничной обороны выражалась, между прочимъ, въ слѣдующемъ. Кронштадтскія укрѣпленія частью были незакончены, частью заключали въ себѣ немалые техническіе недостатки. Существовавшее мнѣніе о неопредолимости Кронштадта, которое раздѣлялъ и самъ императоръ Николай Павловичъ, было преувеличеннымъ; сѣверный фарватеръ, вопреки этому мнѣнію, оказывался проходимымъ для военныхъ судовъ. Не были закончены работы въ Бомарзундѣ, Свеаборгѣ, Ивангородѣ, Брестъ-Литовскѣ и Кіевѣ. На всей западной границѣ вполнѣ удовлетворяла современнымъ требованіямъ одна лишь Ново-георгіевская крѣпость. Оставались слабо защищенными: эстляндское побережье, пограничная линія съ Персіей и закаспійская граница. Почти совершенно незащищены были: сѣверная граница (отъ Норвегіи до Сѣверной Двины), гдѣ была всего одна Новодвинская крѣпость, и дальне-восточная граница, гдѣ единственнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ былъ Петропавловскій портъ.

Рука объ руку съ преобразованіями военнаго управленія въ николаевское царствованіе шло и преобразованіе военно-учебной системы. Еще въ 1826 г. до выработки общаго учебнаго плана для всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, былъ учрежденъ Комитетъ по разсмотрѣнію учебныхъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній, въ который, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Оппермана, вошли: ген.-адъютанты Жомини и Демидовъ I, ген.-лейтенанты Гогель и гр. Сиверсъ, ген.-маіоры: Перскій, Маркевичъ, Засядко, Козенъ и Арсеньевъ, контръ-адмиралъ Крузенштернъ и флигель-адъютантъ полковникъ Деллингсгаузенъ. Комитетъ выработалъ къ 1830 г. «Общее положеніе и Уставъ для военно-учебныхъ заведеній» и проектъ учрежденія новыхъ губернскихъ корпусовъ. Въ октябрѣ 1830 г. былъ учрежденъ Совѣтъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ, а 25 іюня 1831 г., послѣ смерти цесаревича Константина Павловича, вел. князь Михаилъ Павловичъ былъ поставленъ во главѣ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, съ подчиненіемъ ему и означеннаго Совѣта. До 1843 г. управленіе военно-учебными заведеніями было подчинено военному министру. 25 марта 1843 г. было издано «Положеніе объ управленіи главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній», по которому этотъ послѣдній получалъ право непосредственнаго доклада у Государя Императора, а Совѣту о военно-учебныхъ заведеніяхъ были присвоены власть и права Военнаго Совѣта. Въ 1849 г. въ полное вѣдѣніе Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній (послѣ смерти 28 августа 1849 г. вел. князя Михаила Павловича—наслѣдникъ-цесаревичъ) были переданы артиллерійское и инженерное училища, а въ 1854 г. и Военная Академія. Кромѣ преобразованія существовавшихъ уже военно-учебныхъ заведеній, въ николаевское царствованіе были вновь открыты 9 корпусовъ: Александровскій въ Царскомъ Селѣ - для подготовки малолѣтнихъ къ поступленію въ столичные корпуса (въ 1830 г.), Новгородскій гр. Аракчеева (1834 г.), Полоцкій (1835 г.), Петровскій въ Полтавѣ (1840 г.), Александровскій-Брестскій въ Брестъ-Литовскѣ (1842 г.), Орловскій Бахтина (1843 г.), Михайловскій Воронежскій (1845 г.), 2-й Московскій (1849 г.) и Владимірскій въ Кіевѣ (1852 г.). Цѣлью военно-учебныхъ заведеній поставлялось «доставленіе юному россійскому дворянству приличнаго сему званію воспитанія, дабы, укоренивъ въ воспитанникахъ сихъ правила благочестія и чистой нравственности и обучивъ ихъ всему, что въ предопредѣленномъ для нихъ военномъ званіи знать необходимо нужно, сдѣлать ихъ способными съ пользою и честью служить Государю и благосостояніе всей жизни ихъ основать на непоколебимой преверженности Престолу». «Христіанинъ, вѣрноподданный, русскій, добрый сынъ, надежный товарищъ, скромный и образованный юноша, исполни-

тельный, терпѣливый и расторопный офицеръ», говорилось въ законѣ, «вотъ качества, съ которыми воспитанникъ военно-учебныхъ заведеній долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды Императорскихъ армій, съ чистымъ желаніемъ отплатить Государю за Его благодѣянія честною службою, честною жизнью и честною смертью». Несмотря на значительное количество вновь открытыхъ при императорѣ Николаѣ I военно-учебныхъ заведеній, число ихъ оказывалось недостаточнымъ сравнительно съ числомъ желающихъ поступить въ нихъ, и многимъ приходилось отказывать. Съ другой стороны, значительная часть окончившихъ корпуса (въ среднемъ болѣе 40%) шла въ гвардію, артиллерію и инженерныя войска; въ арміи же до двухъ третей офицерскихъ вакансій пополнялось выслужившимися изъ нижнихъ чиновъ, не получившими правильнаго военнаго образованія.

Въ 1840 г. всѣ вообще постановленія по военной части были объединены въ «сводъ военныхъ постановленій». Позднѣе выпускались періодическія продолженія этого свода и былъ изданъ военно-уголовный уставъ.

Кн. А. И. Чернышевъ оставался военнымъ министромъ почти до конца царствованія императора Николая I (до 26 авг. 1853 г.; послѣ него—кн. Вас. Андр. Долгорукій). Онъ неуклонно держался той системы военнаго управленія, какая окончательно установилась съ тридцатыхъ годовъ. Самъ императоръ Николай Павловичъ, какъ приходилось уже отмѣчать выше, сознавалъ отдѣльныя отрицательныя стороны этой системы. Отъ него могли ускользать, однако, многіе изъ тѣхъ вредныхъ результатовъ, къ какимъ эта система приводила на практикѣ. Съ своей стороны, Чернышевъ, въ своихъ ежегодныхъ докладахъ по военному министерству, всегда указывалъ, что въ военномъ управленіи все вполнѣ благополучно, и ничто не требуетъ никакихъ измѣненій.

Дѣятельность морского вѣдомства, подвергшаяся въ началѣ николаевскаго царствованія значительнымъ преобразованіямъ, въ послѣдующіе годы была направлена на увеличеніе и усовершенствованіе морскихъ силъ государства, заботиться о чемъ заставляли тѣ, въ общемъ, натянутыя отношенія, какія складываются къ этому времени у Россіи къ западнымъ морскимъ державамъ. Эта дѣятельность, вначалѣ довольно оживленная, къ сороковымъ годамъ начинаетъ постепенно ослабѣвать, и ростъ русскихъ морскихъ силъ, шедшій до этого времени въ значительной степени вровень съ морскими державами, приблизительно съ 1844 г. и количественно, и качественно начинаетъ замѣтно отставать. Главнымъ руководителемъ дѣятельности морского вѣдомства въ теченіе всего царствованія императора Николая Павловича оставался начальникъ морского штаба свѣтлѣйшій князь А. С. Меншиковъ. Значеніе занимаемой имъ должности въ морскомъ вѣдомствѣ особенно опредѣлилось, къ 1836 г. когда послѣдовало новое преобразованіе морского министерства, и во главѣ флота и министерства было поставлено одно лицо съ правами министра—начальникъ Главнаго Морского Штаба. Оставшійся до конца николаевскаго царствованія на этой должности кн. А. С. Меншиковъ пользовался очень большимъ довѣріемъ у государя императора. Въ теченіе всего царствованія онъ получалъ неоднократно порученія и назначенія, далеко выходящія за предѣлы его вѣдомства. Такъ въ 1831 г., какъ было уже указано выше, онъ былъ назначенъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ Финляндіи. Въ 1833 и 1835 гг. онъ сопровождалъ государя за-границу и былъ при немъ во время свиданій монарховъ въ Мюнхенгрецѣ и Теплицѣ. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь (см. ниже). Всегда живо интересовавшійся флотомъ, императоръ Николай Павловичъ въ лицѣ Меншикова имѣлъ своего ближайшаго сотрудника, взгляды котораго въ значительной степени опредѣлили все направленіе дѣятельности морского вѣдомства за данное царствованіе. Фактическое значеніе въморскомъ вѣдомствѣ вел. князя Константина Николаевича, назначеннаго въ 1831 г. генералъ-адмираломъ флота, становится замѣтнымъ лишь въ самые послѣдніе годы царствованія, когда великій князь въ 1852 г. былъ назначенъ товарищемъ начальника Морского Штаба, а въ 1853 г., за отъѣздомъ Меншикова въ Турцію — управляющимъ морскимъ министерствомъ. Начавшаяся вскорѣ послѣ этого война помѣшала, однако, дальнѣйшему развитію дѣятельности морского

вѣдомства; съ новою силою эта дѣятельность оживляется лишь въ послѣдующее царствованіе.

Къ 1830 г. опредѣлились результаты усиленной судостроительной дѣятельности первыхъ лицъ царствованія. Балтійскій флотъ, насчитывавшій къ 1825 г. всего 5 кораблей и 10 фрегатовъ (не считая мелкихъ судовъ), къ 1830 г. заключалъ въ себѣ 28 кораблей и 17 фрегатовъ Численность судовъ соотвѣтствующихъ ранговъ въ черноморскомъ флотѣ къ этому же времени выражалась въ 11 корабляхъ и 8 фрегатахъ. Съ 1833 г. эта дѣятельность была введена въ болѣе скромныя рамки, и для поддержанія судового комплекта было положено строить ежегодно въ Петербургѣ по 2 корабля, по 1 фрегату и по 3 мелкихъ судна; въ Архангельскѣ — по 1 кораблю, 1 фрегату и 1 транспорту. Всего въ николаевское царствованіе было спущено на воду въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ: 69 кораблей, 47 фрегатовъ, до 220 легкихъ судовъ и транспортовъ, 143 судна гребного флота и до 306 портовыхъ судовъ. Къ концу царствованія, однако, большинство изъ этихъ кораблей и фрегатовъ были неспособны къ военной службѣ. Николаевское царствованіе является какъ бы послѣднею эпохою нашего парусняго флота. Парусныя суда и количественно, и качественно занимали въ немъ первенствующее мѣсто; ихъ организація была доведена до возможнаго совершенства. Наряду съ этимъ, съ начала николаевскаго царствованія, впервые появляются въ нашемъ флотѣ и паровыя суда, и постройка ихъ въ первые годы идетъ довольно быстро. Въ 1826 г. въ Балтійскомъ флотѣ было 3 парохода, въ Черноморскомъ—2; въ 1830 г. въ первомъ—7, а во второмъ—4. Въ теченіе всего царствованія, однако, паровыя суда играли въ русскомъ флотѣ второстепенное значеніе, чему не мало способствовало и отрицательное отношеніе къ судамъ этого типа кн. Меншикова, да, повидимому, и самого государя, особенно къ паровымъ судамъ съ винтовымъ двигателемъ, а также отсутствіе въ то время въ Россіи заводовъ и техниковъ для желѣзнаго и парового судостроенія. Съ 1844 г. паровой двигатель занялъ преобладающее мѣсто во флотахъ Англіи, Франціи и Америки, и быстро начали входить въ употребленіе винтовыя суда. Въ Россіи первая попытка примѣненія винтового двигателя въ единичномъ случаѣ была сдѣлана въ царствованіе Николая Павловича въ 1848 г. (фрегатъ «Архимедъ», потерпѣвшій крушеніе въ 1850 г. въ Балтійскомъ морѣ). Дальнѣйшіе заказы судовъ этого типа въ Англіи были выполнены до начала Крымской кампаніи лишь отчасти (два судна). Къ 1855 г. въ русскомъ флотѣ всего паровыхъ судовъ было: въ Балтійскомъ морѣ 1 винтовой корабль и 1 винтовой фрегатъ, 10 колесныхъ пароходо-фрегатовъ, 18 небольшихъ пароходовъ и 40 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ; въ Бѣломъ — 2 небольшихъ колесныхъ парохода; въ Каспійскомъ — 8 такихъ же пароходовъ; въ Черномъ—12; въ Восточномъ океанѣ—1 винтовая шхуна и 3 небольшихъ парохода.

Наряду съ судостроительной дѣятельностью вниманіе морского вѣдомства въ николаевское царствованіе было обращено на строительную дѣятельность и на преобразованія въ портахъ. Окончательно были упразднены теперь многія учрежденія, сохранявшіяся какъ пережитокъ (Иркутское адмиралтейство и Байкальская флотилія; Казанское адмиралтейство—съ перенесеніемъ его дѣятельности въ расширенные теперь Астраханскій портъ и верфи). Съ другой стороны, были расширены и улучшены портовыя сооруженія и доки въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Свеаборгѣ, Севастополѣ и Архангельскѣ. Въ Кронштадтѣ были сооружены каменные форты (Петра I-го, Александра I-го, Павла I-го и батарея кн. Меншикова). На Черномъ морѣ была устроена Черноморская береговая линія изъ 12 укрѣпленій между Анапою и Сухумъ-Кале. Въ Камчатской области Охотскій портъ былъ перенесенъ въ Петропавловскъ, и была сформирована особая Сибирская флотилія. Для строительныхъ работъ Морского Вѣдомства былъ учрежденъ въ 1837 г. особый корпусъ инженеровъ морской строительной части.

Параллельно съ этимъ шли гидрографическія работы, находившіяся до 1837 г. въ вѣдѣніи генералъ-гидрографа, а затѣмъ — Гидрографическаго Департамента Морского Министерства. Съ 1833 г. начались почти во всѣхъ моряхъ, омывающихъ русскіе берега, систематическія гидрографическія работы, видное участіе въ которыхъ принадлежало кап.-лейтенанту М. Ф. Рейнеке (Балтійское и Бѣлое моря), лейтенанту бар.

Б. В. Врангелю (Балтійское море), кап. Е. П. Манганари (Черное и Азовское моря), лейт. А. И. Шестакову (Черное море) и лейт. А. И. Бутакову (Аральское и Черное моря). Результатомъ всѣхъ этихъ работъ были подробныя лоціи и описанія русскихъ береговъ названныхъ морей, румелійскаго берега Чернаго моря отъ Босфоръ до Дарданеллъ, а также опись Мраморнаго моря (кап. Манганари 1845—48 гг.). Отчасти въ связи съ этими работами стояли и предпринимаемыя экспедиціи, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ водахъ. Таковы были экспедиціи подпоручика корпуса флотскихъ штурмановъ П. К. Пахтусова (1832—33 и 1834 гг.), давшія описаніе восточнаго берега Новой Земли; экспедиція академика К. М. Бера (1837 г.) къ берегамъ Лапландіи и Новой Земли и экспедиція прапорщика корпуса штурмановъ А. К. Цивольки (1838 г.) для описанія сѣверной и сѣверо-восточной части Новой Земли, не закончившая, за смертью Цивольки, всѣхъ намѣченныхъ ею работъ. Для изученія посѣщаемыхъ странъ еще въ 1828—29 гг. было предпринято кругосвѣтное плаваніе (шлюпы «Сенявинъ» и «Моллеръ» подъ начальствомъ лейтенантовъ Ѳ. П. Литке и М. Н. Станюковича), давшее описаніе Берингова моря и береговъ Камчатки. Для разсѣянія предубѣжденія о мелководности Амура имѣло большое значеніе плаваніе по этой рѣкѣ въ 1848—1850 гг. на транспортѣ «Байкалъ» капитана-лейтенанта Невельского, доказавшее, что въ рѣку Амуръ могутъ входить морскія суда.

Въ связи съ изданіемъ Свода Законовъ Россійской имперіи, по инаціативѣ кн. Меншикова, возникла мысль объ изданіи свода морскихъ постановленій, что было возложено на «Комитетъ по образованію флота», а съ 1848 г., на оставшуюся послѣ упраздненія этого комитета его канцелярію съ переименованіемъ ея въ Канцелярію по своду морскихъ постановленій. Съ 1851 г. было начато изданіе свода уголовныхъ морскихъ законовъ; въ 1852 г. было издано «Собраніе морскихъ узаконеній отъ 1845 г. по 1851 г.» Въ 1853 г. Канцелярія по своду морскихъ установленій была также упразднена, а составленіе свода по частямъ было возложено на цѣлый рядъ комитетовъ. Одновременно съ этимъ, въ виду устарѣлости морскихъ уставовъ Петра Великаго и Павла I, въ 1850 г. былъ учрежденъ особый комитетъ для составленія новаго морского устава, въ работахъ котораго принималъ участіе вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Новый морской уставъ былъ изданъ въ 1853 г.

Дѣла на Кавказѣ въ николаевское царствованіе доставляли не мало хлопотъ правительству. Трудность положенія обусловливалась, съ одной стороны, необходимостью вести постоянную войну съ немиренными горскими племенами, съ другой—сложными внутренними отношеніями въ Закавказьѣ, неподдававшимися упорядоченію.

Непрекращавшіяся въ теченіе всего николаевскаго царствованія военныя дѣйствія на Кавказѣ сосредоточивались на двухъ флангахъ: въ Чечнѣ и Дагестанѣ, на западномъ Кавказѣ и на Черноморскомъ побережьѣ. Присутствіе въ краѣ Паскевича, правда, поддерживало наружное спокойствіе; но уже тогда въ тиши зрѣло мюридское движеніе, во главѣ котораго сталъ Кази-Мула, объединившій племена восточнаго Кавказа и съ 1830 г. поднявшій открытое возстаніе. Отозваніе Паскевича въ Польшу и послѣдовавшія затѣмъ неудачи русскихъ войскъ въ борьбѣ съ горцами увеличили число приверженцевъ Кази-Мулы. Съ назначеніемъ въ 1832 г. начальникомъ кавказскаго корпуса бар. Розена обстоятельства стали складываться болѣе благопріятно: 17 октября былъ взятъ аулъ Гимры, и Кази-Мула былъ убитъ; къ октябрю 1834 г. былъ взятъ главный оплотъ мюридовъ, аулъ Гоцатль. Эти успѣхи были, однако, непрочны. Съ 1835 г. во главѣ мюридскаго движенія сталъ Шамиль, вскорѣ укрѣпившійся въ аулѣ Ахульго и придавшій всему движенію небывалые до этого времени размѣры и упорство. Послѣ взятія Ахульго (лѣто 1839 г.) и бѣгства Шамиля въ Дарго борьба приняла особенно ожесточенный характеръ (дѣло на р. Валерикъ 11 іюля 1840 г.); на сторонѣ возставшихъ была вся Чечня и сѣверный Дагестанъ; опасность грозила Военно-Грузинской дорогѣ, главному сообщенію Имперіи съ Закавказьемъ. По настоянію военнаго министра кн. Чернышева, посѣтившаго лѣтомъ 1842 г. Кавказъ, наступательныя экспедиціи были прекращены, и къ 1843 г. край фактически оказался въ рукахъ непріятеля. Новыя энергич-

ныя дѣйствія начались съ конца 1844 г., когда главнокомандующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ гр. М. С. Воронцовъ. Въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ былъ взятъ рядъ пунктовъ, имѣвшихъ для горцевъ большое стратегическое значеніе. Со взятіемъ аула Гергебиля (7 іюля 1848 г.) въ краѣ наступило сравнительное спокойствіе. Съ 1850 по 1853 гг. въ Чечнѣ шло систематическое поступательное движеніе, выражавшееся въ рядѣ планомѣрныхъ дѣйствій и сопровождавшееся постоянными стычками, перевѣсъ въ которыхъ чаще оставался уже на сторонѣ русскихъ.

Дѣйствія на западномъ Кавказѣ и на Черноморскомъ побережьѣ, входившія въ одинъ общій планъ съ дѣйствіями въ Чечнѣ и Дагестанѣ, имѣли главною цѣлью укрѣпленіе и дальнѣйшее распространеніе такъ называемой кавказской кордонной линіи (по Кубани, Малкѣ и Тереку, съ передовыми пунктами по Ладѣ, Сунжѣ и по сѣвернымъ склонамъ главнаго и Андійскаго хребтовъ). Эти дѣйствія начались въ 1834 г. экспедиціей ген. Вельяминова въ Закубанье, закончившейся къ 1837 г. возведеніемъ укрѣпленій въ устьяхъ Пшада (Новотроицкое) и Вулана (Михайловское). Къ 1839 г. былъ возведенъ рядъ укрѣпленій по Черноморскому побережью (Навагинское, Вельяминовское, Тенгинское, Головинское, Раевское и фортъ Лазаревъ), и заложена крѣпость и военная гавань Новороссійскъ. Большинство этихъ укрѣпленій было, однако, очень плохо оборудовано, и къ началу 1840 г. фортъ Лазаревъ и укрѣпленія Вельяминовское, Михайловское и Николаевское очутились въ рукахъ у непріятеля. До 1844 г. возстановленіе всѣхъ этихъ пунктовъ шло очень медленно, и Черноморское побережье оставалось открытымъ для сношеній горцевъ съ турками и англійскими агентами, доставлявшими имъ оружіе. Только съ 1845 г. удалось болѣе или менѣе упрочиться на Черноморскомъ побережьѣ, а къ 1851 г. началось занятіе плодородныхъ земель между рѣками Лабою и Бѣлою, закончившееся возведеніемъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія. Къ концу николаевскаго царствованія на западномъ Кавказѣ непокорныя горскія племена оказались отрѣзанными отъ моря и стиснутыми въ ущельяхъ передовыми русскими укрѣпленіями кавказской кордонной линіи, значительно выдвинувшейся теперь къ югу. На восточномъ Кавказѣ русское владычество укрѣпилось къ этому времени въ сѣверной части Чечни, въ области, ближайшей къ Каспійскому морю, и въ области, пограничной съ Грузіей.

Разрывъ въ 1854 г. съ Турціей повелъ къ новымъ осложненіямъ и въ значительной степени свелъ на нѣтъ достигнутые результаты. Командующій турецкой анатолійской арміей вошелъ въ сношенія съ Шамилемъ, и послѣдній совершилъ вторженіе, правда неудачное, въ Кахетію. Тяжелѣе было положеніе дѣлъ на Черноморскомъ побережьѣ: пространство отъ устья Кубани до Новороссійска было оставлено совершенно; укрѣпленія ... всей береговой линіи были взорваны; гарнизоны были отведены въ Крымъ; все побережье оставалось беззащитнымъ.

Попытки установить какой-либо порядокъ въ управленіи Закавказьемъ до послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія точно также имѣли очень незначительные результаты. Весь край состоялъ изъ нѣсколькихъ областей, весьма различныхъ и по историческому прошлому, и по своему внутреннему управленію, и по общественному укладу. Такими областями были: перешедшія къ Россіи въ 1801 г. Грузія съ Имеретіей и въ 1810 г. Гурія, пріобрѣтенныя отъ Персіи по Туркманчайскому миру ханства эриванское и нахичеванское и полученныя отъ Турціи по Адріанопольскому миру Черноморское побережье около Поти и ахалцыхскій пашалыкъ. Въ предѣлахъ указанныхъ областей въ теченіе всего николаевскаго царствованія дѣлались неоднократныя попытки ввести то или другое единообразное управленіе и такъ или иначе согласовать мѣстный общественный укладъ съ общеимперскимъ гражданскимъ строемъ. Что касается принявшей въ 1803 г. покровительство Россіи Мингреліи, то эта область въ теченіе всего николаевскаго царствованія сохраняла свою внутреннюю самостоятельность, управлялась своими собственными князьями и находилась какъ бы въ вассальной зависимости отъ Имперіи.

Тотчасъ послѣ заключенія Туркманчайскаго мира изъ вновь пріобрѣтенныхъ отъ Персіи земель была образована армянская область, подраздѣленная на два уѣзда: эриванскій и нахичеванскій. Вначалѣ

устроенная сообразно съ мѣстными обычаями, эта область въ 1833 г. получила новое устройство, аналогичное съ общеимперскимъ губернскимъ управленіемъ. Перешедшій къ Россіи отъ Турціи ахалцыхскій пашалыкъ вплоть до 1840 г., когда было введено общее «учрежденіе для управленія Закавказскимъ краемъ», управлялся на особомъ положеніи. Гурія, сохранившая свою внутреннюю самостоятельность, въ 1830 г. была присоединена къ Имеретіи. Къ тому же году жившія въ Кахетіи джаро-белаканскія лезгинскія вольныя общины составили особую область съ русскимъ управленіемъ, которая была присоединена къ Грузіи. Устройство самой Грузіи оставалось въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно пребывало въ теченіе всего александровскаго царствованія.

Занятые, главнымъ образомъ, военными дѣйствіями, Ермоловъ и первое время Паскевичъ не имѣли возможности сосредоточиться на вопросахъ внутренняго управленія. Эти вопросы выдвигаются на очередь лишь послѣ Адріанопольскаго мира. Обративъ вниманіе въ послѣдніе годы своего пребыванія на Кавказѣ на внутреннее состояніе подвѣдомственнаго ему края, самъ Паскевичъ находилъ, что исцѣлить зло мѣстнаго неустройства можно лишь рѣшительною мѣрою:—«упразднивъ всѣ существующія здѣсь учрежденія, ввести во всѣхъ закавказскихъ провинціяхъ россійскій образъ управленія и законы». Въ такомъ духѣ Паскевичемъ уже въ 1829 г. былъ составленъ проектъ преобразованія гражданскаго управленія краемъ. Смѣнившій Паскевича бар. Розенъ держался противоположныхъ взглядовъ и въ теченіе своего шестилѣтняго управленія краемъ неоднократно убѣждалъ государя и всѣхъ министровъ не торопиться преобразованіями и лишь постепенно улучшать и устраивать внутреннія отношенія согласно съ мѣстными обычаями. Въ іюлѣ 1833 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ Чернышева, комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края. Выработанный черезъ два года этимъ комитетомъ проектъ вызвалъ со стороны Розена сильныя возраженія. Ввиду такого разногласія было рѣшено отправить на Кавказъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ одного изъ сенаторовъ, и поручить ей все дѣло устройства Закавказскаго края. По представленію Блудова и Чернышева выборъ государя остановился на сенаторѣ бар. Ганѣ, который къ іюню 1837 г. и явился съ комиссіей въ Тифлисъ. У Гана очень скоро установились крайне натянутыя отношенія съ Розеномъ. Посѣтивъ осенью того же 1837 г. Тифлисъ, Государь Императоръ, какъ было указано выше, остался крайне недоволенъ положеніемъ дѣлъ въ краѣ и, довѣряя представленіямъ Гана, счелъ главнымъ виновникомъ всѣхъ непорядковъ Розена. Послѣдняго постигла опала: въ ноябрѣ 1837 г. на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Головинъ. Не встрѣчая возраженій со стороны новаго главноуправляющаго краемъ, Ганъ очень быстро выработалъ проектъ управленія, совершенно игнорируя мѣстныя условія. Этотъ проектъ, несмотря на рядъ серьезныхъ возраженій, главнымъ образомъ, со стороны Киселева, получилъ 10 апрѣля 1840 г. законодательное утвержденіе.

По «Учрежденію 1840 г. для управленія Закавказскимъ краемъ» весь край, за исключеніемъ Абхазіи, Мингреліи и Сванетіи дѣлился на двѣ части: грузино-имеретинскую губернію (куда включались также области: армянская, джаро-белаканская и ахалцыхская и Гурія) съ главнымъ городомъ Тифлисомъ и каспійскую область съ главнымъ городомъ Шемахою. Во главѣ управленія оставался главноуправляющій краемъ, сравненный въ правахъ и обязанностяхъ съ генералъ-губернаторами внутреннихъ губерній, но облеченный особыми полномочіями; его помощникомъ являлся тифлисскій военный губернаторъ. Губернское управленіе въ каждой изъ двухъ частей края, а также уѣздное и городское, устраивались вполнѣ по образцу соотвѣтствующихъ общерусскихъ учрежденій. Ближайшею къ населенію властью, судьею и администраторомъ, являлся мелкій полицейскій чиновникъ — участковый засѣдатель. Уже къ январю 1841 г. это «Учрежденіе» было повсемѣстно введено въ Закавказскомъ краѣ и тотчасъ же вызвало всеобщее неудовольствіе. Населеніе начало волноваться, и во многихъ мѣстахъ вспыхнули бунты, что представлялось особенно серьезнымъ въ виду неспокойнаго состоянія Чечни и Дагестана. Сами чиновники находили новое устройство по мѣстнымъ условіямъ черезчуръ сложнымъ. Неудача кавказской реформы была использована въ Европѣ и подверглась ѣдкимъ насмѣшкамъ въ «Souvenirs de

voyage» путешествовавшаго въ то время по Кавказу гр. Сюзанне (Suzannet).

Императоръ Николай Павловичъ былъ всѣмъ этимъ очень встревоженъ, и въ 1842 г. на Кавказъ были посланы кн. Чернышевъ и статсъ-секретарь Позенъ. Результатъ ихъ командировки былъ крайне неблагопріятенъ для только что произведенной реформы и для ея автора, бар. Гана. На рапортѣ Позена государемъ была положена слѣдующая резолюція: «Нельзя безъ сожалѣнія читать: такъ искажаются всѣ благія намѣренія правительства такими лицами, на мнѣніе и опытность которыхъ, казалось, можно было положиться. Предъявить сей рапортъ комитету министровъ, чтобы всѣ убѣдились въ непростительной неосновательности барона Гана, котораго надменность привела въ заблужденіе правительство и принуждаетъ безотлагательно *приступить къ отмѣнѣ* еще столь недавно утвержденнаго». Результатомъ этого было учрежденіе особаго комитета, на который возлагалось «предварительное разсмотрѣніе и соображеніе всѣхъ дѣлъ по управленію краемъ, подлежащихъ законодательнымъ измѣненіямъ». Окончательная обработка всѣхъ этихъ предположеній была возложена на учрежденное въ 1843 г. VI Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи, докладчикомъ по дѣламъ котораго былъ назначенъ Позенъ. 30 октября 1842 г. Головинъ уволился въ отставку, и на его мѣсто былъ назначенъ Нейдгардтъ.

Рѣшительный поворотъ въ политикѣ императора Николая на Кавказѣ наступаетъ, однако, лишь съ 1845 г. Принявъ въ этомъ году отставку Нейдгардта, государь остановилъ свой выборъ на новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ, кн. М. С. Воронцовѣ, обратившись къ нему съ милостивымъ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему занять новый постъ съ титуломъ кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго и съ сохраненіемъ прежняго званія. Выборъ государя былъ встрѣченъ въ обществѣ очень сочувственно, и 26 марта 1846 г. Воронцовъ вступилъ въ новую должность.

Основною задачею управленія Воронцовъ поставилъ себѣ упорядоченіе мѣстнаго общественнаго уклада и мѣстныхъ обычаевъ и подъемъ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія края, какъ лучшее средство для сближенія этой окраины съ Имперіей. Было обращено вниманіе на улучшеніе путей сообщенія и устроено пароходное сообщеніе по Черному и Каспійскому морямъ. Была предпринята въ широкихъ размѣрахъ разработка естественныхъ богатствъ края, и для оживленія мѣстной торговли и промышленности привлекались русскіе капиталисты. Были приняты во вниманіе духовныя нужды края. Въ 1848 г. былъ устроенъ Закавказскій учебный округъ, причемъ общая система преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ была приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ. Въ гимназіяхъ, число которыхъ къ концу царствованія Николая Павловича возросло до трехъ (двѣ въ Тифлисѣ и одна въ Кутаисѣ), а также въ гимназіяхъ въ Ставрополѣ и Екатеринодарѣ, латинскій и греческій языки были замѣнены почти вполнѣ языками мѣстными и изученіемъ россійскаго законовѣдѣнія и судопроизводства. Для избранной части кавказской молодежи были учреждены стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Упорядочивая мѣстный общественный укладъ, Воронцовъ въ особенности заботился объ устройствѣ поземельныхъ отношеній. Во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ отобранныя въ административномъ порядкѣ земли, какъ ненаселенныя, такъ и населенныя, возвращались ихъ владѣльцамъ. При этомъ въ положенія, опредѣлявшія отношенія между собственниками земель и жившими на нихъ поселянами, вносились въ пользу этихъ послѣднихъ поправки (по настоянію гр. Киселева), обезпечивавшія имъ извѣстную долю личной независимости и внутренняго самоуправленія. Еще въ 1845 г. II Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи возбудило вопросъ о включеніи въ I томъ Свода Законовъ дѣйствовавшаго въ Грузіи собранія гражданскихъ законовъ царя Вахтанга. Это предположеніе было передано на заключеніе Воронцова и обсуждалось въ особой комиссіи, составленной изъ мѣстныхъ чиновниковъ уроженцевъ края. Комиссія полагала сохранить лишь очень немногое изъ прежняго грузинскаго законодательства. Къ 1854 г. въ совѣтѣ намѣстника былъ подготовленъ проектъ включенія въ общій Сводъ Законовъ нѣкоторыхъ особыхъ для Грузіи узаконеній, получившій высочайшее утвержденіе уже при преемникѣ императора Николая I въ 1859 г. Весь Закавказскій край былъ раздѣленъ

на пять губерній (тифлисскую, кутаисскую, шемахинскую, дербентскую и эриванскую), а самое управленіе получило болѣе упрощенныя формы.

Къ 1854 г. утомленный трудами и болѣзнью, Воронцовъ оставилъ постъ кавказскаго намѣстника. Его заботы о благосостояніи края загладили во многомъ неудачи административныхъ опытовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Новыя политическія осложненія снова прервали начатую имъ работу.

Руководящія начала правительственной политики николаевскаго царствованія, столь ярко выразившіяся во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, наиболѣе опредѣленно и послѣдовательно проводились въ области народнаго просвѣщенія и въ области политики религіозной. Николаевское царствованіе вообще можно считать богатымъ научными и просвѣтительными начинаніями и заботами правительства о народномъ образованіи. Всѣ эти начинанія и всѣ эти заботы подчинялись, однако, одной основной мысли—заставить науку и образованіе служить государству и правительству, чему въ николаевское царствованіе должно было служить все. Отсюда вытекали, съ одной стороны, стремленіе создать возможно болѣе благопріятныя внѣшнія условія для научной дѣятельности и для образованія, а съ другой стороны—подчиненіе научной и просвѣтительной дѣятельности строгому правительственному контролю и борьба запретительными мѣрами съ идеями, шедшими въ разрѣзъ съ существующимъ государственнымъ строемъ и порядкомъ. Эти начала складывались въ николаевское царствованіе въ вполнѣ законченную и цѣльную программу. Послѣдовательное проведеніе этой программы въ жизнь связывается, главнымъ образомъ, съ именемъ министра народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварова, назначеннаго на этотъ постъ послѣ отставки кн. К. А. Ливена, 21 марта 1833 г., и остававшагося до 20 октября 1849 г., когда онъ былъ замѣненъ кн. П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ. Формулированная и послѣдовательно проводимая гр. Уваровымъ программа была дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, легшихъ въ основаніе дѣятельности Комитета 1826 г. по устройству учебныхъ заведеній, членомъ котораго до своего назначенія на министерскій постъ состоялъ самъ Уваровъ. «Пріноровить общее всемірное просвѣщеніе къ нашему народному быту, къ нашему народному духу» и упрочить его на началахъ самодержавія, православія и народности—такова была мысль, положенная Уваровымъ въ основу его программы, развитая имъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ 19 ноября 1833 г. и затѣмъ не разъ приводившаяся имъ какъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ, такъ и въ распоряженіяхъ по министерству. «Направленіе, данное Вашимъ Величествомъ Министерству, и его тройственная формула,—писалъ по этому поводу Уваровъ въ 1843 г.,—должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ либеральныхъ и мистическихъ идей: либеральныхъ—ибо Министерство, провозглашая самодержавіе, заявило твердое желаніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу во всемъ его объемѣ; мистическихъ, потому, что выраженіе «православіе» довольно ясно обнаружило стремленіе Министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ, и слово «народность» возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что Министерство считало Россію возмужалою и достойною итти не назади, а по крайней мѣрѣ рядомъ съ прочими европейскими національностями». Въ виду того, что послѣдній членъ уваровской формулы могъ дать поводъ къ его истолкованію въ духѣ національныхъ стремленій, осужденныхъ въ николаевское царствованіе, какъ начало революціонное, правительство не преминуло указать, въ какомъ смыслѣ долженъ былъ быть понимаемъ терминъ «народность». Въ циркулярѣ отъ 29 мая 1847 г. гр. Уваровъ писалъ: «я обращаю слово преимущественно къ тѣмъ преподавателямъ, которымъ досталось обрабатывать на ученомъ поприщѣ участокъ славный, но трудный: русскій языкъ и русскую словесность съ прочими соплеменными нарѣчіями, какъ вспомогательными средствами для родного языка, русскую исторію и исторію русскаго законодательства; имъ предпочти-

тельно передъ другими принадлежитъ возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, игрою фантазіи созданнаго, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ».

Осуществленіе этой программы на практикѣ приводило къ цѣлому ряду мѣропріятій въ области ученаго дѣла. Императорская Академія Наукъ получила 8 января 1836 г. новый уставъ. По этому уставу наряду съ существовавшими каѳедрами по наукамъ физико-математическимъ и историческимъ были учреждены каѳедры наукъ филологическихъ. Одновременно съ этимъ штатъ Академіи, увеличенный еще въ 1830 г. съ 120.000 до 206.000 руб. былъ теперь опредѣленъ въ 239.400 руб., что дало возможность значительно расширить академическіе музеи и коллекціи. Въ 1841 г. къ Академіи Наукъ была присоединена со всѣми ея средствами возстановленная въ 1818 г. Россійская Академія, и Академія Наукъ стала подраздѣляться на три отдѣленія: физико-математическихъ наукъ, русскаго языка и словесности (прежняя Россійская Академія) и историческихъ наукъ и филологіи. Въ вѣдѣніи Академіи была и вновь учрежденная астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ. Еще въ 1830 г. астрономъ В. Я. Струве былъ командированъ за-границу для изученія устройства существующихъ въ Европѣ обсерваторій. Послѣ его возвращенія, для разработки этого вопроса, былъ учрежденъ въ 1833 г. комитетъ подъ предсѣдательствомъ адм. Грейга, въ составъ котораго вошли академики Вишневскій, Парротъ, самъ Струве и Фуссъ. Открытіе обсерваторіи послѣдовало въ 1839 г.

Обогатившаяся послѣ польскаго возстанія цѣнными собраніями книгъ варшавскихъ библіотекъ и полоцкой іезуитской академіи, Императорская Публичная Библіотека была расширена новою пристройкою. Съ назначеніемъ въ 1849 г. директоромъ Библіотеки ст.-секр. бар. М. А. Корфа было обращено особое вниманіе на полноту русскаго отдѣла, въ который должны были поступать теперь всѣ книги, печатаемыя въ Россіи. 7 февраля 1850 г. Публичная Библіотека, вмѣстѣ съ находившимся въ подчиненіи у нея Румянцевскимъ Музеемъ въ Москвѣ, была передана изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ вѣдомство Министерства Двора. Начавшія возникать публичныя библіотеки въ провинціи (къ 1843 г. ихъ насчитывалось до 41) съ 1834 г. были переданы въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія «для сохраненія благой въ семъ дѣлѣ цѣли и отклоненія вреда, могущаго произойти отъ фальшиваго направленія».

Изъ другихъ правительственныхъ ученыхъ начинаній николаевскаго царствованія, кромѣ отмѣченныхъ уже выше, необходимо отмѣтить учрежденіе въ 1834 г. Археографической Комиссіи, которая на первыхъ порахъ должна была разбирать и издавать матеріалы, добытые археографической экспедиціей П. М. Строева. Въ 1850 г. были сдѣланы первыя попытки учрежденія губернскихъ архивныхъ комиссій, а въ 1852 г. были учреждены центральные архивы въ Кіевѣ, Витебскѣ и Вильнѣ для разбора древнихъ актовъ западныхъ губерній. Къ сороковымъ годамъ относятся почти всѣ тѣ изданія памятниковъ старины, которыми до настоящаго времени живетъ русская историческая наука, и къ тому же времени относится рядъ основныхъ трудовъ по русской исторіи, отъ которыхъ постоянно приходится исходить современнымъ изслѣдователямъ.

Съ другой стороны, заботы объ охраненіи умовъ отъ вліянія западно-европейскихъ идей выразились въ цѣлой системѣ запретительныхъ мѣропріятій. Съ 1830 г. усиливается цензурный надзоръ. Цензурный уставъ 1828 г. формально отмѣненъ не былъ и оставался въ силѣ до самаго конца царствованія императора Николая I: цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ поправокъ, дополнительныхъ постановленій и распоряженій его смыслъ, однако, былъ въ корень измѣненъ, и фактически положеніе дѣлъ вернулось къ уставу 1826 г. Уже въ концѣ 1830 г. А. В. Никитенко находилъ, что «цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ». Измѣненіе смысла цензурнаго устава послѣ 1830 г. вытекало изъ тѣхъ новыхъ задачъ, которыя ставились теперь для цензуры и которыя графомъ Уваровымъ опредѣлялись, какъ умноженіе, «гдѣ только можно, числа умственныхъ плотинъ» противъ наплыва вредныхъ европейскихъ идей. На цензуру возлагалась поэтому обязанность наблюдать не только за политическимъ и соціальнымъ направленіемъ въ произведеніяхъ печати, но и за литературными вкусами и даже за вольностями

и неправильностями поэтическаго языка въ виду того, что «развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса», а печать «дерзаетъ выступать за предѣлы благопристойности, вкуса языка и даже простирать свои покушенія къ важнѣйшимъ предметамъ государственнаго управленія и къ политическимъ понятіямъ, поколебавшимъ едва ли не всѣ государства въ Европѣ». Особенно строгое вниманіе было обращено на періодическую печать. Въ 1836 г. было запрещено ходатайствать о новыхъ періодическихъ изданіяхъ, и запрещалось одному лицу быть редакторомъ двухъ и болѣе изданій. Были приняты ограничительныя мѣры противъ дешевыхъ изданій. Цензура должна была слѣдить, чтобы литературная полемика не велась съ излишнею страстностью и не выходила изъ извѣстныхъ рамокъ. Было усилено наблюденіе за переводами. Въ 1847 г. было предписано бороться со «стремленіемъ нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіемъ, становящимся иногда если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть». Нѣкоторые журналы были запрещены. Личный составъ цензурныхъ комитетовъ былъ усиленъ.

Съ другой стороны, самостоятельное значеніе Главнаго Управленія Цензуры въ значительной степени стѣснялось умноженіемъ спеціальныхъ цензуръ отдѣльныхъ вѣдомствъ и учрежденій, имѣвшихъ право цензуровать книги, журналы и газетныя статьи, поскольку они касались ихъ непосредственныхъ дѣлъ. Это право, оставленное уставами 1826 и 1828 гг. за немногими высшими правительственными учрежденіями, за университетами и духовными академіями, распространяется съ 1830 г. на весьма значительное число учрежденій какъ высшихъ (Министерство Двора, Финансовъ, Военное, Внутреннихъ Дѣлъ, 2-е и 3-е Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи), такъ и второстепенныхъ, а иногда даже временныхъ (Военно-Топографическое депо, Шефъ жандармовъ, Почтовый Департаментъ, Вольно-Экономическое общество, Комиссія по строенію Исаакіевскаго Собора, Кавказскій Комитетъ, Управленіе Государственнаго Коннозаводства и нѣкотор. др.). Къ 1848 г. это развитіе самостоятельныхъ вѣдомственныхъ цензуръ, въ связи со множествомъ отдѣльныхъ распоряженій и дополненій по цензурѣ, совершенно отодвинуло на задній планъ значеніе того вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго цензура сосредоточивалась, т. е. Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Правительственная политика въ области народнаго образованія въ это царствованіе точно также характеризуется, съ одной стороны, широкими заботами о благоустройствѣ учебныхъ заведеній и о поднятіи ихъ научнаго уровня, съ другой—строгимъ правительственнымъ контролемъ за духомъ и направленіемъ преподаванія. Вниманіе правительства было обращено, главнымъ образомъ, на высшее и среднее образованіе; гораздо меньше было сдѣлано для низшаго. Главными мѣропріятіями въ этомъ отношеніи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были: новое устройство учебныхъ округовъ; университетскій уставъ 1835 г.; широкое развитіе системы спеціальныхъ учебныхъ заведеній, утвержденіе системы средняго классическаго образованія и, наряду съ этимъ, развитіе отдѣльныхъ отраслей спеціальнаго образованія; усиленіе контроля надъ частными учебными заведеніями; строгое проведеніе начала сословности и проведеніе на отдѣльныхъ окраинахъ системы народнаго образованія въ общегосударственномъ духѣ.

«Положеніе 25 іюня 1835 г. объ учебныхъ округахъ» окончательно передавало управленіе учебными заведеніями округа изъ вѣдѣнія университетовъ въ руки особыхъ назначаемыхъ Высочайшими повелѣніями попечителей. При попечителѣ для обсужденія учебныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ учреждался особый совѣтъ, состоящій изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ и одного или двухъ директоровъ гимназій. Этотъ совѣтъ былъ лишенъ, однако, права иниціативы, и передача дѣлъ на его обсужденіе зависѣла отъ усмотрѣнія попечителя. По дѣламъ, требующимъ ученыхъ соображеній, попечитель испрашивалъ мнѣніе университетскаго совѣта. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ управленіе нѣкоторыми учебными округами (харьковскимъ, кіевскимъ и виленскимъ) было передано непосредственно мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ.

«Общій уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ» (26 іюля 1835 г.) завершалъ реформу, проведенную «Положеніемъ», распространивъ и на самые университеты начала бюрократическаго управленія. Въ основу общаго университетскаго устава легъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, изданный за два года до этого уставъ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ. Уставъ 1835 г. долженъ былъ «сблизить наши университеты, бывшіе доселѣ только блѣдными оттѣнками иностранныхъ, съ коренными и спасительными началами русскаго управленія». По новому уставу университетъ переставалъ быть ученымъ обществомъ, имѣющимъ самостоятельную цѣль разработки науки и разсматривался исключительно какъ высшее учебное заведеніе. Онъ находился «подъ непосредственнымъ начальствомъ» попечителя учебнаго округа, который долженъ былъ наблюдать за дѣятельностью университетскаго совѣта и правленія. Совѣтъ вѣдалъ исключительно учебныя дѣла, возведеніе въ ученыя степени, а также избраніе ректора, профессоровъ и преподавателей и почетныхъ членовъ. Хозяйственныя и административныя дѣла сосредоточивались въ правленіи, состоящемъ изъ ректора, декановъ и назначаемаго попечителемъ синдика; само правленіе зависѣло не отъ совѣта, но отъ попечителя. Ректоръ, профессора и преподаватели избирались совѣтомъ, но министру предоставлялось право «по собственному усмотрѣнію назначать въ профессоры и адъюнкты» лицъ, извѣстныхъ своею ученостью и имѣющихъ соотвѣтствующую ученую степень. Университетскій судъ упразднялся; для наблюденія за студентами учреждались должности инспектора (изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ) и его помощниковъ, находившихся подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя. Самъ по себѣ уставъ 1835 г. открывалъ доступъ въ университетъ лицамъ всѣхъ сословій. Рядомъ послѣдующихъ отдѣльныхъ мѣръ этотъ доступъ для лицъ низшихъ сословій былъ ограниченъ. Такими мѣрами были: увеличеніе платы за слушаніе лекцій съ своекоштныхъ студентовъ (въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ до 50 р. сер., въ Харьковскомъ и Казанскомъ до 40 р. и т. п.), требованіе отъ дѣтей купцовъ и мѣщанъ увольнительныхъ отъ обществъ свидѣтельствъ; запрещеніе поступать въ университеты вольноотпущеннымъ, не приписаннымъ къ податному состоянію.

По уставу 1835 г. университеты состояли изъ трехъ факультетовъ: философскаго (два отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое), юридическаго и медицинскаго. Историко-филологическое отдѣленіе обогатилось особыми каѳедрами русской исторіи, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій; къ этому же отдѣленію были отнесены каѳедры философіи, политической экономіи и статистики. На юридическомъ факультетѣ (прежній факультетъ нравственно-политическихъ наукъ) была упразднена каѳедра естественнаго права, и большая половина каѳедръ была посвящена изученію дѣйствующаго русскаго законодательства, преслѣдующему практическія цѣли. Еще въ 1828 г. былъ учрежденъ въ Дерптѣ институтъ для приготовленія профессоровъ, въ который были командированы молодые люди изъ различныхъ университетовъ, а вскорѣ послѣ этого рядъ молодыхъ ученыхъ былъ командированъ за границу. Къ 1834 г. многія изъ этихъ лицъ вошли въ преподавательскій составъ преобразованныхъ теперь университетовъ. Заграничныя командировки, за которыя особенно стоялъ гр. Уваровъ, какъ за живую связь отечественной образованности съ европейскою наукою, продолжались и послѣ этого, и въ 1844 г. лицамъ, командируемымъ для усовершенствованія въ наукахъ, разрѣшено было выдавать безплатные заграничные паспорта. Одновременно съ введеніемъ устава 1835 г., штаты университетовъ были значительно расширены. Какъ бы дополненіемъ къ университетамъ, въ видѣ ихъ особыхъ отдѣленій, являлись преобразованныя въ 1832—1833 г. въ высшія учебныя заведенія, подъ именемъ лицеевъ, гимназіи высшихъ наукъ: кн. Безбородко въ Нѣжинѣ и Демидовская въ Ярославлѣ, а также реформированный въ 1837 г. Ришельевскій лицей въ Одессѣ.

Съ другой стороны, одновременно съ тѣмъ какъ система университетскаго образованія приводилась въ соотвѣтствіе съ общимъ порядкомъ государственнаго управленія, шли заботы о расширеніи высшаго спеціальнаго образованія. Еще въ 1828 г. былъ возстановленъ Главный Педагогическій институтъ, преобразованный въ свое время въ С.-Петербургскій Университетъ. Онъ былъ возстановленъ по мысли

гр. Сиверса, находившаго, что «образованіе учителей достигнуто быть можетъ не университетскими лекціями, но основательнымъ обученіемъ и практическимъ приготовленіемъ достойныхъ и охотно себя сему званію посвящающихъ молодыхъ людей». Это учебное заведеніе было изъято изъ вѣдѣнія попечителя учебнаго округа и поставлено подъ непосредственное завѣдываніе министра народнаго просвѣщенія, который и назначалъ директора института. «Для образованія благороднаго юношества на службу по судебной части» было учреждено въ 1835 г., по мысли и на средства принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Училище Правовѣдѣнія. Уставъ Училища былъ выработанъ на основаніи записки, составленной Сперанскимъ. Особое вниманіе было обращено на «приспособленіе главнѣйшихъ началъ наукъ общихъ къ техническимъ потребностямъ ремесленной, фабричной и земледѣльческой промышленности» и на развитіе высшаго техническаго образованія. При самихъ университетахъ былъ учрежденъ рядъ каѳедръ по прикладнымъ знаніямъ (по сельскому хозяйству и лѣсоводству при с.-петербургскомъ университетѣ; по сельскому хозяйству, агрономіи и практической механикѣ—при московскомъ; по отдѣльнымъ отраслямъ технологіи—при дерптскомъ и т. д.). Еще въ 1828 г. былъ учрежденъ С.-Петербургскій Технологическій Институтъ. Учрежденныя въ 1830 г. архитектурное училище и въ 1832 г. училище гражданскихъ инженеровъ въ 1842 г. были соединены въ одно учебное зеведеніе, получившее наименованіе строительнаго училища, и устроенное по военному образцу. Позднѣе, въ 1851 г., это училище было причислено къ первому разряду. Открытое въ 1840 г. въ Горыгорецкомъ казенномъ имѣньи (Оршанскаго у. Могилевской губ.) земледѣльческое училище было преобразовано къ 1848 г. въ земледѣльческій институтъ. Практическое учебное заведеніе сельскаго хозяйства было учреждено въ 1834 г. въ Альткустгофѣ близъ Дерпта. Въ 1844 г. въ Москвѣ былъ открытъ Константиновскій Межевой Институтъ. Ветеринарныя школы были устроены въ 1839 г. въ Харьковѣ (состоявшая до 1851 г. при университетѣ) и въ 1848 г. въ Дерптѣ.

Начало сословности, положенное въ основу устава 1828 г. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, нашло въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ свое дальнѣйшее развитіе въ мѣропріятіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по среднему образованію. Эти мѣропріятія имѣли въ виду, главнымъ образомъ, сдѣлать гимназіи доступными исключительно для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Съ этою цѣлью плата за ученіе въ гимназіяхъ была въ 1845 г. значительно повышена. Еще ранѣе, въ 1833 г., дворянскіе пансіоны, бывшіе по уставу исключительно воспитательными учрежденіями при гимназіяхъ, стали превращаться въ самостоятельныя спеціальныя дворянскія учебныя заведенія. Ставшая теперь фактически сословно-дворянскою, гимназія по прежнему разсматривалась, прежде всего, какъ подготовительная ступень къ университету. Системою, наиболѣе удовлетворявшею этому назначенію, была признана теперь классическая: новыя учебныя программы 1832 г. окончательно утверждали эту систему въ гимназіяхъ. Съ другой стороны, въ виду все болѣе и болѣе назрѣвавшей потребности создать такой типъ школы, который давалъ бы законченное среднее образованіе, въ тридцатыхъ годовъ въ отдѣльныхъ гимназіяхъ стали вводиться параллельные курсы «реальныхъ» наукъ, освобождавшіе отъ изученія древнихъ языковъ. Впервые такіе курсы (начиная съ третьяго класса) были введены въ 1834 г. въ учебные планы С. Петербургской Ларинской гимназіи; въ 1839 г. (начиная съ четвертаго класса) въ 3-й Московской гимназіи. Въ другихъ случаяхъ вводились отдѣльные классы и уроки реальныхъ наукъ и спеціальныхъ техническихъ знаній.

Другою задачею, которую ставило себѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія, было—утвердить систему государственной школы и ограничить, по возможности, частныя учебныя заведенія и домашнее образованіе. Въ 1833 г. было запрещено открывать новые частные пансіоны въ столицахъ, а въ провинціяхъ разрѣшалось открывать ихъ лишь въ томъ случаѣ, если «не представляется возможности къ образованію юношества въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Открытіе частныхъ пансіоновъ было предоставлено лишь русскимъ подданнымъ; за ними устанавливался правительственный надзоръ. Эти распоряженія и послѣдовавшія за ними другія были сведены

въ 1835 г. въ общее «Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ». «Положеніе 1 іюля 1834 г. о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ» регламентировало домашнее образованіе. Званіе домашняго наставника или домашняго учителя пріобрѣталось лишь послѣ выдержанія извѣстнаго испытанія. Его могли получать лишь лица свободныхъ состояній, христіанскаго исповѣданія, доброй нравственности и преимущественно русскіе подданные. Иностранцы допускались къ педагогической дѣятельности лишь по представленіи одобрительныхъ свидѣтельствъ. Домашніе наставники и учителя считались на государственной службѣ и пользовались связанными съ этимъ преимуществами; на иностранцевъ эти права и преимущества не распространялись.

Въ общую систему государственной школы были введены и еврейскія учебныя заведенія. Въ теченіе всего царствованія императора Николая Павловича евреи могли обучаться безъ всякаго отличія отъ другихъ національностей во всѣхъ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, поскольку этому не противорѣчило ихъ сословное состояніе. Съ 1835 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія приступило къ выработкѣ плана казенныхъ еврейскихъ училищъ, цѣлью которыхъ было постепенное сближеніе евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ и «искорененіе суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда». Съ этою цѣлью въ 1842 г. всѣ еврейскія ученыя и учебныя заведенія были подчинены надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ 1844 г. были изданы «Положенія» о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, о равинскихъ училищахъ и о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ.

Женское образованіе въ николаевское царствованіе всецѣло находилось въ вѣдѣніи IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и женскія учебныя заведенія состояли подъ покровительствомъ императрицы. Утвердившаяся въ предшествующее царствованіе система институтскаго воспитанія получила теперь свое дальнѣйшее развитіе и широко распространилась изъ столицъ въ провинцію. Въ царствованіе императора Николая I было открыто болѣе 20 новыхъ институтовъ и другихъ приближающихся къ нимъ по типу учебныхъ заведеній. Въ самые первые годы царствованія были закончены устройствомъ Патріотическій институтъ въ Петербургѣ и институтъ въ Полтавѣ. Новые институты были учреждены: въ Петербургѣ и Москвѣ (Сиротскіе институты въ 1830 и 1831 гг.), въ Керчи (1836 г.), Астрахани (1837 г.), Бѣлостокѣ (1837 г.), Варшавѣ (1837 г.), Кіевѣ (1838 г.), Тифлисѣ (1840 г.), Казани (1841 г.), Тамбовѣ (1843 г.), Иркутскѣ (1845 г.), Новочеркасскѣ (1852 г.), Нижнемъ-Новгородѣ (1854 г.) и Саратовѣ (1854 г.). Одновременно съ этимъ были преобразованы существовавшія въ то время дѣвичьи училища и вновь устроены въ Кіевѣ, Оренбургѣ и Тобольскѣ. Во многихъ губернскихъ городахъ были устроены дома трудолюбія. Цѣлью женскаго образованія ставилось, какъ это было провозглашено въ Положеніи, данномъ Патріотическому Институту, образовать «добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и пріобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію». Въ 1844 г. былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго комитетъ, задачею котораго являлось приноровить женское образованіе къ главной цѣли женскаго воспитанія—«образованію добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ, дабы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, ума и сердца, воспитанницы могли приготовляться къ будущему великому ихъ назначенію». Главнымъ результатомъ работъ этого Комитета (къ январю 1845 г.) было раздѣленіе всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній на четыре разряда сообразно съ званіемъ и общественнымъ положеніемъ воспитанницъ, къ чему приноровлялись и учебные планы и программы каждаго изъ этихъ разрядовъ. Одновременно съ этимъ, былъ учрежденъ Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, почти совершенно оттѣснившій Совѣты, существовавшіе въ то время въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и Положеніе объ управленіи ими. Программа преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ была сокращена. Были выдвинуты на первый планъ знанія, необходимыя въ домашнемъ быту. Самому занятію рукодѣліемъ былъ приданъ болѣе практическій характеръ. «Положеніе 1834 г. о

домашнихъ наставницахъ и учителяхъ» было тогда же распространено и на лицъ женскаго пола.

Послѣдовательно проводя принципы государственности и сословности, стараясь сдѣлать высшее общее образованіе достояніемъ немногихъ и дополняя это заботами о широкомъ распространеніи практическихъ знаній, правительство въ николаевское царствованіе впервые вполнѣ опредѣленно использовало народное образованіе на окраинахъ, какъ орудіе обрусительной политики. Цѣли, къ которымъ оно въ данномъ случаѣ стремилось, и средства, какія имъ избирались, въ отдѣльныхъ случаяхъ были не одинаковы. Въ Западномъ краѣ, какъ было указано выше, цѣлью была борьба съ польскимъ національнымъ движеніемъ и подавленіе польской національной идеи. Въ Прибалтійскомъ краѣ задачею правительства стало постепенное устраненіе изстари сложившихся здѣсь особенностей въ строѣ учебныхъ заведеній, соединенное съ извѣстною долею снисхожденія къ этимъ особенностямъ въ виду признанной лояльности мѣстнаго населенія. Сравнивая задачи правительства въ Западномъ краѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ, Уваровъ въ 1843 г. писалъ: «Гдѣ политическая вѣрность сопутствуетъ политическимъ предразсудкамъ, гдѣ чувство преданности Государю большею частью покрываетъ, такъ сказать странность обветшалыхъ понятій, тамъ, гдѣ враждебная недовѣрчивость, пополамъ съ природною гордостью и разсчетливостью, ищетъ и находитъ въ нашей исторіи нѣсколько поводовъ думать, что просвѣщеніемъ и талантами жители Балтійскихъ береговъ, нѣкогда превышая насъ, имѣли прямое вліяніе на судьбу Имперіи, тамъ вопросъ принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Истинное и главное заблужденіе нѣмецкихъ губерній состоитъ въ томъ, что онѣ до сихъ поръ не постигаютъ, что Россія возмужала; онѣ видѣли въ пеленахъ нашъ государственный бытъ; весьма часто были призываемы въ пѣстуны его колыбели и въ свидѣтели всѣхъ недоумѣній, всѣхъ ошибокъ, всѣхъ колебаній нашего внутренняго образованія. Оттого, что они угнетали Россію Императрицы Анны; оттого, что они вблизи видѣли Россію Елизаветы и Екатерины II, они упорно заключаютъ, что Россія тотъ же младенецъ, къ охраненію коего и они платили дань усердія, не всегда безпристрастнаго, не всегда безкорыстнаго. Словомъ—они не постигаютъ Россіи Николая I.... Нѣмцевъ налету схватить нельзя; противъ нихъ надобно вести, такъ сказать, осаду: они сдадутся, но не вдругъ». Сторонникъ окончательнаго сближенія Дерптскаго университета и учебныхъ заведеній Дерптскаго округа съ русскими учебными заведеніями, Уваровъ, по условіямъ времени, находилъ возможнымъ лишь ихъ приготовительное преобразованіе, «предполагающее только примѣненіе нѣкоторыхъ статей изъ уставовъ россійскихъ университетовъ и училищъ». На Дерптскій университетъ отдѣльными распоряженіями, при сохраненіи его особаго устава, было распространено право министра замѣщать каѳедры по своему назначенію, были сокращены его судебныя права, были введены новыя правила для студентовъ и было обращено вниманіе на знаніе и преподаваніе русскаго языка. Въ среднихъ и низшихъ училищахъ было точно также обращено вниманіе на усиленіе преподаванія русскаго языка, что и легло въ основу начатаго съ 1842 г. преобразованія учебныхъ плановъ дерптскаго округа.

Усиленію цензурнаго надзора за печатью и охранительнымъ началамъ въ сферѣ политики народнаго просвѣщенія соотвѣтствовало въ сферѣ религіозной политики стремленіе создать путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій преобладающее положеніе для православнаго вѣроисповѣданія. Строго вѣроисповѣдный характеръ политики первыхъ лѣтъ царствованія, пришедшій на смѣну космополитическому мистицизму александровскаго времени, съ 1830 г. окончательно упрочивается. Сама церковная власть при такомъ направленіи политики не получала, однако, въ николаевское царствованіе болѣе независимаго положенія. Зависимость церковнаго управленія отъ свѣтской власти въ особенности сильно начала чувствоваться съ назначеніемъ въ 1836 г. оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода полковника лейбъ-гвардіи гусарскаго полка (впослѣдствіи генералъ-адъютанта) Н. А. Протасова, остававшагося въ этой должности до своей смерти (январь 1855 г.). Властный и строгій, сумѣвшій расположить къ себѣ митрополита петербургскаго Серафима и искусно поддерживавшій не-

пріязненныя отношенія между двумя видными членами Синода, Филаретомъ московскимъ и Филаретомъ кіевскимъ, Протасовъ возвысилъ оберъ-прокурорскую должность до министерскаго значенія, держалъ въ своихъ рукахъ Синодъ и сильно давалъ чувствовать свою власть мѣстному епархіальному начальству.

Въ значительной степени въ связи съ назначеніемъ оберъ-прокуромъ Протасова стоятъ тѣ ограничительныя мѣропріятія, которыя съ тридцатыхъ годовъ начинаютъ примѣняться свѣтскими властями къ инославнымъ исповѣданіямъ и къ отпадающимъ отъ православія. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій вытекали изъ соображеній чисто политическаго характера. Таковы были отмѣченныя выше мѣры, предпринятыя въ Западномъ краѣ въ цѣляхъ упроченія православія и ограничивавшія права католической церкви, а также, въ меньшей степени, мѣры, принимаемыя, главнымъ образомъ съ начала сороковыхъ годовъ, въ Остзейскомъ краѣ въ видахъ поддержанія православной проповѣди среди мѣстнаго протестантскаго населенія. Мѣрами, имѣвшими своею непосредственною цѣлью охраненіе чистоты православнаго исповѣданія и поддержаніе государственнаго значенія православной церкви, были мѣры, направленныя противъ раскола и отдѣльныхъ сектъ. Совѣщательнымъ учрежденіемъ по дѣламъ раскола оставался учрежденный еще въ предшествовавшее царствованіе (14 марта 1825 г.) секретный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, состоявшій изъ митрополитовъ с.-петербургскаго и кіевскаго и министровъ: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Одновременно съ этимъ вѣдало расколомъ и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, на утвержденіе котораго шли даже судебные приговоры уголовныхъ палатъ по дѣламъ о раскольникахъ. Въ 1831 г. былъ открытъ комитетъ о раскольникахъ въ Москвѣ, въ составъ котораго вошли московскій генералъ-губернаторъ, митрополитъ и губернаторъ, а съ 1838 г. были открыты губернскіе совѣщательные комитеты: въ Петрозаводскѣ, Перми, Тамбовѣ, Черниговѣ, Саратовѣ, Твери, Вяткѣ, Иркутскѣ, Екатеринбургѣ, Пермской губерніи, въ Харьковѣ, Костромѣ, Витебскѣ, Тобольскѣ, Уфѣ, Могилевѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Самарѣ, Ригѣ и др. городахъ. Въ составъ этихъ комитетовъ входили: мѣстный архіерей, губернскія гражданскія власти и мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ. Съ 1838 г. ограничительныя мѣры противъ раскола, вообще, значительно усиливаются; ихъ задача теперь — не только борьба съ распространеніемъ раскола, но и стремленіе подавить расколъ, уже существующій.

Эти мѣры преслѣдовали, главнымъ образомъ, три цѣли: ограниченіе свободнаго и явнаго отправленія раскольниками ихъ богослуженія, уменьшеніе численнаго состава раскола, ограниченіе гражданскихъ правъ лицъ, оффиціально числящихся въ расколѣ. Раскольникамъ не разрѣшалось не только вновь строить общественныя молитвенныя зданія, но и чинить приходившія въ ветхость. Частныя моленныя точно также закрывались, равно какъ раскольничьи скиты и монастыри. Постепенно эти ограничительныя мѣры были распространены и на раскольничьи больницы и другія богоугодныя заведенія. Духовныя завѣщанія и другіе подобные акты въ пользу раскольничьихъ молитвенныхъ учрежденій съ 1837 г. въ законномъ порядкѣ не утверждались. Съ 1831 г. на открытіе раскольничьихъ богоугодныхъ заведеній требовалось разрѣшеніе мѣстныхъ губернаторовъ, сносившихся по этому вопросу съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Веденіе метрическихъ книгъ до 1837 г. разрѣшалось только раскольникамъ-поповцамъ. Съ 1837 г. регистрація рожденій и смерти среди раскольниковъ какъ безпоповцевъ, такъ и поповцевъ, была передана исключительно въ вѣдѣніе полиціи. Дѣти раскольниковъ, не признававшихъ церковный бракъ, считались съ 1838 г. незаконнорожденными; за ихъ матерями, какъ за женщинами распутнаго поведенія, не признавалось право распоряжаться своими дѣтьми въ вопросахъ религіи. Такихъ дѣтей крестили по православному обряду: мальчиковъ было предписано отдавать въ военные кантонисты, а дѣвочекъ пристраивать по распоряженію приказовъ общественнаго призрѣнія. Въ 1839 г. для разрѣшенія недоумѣнія, возникшаго у рижскаго генералъ-губернатора, было издано Высочайшее повелѣніе, слѣдующимъ образомъ ограничивавшее и изъяснявшее предшествующее постановленіе: 1. На основаніи изданныхъ о раскольникахъ постановленій,

они не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и могутъ спокойно исполнять принятые имъ обряды, слѣдственно и крещеніе рождающихся младенцовъ, лишь бы не было при семъ публичнаго оказательства сихъ обрядовъ и ученія раскольническаго. 2. Таковыя благостныя постановленія изъ снисхожденія къ заблудшимъ, въ руководство мѣстнымъ начальствамъ преподанныя, уже отстраняютъ всякое ихъ толкованіе и не требуютъ новаго положенія. 3. Вездѣ незаконнорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женскаго пола, не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія, или подкинутыя для сокрытія виновниковъ преступнаго рожденія, на которыхъ единственно и должно распространиться Высочайшее повелѣніе 1838 г. 4. Не слѣдуетъ возбуждать вопросовъ и желать точности въ такихъ предметахъ, которые негласно допускаются, какъ изъятія изъ общихъ законовъ, единственно по снисхожденію къ заблужденіямъ раскольниковъ или въ надеждѣ, что они, восчувствовавъ благость къ нимъ Правительства, обратятся на путь истины и воспользуются законными правами, всѣмъ вообще вѣрноподданнымъ дарованными. 5. Настоящее разрѣшеніе надлежитъ генералъ-губернатору принять къ собственному руководству, не дѣлая по оному никакого объявленія раскольникамъ.

Ограниченіе гражданскихъ правъ раскольниковъ опредѣлялось, главнымъ образомъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8 октября 1835 г. Раскольники, какъ члены общества, не лишались права участвовать въ общественныхъ выборахъ, но въ присяжныхъ должностяхъ могли быть утверждаемы лишь тѣ изъ нихъ, которые по роду своихъ сектъ не устраняются безусловно закономъ отъ занятія общественныхъ должностей и пріемлютъ священство. Изъ такихъ раскольниковъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшалось допускать къ присяжнымъ должностямъ не больше одной четвертой доли противъ числа православныхъ.

За все это время были учреждаемы миссіи для обращенія раскольниковъ въ православіе. Кореннаго различія между раскольниками и сектантами не проводилось. Съ 1835 г. въ законодательствѣ устанавливается опредѣленіе особенно вредныхъ сектъ, къ которымъ были отнесены духоборы, иконоборцы, молокане, іудействующіе, скопцы, сектанты, немолящіеся за царя, и тѣ изъ раскольниковъ, которые, по мѣстнымъ условіямъ, будутъ признаны министромъ внутреннихъ дѣлъ вредными для общества.

Съ начала сороковыхъ годовъ входитъ въ практику посылка на мѣста чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для разслѣдованія и изученія раскола и сектъ. Эти посылки собрали въ Министерствѣ богатый матерьялъ по расколу и сектантству и дали цѣлый рядъ изслѣдованій по этимъ вопросамъ (изслѣдованіе Надеждина «О скопческой ереси» и др.). Результатомъ этого явилось учрежденіе 18 февраля 1853 г., по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Особаго Секретнаго Комитета для пересмотра постановленій о раскольникахъ и для составленія основного проекта правилъ, которыя служили бы руководствомъ для административныхъ распоряженій, а также въ судебныхъ дѣлахъ, касающихся раскольниковъ. Выполнивъ предварительную работу, комитетъ пришелъ къ выводамъ, что расколъ поддерживается: несоблюденіемъ правительственныхъ постановленій относительно раскольниковъ и нерѣшительностью дѣйствій противъ нихъ; невѣжествомъ народной массы; самоуправленіемъ, установившимся у раскольниковъ въ гражданскомъ и духовномъ быту. Мѣры, намѣченныя относительно раскольниковъ самимъ комитетомъ, по существу не отличались отъ тѣхъ, какія были принимаемы ранѣе.

Въ обзорѣ николаевскаго царствованія не могутъ быть обойдены молчаніемъ попеченія правительства объ искусствѣ, а также и личное отношеніе къ искусству самого императора Николая Павловича. Принципъ служенія искусства государству проводился въ широкихъ размѣрахъ въ николаевское царствованіе. Какъ и въ предшествующія эпохи, это выражалось въ заботахъ правительства о художественномъ образованіи, въ порученіи крупныхъ строительныхъ заказовъ выдающимся художественнымъ силамъ того времени, наконецъ, въ поощреніи тѣхъ художественныхъ направленій, которыя, въ идейномъ отношеніи, соотвѣтствовали основнымъ началамъ николаевской политики. Въ сравненіи съ предшествующими эпохами — Екатерины II и Александра I — всѣ эти начи-

нанія отмѣчены менѣе широкимъ размахомъ (что зависѣло зачастую прямо отъ финансовыхъ условій); съ другой стороны, на всѣхъ этихъ начинаніяхъ въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ въ предшествующее царствованіе, лежитъ отпечатокъ личныхъ вкусовъ и личной воли императора. Николай I любилъ искусство и считалъ себя по своему положенію призваннымъ быть его руководителемъ. Выступая въ такой роли, онъ не былъ склоненъ считаться съ личными замыслами художника и подчинялъ ихъ, и при томъ очень круто, своей волѣ, волѣ державнаго заказчика. Въ своемъ отношеніи къ искусству онъ руководился порою не только художественными соображеніями, но и личными и политическими симпатіями и антипатіями. Личный вкусъ государя нерѣдко рѣшалъ, и иногда роковымъ образомъ, судьбу капитальныхъ памятниковъ искусства. Но императоръ понималъ образовательное значеніе искусства. Онъ былъ озабоченъ сохраненіемъ памятниковъ художественной старины (хотя и не всегда шелъ въ этомъ отношеніи по вѣрному пути), а его строительная дѣятельность составила эпоху въ исторіи новаго русскаго зодчества. Наконецъ, его имя связано съ созданіемъ главнаго художественнаго хранилища въ Россіи— Императорскаго Эрмитажа.

Разсадникъ художественнаго образованія, Академія Художествъ въ 1850 г. изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія перешла въ вѣдѣніе Министерства Двора, что благопріятно отразилось на матеріальномъ положеніи этого учрежденія. Штаты Академіи были увеличены, и это дало возможность поставить болѣе широко дѣло ежегодныхъ отправокъ молодыхъ художниковъ для довершенія ихъ художественнаго образованія за границу, въ Италію. Нѣкоторымъ изъ заграничныхъ пансіонеровъ Академіи (какъ, напр., Ѳ. Бруни и К. Брюллову, скульпторамъ Логановскому, бар. Клодту и Рамазанову) по возвращеніи ихъ изъ-за границы, равно какъ и художникамъ болѣе старшаго поколѣнія, были поручены крупные художественные заказы, главнымъ образомъ, въ двухъ строившихся въ николаевское царствованіе храмахъ—въ Исаакіевскомъ соборѣ въ Петербургѣ и въ Храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ. Въ Римѣ была устроена особая мозаичная мастерская, въ которой обучались русскіе художники, что также стояло въ связи съ мозаичными работами для двухъ названныхъ храмовъ. Вскорѣ эта мастерская была переведена въ Петербургъ, находилась здѣсь на стеклянной мануфактурѣ и состояла въ вѣдѣніи Академіи Художествъ (мозаичное отдѣленіе Академіи). Для мозаичныхъ работъ были вызваны первоначально итальянскіе мастера (Рафаели, братья Бонафиде, Рубиконди) и русскіе, обучавшіеся этому дѣлу за границей—Е. Солнцевъ, В. Раевъ, Шаповаловъ и Ѳедоровъ. Вскорѣ мозаичное отдѣленіе стало выпускать своихъ собственныхъ мастеровъ— Аминева, Бурухина, П. Васильева, Голубцева, Фролова и др. Въ 1843 г. было упразднено существовавшее при Академіи закрытое воспитательное училище. Это лишило внутреннюю жизнь Академіи прежней замкнутости и позднѣе облегчила доступъ въ нее новымъ вѣяніямъ. Частичными измѣненіями преподаваніе въ Академіи было расширено, чѣмъ была подготовлена почва для новаго устава, введеннаго нѣсколько позднѣе, въ 1859 г. Благоволеніе императора Николая къ Академіи выразилось въ назначеніи ея президентомъ въ 1843 г., послѣ смерти много сдѣлавшаго для Академіи А. Н. Оленина, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, а послѣ смерти герцога, въ 1852 г.— его супруги, великой княгини Маріи Николаевны. Большое значеніе въ дѣлахъ Академіи имѣлъ въ николаевское царствованіе ея вице-президентъ (съ 1828 г.) скульпторъ гр. Ѳ. П. Толстой и конференцъ-секретарь В. И. Григоровичъ.

Крупнымъ художественнымъ начинаніемъ императора Николая было учрежденіе Императорскаго Эрмитажа. Богатое дворцовое собраніе художественныхъ сокровищъ, основанное Екатериною Великою и значительно расширенное многочисленными пріобрѣтеніями при Александрѣ I, по мысли Николая I было превращено въ національный музей, доступный для публики. Для лучшаго размѣщенія коллекцій было сооружено, по проекту вызваннаго въ 1840 г. изъ Мюнхена знаменитаго архитектора Лео фонъ-Кленце, новое зданіе (на мѣстѣ прежняго Шепелевскаго дома), занявшее все пространство отъ Невы до Милліонной улицы и отъ деламоттова павильона Зимняго Дворца до Зимней канавки). Для систематическаго разбора сокровищъ, частью собранныхъ въ покояхъ екатерининскаго Эрмитажа (корпусъ, выходящій

на Неву) частью разсѣянныхъ по различнымъ дворцамъ, была назначена особая комиссія, составленная изъ профессоровъ Бруни и Басина. Какъ въ работахъ этой комиссіи, такъ и въ сооруженіи зданія Николай Павловичъ принималъ самое живое участіе. Въ теченіе всего царствованія императора Николая эрмитажныя коллекціи обогащались новыми пріобрѣтеніями (въ 1829 г. изъ мальмезонской галлереи королевы Гортензіи, въ 1831 г. — изъ галлереи принца Годоя, въ 1836 г.—купленными у Кузвельта, въ 1845 г.—по завѣщанію Д. П. Татищева и, главное, въ 1850 г. изъ галлереи Барбариго въ Венеціи). Въ 1853 г. эрмитажныя коллекціи были подвергнуты новому разбору, и для распродажи второстепенныхъ произведеній въ іюнѣ 1854 г. былъ устроенъ аукціонъ. На этомъ аукціонѣ было сбыто за безцѣнокъ не мало первоклассныхъ произведеній (наприм., пріобрѣтенныя въ свое время изъ галлерей Брюля и Барбариго), изъ которыхъ лишь немногія позднѣе снова вернулись въ Эрмитажъ за цѣну, во много разъ превосходящую вырученное за нихъ на аукціонѣ.

Въ 1846 г. было учреждено «Археологическо - Нумизматическое (нынѣ Императорское Русское Археологическое) Общество», вскорѣ ставшее, наряду съ возникшимъ еще въ 1839 г. «Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей», главнымъ научнымъ центромъ русской археологіи. Съ соизволенія государя званіе президента Общества принялъ на себя герцогъ Лейхтенбергскій (а послѣ его смерти—вел. кн. Константинъ Николаевичъ). Въ 1848 г. Обществу была назначена правительственная субсидія въ 3.000 руб.; въ 1849 г. оно было переименовано въ «Императорское Археологическое Общество». Уже въ николаевское царствованіе оба названныя общества заявили себя цѣлымъ рядомъ изысканій, изслѣдованій и изданій. При сочувственномъ отношеніи со стороны правительства и при пробужденіи въ самомъ обществѣ интереса къ памятникамъ русской старины стало возможно появленіе въ концѣ николаевскаго царствованія такихъ капитальныхъ изданій какъ «Древности Россійскаго Государства» (изд. съ 1849 по 1853 г.), «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» (изд. А. А. Мартыновымъ и И. М. Снегиревымъ съ 1848 г.), «Памятники московскихъ древностей» (изд. Снегиревымъ съ 1842 по 1845 г.) и др.

Областью искусства, наиболѣе близкой сердцу императора Николая, было строительство. Самъ хорошій рисовальщикъ и инженеръ, онъ живо интересовался возводимыми въ его время постройками — какъ въ столицахъ и резиденціяхъ, такъ и въ провинціи. На его утвержденіе восходили проекты всѣхъ строившихся въ Петербургѣ общественныхъ зданій и многихъ частныхъ. Строго регламентировано было строительство и въ любимой резиденціи Государя Императора — Петергофѣ.

Въ цѣломъ, архитектура николаевскаго царствованія отличается меньшимъ единствомъ художественнаго стиля, чѣмъ архитектура предшествовавшаго царствованія; на ней отразилось характерное вообще для европейскаго искусства тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ разложеніе строго-классическаго стиля и увлеченіе одновременно различными художественными теоріями и направленіями. Личные вкусы государя и въ этомъ отношеніи имѣли рѣшающее значеніе. Поклонникъ строгаго этикета во всѣхъ оффиціальныхъ выступленіяхъ, Николай I въ общественныхъ сооруженіяхъ предпочиталъ строгія холодныя монументальныя формы. Въ началѣ его царствованія преобладаетъ классическій стиль (empire), столь блестяще развившійся въ русской архитектурѣ еще въ александровское царствованіе. Съ тридцатыхъ годовъ начинаются попытки возрожденія «русскаго» стиля, однако еще въ очень условныхъ формахъ. Въ своихъ частныхъ постройкахъ, какъ и въ своей личной и семейной жизни, Николай Павловичъ искалъ бóльшей простоты и уютности. Лишь въ послѣдніе годы своего царствованія онъ съ особою роскошью отдѣлываетъ помѣщенія, предназначавшіяся для его дѣтей. Въ дворцовыхъ постройкахъ николаевскаго царствованія строгія классическія формы, послѣ недолговременнаго увлеченія «готикой», скоро уступаютъ мѣсто возродившемуся стилю «ренессансъ» и «помпейскому», а позднѣе — «рококо». Въ особенности послѣ поѣздки въ 1845 г. въ Италію у Николая Павловича развивается любовь къ легкой архитектурѣ итальянскихъ виллъ.

Въ началѣ николаевскаго царствованія подвизались еще нѣкоторые изъ выдаю-

шихся архитекторовъ александровскаго времени—Росси, В. Стасовъ, Лукини и Смарагдъ Шустовъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ этими художниками былъ выполненъ въ Петербургѣ рядъ правительственныхъ заказовъ, завершившихъ общій архитектурный ансамбль сѣверной столицы въ духѣ строгаго классицизма. Въ 1829—1834 гг. Росси были сооружены соединенныя аркою зданія Сената и Синода, составившія достойный pendant къ захаровскому Адмиралтейству. Одновременно съ этимъ Лукини были возведены: домъ таможеннаго присутствія (нынѣ морская таможня) и корпуса по сторонамъ Биржи, что, вмѣстѣ съ самою Биржею Томона, создало такое же архитектурное цѣлое на сліяніи Большой и Малой Невы, какое выростало на противоположной сторонѣ. Въ тѣ же годы (1827—1832) Росси было создано другое законченное художественное цѣлое — Александринскій театръ и зданія Театральной улицы, съ чѣмъ гармонировалъ относящійся къ тому же времени и принадлежащій также Росси, выходящій на площадь фасадъ Публичной Библіотеки. Въ тяжелыхъ формахъ строго-классическаго стиля В. Стасовымъ были возведены памятники военныхъ тріумфовъ 1826 — 1831 гг.: тріумфальныя ворота за Московской заставой (1833—1838 гг.) и Спасо-Преображенскій соборъ (1826—1828 гг.), а также Троицкій соборъ въ Измайловскомъ полку (1824—1835 гг.). Въ зелени петербургскихъ «острововъ» тотъ же стиль, сохраняя свою выдержанность, принималъ болѣе легкія очертанія —Каменноостровскій театръ, постройка С. Шустова (1827 г.). Къ 1829 г. Росси, закончивъ сооруженіе зданій и арокъ Главнаго Штаба, замкнулъ Дворцовую площадь. «Петра твореніе» окончательно приняло свой «строгій, стройный видъ».

Новыя теченія въ николаевскомъ строительствѣ начинаютъ опредѣляться со второй половины тридцатыхъ годовъ. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ усилившагося въ то время интереса къ отечественному прошлому и къ памятникамъ русской старины, начинаются попытки возрожденія русскаго національнаго архитектурнаго стиля; съ другой стороны, выдержанный классическій стиль уступаетъ мѣсто новымъ вліяніямъ, шедшимъ съ Запада. Попытка примѣнить древне-русскія архитектурныя формы—плохо къ тому же понятыя — къ дворцовому строительству была сдѣлана въ сороковыхъ годахъ архитекторомъ К. А. Тономъ при постройкѣ Большого Кремлевскаго Дворца въ Москвѣ. Эта попытка, повидимому, не удовлетворила Николая Павловича. Въ Петербургѣ русскія архитектурныя формы совершенно уже не гармонировали съ общимъ обликомъ гражданской архитектуры. Національный стиль утверждается въ церковномъ зодчествѣ; въ дворцовыхъ постройкахъ по прежнему примѣняются западно-европейскія архитектурныя формы.

Дворцовое строительство въ николаевское царствованіе оживляется съ конца тридцатыхъ годовъ—когда послѣ пожара 1837 г. былъ заново отдѣланъ Зимній Дворецъ и когда, по повелѣнію государя, въ Петербургѣ и окрестныхъ резиденціяхъ былъ возведенъ рядъ дворцовыхъ построекъ для дѣтей Его Величества. Въ богатой отдѣлкѣ залъ Зимняго Дворца, порученной Стасову и ряду другихъ архитекторовъ (Александръ Брюловъ, А. Штаубертъ, Монферанъ и др.), строгія классическія формы разнообразятся мотивами, эклектически заимствованными изъ различныхъ стилей: помпейскій орнаментъ и карнизы въ духѣ итальянскаго ренессанса, каріатиды и славянскіе доспѣхи. Типичнымъ представителемъ этого эклектизма, столь характернаго для николаевской эпохи, былъ неизмѣнно пользовавшійся благоволеніемъ государя архитекторъ Штакеншнейдеръ. Имъ были построены дворцы: для вел. кн. Маріи Николаевны (Маріинскій, нынѣшнее зданіе Государственнаго Совѣта; лучшій образецъ николаевской дворцовой архитектуры) и для великихъ князей: Николая Николаевича (нынѣ Ксенінскій институтъ) и Михаила Николаевича (на Дворцовой набережной) и рядъ дворцовыхъ строеній въ Петергофѣ: павильоны на Ольгиномъ островѣ, на Царицыномъ островѣ и Озерки, Бельведеръ на Бабьемъ-гонѣ и Собственная Его Величества дача. Вызванный въ 1840 г. для постройки Эрмитажа Лео фонъ-Кленце далъ Петербургу законченный образецъ нео-греческаго стиля. Въ отдѣльныхъ постройкахъ въ Петергофѣ (царскія конюшни раб. Н. Бенуа; построенная еще около 1833 г. берлинскимъ архитекторомъ Шинкелемъ церковь въ Александріи и нѣкот. др.) удачно при-

мѣнена готика. Все это придавало николаевской архитектурѣ своеобразный отпечатокъ, хотя и не такой выдержанный и строгій, какой лежитъ на архитектурѣ александровской эпохи. Архитектурный эклектизмъ дворцоваго строительства дѣлается образцомъ для подражанія въ частныхъ постройкахъ. Ему слѣдуетъ сперва знать, затѣмъ и болѣе мелкіе собственники. Въ концѣ николаевскаго царствованія постепенно подготовляется измѣненіе всего архитектурнаго облика Петербурга.

Еще во вторую половину александровскаго царствованія были начаты постройкою новый Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ (съ 1816 г.) и, послѣ 1812 г., Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Исаакіевскій соборъ, законченный лишь въ 1857 г., строился Монфераномъ по планамъ и рисункамъ, утвержденнымъ еще Александромъ I, но видоизмѣнявшимся позднѣе сообразно новымъ архитектурнымъ вліяніямъ. Только къ 1842 г. былъ выработанъ проектъ внутренней архитектуры храма; сравнительно съ первоначальнымъ замысломъ, все зданіе получило болѣе роскошную и болѣе тяжелую отдѣлку. Живопись и скульптурныя украшенія храма, порученныя художникамъ: К. Брюлову, Бруни, Басину, Шебуеву, Завьялову, А. Маркову, Н. Майкову и др., и скульпторамъ Витали, бар. Клодту и Логановскому, въ цѣломъ должны были выражать торжество вѣры и защиту церкви государствомъ. Больше измѣненій претерпѣла въ николаевское царствованіе постройка Храма Христа Спасителя. Первоначальный проектъ храма въ классическомъ стилѣ архитектора А. Витберга въ 1832 г. былъ оставленъ, и Высочайшаго утвержденія удостоился планъ академика К. Тона въ «византійско-русскомъ» стилѣ. Къ 1853 г. была закончена кладка стѣнъ и куполовъ храма, и еще съ 1843 г. было приступлено къ скульптурнымъ работамъ, порученнымъ Клодту, Логановскому и Рамазанову. Программа художественныхъ украшеній храма, воздвигавшагося въ память 1812 г., должна была выражать прославленіе молитвенниковъ и заступниковъ за Землю Русскую—ея подвижниковъ православія и ея князей. Проектъ Тона очень понравился императору Николаю Павловичу. По порученію государя Тономъ былъ возведенъ рядъ церковныхъ построекъ, частью по образцу Храма Христа Спасителя (ц. Введенія въ Семеновскомъ полку, ц. св. Екатерины на Петергофскомъ проспектѣ въ Петербургѣ), частью въ ложно-истолкованномъ стилѣ русскихъ шатровыхъ церквей (ц. Благовѣщенія въ Конногвардейскомъ и ц. св. Миронія въ Егерскомъ полку въ Петербургѣ). Тоновскій «національный» стиль получаетъ съ этого времени оффиціальную санкцію въ церковномъ зодчествѣ, окончательно вытѣсняя отсюда классицизмъ, послѣднимъ отголоскомъ котораго былъ монферановскій Исаакіевскій соборъ.

1848 годъ; внѣшняя политика и внутреннія мѣропріятія.

Февральская революція во Франціи (извѣстіе о ней пришло въ Петербургъ 22 февраля, въ воскресенье на масленицѣ, во время folle-journée у цесаревича), бѣгство короля Людовика-Филиппа изъ Парижа и провозглашеніе во Франціи республики произвели очень сильное впечатлѣніе на императора Николая I. Эти событія не явились для него неожиданностью: какъ было отмѣчено выше, начиная съ 1840 г. положеніе дѣлъ въ Европѣ представлялось государю крайне тревожнымъ и внушающимъ серьезныя опасенія. Личная судьба Людовика-Филиппа, къ которому Николай Павловичъ никогда не относился съ симпатіей, правда, не внушала ему никакого сожалѣнія. Новый переворотъ вызывалъ вначалѣ его негодованіе исключительно, какъ нарушеніе тѣхъ принциповъ, которые онъ считалъ непоколебимыми послѣ соглашеній 1833—35 гг., и защитѣ которыхъ онъ посвятилъ всю свою государственную систему.

Дипломатическія сношенія съ Франціей были прерваны, и русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ Н. Д. Киселевъ оставался тамъ съ этого времени лишь въ качествѣ частнаго лица безъ оффиціальныхъ полномочій. Находившимся въ Парижѣ русскимъ подданнымъ было предложено покинуть предѣлы Франціи. Французскій повѣренный въ дѣлахъ при петербургскомъ дворѣ Мерсье послѣ февральскаго переворота былъ принятъ Николаемъ Павловичемъ точно также, лишь какъ частное лицо, причемъ государь высказалъ ему свой взглядъ на совершившіяся событія во Франціи, какъ на заслуженное возмездіе іюльской монархіи, возникшей

въ свое время изъ революціи. Одновременно съ этимъ проживавшимъ въ Петербургѣ французамъ шефъ жандармовъ графъ Орловъ сообщилъ именемъ государя, что они по-прежнему будутъ пользоваться покровительствомъ русскаго правительства, при условіи соблюденія тишины и спокойствія, но что каждый изъ нихъ, если пожелаетъ, свободно можетъ покинуть Россію.

Негодованіе Николая Павловича возросло, когда революціонное движеніе приняло общеевропейскій характеръ, распространилось на Австрію, отразилось въ Дунайскихъ княжествахъ и на политикѣ Сардинскаго короля, нашло отзвукъ въ Пруссіи и охватило всю Германію. Съ перваго же момента заявляя, что «не будетъ пролито ни одной капли русской крови» ради возстановленія прежняго порядка въ самой Франціи, Государь Императоръ, въ то же время, въ видахъ поддержанія спокойствія въ остальной Европѣ, предполагалъ первоначально двинуть сильную армію на Рейнъ. Многіе изъ его приближенныхъ и министровъ (кн. П. М. Волконскій, гр. П. Д. Киселевъ, гр. А. Ѳ. Орловъ и др.) высказались, однако, противъ подобнаго плана, по соображеніямъ, главнымъ образомъ, финансоваго характера. Тѣмъ не менѣе въ виду происходившихъ во Франціи и въ Австріи событій и въ виду начавшагося движенія среди поляковъ, 420.000-ная армія были сосредоточены на нашей западной границѣ, а въ Вѣнѣ и Берлинѣ были сдѣланы представленія о необходимости подавить смуту въ Галиціи и Познани. Чувства государя и его рѣшеніе силою оружія противодѣйствовать дальнѣйшему распространенію революціоннаго движенія нашли выраженіе въ манифестѣ отъ 14 марта 1848 г. Манифестъ этотъ (составленный самимъ государемъ, послѣ полученія имъ извѣстія о революціи въ Берлинѣ, и лишь слегка исправленный со стороны слога бар. М. А. Корфомъ) провозглашалъ: «Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ новыми смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства. Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи и, разливаясь повсемѣстно съ наглостью, возроставшею по мѣрѣ уступчивости правительства, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей Богомъ намъ ввѣренной Россіи. Но да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ со святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ. Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостью на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» Отправленному въ это время на свой постъ русскому уполномоченному при австрійскомъ дворѣ гр. П. И. Медему было поручено сообщить въ Вѣнѣ о принятыхъ мѣрахъ. О томъ же было сообщено въ Парижѣ черезъ секретаря нашей парижской миссіи Балабина.

Манифестъ вызвалъ сильное раздраженіе во Франціи. Одновременно съ его появленіемъ, французское временное правительство, какъ бы осуществляя извѣстный циркуляръ Ламартина отъ 20 февраля, объявившій договоры 1815 г. упраздненными, рѣшило оказать помощь сардинскому королю Карлу-Альберту, начавшему военныя дѣйствія противъ Австріи. 13 мая Національное Собраніе вотировало резолюцію, провозглашавшую руководящими началами французской политики «братскій союзъ съ Германіей, возстановленіе независимой и свободной Польши, освобожденіе Италіи». Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ французскаго революціоннаго правительства императоръ Николай Павловичъ усматривалъ вызовъ, направленный прежде всего противъ него самого и его политики. Въ своей собственной дальнѣйшей политикѣ онъ не ограничился по отношенію къ европейскимъ событіямъ ролью пассивнаго зрителя. Французское революціонное движеніе получаетъ съ этого момента въ его глазахъ безспорно агрессивный характеръ. Создававшееся положеніе дѣлъ

въ Германіи и въ отдѣльныхъ частяхъ австрійскихъ владѣній, событія въ Дунайскихъ княжествахъ и датско-нѣмецкая распря изъ-за Шлезвига вызвали съ его стороны въ теченіе 1848—1852 г. вмѣшательство почти во всѣ очередные вопросы европейской политики. Выполненіе договоровъ 1833—35 гг., это вмѣшательство было проникнуто въ то же время тѣми основными стремленіями, которыя еще съ середины тридцатыхъ годовъ такъ отчетливо опредѣлились въ николаевской политикѣ: преобладаніе Россіи на Востокѣ, борьба съ польскою національностью, защита Австріи и внутренняго status quo Германскаго союза. Главными противниками, съ которыми при этомъ сталкивается императоръ Николай I, являются Франція и Англія въ лицѣ руководителя внѣшней политики послѣдней лорда Пальмерстона, вернувшагося въ 1846 г. въ министерство и шедшаго теперь рука объ руку съ французскимъ кабинетомъ.

Лѣтомъ 1848 г. подъ вліяніемъ французской революціи начались смуты въ Дунайскихъ княжествахъ. Въ Валахіи произошло возстаніе, и русскій ставленникъ, господарь Дмитрій Бибеско, принужденный отречься отъ власти, удалился въ Австрію. Замѣшательства происходили и въ Молдавіи, гдѣ у мѣстнаго дивана вышли недоразумѣнія съ господаремъ Стурдзою, и движеніе въ обоихъ княжествахъ начало уже принимать общерумынскій національный характеръ, грозя захватить и русскую Бессарабію. Румынскіе патріоты разсчитывали на сочувствіе Франціи и находили поддержку у англійскаго посла въ Константинополѣ лорда Стратфорда-Каннинга. Съ другой стороны Порта, обнадеживая первое время руководителей движенія неопредѣленными обѣщаніями, постаралась воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы снова утвердиться въ княжествахъ: турецкія войска перешли Дунай и взяли съ бою Бухарестъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, а также въ виду начинавшагося уже броженія въ сосѣднихъ съ княжествами австрійскихъ владѣніяхъ, Николай Павловичъ, сосредоточивъ вдоль юго-западной границы внушительныя силы, ввелъ въ іюлѣ 1848 г. корпусъ войскъ въ Молдавію и Валахію, и генералъ Дюгамель, въ качествѣ императорскаго комиссара, принялъ на себя управленіе княжествами. Особымъ циркуляромъ министра иностранныхъ дѣлъ отъ 19 іюля 1848 г. русское правительство постаралось успокоить европейскія державы относительно принятыхъ имъ мѣръ. Занятая своими собственными внутренними неурядицами, Австрія не возражала противъ этихъ мѣръ; Англія и Франція были встревожены и поддерживали Порту въ ея настояніяхъ передъ петербургскимъ кабинетомъ пересмотрѣть вопросъ о княжествахъ. Результатомъ этого было заключеніе 19 апрѣля 1849 г. деклараціи (сенеда) въ Балта-Лиманѣ, подписанной великимъ визиремъ Решидъ-пашею, турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Аали-пашею и русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ В. П. Титовымъ. По этой деклараціи утверждался выработанный передъ этимъ генераломъ Дюгамелемъ и русскимъ генеральнымъ консуломъ и утвержденный въ Петербургѣ проектъ внутренняго устройства княжествъ, вносившій существенныя перемѣны въ порядокъ, установленный въ 1831 г. Молдавія и Валахія лишались права избранія господарей, которые теперь должны были назначаться—и не пожизненно, а на семь лѣтъ—султаномъ. Диваны упразднялись и замѣнялись совѣщательными собраніями изъ бояръ и высшаго духовенства, по назначенію господарей, созываемыми ad hoc на неопредѣленное время. До полнаго устройства внутренняго порядка въ княжествахъ Россія и Турція продолжали ихъ оккупировать, и высшее наблюденіе за управленіемъ поручалось совмѣстно русскому и турецкому комиссарамъ. Декларація заключалась на семь лѣтъ. Передъ ея заключеніемъ императоръ Николай Павловичъ обратился къ султану съ собственноручнымъ письмомъ, приглашая его признать предлагаемый проектъ. По соглашенію Турціи съ Россіей валашскимъ господаремъ былъ назначенъ Дмитрій Стирбей, а молдавскимъ—Григорій Гика.

Всѣ эти мѣры, принятыя въ Дунайскихъ княжествахъ, входили до извѣстной степени въ тотъ общій планъ дѣйствій, какимъ императоръ Николай I отозвался на событія въ габсбургскихъ владѣніяхъ.

Вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ монархіи Габсбурговъ быстро ставшій къ этому времени на очередь, весьма тревожилъ императора Николая I. Князю Меттерниху, извѣщавшему его о своемъ паденіи, государь

писалъ: «Въ глазахъ моихъ исчезаетъ вмѣстѣ съ Вами цѣлая система взаимныхъ отношеній, мыслей, интересовъ и дѣйствій сообща» (письмо отъ 23 марта 1848 г.). Къ самому правительству императора Фердинанда I, пошедшему послѣ отставки Меттерниха (1 марта 1848 г.) на уступки народному движенію, Николай Павловичъ относился съ недовѣріемъ. Указывая на то, что новое австрійское министерство, не предпринимаетъ никакихъ мѣръ противъ начавшагося движенія въ Галиціи, онъ угрожалъ Австріи даже разрывомъ, если она не будетъ выполнять союзныхъ обязательствъ. Одновременно съ этимъ онъ оказалъ поддержку Австріи въ вопросѣ объ ея итальянскихъ владѣніяхъ. Когда сардинскій король Карлъ-Альбертъ, ставъ во главѣ итальянскаго національнаго движенія, объявилъ войну Австріи и вступилъ въ Ломбардію (май 1848 г.), австрійскому правительству изъ средствъ русскаго казначейства было отпущено заимообразно шесть милліоновъ рублей. Политика Карла-Альберта находила сочувствіе со стороны Англіи. Русскому посланнику въ Лондонѣ бар. Бруннову было поручено предупредить англійское правительство, что Россія поддержитъ Австрію во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, какія эта послѣдняя приметъ въ Ломбардіи; если же нападеніе на Австрію со стороны какого-либо другого итальянскаго государства будетъ поддержано извнѣ иностранною державою, то Государь Императоръ сочтетъ такое дѣйствіе за поводъ къ европейской войнѣ и направитъ всѣ свои силы на защиту австрійскаго правительства. Нравственная и матеріальная поддержка со стороны Россіи позволила Австріи отклонить предложеніе Англіи и Франціи о посредничествѣ въ вопросѣ о передачѣ Сардиніи Ломбардіи и протянуть дѣло до тѣхъ поръ, пока побѣда Радецкаго надъ Карломъ-Альбертомъ при Кустоцѣ (29 іюня 1848 г.) не создала для нея болѣе благопріятнаго положенія въ Италіи: Ломбардія осталась за Австріей.

Къ концу іюня 1848 г. фельдмаршаломъ княземъ Виндишгрецомъ, послѣ бомбардированія Праги, была подавлена чешская революція. Въ ноябрѣ того же года императоръ Фердинандъ I отрекся отъ престола въ пользу своего племянника Франца-Іосифа, назначивъ передъ этимъ первымъ министромъ князя Шварценберга. Императоръ Николай I нашелъ возможнымъ снова войти въ соглашеніе съ Австріей по очереднымъ вопросамъ международной политики. Для Австріи это создало возможность искать помощи Россіи противъ Венгріи, объятой къ началу 1849 г. возстаніемъ.

Еще въ январѣ 1848 г., по просьбѣ начальника австрійскихъ войскъ въ Трансильваніи ген. Пухнера, отъ корпуса русскихъ войскъ, находившагося въ Дунайскихъ княжествахъ, съ Высочайшаго разрѣшенія были отдѣлены и введены въ Трансильванію два отряда (въ общей сложности около 6.000 челов.) подъ начальствомъ ген.-маіора Энгельгардта и полковника Скарятина. 27 февраля начальникъ народнаго венгерскаго войска польскій эмигрантъ ген. Бемъ нанесъ отряду Скарятина пораженіе при Гроссъ-Шпренѣ, и тогда оба отряда получили отъ командовавшаго дунайскимъ корпусомъ ген. Лидерса приказаніе оставить Трансильванію. Николаю Павловичу было очень больно узнать о пораженіи, нанесенномъ его войскамъ польскимъ генераломъ, бывшимъ участникомъ кампаніи 1830—31 гг. Когда вслѣдъ за этимъ австрійское правительство обратилось къ нему за помощью на основаніи мюнхенгрецкой конвенціи, онъ отвѣчалъ согласіемъ. Манифестомъ отъ 26 апрѣля было возвѣщено о вступленіи русскихъ войскъ въ Венгрію. 23 апрѣля 100-тысячная армія, состоявшая изъ 3-го и 4-го корпусовъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича была введена въ Галицію. Главныя силы перешли 5 іюня Карпаты около Дукли и въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца сосредоточились въ Мишкольцѣ, угрожая Пешту и тылу венгерской арміи Гергея, стоявшей около Коморна. Передъ вступленіемъ въ Венгрію одна дивизія подъ начальствомъ Панютина была отдѣлена отъ главныхъ силъ и направлена къ Вѣнѣ на соединеніе съ австрійскимъ главнокомандующимъ бар. Гайнау. Одновременно съ этимъ въ Трансильванію вступили: отрядъ ген. Лидерса изъ Валахіи и ген. Гротенгельма изъ Буковины.

Своевременное прибытіе отряда ген. Панютина помогло Гайнау нанести Гергею рядъ пораженій, и послѣдній, чтобы не быть отрѣзаннымъ главными русскими силами, оставивъ Коморнъ, сталъ отступать по лѣвому берегу Дуная къ Пешту. Столкнувшись съ передовыми русскими у Вайтена, Гергей измѣнилъ свой планъ и

поспѣшилъ къ Токаю на соединеніе съ войсками, находившимися въ южной Венгріи. Паскевичу не удалось предупредить этотъ маневръ: движеніе русскихъ силъ замедлялось огромнымъ обозомъ; войска страдали отъ холеры; главная квартира не была достаточно освѣдомлена о дѣйствіяхъ противника; самъ фельдмаршалъ обнаруживалъ колебаніе и нерѣшительность. 17 іюля Гергей переправился черезъ Тиссу около Токая и ушелъ въ южную Венгрію. Къ 28 іюня, однако, южно-венгерскія войска были окончательно разбиты около Темешвара Гайнау совмѣстно съ русской дивизіей Панютина. Узнавъ объ этомъ, настигаемый Паскевичемъ Гергей, достигшій къ тому времени крѣпости Арада, рѣшилъ сдаться. Обращаясь съ письмомъ къ Паскевичу, Гергей заявлялъ, что онъ сдается русскимъ, а не австрійцамъ, и ставилъ условіемъ своей сдачи, чтобы судьба Венгріи была рѣшена самимъ императоромъ Николаемъ, безъ участія Австріи. Паскевичъ, не сносясь съ государемъ, принялъ эти условія, и 1 августа Гергей у Вилагоша сложилъ оружіе передъ русскимъ авангардомъ, шедшимъ подъ начальствомъ ген. Ридигера. Его примѣру послѣдовали тринадцать венгерскихъ генераловъ. Одновременно съ этимъ русскіе отряды въ Трансильваніи вели трудную горную войну съ войсками Бема, и только 25 іюля ему было нанесено Лидерсомъ окончательное пораженіе при Германштадтѣ. Остававшіеся послѣ этого отдѣльные венгерскіе отряды были разсѣяны и сдались, и къ срединѣ сентября русскія войска оставили предѣлы Венгріи. Въ Трансильваніи была оставлена одна дивизія на помощь австрійцамъ для окончательнаго возстановленія порядка. Главные начальники венгерскихъ войскъ, Бемъ и другіе польскіе генералы—Дембинскій, Высоцкій и гр. Владиславъ Замойскій искали убѣжища на турецкой территоріи.

Императоръ Николай Павловичъ привѣтствовалъ побѣду Австріи въ Италіи и Венгріи. Радецкій былъ награжденъ титуломъ русскаго фельдмаршала. Извѣстіе о побѣдахъ русскихъ въ Венгріи было отпраздновано парадомъ въ Повонзскомъ лагерѣ около Варшавы. Гайнау былъ пожалованъ орденъ Андрея Первозваннаго. Гергей и сдавшіеся Паскевичу венгерскіе генералы были выданы Австріи. Государь Императоръ предстательствовалъ о ихъ судьбѣ передъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, и съ этою миссіею въ Вѣну былъ посланъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Францъ-Іосифъ помиловалъ только Гергея; остальные тринадцать были казнены Гайнау въ Арадѣ. Узнавъ объ этомъ, Николай Павловичъ поручилъ Нессельроде выразить свое «неодобреніе подобной безцѣльной жестокости» и тотчасъ же отозвалъ вел. кн. Константина изъ Вѣны обратно. Бо̀льшую суровость проявилъ онъ по отношенію къ польскимъ генераламъ, участвовавшимъ въ венгерскомъ возстаніи и бѣжавшимъ въ Турцію. Въ Константинополь былъ посланъ адъютантъ государя князь Левъ Радзивилъ съ собственноручнымъ письмомъ Николая Павловича о выдачѣ командующему русскимъ корпусомъ въ Дунайскихъ княжествахъ Бема, Дембинскаго, Высоцкаго и Замойскаго. До удовлетворенія этого требованія дипломатическія сношенія съ Турціей были прерваны. Это требованіе встревожило Англію и Францію. Поддерживаемая ихъ представителями въ Константинополѣ, Порта отвѣчала на требованіе императора Николая очень уклончиво; для переговоровъ въ началѣ октября 1849 года въ Петербургъ былъ посланъ Фуадъ-Эффенди. Одновременно съ этимъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ лордъ Стратфордъ-Каннингъ получилъ полномочія ввести, въ случаѣ необходимости, англійскую эскадру въ Мраморное и даже въ Черное море. Николай Павловичъ выразилъ согласіе не настаивать на выдачѣ польскихъ эмигрантовъ. Одновременно съ этимъ Портѣ было предложено изгнать изъ турецкихъ предѣловъ всѣхъ поляковъ русскаго подданства, хотя бы и натурализовавшихся послѣ этого въ другихъ государствахъ. Это новое требованіе вызвало новое рѣзкое вмѣшательство со стороны Англіи; французская эскадра точно также подошла къ Константинополю. Турція, съ своей стороны, отвѣчала уклончиво, ссылаясь на то, что иностранные подданные выдаются въ предѣлахъ оттоманской имперіи въ соотвѣтствующихъ посольствахъ, и что вслѣдствіе этого русское требованіе должно быть обращено къ тѣмъ державамъ, чье подданство приняли русскіе эмигранты. Императоръ Николай удовлетворился этимъ отвѣтомъ, и къ 1850 г. дипломатическія сношенія съ Турціей были возстановлены.

Послѣ подавленія венгерскаго возстанія у Австріи развязывались руки для возстановленія порядка въ самой Германіи. И въ этомъ отношеніи она точно также могла разсчитывать на полное сочувствіе со стороны императора Николая. Германское революціонное движеніе, ставившее себѣ цѣлью создать болѣе прочныя формы національнаго объединенія, встрѣчало въ лицѣ Николая Павловича своего непримиримаго противника не только какъ шедшее въ разрѣзъ съ принципами легитимизма, но и какъ грозившее крупными политическими осложненіями для всей Европы, какъ первый шагъ къ созданію единой Германіи. Эта сторона революціоннаго движенія 1848—49 г.г. не ускользала отъ императора Николая Павловича, и онъ не разъ обращалъ на нее вниманіе европейскихъ державъ, объясняя и защищая свою собственную политику. Въ циркулярной нотѣ Нессельроде отъ 25 іюня 1849 г. подчеркивалась опасность для обще-европейскаго мира притязаній Франкфуртскаго парламента на балтійскія провинціи Россіи, на Польшу и на датскія владѣнія, и порицалась «l'idée de cette unité matérielle que la rêvait une démocratie avide de nivellement et d'agrandissement et qui mettrait tôt ou tard infailliblement l'Allemagne en état de guerre avec ses voisins». Почти одновременно съ этимъ самъ Николай Павловичъ въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ Ламорисьеромъ такъ отозвался о германскомъ объединеніи: «Si l'unité de l'Allemagne, que vous ne désirez sans doute pas plus que moi, venait à se faire, il faudrait encore pour la manier un homme capable de ce que Napoléon lui même n'a pu exécuter; et si cet homme se rencontrait, si cette masse en armes devenait menaçante, ce serait notre affaire à vous et à moi». Первый случай, когда императору Николаю пришлось открыто высказаться по этому поводу былъ вопросъ о Шлезвигѣ.

Послѣ смерти датскаго короля Христіана VIII (8 января 1848 г.) и вступленія на престолъ его сына Фредерика VII оба датскія герцогства Шлезвигъ и Голштинія потребовали отъ датскаго правительства включенія Шлезвига въ Германскій союзъ и слiянія ихъ въ одно цѣлое. Это требованіе было поддержано германскимъ сеймомъ, и Пруссія начала военныя дѣйствія противъ Даніи. Политика Пруссіи встрѣтила одобреніе со стороны собравшагося въ маѣ 1848 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ германскаго національнаго учредительнаго собранія. Копенгагенскій дворъ обратился къ европейскимъ державамъ, заинтересованнымъ въ сохраненіи спокойствія на Сѣверѣ—къ Англіи, Россіи и Швеціи, и императоръ Николай предупредилъ берлинскій дворъ, что онъ принужденъ будетъ объявить Пруссіи войну, если она не откажется отъ своихъ посягательствъ на порядокъ, установленный вѣнскимъ конгрессомъ. Весною нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ появились въ виду Киля. Пруссія вынуждена была уступить. Прусскія войска тотчасъ же оставили Ютландію и Шлезвигъ, и 14 (26) августа въ Мальмö между Даніей и Пруссіей было заключено перемиріе, по которому окончательное разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса переносилось на имѣвшую собраться конференцію въ Лондонѣ при участіи Англіи, Россіи, Франціи и Швеціи.—Въ связи съ шлезвигскимъ вопросомъ стояла политика въ 1849 и началѣ 1850 гг. Пруссіи въ самой Германіи. Уронивъ себя въ глазахъ нѣмецкаго общественнаго мнѣнія своею уступчивостію въ шлезвигскомъ вопросѣ и своимъ отказомъ принять императорскую корону изъ рукъ Франкфуртскаго Учредительнаго Собранія (мартъ 1849 г.), король Фридрихъ-Вильгельмъ выступилъ теперь съ своимъ собственнымъ проектомъ переустройства Германскаго союза на началахъ болѣе тѣснаго національнаго объединенія и, въ то же время, преобладанія Пруссіи. Императоръ Николай отнесся съ рѣзкимъ порицаніемъ къ такой политикѣ своего шурина и не желалъ признавать «другого законнаго базиса для европейскаго порядка, кромѣ утвержденнаго трактатами 1815 г.». Свиданія императора Николая съ прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ въ маѣ 1850 г. въ Варшавѣ, гдѣ происходили въ это время переговоры между австрійскимъ и прусскимъ министрами, и въ октябрѣ того же года съ Францемъ-Іосифомъ и съѣздъ въ Ольмюцѣ рѣшили и этотъ вопросъ въ пользу Австріи. Пруссія должна была отказаться отъ своихъ плановъ. Одновременно съ этимъ, протоколомъ лондонской конвенціи отъ 21 іюля 1850 г., подписаннымъ Англіей, Австріей, Даніей, Россіей Франціей и Швеціей, были признаны права датскаго короля на Шлезвигъ. 26 апрѣля 1852 г. этотъ протоколъ былъ

обращенъ въ трактатъ, который подписала и Пруссія.

Къ исходу 1850 г. наступило общее успокоеніе въ Европѣ. Въ связи съ этимъ и положеніе на Востокѣ, казалось, становилось сравнительно меньше натянутымъ. Въ началѣ 1851 г. русскія войска оставили Дунайскія княжества.

Результатомъ революціи 1848 г. и вызванныхъ ею осложненій было, какъ въ свое время и послѣ революціи 1830, болѣе тѣсное сближеніе между Англіей и Франціей и обособленіе ихъ политики отъ политики остальныхъ великихъ державъ. Меньше единодушія замѣчалось на этотъ разъ на Востокѣ Европы. Австрія недовѣрчиво слѣдила за политикою Россіи въ Турціи и была нѣсколько обезпокоена тою рѣшительностью, съ какою императоръ Николай вмѣшивался въ европейскія дѣла, хотя бы и въ интересахъ самой имперіи Габсбурговъ. Пережившая Ольмюцъ, Пруссія затаила обиду и за Шлезвигъ и за неудачу своей германской политики. Что касается непосредственныхъ отношеній императора Николая къ Англіи и Франціи, то эти отношенія обрисовываются уже отчасти на только что отмѣченныхъ событіяхъ. Подводя итогъ всему, что имѣло мѣсто за послѣдніе два года на Востокѣ, Императоръ Николай не могъ не замѣтить, какъ въ Турціи русское вліяніе окончательно уступало мѣсто англійскому, и какъ турецкіе министры все больше и больше подпадали подъ опеку англійскаго посла. Англо-русскій антагонизмъ, такъ опредѣленно сказавшійся въ вопросѣ о Дунайскихъ княжествахъ и о польскихъ эмигрантахъ, остро давалъ себя чувствовать въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ второстепенныхъ случаевъ. Такъ было, напримѣръ, когда Николай Павловичъ въ началѣ 1850 года вступился за Грецію, отъ которой Англія требовала возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ гибралтарскимъ жителемъ Пачифико во время безпорядковъ въ Аѳинахъ въ 1847 г. Этотъ антагонизмъ продолжалъ сказываться и на кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря, и въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, а въ самый послѣдній годъ николаевскаго царствованія и на Дальнемъ Востокѣ — послѣ появленія русскихъ поселеній на Амурѣ и на Камчаткѣ. Дипломатическія сношенія съ Франціей на первыхъ порахъ послѣ февральской революціи были прерваны. Энергичное подавленіе генераломъ Кавеньякомъ іюльскаго возстанія вызвало одобреніе со стороны Николая Павловича, что и было передано генералу (письмомъ Нессельроде) черезъ остававшагося въ Парижѣ Н. Д. Киселева. Присланный въ сентябрѣ 1848 г. въ Петербургъ французскимъ временнымъ правительствомъ генералъ Лефло встрѣтилъ самый благосклонный пріемъ, но дѣло о возобновленіи дипломатическихъ сношеній затянулось вслѣдствіе избранія президентомъ республики принца Людовика-Наполеона Бонапарта: желаніемъ Николая Павловича было видѣть на президентскомъ посту ген. Кавеньяка. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ этого французская республика была оффиціально признана русскимъ правительствомъ, и 14 мая 1849 г. Киселевъ возобновилъ свои полномочія. Послѣдующая политика президента примирила съ нимъ императора Николая, и переворотъ 2 декабря 1851 г., какъ усиливающій власть президента былъ встрѣченъ имъ сочувственно. Все время, однако, Николай Павловичъ относился къ принцу Людовику-Наполеону, лишь какъ ко главѣ французскаго правительства, не считалъ его равнымъ по положенію съ коронованными государями и одобряя всѣ его шаги къ усиленію своей власти, прямо заявлялъ, что всякая попытка со стороны президента провозгласить себя наслѣдственнымъ монархомъ была бы большою неосторожностью. Присвоенный 2 декабря 1852 г. президентомъ титулъ «Наполеона III, императора французовъ», какъ возстанавливающій династію низложеннаго Александромъ I Бонапарта, не былъ признанъ императоромъ Николаемъ. По соглашенію съ Австріей и Пруссіей была выработана формула, признававшая новое правительство безъ обычнаго между коронованными особами обращенія къ императору французовъ со словами «monsieur mon frère». Соотвѣтствующее письмо Государя Императора носило обращеніе: Très sérénissime, très excellant et très puissant Prince, notre très cher ami Napoleon, Empereur des Français» и подпись: «Votre bon ami Nicolas.» Берлинскій и вѣнскій дворъ въ это время признали Наполеона съ титуломъ «III», измѣнивъ своему первоначальному рѣшенію. Такое обращеніе русскаго императора очень задѣло Наполеона III и содѣйствовало обостренію

возникшаго еще въ 1850 г. вопроса о Святыхъ мѣстахъ.

Европейскія событія 1848 г. дали поводъ къ цѣлому ряду исключительныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью усиленіе надзора за состояніемъ умовъ въ русскомъ обществѣ и борьбу съ новыми политическими и соціальными идеями. Эти мѣропріятія касались прежде всего цензуры. Уже 12 марта 1848 г. министру народнаго просвѣщенія было повелѣно: 1) предупредить цензоровъ черезъ ихъ начальство, что за всякое дурное направленіе статей въ журналахъ цензура подвергнется строгой отвѣтственности; 2) предписать Главному Управленію теперь же строго взыскивать съ цензоровъ за подобныя упущенія; 3) не пропускать въ печати намековъ на строгость цензуры; 4) пояснить, что запрещеніе въ Россіи нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ запрещеніе и говорить о нихъ въ печати, а тѣмъ болѣе печатать изъ нихъ отрывки. Еще 27 февраля, по мысли свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, а главнымъ образомъ, статсъ-секретаря барона М. А. Корфа, былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ этихъ лицъ, особый комитетъ, въ который вошли д. т. сов. Дм. Пет. Бутурлинъ, ген.-ад. гр. А. Г. Строгановъ 2-й, статсъ-секретари Дегай и Корфъ, а нѣсколько позднѣе начальникъ штаба жандармовъ генералъ Дубельтъ, для негласнаго надзора какъ за самою цензурою, такъ и непосредственно за печатью. 11 марта на засѣданіи этого комитета редакторамъ всѣхъ петербургскихъ журналовъ было объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію независимо отъ отвѣтственности цензуры». 2 апрѣля того же года этотъ комитетъ былъ превращенъ въ постоянное учрежденіе, сосредоточившее въ себѣ фактическое завѣдываніе цензурою. Комитетъ, по выраженію Государя Императора, долженъ былъ стать «имъ самимъ» въ дѣлѣ цензуры. Министерство Народнаго Просвѣщенія съ этого времени лишь исполняло повелѣнія, сообщаемыя ему или черезъ Комитетъ 2 апрѣля, или черезъ III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Цѣлый рядъ темъ, охватывающій собою почти всѣ общественные вопросы, отдѣльными распоряженіями 1848—1854 гг. былъ окончательно изъятъ изъ обсужденія на страницахъ печати.

Одновременно съ этимъ былъ предпринятъ рядъ ограничительныхъ и запретительныхъ мѣръ по отношенію къ университетамъ, а также къ среднему образованію. На первыхъ порахъ эти мѣры носили частный характеръ. 19 марта 1848 г. послѣдовалъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, въ которомъ обращалось вниманіе на европейскія событія. Лично осмотрѣвъ осенью того же года Московскій Университетъ, министръ въ своемъ докладѣ объ этомъ осмотрѣ далъ весьма благопріятный для университета отзывъ и указывалъ тѣ мѣры, какія были предприняты имъ для укрѣпленія дисциплины. Совѣту университета было поручено, между прочимъ, пересмотрѣть программы политическихъ и юридическихъ наукъ съ цѣлью ихъ сокращенія. Положеніе самого Уварова къ этому времени уже пошатнулось. За статью «О назначеніи русскихъ университетовъ», написанную по его порученію проф. И. И. Давыдовымъ и помѣщенную въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1849 г., Уваровъ получилъ Высочайшій выговоръ и 20 октября того же года вышелъ въ отставку. На его мѣсто былъ назначенъ кн. Ширинскій-Шихматовъ. Еще до отставки Уварова комплектъ студентовъ въ университетахъ былъ ограниченъ 300 чел., и послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы всѣ литографированныя лекціи профессоровъ, за ихъ подписями, доставлялись въ Публичную Библіотеку. Осенью 1849 г., уже при Ширинскомъ-Шихматовѣ, назначеніе ректоровъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, было поручено министру. Въ слѣдующемъ году министромъ народнаго просвѣщенія были составлены особыя инструкціи для ректоровъ и декановъ съ «исключительною цѣлью усилить надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ». Было усилено наблюденіе за духомъ ученыхъ диссертацій. Съ осенняго семестра 1849 г. было пріостановлено преподаваніе государственнаго права, а съ 1850 г. упразднено преподаваніе философіи; преподаваніе же логики и психологіи поручено профессорамъ богословія. Заграничныя командировки и приглашенія иностранныхъ ученыхъ на русскія каѳедры были прекращены. Окончившіе университетъ косвенными мѣрами привлекались, по возможности, на государственную службу, въ департаментахъ и министерствахъ

и удерживались отъ «скользкаго поприща» журналистики.

Въ области средняго образованія исключительныя мѣропріятія выразились въ разрушеніи установившейся въ предшествующее двадцатилѣтіе системы классическаго образованія. Еще наканунѣ 1848 г. раздавались голоса о томъ, что «было бы полезно образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе матеріальное, которое, занимая ихъ знаніями положительными, не давало бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій» (Записка 1847 г. кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова). Съ 1848 г. въ классическомъ образованіи, съ одной стороны, окончательно стали усматривать «обманы воображенія», непониманіе «народности» и проистекающее отсюда неуваженіе законовъ. Съ другой стороны, эта система оказывалась несоотвѣтствующей новымъ правительственнымъ требованіямъ въ виду стремленія ограничить доступъ въ университеты, а среднему образованію дать преимущественно законченный практическій характеръ. То, что въ системѣ Уварова имѣло дополнительное значеніе, выступило теперь на первый планъ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 21 марта 1849 г. вводился новый учебный планъ гимназіи, въ основу котораго была положена бифуркація курса, начиная съ четвертаго класса, со спеціальными дополнительными курсами въ старшихъ классахъ: русскаго языка, математики и законовѣдѣнія — для поступающихъ прямо на службу, и древнихъ языковъ—для тѣхъ, кто шелъ въ университеты.

Говоря о запретительныхъ и ограничительныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ подъ вліяніемъ событій 1848 г., необходимо отмѣтить отношеніе въ это время правительства къ дворянству. Съ одной стороны, было какъ будто замѣтно стремленіе опереться на дворянство и привлечь его на свою сторону. Это сказывалось уже въ отсрочкѣ разрѣшенія крѣпостного вопроса. То же стремленіе прозвучало и въ словахъ самого государя, сказанныхъ имъ 21 марта 1848 г. на пріемѣ депутаціи петербургскаго дворянства. «Забудемъ всѣ непріятности,—говорилъ онъ,—одного къ другому. Подайте между собою руку дружбы, какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ чтобы послѣдняя рука дошла до меня, и тогда, подъ моею главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ». Съ другой стороны, параллельно съ этимъ идутъ мѣропріятія, возстановляющія до извѣстной степени обязательную дворянскую службу. Эти мѣропріятія, имѣвшія безусловно политическій характеръ, коснулись прежде всего западныхъ губерній. Указомъ 21 апрѣля 1851 г. для дворянъ западныхъ губерній были возстановлены и обязательная служба, и ежегодные смотры. Дѣти дворянъ неправославнаго исповѣданія, обладавшихъ не менѣе, чѣмъ ста душами крестьянъ, обязаны были служить съ 18-лѣтняго возраста. Неспособные и слабые здоровьемъ получали отсрочку и числились недорослями до 25-лѣтняго возраста. Разборъ дворянъ долженъ былъ производиться на ежегодныхъ смотрахъ генералъ-губернаторами. Воспитывавшіеся въ учебныхъ заведеніяхъ получали отсрочку до окончанія курса. Добровольно поступившіе на службу могли выходить въ отставку, прослуживъ пять лѣтъ; поступившіе по принужденію — по прошествіи десяти лѣтъ. Общей инструкціей генералъ-губернаторамъ 1853 г. предписывалось наблюдать во всѣхъ губерніяхъ, чтобы дворяне не находились во вредной праздности, но посвящали бы себя государственной службѣ.

Къ 1851 г. самыя сношенія съ западной Европой были крайне стѣснены сильнымъ повышеніемъ платы за заграничный паспортъ (до 250 р. вмѣсто 50) и сокращеніемъ сроковъ дозволеннаго всѣмъ русскимъ пребыванія въ чужихъ краяхъ.

Указанныя выше запретительныя и охранительныя мѣропріятія выразились точно также въ цѣломъ рядѣ каръ, которымъ подверглись въ то время различныя направленія общественной мысли и нѣкоторые изъ существовавшихъ въ то время—къ тому же очень незначительныхъ—кружковъ политическаго характера. Таковы были дѣло «петрашевцевъ»—кружокъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, въ которомъ участвовалъ между прочимъ Достоевскій,—обвинявшихся въ либерализмѣ и соціалистическихъ стремленіяхъ, высылка въ Вятку Салтыкова-Щедрина и арестъ Тургенева, цензурныя кары, какимъ подвергались славянофилы (К. Аксакову, Хомякову, Ю. Самарину и Кошелеву было запрещено печатать свои произведенія), закрытіе «Кирилло-Меѳодіевскаго общества», заподозрѣннаго въ федералистическихъ стремле-

ніяхъ. За попытку помѣстить на страницахъ «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей» переводъ сочиненія Флетчера «Of the russe common wealth» (Описаніе Россіи въ концѣ XVI вѣка) названное Общество понесло кару: «Чтенія» были прекращены, и редактировавшій ихъ секретарь Общества профессоръ Московскаго Университета Бодянскій долженъ былъ подать въ отставку.

Съ другой стороны, цѣлый рядъ отдѣльныхъ указаній позволяетъ предполагать, что исключительныя мѣропріятія въ области цензуры и народнаго просвѣщенія были встрѣчены въ это время несочувственно въ средѣ самихъ сторонниковъ николаевской правительственной системы. Въ своихъ дневникахъ кн. Меншиковъ намекаетъ, что однимъ изъ поводовъ къ учрежденію особаго Комитета по дѣламъ цензуры былъ отказъ шефа жандармовъ гр. А. Ѳ. Орлова сдѣлать лично внушеніе редакторамъ журналовъ. Отставка гр. Уварова была вынужденной—послѣ того, какъ для него стало ясно, что созданная имъ система обречена на разрушеніе. Въ своихъ запискахъ бар. М. Корфъ отмѣчаетъ, что установленіе комплекта студентовъ возбудило въ то время «общее неудовольствіе и даже въ людяхъ самыхъ благонамѣренныхъ общее сокрушеніе. Киселевъ считалъ крестьянскій вопросъ «лопнувшимъ». Въ указанныхъ исключительныхъ мѣропріятіяхъ усматривали нѣкоторую растерянность правительства и даже отступленіе отъ основныхъ началъ строго и послѣдовательно проводимой программы всего царствованія.

Восточный вопросъ въ началѣ 50-хъ годовъ и Крымская кампанія.

Причинами Восточной войны 1853—56 гг. былъ общій характеръ политики Наполеона III, еще съ момента избранія его президентомъ французской республики, и тѣ стремленія, какія обнаружилъ къ этому времени въ своей восточной политикѣ императоръ Николай I. Поводомъ къ войнѣ послужилъ возникшій въ 1850 г. вопросъ о Святыхъ мѣстахъ и проистекшія отсюда недоразумѣнія между Россіей и Турціей.

Основною цѣлью своей политики Наполеонъ III ставилъ разрушеніе монархическаго союза 1833 г., а тѣмъ самымъ и легшихъ въ основу этого союза договоровъ 1815 г., какъ принципіально противорѣчившихъ тѣмъ началамъ, на которыхъ строился теперь новый порядокъ во Франціи. Удачно выбравъ моментъ, когда создалось охлажденіе у Россіи съ Пруссіей, а отчасти и съ Австріей, онъ направилъ свои удары на первую изъ этихъ державъ, какъ на наиболѣе послѣдовательно проводившую въ своей политикѣ начало легитимизма, и притомъ на такую область, которая не была включена въ обязательства, связывавшія съ Россіей ея союзницъ. Съ другой стороны, выдвигая Восточный вопросъ въ формѣ вопроса о защитѣ Франціей на Востокѣ интересовъ католической церкви, онъ какъ бы возрождалъ поколебленныя въ эпоху революціи и въ началѣ XIX вѣка исконныя традиціи французской восточной политики, что должно было тѣснѣе сблизить съ нимъ католическіе круги Франціи. Со своей стороны, занявъ съ самаго начала вполнѣ опредѣленно оборонительную позицію, императоръ Николай I видѣлъ въ сложившихся обстоятельствахъ благопріятный моментъ для того, чтобы вернуть все утраченное въ Восточномъ вопросѣ русской политикой, начиная съ конца тридцатыхъ годовъ.

Въ іюнѣ 1850 г. Франція, основываясь на своемъ договорѣ 1740 г. съ Турціей потребовала, чтобы католикамъ были предоставлены нѣкоторыя изъ святынь, утвержденныхъ съ начала XIX в. за православными, а также право починки купола надъ храмомъ Гроба Господня, (т. е. уничтоженіе того, что было сдѣлано греками послѣ пожара въ этомъ храмѣ въ 1808 г.). Императоръ Николай вступился за интересы православныхъ и вошелъ по этому поводу въ переговоры съ Турціей и Франціей; онъ соглашался на нѣкоторыя уступки католикамъ съ тѣмъ, однако, чтобы были подтверждены права православныхъ на тѣ святыни, какими они до сихъ поръ владѣли, и чтобы имъ, а не католикамъ было предоставлено произвести починку купола Св. Гроба. Фирманомъ отъ 30 января 1852 г. Порта отвергла притязанія католиковъ, подтвердила установившіяся права обоихъ исповѣданій, а въ видѣ уступки Франціи разрѣшила католикамъ, наравнѣ съ православными и армяно-григоріанами, имѣть доступъ въ пещеру Рождества Христова въ Виѳлеемскомъ храмѣ. Черезъ недѣлю (8 февраля) этотъ фирманъ, по настоянію

французскаго посла Лавалетта, подошедшаго къ Константинополю на военномъ суднѣ, былъ отмѣненъ, и католикамъ были предоставлены и право починки купола, и ключи отъ главнаго входа въ Виелеемскую церковь, находившіеся до этого времени у православнаго патріарха. Возгорѣвшійся споръ вызвалъ волненіе среди мѣстнаго христіанскаго населенія, скоро нашедшее отзвукъ и въ другихъ частяхъ Оттоманской имперіи. Въ іюнѣ 1852 г. вспыхнуло возстаніе въ Черногоріи, стремившейся пробиться къ морю и находившей поддержку у Россіи. Съ декабря 1852 г., послѣ непризнанія русскимъ монархомъ императорскаго титула за Наполеономъ III, отношенія Россіи къ Франціи приняли очень натянутый характеръ, что отражалось и на переговорахъ о Святыхъ мѣстахъ. Императоръ Николай рѣшилъ произвести давленіе на Порту и въ концѣ января 1853 г. отправилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ ген.-адъютанта свѣтл. кн. Меншикова. Одновременно съ этимъ пятый армейскій корпусъ былъ сосредоточенъ на югѣ Россіи.

Принимая эти мѣры, Николай Павловичъ разсчитывалъ найти поддержку со стороны Австріи, потребовавшей въ это время отъ Порты вывода ея войскъ изъ Черногоріи, что было поддержано и Россіей. Одновременно съ этимъ онъ вступилъ въ переговоры по Восточному вопросу съ Англіей и, соглашаясь поддерживать существованіе Оттоманской имперіи, предлагалъ сговориться на случай ея паденія. При такомъ оборотѣ дѣлъ, по мнѣнію Николая Павловича, Дунайскія княжества, Сербія и Болгарія должны были образовать самостоятельныя государства подъ покровительствомъ Россіи. Англіи онъ соглашался предоставить Египетъ и Критъ. Вопросъ о Константинополѣ разрѣшался не вполнѣ ясно. Заявляя, что онъ не допуститъ ни утвержденія въ Константинополѣ Англіи или Франціи, ни возстановленія греческой Византійской имперіи, Николай Павловичъ обѣщалъ не утверждаться въ Константинополѣ навсегда, хотя и предусматривалъ возможность его временнаго занятія Россіей. Въ это же время имъ самимъ былъ выработанъ планъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, сводившійся къ «сильной экспедиціи, съ помощью флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ» и долженствовавшій закончиться занятіемъ Дарданеллъ. Переговоры съ Англіей не имѣли успѣха. Они лишь встревожили правительство: когда Меншиковъ появился въ Константинополѣ, англійскій посолъ лордъ Стратфордъ-Каннингъ былъ уже на сторожѣ противъ его миссіи.

Меншикову, какъ видно изъ данной ему инструкціи отъ 24 января 1853 г., поручалось стараться о возстановленіи прежняго значенія Россіи на Востокѣ и въ виду этого требовать отъ Порты: 1) торжественнаго объявленія фирмана 30 января 1852 г.; 2) отставки враждебнаго Россіи министра иностранныхъ дѣлъ Фуада-Эффенди; отмѣны всѣхъ новыхъ привилегій католиковъ и признанія за православными права починки купола св. Гроба; 3) заключенія особаго акта (сенеда) въ формѣ конвенціи съ Россіей, обезпечивающаго status quo православной церкви и, если бы оказалось необходимымъ, заключенія тайнаго оборонительнаго союза между Россіей и Турціей, направленнаго противъ Франціи. Если бы Порта отвергла эти требованія, Меншикову предписывалось, по истеченіи трехдневнаго срока, со всѣмъ русскимъ посольствомъ, покинуть Константинополь. Меншиковъ прибылъ въ Константинополь 16 февраля. Его переговоры съ турецкимъ правительствомъ не имѣли успѣха вслѣдствіе противодѣйствія со стороны Англіи и Франціи. Порта не соглашалась, главнымъ образомъ, на заключеніе конвенціи. 9 мая Меншиковъ оставилъ Константинополь. Дипломатическія сношенія съ Турціей были прерваны, и 14 іюня 1853 г. манифестъ Императора Николая возвѣстилъ о рѣшеніи государя занять Дунайскія княжества въ обезпеченіе правъ православной церкви на Востокѣ, защита которыхъ принадлежала Россіи въ силу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. 80-тысячная русская армія вошла въ княжества подъ начальствомъ кн. М. Д. Горчакова.

Послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній обсужденіе недоразумѣній между Россіей и Турціей сосредоточилось въ Вѣнѣ, гдѣ 19 іюля 1853 г. представителями Англіи, Пруссіи и Франціи, подъ личнымъ вліяніемъ австрійскаго императора, былъ выработанъ текстъ ноты, заключавшей въ себѣ обѣщаніе султана охранять неприкосновенность правъ и преимуществъ православной церкви, выво-

димое, какъ обязательство изъ предшествовавшихъ договоровъ Россіи съ Турціей—Кучукъ-Кайнарджійскаго и Адріанопольскаго. Императоръ Николай согласился принять эту ноту подъ условіемъ, чтобы при обращеніи ея въ договоръ она была принята турецкимъ правительствомъ безъ всякихъ оговорокъ, и чтобы въ случаѣ отказа Порты подписать таковой договоръ, это согласіе ни въ чемъ не связывало ему руки. Подъ вліяніемъ Англіи Порта потребовала измѣненія «вѣнской ноты», редактируя ее такъ, что покровительство надъ православными въ Турціи признавалось не за Россіей, но за султаномъ. Предварительнымъ условіемъ подписанія договора Порта ставила выходъ русскихъ войскъ изъ княжествъ. Императоръ Николай отвергъ эти условія. Въ виду того, что сочувствіе Англіи и Франціи было явно на сторонѣ Турціи, онъ сдѣлалъ попытку войти въ соглашеніе съ Австріей и Пруссіей. 14 (26) сентября 1853 г. состоялось свиданіе Николая Павловича съ Францемъ-Іосифомъ въ Ольмюцѣ, на которомъ былъ выработанъ новый планъ примиренія. 21 сентября состоялось свиданіе обоихъ императоровъ и короля прусскаго въ Варшавѣ. Пруссія отказалась подписать ольмюцкій планъ. Еще болѣе рѣшительнымъ отказомъ отвѣчали Англія и Франція. 28 сентября главнокомандующій турецкой дунайской арміей Омеръ-паша потребовалъ у кн. Горчакова, чтобы русскія войска оставили княжества, на что послѣдовалъ отказъ. 4 октября 1853 г. Турція объявила войну императору Николаю. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ начались военныя дѣйствія на Дунаѣ, на азіатской границѣ и на черноморскомъ побережьѣ. 27 октября англійскій и французскій флоты, стоявшіе наготовѣ въ Безикскомъ заливѣ подошли къ Босфору.

Въ отвѣтъ на объявленіе войны Турціей 19 октября послѣдовалъ манифестъ, которымъ населеніе оповѣщалось о томъ, что война начата, «дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія, на законную заботливость нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ». Не разсчитывая болѣе на содѣйствіе европейскихъ державъ, Николай Павловичъ предполагалъ первоначально придать войнѣ широкій освободительный характеръ и провозгласить дѣйствительную независимость «молдаво-валаховъ, сербовъ, болгаръ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе страною, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка, и управлялся человѣкомъ, по собственному выбору, избраннымъ имъ самимъ изъ среды своихъ же соотечественниковъ» (записка Государя Императора для канцлера гр. Нессельроде отъ начала ноября 1853 г.). Эти предположенія встрѣтили возраженія со стороны Нессельроде, находившаго въ мысляхъ государя противорѣчіе съ направленіемъ, котораго держалась русская политика въ теченіе полстолѣтія, и считавшаго невозможнымъ для «консервативной Европы» слѣдовать по пути, предначертанномъ государемъ. Мнѣніе Нессельроде восторжествовало. 5 декабря 1853 г. представители Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи подписали протоколъ, въ которомъ европейскія державы предлагали свое посредничество Россіи и Турціи, и напоминали императору Николаю о его обѣщаніи не посягать на цѣлостность Оттоманской имперіи. Еще до этого, однако, 18 ноября турецкая эскадра изъ 11 кораблей, стоявшая на Синопскомъ рейдѣ, была уничтожена вице-адмираломъ Нахимовымъ. На предложеніе державъ отъ 5 декабря императоръ Николай отвѣтилъ отказомъ. 23 декабря англо-французская эскадра вошла въ Черное море, и Россіи было предложено со стороны морскихъ державъ установить на Черномъ морѣ демаркаціонную линію, за которую не должны были переходить русскія суда. 28 февраля 1854 г. Англія и Франція заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Турціей. 1 марта онѣ предъявили ультиматумъ объ очищеніи княжествъ. Какъ предложенія объ установленіи демаркаціонной линіи, такъ и ультиматумъ были отвергнуты. 15 и 16 марта Англія и Франція объявили войну Россіи; въ январѣ 1855 г. къ нимъ присоединилась Сардинія. 28 марта въ Вѣнѣ, на конференціи представителей Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи, былъ подписанъ протоколъ, заявлявшій о единомысліи четырехъ державъ по восточнымъ дѣламъ и объ ихъ рѣшеніи не вступать съ Россіей ни въ какіе переговоры о мирѣ безъ предварительнаго общаго соглашенія между собою. Предложеніе Россіи подписать протоколъ

о нейтралитетѣ Австріей и Пруссіей было отвергнуто. 4 іюня Австрія, ссылаясь на протоколъ 28 марта, потребовала «во имя политическихъ и коммерческихъ интересовъ Германіи» очищенія Дунайскихъ княжествъ; это требованіе было поддержано и Пруссіей. Императоръ Николай отвѣчалъ отказомъ. 14 іюня Австрія заключила договоръ съ Турціей и обязалась добиться очищенія княжествъ. Еще въ мартѣ 1854 г. русскія войска перешли Дунай, а главное начальствованіе надъ ними было передано Паскевичу. Его военныя дѣйствія были неудачны. 8 іюля войска перешли обратно на лѣвый берегъ Дуная и начали отступать. 10 августа Омеръ-паша вступилъ въ Бухарестъ. Въ сентябрѣ русскія войска отступили за Прутъ, а княжества, по соглашенію съ Турціей, были заняты австрійскими войсками.

Послѣ начала военныхъ дѣйствій и вплоть до смерти императора Николая переговоры Россіи съ державами, объявившими ей войну, не прерывались. Они сосредоточивались по прежнему на «вѣнской конференціи» (русскій представитель—кн. А. М. Горчаковъ). Здѣсь четырьмя державами были выработаны такъ называемые «четыре пункта»: 1. замѣна русскаго протектората въ княжествахъ и Сербіи общеевропейскою опекою; 2. свобода судоходства по Дунаю; 3. пересмотръ договора 1841 г. о проливахъ; 4. общее представленіе Портѣ о восточныхъ христіанахъ. Русское правительство 16 ноября приняло эти пункты, какъ исходные для дальнѣйшихъ переговоровъ, и позднѣе они легли въ основу парижскаго трактата.

Въ началѣ 1854 г. Николаемъ Павловичемъ былъ намѣченъ новый планъ военныхъ дѣйствій. Исходя изъ того, что враждебное отношеніе къ Россіи Англіи, Франціи и Австріи опредѣлилось съ достаточной ясностью, этотъ новый планъ, взамѣнъ прежняго проекта морской экспедиціи на Константинополь, предусматривалъ встрѣчу съ непріятелемъ въ Крыму, на Кавказѣ и въ Бессарабіи.

Въ теченіе лѣта 1854 г. англійскимъ флотомъ были сдѣланы попытки нападенія на наши берега на Балтійскомъ морѣ, на Бѣломъ и на Тихомъ океанѣ. Эти попытки успѣха не имѣли. Военныя дѣйствія въ Закавказьѣ и на Черноморскомъ побережьѣ, въ началѣ для насъ успѣшныя, потеряли свое значеніе въ виду того, что скоро войска начали стягиваться въ Крымъ. Къ сентябрю, послѣ очищенія Дунайскихъ княжествъ и дессанта въ Крыму англо-французскихъ войскъ, здѣсь и сосредоточились военныя дѣйствія. Общее количество союзныхъ дессантныхъ войскъ достигало 62 тысячъ. Русскихъ войскъ на всемъ полуостровѣ было не болѣе 52 тысячъ. Положеніе затруднялось еще и тѣмъ, что отдѣльныя части войскъ находились подъ разнымъ командованіемъ, и старшій изъ начальниковъ, кн. Меншиковъ, пользуясь лишь правами корпуснаго командира, былъ стѣсненъ центральнымъ вѣдомствомъ въ своихъ распоряженіяхъ. Его просьбы о присылкѣ подкрѣпленія встрѣчали противодѣйствіе со стороны Паскевича, долгое время стремившагося сосредоточить у себя главныя силы. Первая встрѣча съ противникомъ, на другой день послѣ его дессанта, 7 сентября на Альмѣ окончилась неудачей, и русскія войска отступили на южную сторону, закрывъ входъ въ Севастопольскую бухту затопленными старыми судами. Опасаясь быть отрѣзаннымъ съ главными силами отъ остальной Россіи, Меншиковъ вышелъ изъ Севастополя, и съ 11 сентября началась осада этого города союзными войсками. Севастопольскій гарнизонъ имѣлъ всего лишь 18 тыс. чел., главнымъ образомъ, флотскаго экипажа. Главное командованіе принадлежало адмираламъ Корнилову и Нахимову; фортификаціонныя работы велись инженеръ-подполковникомъ Тотлебеномъ. 5 октября послѣдовало первое бомбардированіе Севастополя, стоившее намъ около 1200 чел., а непріятелю около 1000 чел., но не принесшее никакой пользы осаждавшимъ. Въ это время къ Меншикову подходили новыя войска, но очень медленно вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ и неисправности интендантской части. Тѣмъ не менѣе, къ октябрю у него было уже около ста тысячъ человѣкъ и онъ попытался перейти въ наступленіе. Эта попытка не удалась и на Инкерманскихъ высотахъ мы потеряли до 12 тысячъ человѣкъ. Положеніе осажденныхъ становилось крайне затруднительнымъ. Въ концѣ 1854 г. было повелѣно засчитывать мѣсяцъ службы въ Севастополѣ за годъ. Въ концѣ января 1855 г. въ Евпаторіи высадился турецкій 20 тысячный корпусъ Омера-паши. По-

пытка аттаковать Евпаторію, предпринятая ген. Хрулевымъ, успѣха не имѣла, и эта новая неудача побудила, наконецъ, Николая Павловича смѣнить главнокомандующаго. Меншиковъ былъ отозванъ, и на его мѣсто былъ назначенъ кн. М. Д. Горчаковъ. Осада союзниковъ сосредоточилась къ этому времени у Малахова кургана. Во время работъ, долженствовавшихъ отразить здѣсь ударъ союзниковъ, въ Севастополь пришло извѣстіе о смерти императора Николая I.

Послѣдніе годы жизни и кончина императора Николая Павловича.

Послѣдніе годы жизни императора Николая Павловича прошли, главнымъ образомъ, въ заботахъ, вызываемыхъ сперва европейскими событіями, а съ начала пятидесятыхъ годовъ—новыми осложненіями на Востокѣ. Личная жизнь государя за это время, сравнительно съ предшествующею эпохою, протекала болѣе спокойно, но за то была и менѣе богата какими либо радостными событіями. Кругъ приближенныхъ и сотрудниковъ императора Николая постепенно рѣдѣлъ. Одни, какъ кн. Чернышевъ и кн. Меншиковъ, приходили уже въ преклонный возрастъ; другіе, болѣе энергичные, какъ напримѣръ министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, не пользовались полнымъ довѣріемъ государя. Съ 1849 г. особенно началъ выдвигаться гр. Клейнмихель, въ вѣдѣніе котораго съ осени этого года, совершенно неожиданно для Перовскаго, было передано управленіе всею дорожною частію имперіи.

Николай Павловичъ внимательно слѣдилъ за событіями, развертывавшимися въ 1848 г. въ Европѣ; приходившія изъ за границы извѣстія тревожили его не только какъ государя, но и какъ человѣка. Его огорчала политика берлинскаго двора, съ которымъ онъ былъ связанъ родственными узами. Онъ безпокоился за судьбу своего личнаго друга принца Вильгельма, которому суждено было сыграть роковую роль въ извѣстные «мартовскіе дни». Съ другой стороны, современники отмѣчаютъ въ это время какъ бы стремленіе Николая Павловича стать ближе къ своимъ подданнымъ, разсѣять чувство разобщенности Двора и населенія. Чаще прежняго показывался онъ въ это время пѣшкомъ на улицахъ Петербурга.

30 августа 1848 г. въ Петербургѣ состоялось бракосочетаніе второго сына Государя Императора, великаго князя Константина Николаевича со старшею дочерью герцога Саксенъ-Альтенбургскаго. Согласіе на этотъ бракъ, за два года до этого, было дано лишь въ виду непреклонно выраженнаго рѣшенія со стороны юнаго князя.

Страстную и Пасху 1849 г. государь со всѣмъ своимъ семействомъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ къ этому времени былъ законченъ постройкою Большой кремлевскій дворецъ. Пребываніе государя въ древней столицѣ было обставлено особою торжественностью и опять таки сопровождалось частымъ появленіемъ Николая Павловича среди народной толпы. Особенно милостивое вниманіе было оказано Преображенскому полку. Въ Георгіевской залѣ новаго дворца, во время церемоніи прибитія досокъ съ именами всѣхъ полковъ, имѣющихъ георгіевскія знамена, когда была поднята доска съ именемъ Преображенскаго полка, государь провозгласилъ лично полку «ура!» и обращаясь къ солдатамъ, сказалъ, намекая на событія 14 декабря 1825 г.: «Вы—мой первый полкъ, и надѣюсь, что и останетесь имъ навсегда; передайте же товарищамъ, какъ я васъ награждаю за вашу вѣрность».

Вскорѣ послѣ возвращенія государя изъ Москвы было обнаружено существованіе среди столичной молодежи кружковъ интересовавшихся новыми политическими и соціальными теченіями (дѣло Петрашевскаго). Государь былъ очень встревоженъ и раздраженъ этимъ обстоятельствомъ; усматривая въ этомъ извѣстный симптомъ, онъ преувеличенно судилъ объ этомъ дѣлѣ, какъ о «заговорѣ», и сомнѣвался, не былъ ли прикосновененъ къ нему кто либо «повыше». Надъ виновными былъ назначенъ судъ, закончившійся суровымъ приговоромъ.

Лѣтомъ государь вскорѣ опять покинулъ столицу, отправившись въ Варшаву и на венгерскую границу. Въ Варшавѣ, ставшей въ это время какъ бы центромъ дипломатическихъ сношеній между восточными державами, Николай Павловичъ имѣлъ свиданіе съ австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Здѣсь были выработаны условія русской помощи Австріи. Въ Варшавѣ онъ оставался на этотъ разъ до

сентября, пріѣзжая лишь на нѣсколько дней въ Петербургъ въ концѣ іюня, ко дню рожденія государыни. Сопровождавшій его великій князь Константинъ Николаевичъ отправился отсюда въ дѣйствующую армію. 28 августа въ Варшавѣ скончался на рукахъ у Государя Императора великій князь Михаилъ Павловичъ. Смерть его была большою потерею для Николая Павловича, связаннаго со своимъ братомъ тѣсною дружбою. Не мало тревогъ доставляло государю и все ухудшавшееся здоровье государыни-императрицы.

Такъ какъ на этотъ разъ столицу покидалъ и наслѣдникъ, то въ отсутствіе государя была назначена особая правительственная коммиссія, въ которую входили кн. П. М. Волконскій, кн. Чернышевъ, гр. Блудовъ и правителемъ дѣлъ государственный секретарь Бахтинъ. Такая же коммиссія назначалась и въ слѣдующемъ 1850 г., въ виду продолжавшихся и въ этомъ году частыхъ отлучекъ государя.

Весною 1850 г. Николай Павловичъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ-цесаревичемъ совершилъ поѣздку по Западному краю и Польшѣ для осмотра войскъ и крѣпостей. Пробывъ лѣто въ столицѣ, 7 сентября онъ отправился на смотръ войскъ въ Чугуевъ, а оттуда черезъ Москву въ Варшаву, гдѣ по предписанію врачей должна была проводить осень государыня. И на этотъ разъ пребываніе Николая Павловича въ Варшавѣ носило опредѣленный политическій характеръ. Здѣсь собрались многіе изъ европейскихъ коронованныхъ особъ: австрійскій императоръ, принцъ Фридрихъ нидерландскій съ супругою, Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій, принцъ Христіанъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зонденбургъ-Глюксбургскій и принцъ Евгеній Виртембергскій. Прусскій король отсутствовалъ; его замѣнялъ его министръ графъ Бранденбургъ. Въ Варшавѣ вокругъ русскаго монарха коронованный міръ германскаго союза, какъ бы торжествовалъ ликвидацію революціи и національныхъ движеній. Здѣсь же торжественно былъ отпразднованъ Николаемъ Павловичемъ пятидесятилѣтній юбилей кн. Паскевича, въ награду фельдмаршалу за только что оконченную венгерскую компанію. Къ 21 октября государь вернулся изъ Варшавы въ Царское Село. Настроеніе высшаго петербургскаго общества, по отзыву современниковъ, и въ 1850—1851 гг. точно также отличалось успокоеніемъ послѣ только что пережитыхъ тревожныхъ годовъ. Придворная жизнь протекала, однако, тихо. Исполнившееся въ ноябрѣ этого года двадцатипятилѣтіе царствованія Николая Павловича, по его повелѣнію, не было отмѣчено никакими особенными торжествами. Освященіе и открытіе 21 ноября вновь построеннаго Николаевскаго моста точно также состоялось съ большою простотою. Такъ же тихо протекала жизнь двора и въ 1851 и 1852 г.г.: здоровье государыни все ухудшалось.

Однимъ изъ крупныхъ событій этого времени было открытіе Николаевской желѣзной дороги. 19 августа въ 4 часа утра государь съ государынею, наслѣдникомъ цесаревичемъ, двумя младшими сыновьями и многими другими членами царской семьи выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, куда и прибылъ къ 11 часамъ вечера.

Къ началу 1853 г. положеніе дѣлъ на Востокѣ стало критическимъ. Въ виду возможности разрыва съ Англіей и Франціей и неопредѣленнаго положенія, занятаго Австріей и Пруссіей, Николай Павловичъ пожелалъ лично свидѣться со своими союзниками. Въ началѣ сентября онъ былъ на маневрахъ въ Ольмюцѣ и оттуда проѣхалъ—въ послѣдній разъ—въ Берлинъ. Вслѣдъ за этимъ австрійскій императоръ и прусскій король отдали ему визитъ въ Варшавѣ. Вплоть до самаго объявленія войны новыя осложненія на Востокѣ оставались втайнѣ отъ петербургскаго общества. Смыслъ посольства въ Константинополь Меншикова для многихъ былъ не ясенъ. Черезъ три мѣсяца послѣ свиданій въ Ольмюцѣ, Берлинѣ и Варшавѣ Австрія и Пруссія отвергли предложенія императора Николая соблюдать нейтралитетъ въ его предстоящей борьбѣ съ морскими державами. Къ лѣту слѣдующаго года, одновременно съ началомъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, англійскій флотъ появился передъ Кронштадтомъ, и Государь Императоръ изъ своего дворца въ Александріи почасту смотрѣлъ въ телескопъ на непріятельскія силы. Тяжелымъ ударомъ для него было заключеніе Австріей союзнаго договора съ Англіей и Франціей. «L'empereur d'Autriche, sur lequel je comptais tant, a retourné le fer dans mon coeur par sa conduite» сказалъ онъ по этому поводу. Съ полнымъ самообладаніемъ выслушалъ

онъ какъ громомъ поразившее его извѣстіе объ Альминскомъ пораженіи. Изъ Севастополя продолжали приходить тяжелыя извѣстія. «Буди воля Божія, буду нести крестъ мой до истощенія силъ», писалъ императоръ Николай Павловичъ главнокомандующему арміей кн. Горчакову (письмо 25 ноября 1854 г.).

Весь погруженный въ дѣла, государь какъ бы сознательно не берегъ себя. Достаточно было незначительной причины, чтобы истомленное здоровье, въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, окончательно надломилось. Въ концѣ января 1855 г. передъ масленицей Николай Павловичъ слегка простудился на свадьбѣ дочери гр. Клейнмихеля. Первые дни онъ не обратилъ на это особаго вниманія, но на первой недѣлѣ великаго поста почувствовалъ себя худо, и не могъ, противъ обыкновенія, пріобщаться со всею семьею. Простуда перешла въ воспаленіе легкихъ, и болѣзнь быстро начала прогрессировать. Бюллетеней о здоровьѣ государя не обнародовывалось, и потому въ народѣ и обществѣ о его болѣзни знали очень мало. Въ самомъ дворцѣ до послѣдняго дня оставались въ неизвѣстности, такъ какъ лейбъ-медикъ Мандтъ продолжалъ увѣрять, что опасности нѣтъ. Только за день до смерти, 17 февраля истинное положеніе дѣлъ стало извѣстно и слухи объ опасности быстро распространились по городу. Лейбъ-медикъ докторъ Мандтъ, исполняя обѣщаніе, данное имъ года за полтора до этого, предупредилъ государя о неизбѣжности конца. Государь встрѣтилъ это извѣстіе съ полнымъ спокойствіемъ и выразилъ желаніе пріобщиться Св. Таинъ. 18 февраля двадцать минутъ перваго по полудни, простившись съ императрицею, со всѣми членами царской семьи, бывшими въ то время въ Петербургѣ, съ приближенными и слугами, императоръ Николай I скончался. Его послѣднія слова наслѣднику цесаревичу были: «Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Служи Россіи».

19 февраля на престолъ вступилъ императоръ Александръ II, Царь-Освободитель.

Источники.

I. *Акты, сборники документовъ и бумагъ, письма и записки, поданныя императору Николаю I и т. п.*

Второе полное собраніе Законовъ. — Ѳ. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, тт. IV (ч. 1 и 2), VIII, XI, XII (Спб. 1874 слѣд). Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые (Спб. 1860).- Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. 20 (Записка А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I); 30 и 31 (Годы ученія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича; здѣсь (31 т.), между прочимъ, „краткое обозрѣніе Россійскихъ финансовъ въ 1838 г.", составл. гр. Канкринымъ); 73 и 78 (Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго); 74 и 90 (Бумаги и журналы Высочайше утвержденнаго 6 декабря 1826 г. „Особаго Секретнаго Комитета"); 98 (Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія; имп. Николай I въ совѣщательныхъ собраніяхъ; отчеты министерствъ за 25-лѣтіе царствованія императора Николая I); 113 (Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе императора Николая I); 121 и 122 (Архивъ кн. Александра Ивановича Чернышева). — Архивъ кн. Воронцова тт. I—X (Спб. 1870—75). — Донесеніе слѣдственной комиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ (Спб. 1826; перепеч. въ сборн.: „Государственныя преступленія въ Россіи" т. I. (Спб. 1906), гдѣ помѣщены и другіе оффиціальные документы, относящіеся къ дѣлу декабристовъ. См. также приложенія къ труду Шильдера Императоръ Николай I, т. I).—Донесеніе Варшавскаго слѣдственнаго комитета (Варшава 1826).—Кавказскій Сборникъ (подъ ред. г.-м. Потто), тт. I—XXV (Тифлисъ 1876—1906). Акты Кавказской Археографической Комиссіи (Тифл. 1866—1904), гл. обр. тт. VII—X. Письмо П. П. Коновницына къ вел. кн. Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу 1816 г. (Русск. Стар. 1870, т. I).—Проектъ манифеста о бракосочетаніи вел. кн. Николая Павловича, составленный А. С. Шишковымъ, съ поправками императора Александра Павловича 1817 г. (Русск. Стар. 1870, т. I). Письмо В. Н. Каразина къ императору Николаю I 18 сент. 1826 г. (Русск. Стар. 1870, т. II).—Записка Н. Кутузова, поданная имъ императору Николаю I (Русск. Стар. 1898 № 9).—Записка Ѳ. Ридигера: Внутреннее состояніе Россіи въ 1855 г. (Русск. Стар. 1901, № 3). — Десятилѣтіе Министерства Народнаго Просвѣщенія 1833 — 1843; записка, представленная императору Николаю Павловичу министромъ народнаго просвѣщенія гр. С. Уваровымъ (Спб. 1864). Высочайше утвержденная инструкція ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ 24 окт. 1849 г. (Русск. Стар. 1872, т. VI).—П. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ,

т.т. I—III и указатель. — F. Gentz Mémoires et lettres inédits (Stuttgart 1841)—его же Dépêches inédits de Gentz aux hospodaires-de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne. (1876). -- Prokesch Osten. Zur Geschichte der orientalischen-Frage. Briefe aus dem Nachlass von Gentz 1823—1829 (Berlin 1877).—Metternich pr. Memoires, documents et écrits divers (Paris 1879).

II. *Документы, относящіеся къ царству Польскому и къ возстанію 1830—1831 гг.*

Международные трактаты и законодательные акты, касающ. вопроса о государственно-правовомъ отношеніи Царства Польскаго и Россійской Имперіи (Спб. 1906).—Dziennik praw.—d'Angeberg comte. Recueils des Traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862.—Papers, relative to the suppréssion by the Gouverments of Austria, Prussia and Russia of the free state of Cracow, presented to both Houses of Parliament. (Lond. 1847). — Письмо (по поводу Польши) вел. кн. Николая Павловича къ императору Александру I (Русск. Стар. 1882, т. XXXV).—Hirschberg. Zbiór pamiętników do historyi powstania 1830 i 1831.— M. Mochnacki Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831 (русск. пер.—Русск. Стар. 1891, т. LXIX). — Miroslawski. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831.— Буткевичъ прелатъ (воспоминанія). Возстаніе въ Варшавѣ и въ воеводствахъ Царства Польскаго въ 1830—1831 гг. (Русск. Стар. 1878, т. XXII).—А. Зеландъ. Воспоминанія о польскомъ возстаніи и о войнѣ 1830—1831 гг. (Русск. Стар. 1892, тт. LXXV и LXXVI).—К. Колзаковъ. Воспоминанія о пребываніи русскихъ въ Польшѣ и о революціи въ Варшавѣ 1815 — 1830 гг. (Русск. Стар. 1873, т. VII).—Д. Давыдовъ. Воспоминанія о польской войнѣ 1831 г. (Русск. Стар. 1872, т. VI). — Я. Ѳоминъ. (сообщ.) Императоръ Николай Павловичъ въ Варшавѣ въ 1835 г. — Рѣчь императора Николая I депутатамъ Варшавы. Журнальная полемика по ея поводу въ то время (Русск. Стар. 1873, т. VII).—Рѣчь императора Николая Павловича римско-католическимъ епископамъ въ 1844 г. (Русск. Стар. 1892, т. LXXIV).— Письмо Паскевича императору Николаю о возстаніи поляковъ въ Краковѣ 1846 г.—Мнѣніе императора Николая по поводу возстанія въ Краковѣ (Русск. Стар. 1884, т. XL).

III. *Собственныя записки императора Николая I; его переписка, рѣчи, данныя имъ инструкціи и т. п.*

Записки императора Николая I (Русск. Стар. 1885, т. XLV. Былое 1907, № 10).—Его переписка съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т.т. 131 и 132).—Его депеши къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и наслѣднику въ 1849 г. (Русск. Стар. 1896, т. LXXXVI). — Его письма къ вел. кн. Николаю Николаевичу (Русск. Арх. 1896, № 3). — Его письмо къ вел. кн. Ольгѣ Николаевнѣ (Русск. Арх. 1896, № 4).—Его письма къ великому князю Михаилу Павловичу (Русск. Стар. 1902, № 5).— Его письма (въ бытность великимъ княземъ) къ Коновницыну (Русск. Стар. 1870, т. I).— Его переписка съ Карамзинымъ (Рус. Арх. 1906, № 1).—Его письма къ гр. Ал. Хр. Бенкендорфу (Русск. Арх. 1884, № 1).—Его письма къ Витгенштейну (Русск. Стар. 1870, т. II).— Его переписка съ гр. Ив. Ив. Дибичемъ-Забалканскимъ во время русско-турецкой войны 1828—1829 г. (Русск. Стар. 1872, 1877, 1880—1883).—Его письма къ Дибичу, Ермолову и Паскевичу (Русск. Стар. 1880, т. XXIX).— Его письма къ гр. И. Ѳ. Паскевичу (Русск. Арх. 1897, т. I и 1910, т.т. I—II).—Отдѣльныя его письма, между прочимъ къ В. Р. Лепарскому и гр. Паскевичу (Русск. Стар. 1896, т. LXXXVI).—Его письмо къ Потемкиной (Русск. Арх. 1872, т. II).—Его письма къ гр. Ф. Сакену (Русск. Арх. 1884, № 6). — Его письма къ гр. П. Клейнмихелю (Русск. Арх. 1895, № 4).—Его письма къ П. А. Толстому (Русск. Стар. 1881, т. XXXI).—Его записка бар. Вревскому 1854 г. (Русск. Стар. 1872, т. VI).— Предсмертное письмо Николая Павловича М. Д. Горчакову (Русск. Стар. 1881, т. XXXII).—Сочиненіе великаго князя Николая Павловича о Маркѣ Авреліи (Русск. Стар. 1874, т. IX).—Инструкція Нейдгарду 1832 г. (Русск. Стар. 1884, т. XLI).—Инструкція гр. Чернышеву 1849 г. (Русск. Стар. 1884, т. XLI).—Инструкція Козловскому 22 февр. 1854 г. объ охранѣ Кавказа (Русск. Арх. 1904, № 9).—С. Тучковъ (сообщ). Депутація Новгородскаго дворянства въ Царскомъ Селѣ въ августѣ 1831 г. (Русск. Стар. 1891, т. LXX).— Слова, сказанныя императоромъ Николаемъ I при выпускѣ кадетъ въ офицеры въ 1847 г. (Русск. Стар. 1895, т. LXXXIII). — Рѣчь императора Николая Павловича къ петербургскому дворянству въ 1848 г. (Русск. Стар. 1883, т. XXXIX).—Его рѣчь къ петербургскому дворянству (Русск. Арх. 1884, № 5).—Высочайшее повелѣніе по поводу произвольнаго сокращенія резолюціи императора (Русск. Стар. 1884, т. XLI). — Мнѣнія императора Николая Павловича о смертной казни въ Россіи (Русск. Стар. 1883, т. XL).—Его мнѣніе о холерѣ (Русск. Арх. 1888, № 10).—Его мнѣніе объ укрѣпленіи западной границы въ 1843—1855 г. (Русск. Стар. 1884, т. XLII).—Его мнѣніе о прусскихъ дѣлахъ въ 1848 г. (Русск. Стар. 1870, т. I). — Его мнѣніе по поводу событій 1828—29 гг. и 1853—55 гг. (Русск. Стар. 1876, т.т. XVI и XVII).—Его мнѣніе о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ 1 февр. 1855 (Русск. Стар. 1881, т. XXXII).—К. Побѣдоносцевъ. Отмѣтки Николая Павловича на представляемыхъ ему бумагахъ (Русск. Арх. 1895, № 5). — М. Соколовскій (сообщ.). Императоръ Николай I въ военно судныхъ конфирмаціяхъ (Русск. Стар. 1905, т. CXXIV).— Война Россіи съ Турціей 1828 г.; письма императора Николая Павловича къ кн. Меншикову и Киселеву (Русск. Стар. 1876, т. XVII).— Императоръ Николай Павловичъ и его время 1831—49 гг. (Русск. Стар. 1884, т. XLI). —

Война Россіи съ Турціей 1854—55 гг. (Русск. Старина 1876 и 1877).

IV. *Заграничная публицистическая литература и памфлеты, относящіеся къ международной политикѣ Николаевскаго царствованія, собраніе свѣдѣній о Россіи и т. п.*

Pradt. Du système permanent de l'Europe à l'egard de la Russie et des affaires de l'Orient (P. 1828).—Ev. de Lacy. On the Designs of Russia (L. 1828; франц. перев. P. 1828).—Les cours du Nord devoileés, ou le secret de Toeplitz (P. 1835).—Progress and praesent Position of Russia in the East (L. 1836).—Confederation of Gaul. Copy of a diplomatic Paper, taken at St. Petersburgh in 1836 from the original documents (L. 1838).—The Portfolio, a collection of State Papers and others documents. (L. 1835 — 37; всего 45 №№).— D. Urquhart. Turkey and its Ressources (L. 1833). — Его же. England, France, Russia and Turkey (L. 1835; кромѣ того, нѣсколько изданій и франц. перев.; въ позднѣйш. озаглавл.: England and Russia).—Его же. La crise. La France devant les quatres puissances (P. 1840).—(Goldmann). Die europäische Pentarchie (Lpz. 1839). — Suzannet. Souvenirs de voyage.—J. Förster und J. P. Dupré. Die slavische Politik entnommen aus den Portfeuille eines russischen Diplomaten (Strassb. 1840).—Hon. Arnoul. La verité sur l'Empereur Nicolas et les journaux Français (P. 1847).—Kaiser Nicolaus der I-ste gegenüber die offentliche Meinung von Europa (Weimar 1848; аноним.; по помѣткѣ на экземпл Берлин. королевск. библіотеки—Nork'a, псевдон. Fr. Korn'a).—J. R(adoulesco). Le protectorat du Czar, ou la Roumanie et la Russie (P. 1850).—Russland's Politik und Heer in den letzten Jahren (B. 1852).—W. Streubel. Russland historisch und strategisch beleuchtet (B. 1854).—La Russie et l'equilibre europeen; par un homme d'etat (P. 1854; по помѣткѣ на экземпл. Берл. корол. библ. — Wendel-Heppler'a).

V. *Письма, дневники, записки, воспоминанія и т. п.*

А (на русск. яз.): Б. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Ревелѣ 25—28 мая 1833 г. (Ревель 1833).—А. Бенкендорфъ гр. Изъ его записокъ (Историч. Вѣст. 1903, №№ 1—3, а также—полнѣе—въ дополненіяхъ къ труду объ имп. Николаѣ I Н. Шильдера).—А. Блудова. Николай Павловичъ (Русск. Арх. 1893, № 1).—де-Брэ, гр. Императоръ Николай I и его сподвижники 1849—1852 гг. (Русск. Стар. 1902, т. CIX).—Ѳ. Бурдинъ. Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ I (Истор. Вѣст. 1886, № 1).—Н. Быковъ (сообщ.). Императоръ Николай Павловичъ и русскіе художники въ 1839 г. Письма гр. Ѳ. П. Толстого къ Вас. Ив. Григоровичу (Русск. Стар. 1878, т. XXI).—П. Валуевъ. Дневникъ 1847—1860 гг. (Русск. Стар. 1901, тт. LXX—LXXII). — Варнгагенъ фонъ-Энзе. Русскіе люди и дѣла въ 1845 — 1849 гг. (Русск. Стар. 1878, т. XXIII 1879, т. XXIV).—Н. Вахтинъ. Артиллерійскій огонь 14 дек. 1825 г. (Русск. Стар. 1880, т. XXVIII). — А. Веригинъ. Воспоминанія объ осадѣ Варны и объ участіи въ ней Императора Николая Павловича (Русск. Стар. 1879, т. XXV).—А. Вилламовъ. Воцареніе императора Николая I (Русск. Стар. 1899, т. XCVII). — К. Военскій. Императоръ Николай I и Польша въ 1830 г. (Спб. 1905 г.; главн. содерж.—записки Ѳад. Вылежинскаго).—Гагернъ. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. (Русск. Стар. 1891, т. LXIX).—П. Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой. 14 декабря (Русск. Арх. 1882, № 6).—Н. Голицынъ кн. Записки (Русск. Стар. 1880, т. XXIX и 1881, тт. XXX — XXXII). — Деменковъ. 14 декабря 1825 г. на площадяхъ (Русск. Арх. 1877, № 11).—В. Донъ, ген. Записки 1823—1888 (Спб. 1890 г.).—П. Дараганъ. Воспоминанія перваго камеръ-пажа вел. кн. Александры Ѳеодоровны (Русск. Стар. 1875, тт. XII, XIII). — Дзюбенко. Полувѣковая гражданская служба за Кавказомъ 1829—1876 гг. (Русск. Стар. 1879, т. XXV).—Пав. Дивовъ. Его дневники (Русск. Стар. 1897—1902).—М. Дубольтъ Н. О. Сухозанетъ и императоръ Николай I (Русск. Стар. 1890, т. LXV).—А. Дюгамель. Автобіографія (М. 1885 г.). — Е. Егоровъ. Разсказы объ императорѣ Николаѣ (Русск. Стар. 1886, XLIX).—А. Ермоловъ. Записки за время управленія Грузіей 1816—1827 г.г. (Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1866, кн. 2 и 3),—В. Еропкинъ. День 14 декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ (Русск. Стар. 1885, № 4).—Ив. Жиркевичъ. Записки (Русск. Стар. 1874, т. III—1878, т. XXIII). — В. Жуковскій Дневники (Русск. Стар. 1901 — 1909). — К. Занковскій. Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ I (Историч. Вѣст. 1886, № 4.).—А. Зиссерманъ. Императоръ Николай въ Геленджикѣ въ 1837 г. (Русск. Стар. 1884, т. XLI).—его же. О Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1896, № 12).—II. Имеретинскій кн. Записки стараго преображенца (Русск. Стар. 1900 — 1901). Ф. Iорданъ. Записки (Русск. Стар. 1891, тт. LXIX — LII). — Я. Кастенецкій. Разсказы объ императорѣ Николаѣ I (Истор. Вѣст. 1883 г. т. XII). — Н. Кашинцовъ. Записки о посѣщеніи Государемъ Императоромъ Нижегородской ярмарки въ 1836 г. (Спб. 1837 г.).—Н. Киселевскій. Воспоминанія о пребываніи Государя Императора въ Кіевѣ въ 1829 г. (Кіевск. Губ. Вѣдом. 1853, № 27).—Д. Колокольцовъ. Пожаръ Зимняго Дворца 17, 18 и 19 дек. 1837 г. (Русск. Стар. 1883, т. XL).—М. Корфъ бар. Изъ его записокъ (Русск. Стар. 1899 — 1900.). — Кюстинъ. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. (Русск. Стар. 1891, т. LXIX69 и 1892, т. LXXIII).—Мандтъ. Ночь съ 17 на 18 февраля 1855 г. (Русск. Арх. 1884, № 1) — его-же. О послѣднихъ недѣляхъ императора Николая Павловича (Русск. Арх. 1905, № 7).—К. Маньковскій. Императоръ Николай Павловичъ

16 ноября 1830 г. (Руск. Стар. 1890, т. LXVI).— Ѳ. Мирковичъ. Императоръ Николай и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ 1840 (Русск. Стар. 1886, т. LI).—А. Михайловскій-Данилевскій. О вступленіи на престолъ императора Николая I (Русск. Стар. 1890, т. LXVIII)—его же. Изъ воспоминаній (Русск. Вѣстн. 1890, №№ 9, 10)—его же. Записки 1829 г. (Русск. Стар. 1893, т. LXXIX).— Н. Муравьевъ Записки (Русск. Арх. 1885—1895)—его-же Турція и Египетъ въ 1832 и 1833 гг. (М. 1870 и 1874 гг.)—его-же. Русскіе на Басфорѣ въ 1833 г. (М. 1869 г. срав. А. Заіончковскій М. Замѣтки императора Николая Перваго на записки Н. Н. Муравьева—Военный Сборникъ 1903, №2).— В. Мухановъ. Изъ его дневниковъ (Русск. Архивъ. 1896 и 1897).—Д. Наумовъ. Эпизодъ изъ жизни императора Николая I (Историч. Вѣст. 1882, № 1.).—А. Никитенко Моя повѣсть о самомъ себѣ. Записки и дневникъ 1804—1877 гг. (Спб. 1905).—О** ген.-м. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ: воспоминанія одного изъ воспитанниковъ (Русск. Стар. 1884, т. XLI).— П. Императоръ Николай I въ Елизаветградѣ въ 1851 г. (Русск. Стар. 1898, т. XCVI).— И Палимпсестовъ. Митрополитъ Платонъ о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1893, № 4).—Пальмшернъ, шведск. посл. Донесенія объ императорѣ Николаѣ I (Русск. Стар. 1902, т. CIX).—В. Панаевъ. Воспоминанія (Русск. Стар. 1891—92 гг.).—В. Плаксинъ. Императоръ Николай Павловичъ (Русск. Стар. 1880, т. XXIX).—Ал. Поповъ. Записки 1854—56 гг. (Русск. Стар. 1881, т. XXXI).—М. Поповъ. Мелкіе разсказы (Русск. Стар. 1896, т. LVI).—Н. Рамазановъ. Императоръ Николай I въ Римѣ въ 1845 г. (Русск. Стар. 1891, № 9).— Н. Романовскій, герц. Лейхтенбергскій. Очеркъ моего дѣтства и юности. 1843—68 гг. (Русск. Стар. 1890, т. LXVI).— Я. Ростовцевъ. Изъ его записокъ (Русск. Арх. 1873, № 1).—В. Рѣпнина кн. Изъ воспоминаній о прошломъ (Русск. Арх. 1870).—Л. Савельевъ. Холера въ С-Петербургѣ въ 1830 г. (Русск. Стар. 1892, т. LXXV).— Як. де-Сангленъ. Записки (Русск. Стар. 1882, т. XXXVI 1883, т. XXXVII).—И. Соколовъ. Воспоминанія о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1886, кн. 2).—И. Сухозанетъ. 14 декабря 1825 г. (Русск. Стар. 1873, т. VII).— Г. Студенкинъ. Посѣщеніе императоромъ Николаемъ I Калинкинской больницы 21 окт. 1829 г. (Русск. Стар. 1876 г.).— его-же. Пріѣздъ къ Высочайшему двору Хозревъ-Мирзы 30 іюня 1829 г. и Турецкое посольство 1833 г. (Русск. Стар. 1892, т. LXXVI).—Дм. Тарасовъ, почет. л.-хир. Воспоминанія моей жизни (Русск. Стар 1871, т. IV и 1872, т. V и VI).—Теобальдъ (А. Роткирхъ). Императоръ Николай Павловичъ (Русск. Стар. 1890, т. LXVI).—В. Фелькнеръ. Записки о событіяхъ 14 дек. 1825 г. (Русск. Стар. 1870)—его-же. Поѣздка императора Николая Павловича въ Стокгольмъ въ 1838 г. (Русск. Стар. 1875, т. XII).— Н. Фирсовъ. Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ (Истор. Вѣст. 1887 № 9.).—Петербургское общество въ началѣ царствованія императора Николая. Письма и донесенія М. М. Фока къ гр. А. Хр. Бенкендорфу. (Русск. Стар. 1881, т. XXXII).— М. Фредериксъ бар. Изъ ея воспоминаній (Истор. Вѣст. 1898 г. №№ 1—5).—Ал. Фроловъ. Воспоминанія и записки (Русск. Стар. 1882, т. XXXIV).—Ал. Храповицкій, инспект. по реперт. части 1828—39 гг. Дневникъ (Русск. Стар. 1879, т. XXIX).—Н. Черпышева кам.-юнгф. Послѣдніе дни жизни императрицы Маріи Ѳеодоровны съ 13 сент. по 24 окт. 1828 г. (Русск. Стар. 1878, т. XXIII).—В. Шиманъ. Полъ-вѣка назадъ (Русск. Арх. 1901 г. № 12)—его-же. Эпизодъ изъ жизни Николая Павловича (Русск. Арх. 1901, № 8)—его-же. Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Динабургѣ (Русск. Арх. 1902, кн. 6)—его-же. Николай Павловичъ (Русск. Арх. 1902, №4).—А. Шидловскій. Болѣзнь и кончина императора Николая Павловича. (Русск. Стар. 1896, т. LXXXVI).—Г. Щербачевъ. Двадцать лѣтъ моей молодости (Русск. Арх. 1890, № 1 и 2).— Междуцарствіе въ Россіи съ 19 ноября по 14 дек. 1825 г. (Русск. Стар. 1882, т. XXXV).— Николай Павловичъ въ Вѣнѣ въ 1835 г. (Русск. Арх. 1882, № 1).—Разсказы очевидцевъ о пожарѣ Зимняго Дворца въ 1837 г. (Русск. Арх. 1865).—Покушеніе на жизнь императора Николая Павловича въ Познани въ 1843 г. (Русск. Стар. 1880, т. XXVIII).—Воспоминанія объ Августѣйшемъ посѣщеніи земли Войска Донского Е. И. Выс. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1850 г. (Спб. 1850 г.).—Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна въ Кусковѣ (Русск. Арх. 1901, № 2).—Николай Павловичъ и петербургскіе старообрядцы (Русск. Арх. 1884, № 1).—Изъ воспоминаній разныхъ лицъ о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1895, № 6).— Черты изъ жизни и царствованія императора Николая I (Спб. 1869).—Изъ записанныхъ преданій объ императорѣ Николаѣ (Русск. Арх. 1892, № 8.).—Нѣкоторыя подробности о кончинѣ императора Николая Павловича (Русск. Арх. 1896, № 9).—Кромѣ того многочисленныя записки и воспоминанія декабристовъ.

Б (на иностр. яз.): de Bourgoin. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques. (Paris 1864.)—Eugen v. Wirtemberg pr. Aus dem. Leben des Prinzen..... (Berlin 1862; часть перевед. на русскій: «Турецкій походъ 1828 г. и событія за нимъ слѣдовавшія» въ Русск. Стар. 1880 г. тт. XXVII и XXVIII):—Lieven pr. Letters of princess Lieven during his Residence in London 1812—1834. (London 1902).— Natzmer. Aus dem Leben des Generals v. Natzmer (Berlin 1876).—Schnitzler. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas (Brux. 1847)— C. Friedr. Stockmar. Aus den Papieren des Freiherrn Stokmar (Braunschweig 1872).—I. Lubomirski pr. Souvenirs d'un page du tzar Nicolas (P. 1869).

См. также приложенія къ трудамъ: Заіончковскаго, Poschinger'a, Шильдера, Stern'a

и др. и Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина тт. 1—32 (Спб. 1883—1910).

Изслѣдованія.

I. *Общіе труды, относящіеся къ данной эпохѣ и захватывающіе царствованіе императора Николая I.*

Th. Bernhardi. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in XIX Jahrhundert (Lpz. 1863—1877). — A. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe 1814 — 1878. (Paris 1891).—Alfr. Stern. Geschichte Europa's seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871.

II. *Обзоры царствованія императора Николая I; біографіи его и нѣкоторыхъ изъ его сподвижниковъ и труды, заключающіе въ себѣ біографическія свѣдѣнія о нихъ.*

Н. Шильдеръ. Императоръ Николай I, тт. I и II (Спб. 1903; изложеніе доведено по 1831 г.; ко II тому дополненія: Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 гг. и Императоръ Николай I и освобожденіе христіанъ Востока. Отзывъ объ этомъ трудѣ П. Щеголева—Ист. Вѣст. 1903, № 7; статья П. Щеголева объ императорѣ Николаѣ и его отношеніяхъ къ декабристамъ—въ Быломъ 1906, № 5)—Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band I—III. (Berlin 1908—13.)—P. Lacroix. Histoire de la vie et du regne de Nicolas I (Paris 1864).—А. Корсаковъ. Дѣтство и отрочество Николая Павловича (Русск. Арх. 1896, № 6). — Мод. Корфъ бар. Историческое описаніе 14 декабря 1825 г. и предшествовавшихъ тому событій (Спб. 1848; болѣе позднее изданіе — 1857 — подъ заглавіемъ: Восшествіе на престолъ императора Николая I).—Е. Пѣтуховъ. Объ отношеніяхъ Императора Николая I и Пушкина (Зап. Имп. Юрьсв. Унив. 1897, № 2).—П. Щеголевъ. Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 г. (Русск. Мысль 1910, № 6).—Н. Григоровичъ. Николай I въ Св Синодѣ (Русск. Арх. 1869, № 5).—Чумиковъ. Гизо о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1880, т. I).—его-же. Маркизъ Кастельбажакъ о Николаѣ Павловичѣ (Русск. Арх. 1893, № 7).—Дм. Блудовъ. Послѣдніе часы жизни императора Николая I. (Спб. 1855).—Е. Карповичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. (Спб. 1879.)—A. Th. v. Grimm. Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland B. I—II. (Leipz 1866).—Б. Глинка-Мавринъ. Т. Андр. Глинка, наставникъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича 1816—1818 гг. (Русск. Старина 1876, т. XVII).—Мод. Корфъ бар. Жизнь графа Сперанскаго. (Спб. 1861).—И. Божеряновъ. Графъ Е. Фр. Канкринъ. (Спб. 1897).—А. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время (Спб. 1882).—Е. Ковалевскій. Графъ Д. Н. Блудовъ и его время. (Спб. 1866).—Н. Шильдеръ. Графъ Э. И. Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность. (Спб. 1886).—А. Щербатовъ кн. Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ. (Спб. 1888—1894).—Д. Романовскій. Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и кавказская война 1815—1862 гг. (Русск. Стар. 1881, т. XXX). — И. Барсуковъ. Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій тт. I—II. (М. 1891).—Захарьинъ. (Якунинъ). Гр. В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву (Спб. 1903).

III. *Внѣшняя политика.*

С. Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая I. (Спб. 1887).—его-же. Императоръ Николай и иностранные дворы. (Спб. 1889).—С. Жигаревъ. Русская политика въ Восточномъ вопросѣ. (М 1896).—Я. Бутковскій. Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ. (Спб. 1888). — A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs s. 1774 (Prag. Lpz. 1883).—С. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. (Спб. 1907).—А. Форштетеръ. Дунай, какъ международная рѣка (М. 1890).—В. Александренко. Россія и Англія въ началѣ царствованія императора Николая I (Русск. Стар. 1907, № 9).—Th. Schiemann. Russisch-englische Beziehungen unter Kaiser Nikolaus (Z-tf. osteuropäische G-te B. III. Heft 4. 1913). Е. Ковалевскій. Восточныя дѣла въ 20-хъ годахъ (Вѣст. Евр. 1868 г.).—Prokesch—Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen von türkischen Reich (Wien 1867). Ѳеоктистовъ. Борьба Греціи за независимость.—Н. Епанчинъ. Очеркъ похода 1829 года въ Европейской Турціи. чч. I—III (Спб. 1905—1906).—Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи, ч ч. I—II (Спб.-1836).—Moltke. Zur russisch-türkischen Feldzug in der europäischen Türkei 1828 und 1829. Berlin 1845 (русскій переводъ Н. Шильдера—Спб. 1876).—Fr. Simon d-r. Medicinische Geschichte des russich-türkischen Feldzugs 1828—1829 (Hmbrg 1854).—Н. Поповъ. Россія и Сербія (М. 1869). Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. t. I—II (P. 1882—84).—С. Горяиновъ. О тайномъ соглашеніи по дѣламъ Востока, состоявшемся въ 1844 г. между Николаемъ I и великобританскимъ правительствомъ (Извѣстія Мин. Ин. Дѣлъ 1912, III). — А. Поповъ Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 г. (Журн. М-ства Народ. Просв. 1870, № 1-3; 5-7; 12),—его-же. Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи (Спб. 1868). de Thouvenel. Nicolas I et Napoleon III 1852—1864. (Paris 1891).—R. Salomon. Die Anerkennung Napoleon's III; ein Beitrag zur Geschichte der Politik Nicolaus I (Zeitschrift für osteuropäischen Geschihte B. II Heft 3; 1912).—Ed. Bapst L'empereur Nicolas I et la duxièmee république française (P. 1898).—P. Rain. Les relations franco-russes sous le second Empire (Revue des etudes historiques 1913 nov.-dec.).—G. Rothan. La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée (P. 1893).—N. Poschinger. Unter Friedrich Wilhelm IV. B. I—III. (B. 1901),—его-же. Preussens auswärtige Politik, 1850—1858, B. I—III. (B. 1902; въ обоихъ трудахъ большое количество матеріала изъ бумагъ прусскаго министра-президента О.

ф. Мантейфеля). — Ѳеоктистовъ. Русская политика на Востокѣ передъ Крымской кампаніей (Русск. Вѣст. 1868, № 1)—А. Жомини. I. Дипломатическое изслѣдованіе о крымской войнѣ (Вѣст. Евр. 1886 г.; первоначально въ отдѣльномъ изданіи по французски: Ancien diplomate. Etude diplomatique sur la Guerre de Crimée. Paris 1874).—А. Заіончковскій. Восточная война 1855—56 г. г. въ связи съ современной ей политической обстановкой. (Спб. 1908 слѣд.). М. Богдановичъ. Восточная война 1853—1856, т. т. I—IV (Спб. 1876).—Н. Дубровинъ. Исторія крымской войны и обороны Севастополя. т. т. I—III. (Спб. 1900).—В. Улявицкій. Дипломатія во время Восточной войны и Парижскій трактатъ 1856 г. (Рус. Вѣст. 1877, № 12).— Также указ. ниже Исторія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

IV. *Царство Польское и польское возстаніе 1830—31 гг.*

St. Smolka. Polityka Lubeckiego t. I—II. (Краковъ 1907).—А. Пузыревскій. Польско-русская война 1831 г. (Спб. 1890).—F. Smitt. Geschichte polnischen Aufstandes und Krieges in d. Yahren 1830 и 1831. B. I—III (2-е изд. Berl. 1848; есть русскій переводъ).—F. Skarbek. Krolewstwo Polskie od epoki początku swego do rewolucyi listopadowej.

V. *Внутреннее управленіе.*

А. Вороновъ. Преобразовательные планы въ началѣ царствованія императора Николая I (Новое Время 1896, №№ 7208 и 7303).—Государственный Совѣтъ 1801 — 1901 (Спб. 1901). — С. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. II ч. 1 и 2. (Спб. 1902).—Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ 1711—1911 т. IV (Спб. 1911).—П. Майковъ. Второе отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (Спб. 1906). — Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія 1797—1897. (Спб. 1897).—Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. (Спб. 1902).—Столѣтіе Военнаго Министерства. (Спб. 1902 слѣд.)—Историческій обзоръ развитія и дѣятельности Морского Министерства. (Спб. 1902).—Коргуевъ. Русскій флотъ при Николаѣ I (Морской Сборникъ 1896).—Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Министерство Внутреннихъ Дѣлъ 1802—1902: историческій очеркъ и приложенія. (Спб. 1902).—И. Блиновъ. Губернаторы (Спб. 1905).—Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ. (Спб. 1888).—Министерство Финансовъ 1802—1902. (Спб. 1902).—К. Ладыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. (Спб. 1886).—С. Гулишамбаровъ. Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи. (Спб. 1898).—А. Семеновъ. Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII. в. по 1858 г. ч. ч. I—III. (Спб. 1859).—М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ (Спб. 1907).—И. Бліохъ. Финансы Россіи въ XIX в. (Спб. 1882).—Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи. (Спб. 1900).—Краткій историческій очеркъ начала и распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1879 г. включ. (Спб. 1898).—А. Савельевъ. Историческій очеркъ инженернаго управленія при Николаѣ I (Спб. 1897)—его-же. Первые годы Главнаго Инженернаго Училища.—Максимовскій. Историческій очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища 1819 — 1869. — Романовичъ-Словатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права 1870.—А. Корфъ бар. Дворянство и его сословное управленіе 1762—1855. (Спб. 1906).—И. Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи (Спб. 1875—77).—Крестьянскій строй (сборникъ статей) т. I (Спб. 1905).—В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II (Спб. 1888).—Н. Дубровинъ. Кавказская война въ царствованіе императоровъ Николая I и Александра II. (Спб. 1896).—Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ (подъ ред. г.-м. Потто; гл. обр. 3. XII: Иваненко. Гражданское управленіе закавказьемъ. Тифл. 1901).—F. Y. Baddeley. The Russian conquest of the Caucasus (L. 1908).—А. Берже. Присоединеніе Грузіи къ Россіи 1799—1831 (Русск. Стар. 1870, т. XXVIII).—Благовидовъ. Оберъ-прокуроры Св. Синода. (Казань. 1900).—Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826 — 1855. (Спб. 1908).—С. Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія 1802 — 1902. (Спб. 1902).—П. Ферлюдинъ. Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Вып. I Академія Наукъ и университеты. (Саратовъ. 1864). — Владимірскій-Будановъ. Исторія Императорскаго Университета Св. Владиміра, (Кіевъ 1884).—В. Шульгинъ. Историческій очеркъ учебныхъ заведеній въ юго-западной Россіи. (Русское Слово 1889, № 9).—Н. Энгельгардъ. Николаевская цензура (Историч. Вѣстникъ 1901, № 9—11).—Н. Врангель бар. Искусство и Государь Николай Павловичъ (Старые Годы 1913, іюль—сентябрь).—А. Бенуа и Н. Лансере. Дворцовое строительство Императора Николая I (тамъ же).

Кромъ того, многочисленныя сообщенія и статьи въ Русскомъ Архивѣ, Русской Старинѣ, Историческомъ Вѣстникѣ и, отчасти, въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Библіографія—въ приведенныхъ выше трудахъ Шильдера, Schiemann'а и Заіончковскаго, а также С. Минцлова (Обзоръ записокъ, дневниковъ... вып. II и III; Новгор. 1912) и къ соотвѣтствующимъ главамъ „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“ (изд. Т-ва Гранатъ и К°).

М. А. Поліевктовъ.

